

БИБЛИОТЕКА
РАСОВОЙ
МЫСЛИ

Ганс Ф.К. Гюнтер

РОДОВЕДЕНИЕ

Наука о семье

БИБЛИОТЕКА
РАСОВОЙ
МЫСЛИ

Ганс Ф.К. Гюнтер

РОДОВЕДЕНИЕ

Наука о семье

Москва 2011

Редколлегия серии «БИБЛИОТЕКА РАСОВОЙ МЫСЛИ»

В.Б. Авдеев, *председатель*

А.М. Иванов, А.Н. Савельев, С.Н. Удалова, *члены редколлегии*

Ганс Ф.К. Гюнтер

Родоведение. Наука о семье. Перевод с нем. А.М. Иванова, под редакцией В.Б. Авдеева. — М.: Белые альвы, 2011. — 336 с.

ISBN 978-5-91464-001-6, ISBN 978-5-91464-049-8

Данный сводный том работ Ганса Ф. К. Гюнтера освещает новые стороны дарования автора. Он уделял внимание не только вопросам теоретической и практической расологии, но и евгенике и брачным отношениям, понимая расу как некую эволюционную целостность, в которой оба пола составляют симфонию отношений, простирающихся от биологии и правоведения до этики и метафизики. Он утверждал: «...брак и семья в сознании народов — это “божественное право”. Боги защищают брак, вознаграждают супружескую верность и карают ее нарушение».

Ценность работы Ганса Ф. К. Гюнтера, вышедшей на родине автора в свет в 1951 году, состоит в том, что помимо огромного свода этнографических данных по истории брака он подверг здесь уничтожающей критике марксизм и фрейдизм как расовочуждые европейцам идеологии. В этой связи он тонко и остроумно проанализировал так называемый «сексуальный коммунизм» в большевистской России. Будучи хорошим отцом и семьянином, он тонко чувствовал, какой моральный вклад в браке принадлежит каждому полу: «Матриархат склонен преувеличивать биологическое значение женщины, патриархат — мужчины. В действительности оба пола имеют одинаковое биологическое значение, а нравственное поведение женщины важнее. Когда нравственность расшатана вообще, государство еще может существовать какое-то время, если же расшатывается нравственность женщин, оно быстро рухнет».

Этим очередным изданием трудов Ганса Ф. К. Гюнтера по такому важному вопросу как родоведение восполняется нехватка теоретической литературы, особенно в условиях современной ужасающей демографической ситуации в России и откровенной деградации традиционных семейных ценностей в нашем обществе.

ISBN 978-5-91464-001-6

© Иванов А.М., перевод с нем., 2011.

ISBN 978-5-91464-049-8

© Авдеев В.Б., научная редакция,
составление, 2011.

© «Белые альвы», 2011.

Страсти по Гюнтеру

Первое издание трудов одного из крупнейших немецких философов и ученых XX века, осуществленное на русском языке усилиями издательства «Белые альвы» в 2002 году, вызвало положительные отзывы в среде интеллектуальной элиты нашей страны. Автор, сегодня свободно издаваемый в США, Великобритании, Франции, Италии и у себя на родине — в Германии, до этого был совершенно не знаком отечественному читателю. Без опоры на его фундаментальные труды многие социокультурные процессы XX века, на наш взгляд, не могут быть объяснены в полной мере, ведь именно он в таком широком и глубоком формате показал роль биологических законов в эволюционной природе человеческого общества. Именно Гюнтер закрепил идею первенства в философии за таким самостоятельным направлением как биологический детерминизм, посредством которого суть процессов, протекающих как в материальном, так и в духовном мире, выводится на основе биологических законов бытия. Второе расширенное издание, вышедшее в 2005 году, как нам казалось, могло только помочь популяризировать тему и самого автора, не известного у нас до тех пор.

Каково же было наше удивление, когда в 2007 году прокуратура города Саратова возбудила уголовное дело по факту издания данной книги, да еще сделала это на основе полуграмотного доноса анонимных лиц, прикрывшихся «интересами всей Российской Федерации».

Данная работа Гюнтера на русском, получив высокую оценку профильных специалистов, к тому времени уже была включена в программы подготовки студентов — будущих врачей, юристов, историков, криминалистов. Нашему изумлению поэтому не было предела.

Судить работы признанного в научном мире ученого-антрополога сегодня берутся работники правоохранительных органов, лингвисты и психологи. По сути, вводится цензура, тексты работ Гюнтера и других авторов трактуются в отрыве от контекста, чем наносится непоправимый вред объективности, а это — главный критерий науки. Целостность и объективность исследований любого ученого необходимо сохранять в том виде, в котором он даёт свои рассуждения и доказательства. Истина, как известно, дороже всего, пусть даже в чём-то издатель, составитель или читатель не разделяют точки зрения автора. Именно

с этой целью издается серия книг «Библиотека расовой мысли».

Данным сводным томом работ Ганса Ф. К. Гюнтера мы хотим осветить новые стороны дарования автора. Он уделял внимание не только вопросам теоретической и практической расологии, но и евгенике и брачным отношениям, понимая расу как некую эволюционную целостность, в которой оба пола составляют симфонию отношений, простирающихся от биологии и правоведения до этики и метафизики. Это свое положение он иллюстрировал следующим утверждением: «...можно сделать вывод, что брак — не результат исторического развития или нравственной эволюции, а предпосылка истории человека вообще. Обычай и законы также развились на основе семейной жизни, поэтому брак и семья в сознании народов — это “божественное право”. Боги защищают брак, вознаграждают супружескую верность и карают ее нарушение».

На основе такой трактовки всего сложнейшего комплекса брачных отношений Гюнтер строил свою расоцентрическую концепцию истории. В немецкой научной литературе существует два термина: **FAMILIENKUNDE** и **SIPPELKUNDE**, имеющих своим русским аналогом привычный исконный термин **РОДОВЕДЕНИЕ**, который мы и будем применять для упрощения понимания сути проблемы.

Ценность главной работы Ганса Ф. К. Гюнтера, вышедшей на родине автора в свет в 1951 году, состоит, на наш взгляд, в том, что помимо огромного свода этнографических данных по истории брака он подверг здесь уничтожающей критике марксизм и фрейдизм, как расовоуждые европейцам идеологии. В этой связи он тонко и остроумно проанализировал так называемый «сексуальный коммунизм» в большевистской России. «Марксистская концепция брака и семьи оказалась несостоятельна», — утверждал ученый. Психоанализ Фрейда, по его мнению, это вообще легализация половых извращений в контексте истории. Именно на основе расового мировоззрения Гюнтер и строил свое учение о семье, мастерски критикуя при этом марксизм и фрейдизм. Сам, будучи хорошим отцом и семьянином, он тонко чувствовал, какой моральный вклад в браке принадлежит каждому полу: «Матриархат склонен преувеличивать биологическое значение женщины, патриархат — мужчины. В действительности оба пола имеют одинаковое биологическое значение, а нравственное поведение женщины важнее. Когда нравственность расшатана вообще, государство еще может существовать какое-то время, если же расшатывается нравственность женщин, оно быстро рухнет».

Данным очередным изданием трудов Ганса Ф. К. Гюнтера по такому важному вопросу, как родоведение, мы надеемся восполнить нехватку теоретической литературы, особенно в условиях современной ужасающей демографической ситуации в России и откровенной дегра-

дации традиционных семейных ценностей в нашем обществе. Надеемся также, что у отечественных сотрудников прокуратуры и иных правоохранительных органов хватит душевной чуткости и патриотизма не пытаться за счет данного издания расширить список так называемых «экстремистских материалов», поскольку комплекс мер, направленных на оздоровление нации и улучшение демографической ситуации, является одной из приоритетных государственных целей, провозглашенных всенародноизбранным Президентом РФ Д. А. Медведевым.

В. Б. Авдеев, С. Н. Удалова

РОДОВЕДЕНИЕ

НАУКА О СЕМЬЕ

Ганс Ф.К. Гюнтер. *Формы и история брака*
3-е переработанное издание (1-е издание — 1940 г.)
Научное издательство «Мустершмидт», Гёттинген, 1951.

1. Поводы для сватовства и заключения брака и отбор при выборе супружеской пары

Мужчине нужна помощница, которая приносила бы хворост из леса и воду из источника или колодца, собирала бы съедобные корешки и рвала ягоды, разжигала или хранила бы огонь, работала в саду или на небольшом поле. Женщине нужен защитник и помощник, охотник или пастух, который добывал бы мясную пищу. Оба пола нуждаются друг в друге, так как снабжение человека всем необходимым основано на семейной жизни и разделении труда. В таких более или менее условиях в Европе до сих пор живут крестьяне. Поэтому семья в таком почёте у крестьян.

Мужчина без рожденных в браке детей не считается полноценным человеком, а в государстве — полноценным гражданином; его начинают уважать только как отца семейства; у холостяка не останется никого, кто после смерти будет чтить его душу, его тень, почитать его, как духа предка. Бездетных женщин презирали: только жена и мать считалась полноценным человеком. У многих племен умершего холостяка родственники с обеих сторон сочетали браком с умершей незамужней женщиной, чтобы из двух умерших получились полноценные люди; или отец брал вторую жену за своего умершего холостым сына и рожденные от этой жены дети считались детьми этого сына. Женильба после смерти умерших холостяков практиковалась в Индии пришедшими туда ариями; и в современной Индии выдают замуж умерших девушек. У многих племен брак считается полноценным только после рождения ребенка; только после этого мужу оказывается полный почет. Многие народы дают холостякам презрительные прозвища. Над ними — за исключением священников и колдунов издеваются даже на их похоронах.

У индоевропейцев безбрачие означало несчастье и безбожие. У них были законы об обязательности брака. Священный огонь очага сим-

волизировал долговечность семьи, его богиней была Гестия у греков и Веста у римлян; сходные обычаи существовали и у германцев. От очага в доме отца сын зажигал свой собственный очаг, когда женился. Культ предков играл очень большую роль, на примере греков и римлян это показал Фюстель де Куланже. Клисфен в борьбе с аристократией поделил Аттику не по территориям родовых союзов, а поперек их на отдельные округа. Он подрубил тем самым корни аристократии.

До сих пор культ предков сохраняется у китайцев; молодой китаец должен жениться. Если жене китайца 40 лет и у неё нет детей, он должен взять вторую жену. Культ предков связывает поколения.

У первобытных народов, кроме жрецов и колдунов, холостяками остаются только лентяи, бедняки, уроды, слабоумные и вырождаки, особенно у народов с полигамией в форме многоженства; более способные, как правило, отбирают жен у неспособных. Каждый работоспособный человек женится, здоровые холостяки среди первобытных народов не встречаются. Многие племена даже заботятся о том, чтобы вдовцы не оставались вдовцами, а вдовы — вдовами. Отсюда такие институты как левират и сорорат. Левират (от латинского слова, обозначающего брата муж), это женитьба мужчины, даже женатого, на вдове умершего брата; сорорат (от латинского слова «сестра») — женитьба женатого мужчины на сестре или на сестрах своей жены, у одних племен при её жизни, у других — после её смерти.

У всех первобытных народов брак является почти принудительным, как и у культурных народов на ранних этапах их развития. Только на более высоком уровне цивилизации или на её закате эта принудительность ослабевает. Это относится и к чисто сексуальной стороне брачной жизни. У многих «диких» племен удовлетворение полового инстинкта возможно только в браке. Проституция в широких масштабах появляется только в более развитых обществах, у тотемистических охотничьих племен. У большинства первобытных народов есть строгие ограничения сексуальной нравственности, многие племена карают добрачные половые связи или требуют воздержания до брака, как апачи в штате Нью-Мехико, ведда на Цейлоне, кумби в Центральной Индии и племена островов Амфлет у юго-восточного побережья Новой Гвинеи. Кроули называет другие племена. За рождение внебрачных детей карали обеих родителей. Нарушение обычной нравственности и внебрачные связи допускались на праздниках и ограничивались определенными случаями и временем. Таким образом, люди, в основном, удовлетворяли свои половые инстинкты в законном браке.

Если рассматривать перечисленные поводы для брака, которые я называю, в основном, по Вестермарку, хотя и не в том порядке, то это

будут взаимные симпатии людей разного пола, потребность во взаимной поддержке в жизненной борьбе и желание иметь потомство. Последнее желание тем больше преобладает, чем древнее культура данного народа. Это неудивительно, потому что в борьбе за существование в доисторические времена выживали такие группы людей, в которых генетически было заложено сильное желание иметь потомство. По крайней мере к народам и племенам с более простой культурой можно отнести слова Турнвальда: «При создании семьи на первом плане — забота о продолжении рода, как непобедимый инстинкт». Для индоевропейцев Э. Герман сформулировал это правило так: главной целью заключения брака у древних индоевропейцев было рождение сына, который приносил бы жертвы предкам.

Хотя забота о потомстве играет главную роль, было бы неверно считать голый половой инстинкт первым стимулом брака, как это часто делается и как объясняют происхождение брака и семьи психоаналитики. Но брак и семью нельзя толковать, исходя из какого-то «пансексуализма». Брак это нечто большее, чем поле для удовлетворения половых инстинктов. В XIX и начале XX века на брак на Западе смотрели не так, как ванн де Вельде в своих книгах, получивших широкое распространение после Первой мировой войны. То правило, что брак не сводится к одному половому инстинкту, подтверждается примерами более простых культур внеевропейских народов и доисторическим периодом и ранней историей самих европейских народов.

Половой инстинкт как таковой у многих племен находит проявление во время определенных праздников и игр в виде символических действий и выражения дружбы. Он может проявляться отдельно от семейной жизни, но всегда в рамках определенных обычаев. При любой форме брака половой инстинкт вступает в конфликт с другими инстинктами и силами и нельзя сказать, что он побеждает в этом конфликте. Малиновский правильно сказал, что брак нигде и никогда не сводился к одному сексу и ни один народ не разрешал людям разных полов сожительствовать и иметь детей без законного оформления. Нельзя объяснять брак ни одним половым инстинктом, ни одними экономическими причинами, о чем ниже. Предварительным условием возвышения человеческой культуры над животным уровнем является самообладание отдельных людей и групп. Энергия человеческих групп, необходимая для создания культуры, сразу же ослабевает, как только эти группы получают возможность полностью удовлетворять все свои желания. Это показал Анвин в своей книге «Секс и культура» (1934). Прежние представления, восходящие к Руссо и романтикам, что первобытные народы живут в условиях половой разнузданности, не подтверждаются

этнографией. Наоборот, многие племена строго ограничивают половую жизнь, так как борьба с суровыми условиями существования требует от них больше сил, чем от культурных народов.

Именно первобытные народы не объясняют свои формы брака одним половым инстинктом. Над браком у них довлеет не человеческий, а божественный порядок. У индоевропейцев брак был частью божественного миропорядка, который у индусов назывался «рита», у персов «урто» или «аша», у эллинов «космос» или «мойра», у римлян «рацио»; у германцев этому соответствовали представления о Мидгарде и Орлоге. В Кодексе Юстиниана брак назван сочетанием божественного и человеческого права. Такие представления определяли значение слова «брак»: вечный закон в рамках разумного устройства жизни.

Сватовство и выбор супружеской пары являются одновременно процессом отбора. Слабые, больные, безобразные и уродливые люди устранялись этим отбором, если только они не происходили из богатых семей. Отбор при этом мог быть сознательным или бессознательным, ориентированным на образцы способностей и красоты, причем эти образцы у разных племен были разными. Но многие племена осознавали значение отбора при выборе супружеской пары. Он должен был способствовать улучшению породы, т.е. приумножению высококачественных задатков племени. Исторические народы тоже руководствовались образцами для отбора и утратили их лишь в позднюю эпоху. Идеал способного, благородного и красивого человека определял выбор супружеских пар у индоевропейцев в бронзовом и железном веке. В истории индоевропейских народов, в их сказаниях и поэзии прослеживаются принципы отбора: и молодой человек, и девушка должны были происходить из уважаемых семей. У индоевропейцев идеалом был человек нордической расы, у других народов Земли образцовыми считались иные физические и психические черты. Множество свидетельств этого собрали Говард, Вестермарк и Плосс-Бартельс. Признаки мужской красоты у стоящего на низком уровне племени педи из группы банту в Трансваале, которые учитываются при выборе супруга, описал Анри Жюно. В. Лебуельтер подробно описал, как по представлениям горного племени дана в стране гереро (Юго-Западная Африка) должна выглядеть красивая и способная девушка их племени.

С обрядами сватовства у многих племен связан сознательный или бессознательный отбор. Взаимный обмен подарками часто позволяет судить о способностях, искусности, уме, храбрости и художественном вкусе дарящих, об их качествах в роли хозяина или хозяйки дома. У даков на Борнео молодые обмениваются подарками собственного изготовления. Девушки дарят пояса и ножны для мечей или ожерелья,

юноши — бамбуковые сосуды, рукоятки ножей, весла или флейты. Женщины племени вангони в Восточной Африке вдохновляют мужчин на боевые подвиги: молодая девушка ожидает от своего жениха, что он первым ворвется во вражеское укрепление, так как она хочет выбрать самого смелого. Добыча победителей, даже отрубленные головы врагов, доказывает мужество, которое девушка требует от своего жениха. У индейцев пима в Аризоне девушка выбирает согласно матриархальным обычаям женатого мужчину. Этот выбор объясняется тем, что таким способом можно избежать браков с ленивыми мужчинами. Идеал девушек — высокий, сильный мужчина, темнокожий и не очень толстый. Но у того же племени девушку испытывает мать выбранного ею мужчины — хорошая ли она хозяйка.

В целом у многих племен, как показал Вестермарк, выбор супругов ориентирован на то, чтобы девушки выбирали, по возможности, самых храбрых, искусных и красивых мужчин, которые будут хорошими защитниками и кормильцами, охотниками, рыбаками и рабочими. Обычно менее способные мужчины получают неполноценных девушек и оставляют меньше, часто гораздо меньше детей, чем наследственно полноценные мужчины и женщины.

II. Запреты на вступление в брак и формы вступления в брак

1. Запреты на вступление в брак

Общий обзор показывает, что ни один народ или племя не разрешает брак с близкими родственниками. Круг исключаемых определяется согласно разным принципам и разным представлениям о сути родства. Лишь немногие народы запрещают браки между всеми кровными родственниками. Вероятно, все народы с отвращением относятся к бракам между родителями и детьми, и большинство — к бракам между братьями и сестрами.

Исторические свидетельства о запретах на брак у разных народов и племен и данные о законах, касающихся браков между родственниками, можно найти у А. Хата. В работе Сен-Джуля рассматриваются также правила и законы о браках между родственниками у внеевропейских народов.

Подобно тому, как законы европейских государств запрещают браки между кровными родственниками, по крайней мере, между людьми, находящимися в близком родстве, такие же запреты содержатся и в

обычаях и законах почти всех народов, например, запреты на связи между родителями и детьми, братьями и сестрами, двоюродными, троюродными и т.д. братьями и сестрами, связи дяди с племянником и тети с племянницей. Многие племена запрещают браки даже при самом отдаленном родстве. Но есть и племена, которые запрещают браки между людьми, не являющимися кровными родственниками, но считающимися таковыми: об этом будет говориться в главе о родстве по происхождению и родстве по положению, об описательных и классификационных названиях степеней родства. Наконец, бывают запреты на браки между людьми, при надлежащими к определенным, взаимоисключающим кругам (экзогамия и эндогамия).

Я сначала остановлюсь на запрете браков между кровными родственниками и ссылками на Риверса и Вестермарка.

Брак матери с сыном запрещен у всех народов. У отдельных африканских племен сын может жениться на одной из жен своего отца, но не на той, которая является его физической матерью.

Брак отца с дочерью якобы возможен у некоторых племен. Но в сообщениях об этом путают название «дочь» в смысле родства по происхождению с аналогичным термином, обозначающим родство по положению.

Брак дяди с отцовской стороны с племянницей разрешен в отдельных странах Европы, в частях Меланезии и в Северной Австралии, но обычно запрещается. В Меланезии мужчина может жениться на жене сына своей сестры или делить эту жену с этим племянником. Это брачная связь женщины с дядей её мужа или бывшего мужа.

Брак тети с отцовской стороны с племянником встречается в частях Меланезии и распространен среди североамериканского индейского племени тинне (дене), принадлежащего к группе атабасков. Оно живет в Северной Канаде, по соседству с эскимосами.

Брак племянника с женой или вдовой брата матери встречается в Меланезии, у африканских племен банту и у осетин.

Брак деда с внучкой или бабушки с внуком. На острове Пятидесятницы (Новые Гебриды, часть Меланезии) брак деда с внучатой племянницей был обычным делом; как и у племени дисри в Центральной Австралии. На острове Амрим (Новые Гебриды) мужчина часто женился на дочери сына своей сестры. Довольно распространен брак мужчины с женой или вдовой деда на Новых Гебридах, раньше, вероятно, и на островах Фиджи и на острове Бугенвиль, самом большом из Соломоновых островов. Риверс обнаружил на Новых Гебридах не только браки с одной из жен деда с отцовской стороны, но даже браки с собственной бабушкой. Однако, К. Зете доказал, что египтяне Древнего Царства

(2640-2130 г. до н.э.) не считали неприличным брак отца с дочерью, по крайней мере, когда речь шла о фараоне, и что в египетских мифах о богах также известен брак матери с сыном. Но в египетском народе браков отцов с детьми, вероятно, избегали. Геродот сообщает, что в его время, т.е. в середине V века до н.э. египетский народ отвергал браки между отцами и дочерьми.

Браки между братьями и сестрами заключались во всех слоях населения древнего Египта, а, похоже, также у доисламских арабов, дравидов, сингалезов, отдельных племен Уганды, в Бирме и Сиаме, были широко распространены в Полинезии, особенно восточной, и в Центральной Америке в Каукатале и в области залива Дарьен (Колумбия). На Маршалловых островах браки между братьями и сестрами заключаются в правящих семьях туземных племен. Такие же браки имеют место среди племен хокло в Амое и Сватоу (Юго-Восточный Китай), среди живущих обособленно агбеде в Южной Нигерии, небольших орд в бразильских тропических лесах и огнеземельцев. Раньше предполагали, что такие браки были и у ведда на Цейлоне, но Риверс доказал, что это не соответствует действительности. Вообще бросается в глаза, что такие браки встречаются не у примитивных племен, а на более высоком уровне развития. Самый низкий уровень представлен туземцами Маршалловых островов.

Браки между братьями и сестрами в правящих семьях Египта преследовали цель сохранения расовой чистоты этих родов, в которые не должна была проникать неаристократическая кровь. По той же причине заключались браки между братьями и сестрами в аристократических родах Шумера, Элама и Персии времен Ахеменидов. В царстве инков в Перу правители жили в таких браках, потому что царская кровь должна была сохраняться в чистоте. У гуанчей на Канарских островах правители женились на сестрах, если не находилось женщины, равной им по рождению. Браки между сводными братьями и сестрами от одного отца в ряде племен дозволялись. Так Авраам женился на Саре, сдоей сводной сестре от одного отца, а афинянин Кимон, сын Мельтиада, на своей сводной сестре Элпинике. Реже давалось разрешение на браки между сводными братьями и сестрами от одной матери.

Браки двоюродных братьев и сестер у одних народов разрешены и даже поощряются, у других запрещены. Малиновский сообщает, что среди жителей меланезийских островов Тробриан разрешен только брак мужчины с дочерью сестры его отца — такой брак считается даже самым удачным...

Разрешение или запрет браков между родственниками можно рассматривать в более широком контексте уклонений, столь же важных в

жизни народов, как обязанности взаимной поддержки родственников. Очень часто тещу избегает муж ее дочерей: эти два человека не должны смотреть друг на друга, жить в одном доме или в одной деревне и разговаривать друг с другом. Часто зять не должен обращаться к теще по имени, а должен называть её просто «тёща». Сходные правила уклонения, хотя обычно не столь строгие определяют отношения между сыном и женой его отца, между женой и родителями её мужа или между свояками и свояченицами т.к. классификационных систем родства, т.е. родства по положению. Таким образом, у многих племен есть запреты на брак, направленные не против браков кровных родственников, а «родственников» в смысле классификационных систем. У многих народов, в том числе и у евреев (3-я книга Моисея, 18, 16; 20, 21) свойство рассматривается как препятствие для брака. Но если один брат умирал, то у евреев оставшийся брат должен был вступить в брак с овдовевшей свояченицей (5-я книга Моисея, 25, 5-10; книга Руфи 1, 11-13, 4, 5).

Я уже упоминал, что многие народы разрешают браки лишь тем мужчинам, которые могут содержать семью. Запреты на брак и препятствия браку, мешающие создавать семью неспособным и бедным людям, были отменены во многих немецких государствах только в 70-х годах XIX века, во времена господства либеральных взглядов. Эти законы способствовали искоренению неполноценных наследственных задатков у многих полигамных народов, особенно у эскимосов, брать более одной жены может лишь тот мужчина, который способен прокормить такую большую семью. Здесь полигамия способствует усиленному размножению способных мужчин.

2. Формы вступления в брак

Здесь будут рассмотрены: а) брак по обмену; б) брак двоюродных братьев и сестер; в) левират и сорорат; г) эндогамия; д) тотемизм.

К породнению двух семей большинство племен относится очень серьезно и не оставляют это дело на волю чувств молодых людей. Ни в одном племени выбор супружеской пары не происходит без ограничений и ориентации; обычай, закон и общественное мнение почти всегда и везде определяют круг лиц, могущих вступить в брак. У большинства племен и в этих вопросах большое влияние имеют старейшины; во многих случаях они определяют и формы вступления в брак. Ни юноша, ни девушка не могут выбрать кого попало без рекомендации или разрешения их семей. Но и семья не может сделать произвольный выбор, потому что внутри племени есть определенный круг тех, кто может вступать в

брак. При выборе учитывается родство или его отсутствие, положение и ранг, род занятий и собственность, репутация, место жительства, возраст, физические и психические черты, принадлежность к той или иной группе племени. Обычно одной группе отдаётся предпочтение перед другими; в брак вступают равные.

а) Вступление в брак по обмену.

Во многих племенах дружественные группы отдают друг другу дочерей в жены сыновьям. Это соответствует всеобщему принципу взаимности. Каждая из двух групп отдает своих дочерей другой и получает при этом обмене дочерей другой группы для своих сыновей. На этом принципе основан брак по обмену. Дочери у многих племен как рабочая сила и потенциальные матери потомков ценятся столь высоко, что их отдают замуж лишь в том случае, если другая семья представит столько же дочерей в качестве невест. Такой обмен между семьями или большими группами распространен в Австралии, на Новой Гвинее, на островах Тихого океана и среди пигмеев Центральной Африки (по данным Фрэзера и Камиллы Веджвуд), в Австралии обычно в форме браков между двоюродными братьями и сестрами, о чем речь пойдет позже. Для такого обмена многие племена делятся на половины. Так могла возникнуть двухклассовая система, как называют такую форму заключения браков. Однако такие группы могут возникать и в результате слияния двух первоначально разных племен в Австралии, на Новой Гвинее и на части островов Тихого океана часто один мужчина берет в жены сестру — или при многоженстве сестёр — другого. Если каждая из двух семей имеет несколько сыновей и дочерей, то при взаимном обмене они обычно вступают в брак в возрастной последовательности. Склонность к выбору из известной и дружественной группы или из круга более или менее близких родственников легко понять: муж должен быть надежным защитником и помощником жены и детей, чужаку люди с простым мышлением эту роль не доверят. Браки по обмену «сестёр» с «братьями» невест их «братьев» часто имеют место среди племен, которые определяют родство скорее по положению, чем по происхождению, так что у них «братья» и «сестры» это не родные братья и сестры, а члены больших групп. Но браки по обмену бывают и при определенном родстве по происхождению: в этих случаях мужчина отдает свою сестру замуж за брата своей невесты. Риверс предполагает, что такие браки по обмену могли возникнуть из широко распространенного обычая перекрестных браков между двоюродными братьями сестрами, с которыми они часто сочетаются.

В европейских княжеских домах «скрещивание» было раньше довольно частым: брат и сестра одной семьи сочетались браком с сестрой и братом из другой семьи или два брата одной семьи женились на двух

дочерях другой. По данным П. Кирхгофа у народов всей Земли есть тенденция продлевать однажды установленные брачные связи между двумя семьями; на этой почве возникали левират и сорорат, брак с дочерью жены от другого мужа, брак со вдовой отца или брата матери. Во многих случаях обычай браков по обмену возник и укрепился благодаря тому, что обмен девушками был залогом мира между двумя родами или племенами.

Обязательный брак по обмену, исключая свободный выбор, встречается у многих первобытных племен. Т.В. Крюль называет эти племена: пигмеи Центральной Африки, племя вотьебалук в Юго-Западной Австралии, племя кулин в австралийском округе Виктория и, предположительно, гауридичпара в Юго-Восточной Австралии.

б) Браки между двоюродными братьями и сестрами.

Эта форма брака считается лучшей у многих народов в разных вариантах, обычно как брак по обмену в форме взаимного обмена двоюродными братьями и сестрами. Особенно часто женятся дети брата и сестры, т.е. скрещиваются две линии родства, с мужской и с женской стороны. Такие связи у многих племен не только разрешаются, но и поощряются. Дж. Г. Фрэзер приводит много причин, по которым такие браки считаются желательными. По данным К.Г. и Б.З. Зелигманов, у ведда на Цейлоне «брак детей брата и сестры, но не детей двух братьев или двух сестер, является основой родства». У многих племен для заключения таких браков не нужны особые свадебные обряды. У племен, которые разрешают браки между двоюродными братьями и сестрами и различают родство по отцовской и материнской линии, чаще разрешается и рекомендуется брак с дочерью брата матери, чем с дочерью сестры отца.

Многие первобытные племена отличают потомство двух братьев и двух сестер от потомства одного брата, с одной стороны, и одной сестры — с другой... Дети сестры моей матери и брата моего отца — мои двоюродные братья и сестры с одной стороны, потому что родители, благодаря которым они являются родственниками, одного пола. А дети брата моей матери и сестры моего отца являются родственниками благодаря разнополым родителям. Двоюродные братья и сестры с одной стороны это дети сестер матери и братьев отца, с разных сторон, дети сестер отца и братьев матери. Двоюродные братья и сестры с одной стороны приравниваются многими племенами к родным братьям и сестрам, поэтому они не могут вступать в брак друг с другом, в отличие от двоюродных братьев и сестер с разных сторон...

... Браки между последними широко распространены, особенно среди мотыжных земледельцев. Обычно это брак с ребенком брата

матери или сестры отца — так в Африке, Азии, Меланезии, Австралии и Америке, в Южной Африке не только у готтентотов, но и у гереро. При многоженстве обычай требует или советует, чтобы, по крайней мере, первая жена юноши была его двоюродной сестрой. Но у многих племен такие браки запрещены, вступать в брак могут только правнуки брата и сестры.

Реже встречаются браки между двоюродными братьями и сестрами с одной стороны. Такой брак это брак между сыном и дочерью двух братьев или двух сестер, поощряемый у многих пастушеских племен. Брак с ребенком брата отца часто встречается у арабов и ряда других исламских семитоязычных племен, он существует или существовал у пастушеского племени басуто в Южной Африке. У бедуинов мужчина имеет право на дочь своего дяди с отцовской стороны; по крайней мере одна из его жен должна быть дочерью брата его отца. Калым за невесту, который он должен заплатить этому дяде, меньше калыма за невесту из другой семьи. Дядя не может отдать свою дочь в жены другому мужчине, если его племянник, сын брата, против. Такие браки считаются у исламских племен долгом правоверного и заслугой перед аллахом. Арабы говорят, что такие браки — счастливые, потому что двоюродный брат уже знает качества своей двоюродной сестры, и если ему придется «укрощать строптивую», он найдет понимание и у своего отца, и у дяди. Но подлинная причина подобных браков это, вероятно, желание, чтобы семейное имущество оставалось в семье. Хотя семьи жениха и невесты обмениваются дарами, они остаются собственностью рода. Кроте того, у многих племен играет роль равенство по рождению, они хотят сохранить свою кровь в чистоте, поэтому заключают браки в своем кругу.

Подобные браки могут быть и следствием нехватки женщин во многих племенах по причине убийства новорожденных девочек или многоженства. Причиной может быть и большой калым. Во всех таких случаях женитьба мужчины облегчается, если он отдает предпочтение двоюродной сестре. В патриархальных племенах отец может потребовать в жены своему сыну одну из дочерей своих сестер — в этих случаях калым уменьшается. Сын в таких племенах может возразить против брака своей двоюродной сестры с другим мужчиной. У многих племен подобные браки объясняются заботой о девушках: они должны получить мужа и защитника, кормильца и отца детей.

Чтобы понять разные оценки брака между двоюродными братьями и сестрами с одной стороны и с двух сторон, нужно учитывать, что дяди и тети с одной стороны у многих племен считаются более близкими родственниками, чем дяди и тети с двух сторон, т.е. родство мужчины

с братом его матери или сестрой его отца считается более близким, чем его родство с братом его отца или сестрой его матери. Во многих племенах с классификационной системой родства брата отца называют «отцом», а сестру матери «матерью», тогда как братьев матери и сестер отца называют иначе.

Разная оценка браков между двоюродными братьями и сестрами с одной стороны и с двух сторон связана у многих племен с делением племени на две части или на кланы, внутри которых браки не заключаются, т.е. практикуется экзогамия. Сыновья и дочери двух братьев или двух сестер относятся в этих случаях к одной группе и поэтому считаются более близкими родственниками, чем сыновья и дочери брата и сестры, которые после брака относятся к разным группам, брат к одной, а сестра — к другой.

У племен с классификационной системой родства, т.е. с определением родства по положению, а не по происхождению, двоюродные братья и сестры, которые вступают в брак, не обязательно являются кровными родственниками; речь может идти о браках по обмену между двумя кланами, которые считают, что они происходят от общих предков и не хотят заключать браки за своими пределами. Большинство племен, одобряющих браки между двоюродными братьями и сестрами с двух сторон, имеют классификационные системы родства. Но в восточной Африке есть и племена с такой системой, которые запрещают браки между двоюродными братьями и сестрами, хотя те не являются кровными родственниками. У этих племен мужчина не может жениться на девушке, которая принадлежит к клану его матери.

У одних племен одобряются браки детей или внуков брата и сестры, у других — браки детей или внуков только братьев, но не сестер, третьи оценивают брак мужчины и дочь брата его матери иначе, чем с дочерью брата его отца или сестры матери: одни формы разрешаются, другие запрещаются. Разрешение или запрет обычно зависят от формы семьи, от того, определяется родство по происхождению или по положению, является семья патриархальной или матриархальной, самостоятельны отдельные семьи или подчиняются старейшине рода. Патриархат благоволит бракам между детьми или внуками двух братьев, патриархальные семиты, мусульмане — бракам двоюродных братьев и сестер, которые являются детьми двух братьев или сестер. Такие браки заключаются с целью, чтобы не расплылось наследство семьи. Наоборот, браки между двоюродными братьями и сестрами с двух сторон, обычно связанных с классификационными системами родства, чаще встречаются у матриархальных племен, обычно таких, на которые наложился патриархальные племена. Такие браки особенно распространены

в Африке и в южных морях, среди племен, мужчины которых охотятся и рыбачат, а женщины занимаются растениеводством. В средние века браки между двоюродными братьями и сестрами в Европе были довольно частыми и заключались с целью сохранения имущества внутри рода, но церковь запретила такие браки. Браки между родственниками у первобытных племен обычно имеют своей причиной то, что семья хочет видеть своих сыновей и дочерей супругами: в супруги выбирают хорошо знакомых людей, а не чужаков. У племен, стоящих на более высоком уровне, браки между родственниками обычно призваны усилить или сохранить власть породнившихся групп или сохранить и приумножить имущество. Поэтому у исторических народов, с ростом значения аристократии и имущества, браки между родственниками доходили до того, что заключались между братьями и сестрами.

Данные о распространении браков между двоюродными братьями и сестрами см. у Дж. Г. Фрэзера.

в) Левират и сорорат.

Под этими терминами понимаются определенные формы участия братьев сестер в половой жизни. Первый происходит от латинского слова, обозначающего брата мужа, второй — от латинского слова «сестра». Левират можно понимать, вслед за Вестермарком, как своего рода наследование или передачу вдовы: брат мужа женится после его смерти на его вдове. Эта вдова, если он младший брат и еще холост, может быть его единственной женой или первой, к которой потом добавятся другие, или брат, который уже женат, может жениться на вдове своего брата. У евреев брат был обязан жениться на этой вдове лишь в том случае, если умерший не оставил детей, которые могли бы продолжить его род. Это явствует из 5-й книги Моисея, 25, 5. Этот закон для ортодоксальных евреев остается в силе и сегодня. За умершего бездетным брата тот брат, который женится на его вдове, должен родить с ней наследников. У других племен брат был обязан жениться на вдове умершего брата, даже если у нее уже есть дети от него. В Индии и Меланезии этот порядок действует с тем ограничением, что на вдове должен жениться младший брат. Левират развился из заботы о судьбе вдов и детей. Т.В. Крюль полагает, что у собирателей и охотников левират возник из заботы о детях. Таким образом, левират нельзя считать, как думал Мак-Леннан, пережитком первоначального многожества брака одной женщины с несколькими братьями. Некоторые народы запрещают повторные браки вдов, но большинство народов заботится о том, чтобы молодые вдовы могли снова выйти замуж или чтобы ее взяли в дом родственников. Отсюда обычай левирата, сорората и определенных внебрачных связей.

Сходный с левиратом институт — помощь брата брату, который не может сам зачать ребенка. У индоевропейцев эту роль обычно исполнял родственник бесплодного мужа. Брат выступает в роли помощника при зачатии у яка, народа группы банту в Конго.

Э.Б. Тейлор обнаружил левират у трети всех первобытных племен; Лоуи считает, что он встречался гораздо чаще.

Брак со вдовой брата матери, как разновидность левирата, распространен, по данным Лоуи, среди индейцев северо-западного побережья Северной Америки.

Обычай сорората позволяет или требует, чтобы муж женился на сестре или сестрах своей жены либо в дополнение к своей жене, либо после её смерти. Когда речь идет о вдовце, такой брак понятен: многие народы заботятся о повторных браках овдовевших людей молодого возраста. У многих племен, у которых преобладает многоженство, обычай требует брака с сестрой или сестрами первой жены: это можно считать особой формой многоженства. У отдельных племен с классификационной системой родства брак с сестрой умершей жены строго запрещен, так как она, в соответствии с этой системой считается «сестрой» мужа умершей сестры.

О распространенности левирата и сорората данные см. у Дж. Г. Фрэзера.

Описанные формы брака у многих племен и народов объясняются стремлением породнившихся семей продлить родственные отношения, снова и снова заключать взаимные браки — на это указал еще П. Кирхгоф.

Гипергамия это господствующий в Индии обычай, согласно которому девушка, хотя и может выйти замуж за мужчину из своей касты или подкасты, ищет мужа из более высокого слоя. Мужчина в индийских племенах с кастовой системой может взять жену из низшего слоя, хотя ему уготован брак с девушкой из той же касты, что и он.

Брак между детьми нигде не является общим правилом, а встречается наряду с браками в обычном брачном возрасте. Браки между детьми широко распространены в Индии и сегодня, хотя британская администрация боролась с этим. Браки между детьми, о которых сообщали из других стран, на самом деле были лишь помолвками. У одних племен это объясняется тем, что семья хочет сохранить невинность девушки, у других — нехваткой женщин и стремлением забронировать невесту для подростка. Часто такие браки заключаются при посвящении юношей, объявлении их совершеннолетним и на других подобных праздниках. Но если люди племени по своим расовым задаткам быстро созревают, не

следует судить о них с точки зрения народов, представители которых созревают позже.

Из сказанного выше следует, что выбор супружеской пары управляется и заключение брака регулируется разными воззрениями на родство, в обычном для нас смысле родства по происхождению или родства по положению, т.н. классификационного родства, а также в зависимости от деления племени на подгруппы, касты или сословия, т.е. определенные круги людей, не состоящих в родстве. На этом делении основаны обычаи эндогамии и экзогамии.

На экзогамию первым обратил внимание Мак Леннан, но он неверно истолковал этот обычай и сделал из этого столь же неверные выводы о первичной форме брака. Мак Леннан полагал, что обычай экзогамии, который был следствием обычая убивать новорожденных девочек, требовал выбирать себе супруга или супругу за пределами племени, тогда как на самом деле при экзогамии речь идет о выборе за пределами подгруппы племени, клана. Следствием этого неверного толкования было то, что Мак Леннан считал похищение женщин у чужих племен первичной формой брака. На самом деле и при эндогамии, и при экзогамии речь идет о выборе супружеской пары в пределах определенного круга или вне этого круга, части племени и народа. Но, поскольку все племя или весь народ это тоже эндогамный круг, эндогамия и экзогамия не исключают друг друга, а могут сосуществовать и даже быть взаимосвязанными.

г) Эндогамия.

Эндогамия обязывает людей группы племени заключать браки только в рамках своей группы. Таким образом, возможны только браки с лицами другого пола в рамках определенного круга людей — рода, подгруппы племени, касты, сословия, единоверцев, людей одной профессии и т.д. Очень частая форма эндогамии запрещает браки с людьми внешнего круга, разрешает браки с людьми среднего круга и опять-таки запрещает браки с людьми самого внутреннего круга. В Руанде охотники, земледельцы и пастухи заключают браки только с людьми своей профессии. Эти сословия внутри племени возникли, вероятно, в результате слияния нескольких племен с разной культурой. Широко распространена в Африке эндогамия кузнецов, которые внутри многих племен представляют собой особую касту, которую частично презирают, частично боятся и избегают. Во всех частях света эндогамны семейства князей и священников. Эндогамия часто встречается в племенах, переживших социальное расслоение и выработавших представления о равенстве по рождению. Это приводит к бракам между родственниками, особенно когда высшие слои верят в свое божественное

или полубожественное происхождение. Напомним здесь об эндогамии аристократических родов индоевропейских племен, об отсутствии браков между патрициями и плебеями, пока они не были разрешены законом Канулса, о разных формах заключения браков у патрициев и плебеев.

В самые древние времена в Риме заключались даже браки внутри одного рода; позже римляне ввели строгие запреты на браки между родственниками.

Эндогамия могла быть порождена и недоверием к чужакам, желанием, чтобы защитниками семьи были знакомые люди. Такие обстоятельства способствуют эндогамии племен, стоящих на низком уровне развития, и небольших племен, живущих в захолустных местах.

У евреев эндогамия возникла по религиозным причинам со времен Ездры и Неемии. Браки с нееврейками были запрещены из страха, что они могут отдалить детей от веры в Яхве. Таким образом, эти законы Ездры и Неемии не имели под собой расовой основы, так как браки, против которых они были направлены, были браками с представителями соседних, расово родственных еврейским народам. Однако тенденция к эндогамии с намерением защиты от чужой веры и чужих расовых задатков прослеживается в истории евреев со времени их вторжения в Палестину около 1400 г. до н.э. В Средние века постепенно образовалась эндогамия христианских народов, исключая евреев, причем упор делался не на расовой чуждости евреев, о которой в странах Восточного Средиземноморья не могло быть и речи, а на их иноверие: крещенные евреи становились своими. Эндогамия обеих групп существовала в Германии до конца XVIII века. Гёте 23 сентября 1823 г. выразил возмущение тем, что в Веймарском государстве церковь благословляет смешанные немецко-еврейские браки.

Наиболее известна кастовая эндогамия в Индии, где кастовая система породила сложные формы и глубоко проникла в сознание индусов. Началось с установления расового барьера между свободными и несвободными, который существовал у всех индоевропейцев, и у германцев лишь в раннем Средневековье был постепенно отменен церковью, в последнюю очередь — в Нижней Саксонии. Поэтому современные германские народы, как и все индоевропейские народы это не потомки германцев и индоевропейцев, а потомки их рабов. Из представлений свободных людей германского происхождения у средневековой знати развилось представление о равенстве по рождению, а в Новое время эндогамию на расовой основе стали ложно изображать как якобы имеющую сословную основу.

Об эндогамии на осмысленной расовой основе в случае с французской знатью можно говорить до XIV века, когда эта знать состояла, в

основном, из потомков франкских, бургундских и норманнских родов. Отделение от остального народа основывалось здесь, как и в других подобных случаях, не на презрении к простонародью и не на «классовой ненависти» между низшими и высшими сословиями, а на рациональном делении на эндогамные круги. «Классовая ненависть» появилась лишь в XIX веке и ее можно считать выдумкой этого века.

Идея равенства по рождению — ценная идея и основа любого евгенического плана. Аристократия, с точки зрения науки о наследственности, может быть основана только на наследственных чертах и никогда — на выдуманных вещах, хотя они могут придать ей более глубокое значение. Для нашего народа была бы желательной эндогамия наследственного высококачественных семей всех сословий.

Особенно строго разделены на эндогамные круги знать и народ Полинезии. И здесь из первоначального расового барьера между туземным населением и пришлыми завоевателями возник сословный барьер. На Таити убивали детей знатной женщины, если она выходила замуж за незнатного мужчину.

Итак, эндогамия часто могла возникнуть на основе расового сознания. Многие туземные племена карают браки или половые связи своих девушек или женщин с европейцами. Так относились индейские племена Центральной Америки к испанцам, туземцы Антильских островов — к европейцам вообще, гренландцы — к датчанам, туземцы Маврикия — к англичанам, туземцы острова Реюньон — к французам. Многие племена индейцев Калифорнии до сих пор карают смертью девушек или женщин своего племени, если они выходят замуж за белого человека или вступают с ним в половую связь. Ю.Г. Уэзерли сообщает, что австралийцы раньше убивали детей, родившихся от связи австралийки с европейцем.

Расовые барьеры обычно пробиваются холостыми одиночками, которые попадают куда-нибудь как чужаки. Если число гибридов от таких связей между расами ограничено, то одно их наличие приводит к разложению наследственного расового сознания с обеих сторон. Можно предположить, что расовое сознание сильнее и чаще встречается у женщин, чем у мужчин. В Северной Америке лишь немногие белые женщины выходят замуж за цветных или мулатов, а мужчины, наоборот, женятся на цветных и мулатках очень часто. Но расовое скрещивание идет больше внебрачным, а не брачным путем. Но и в такие связи с девушками цветных рас европейские мужчины вступают чаще, чем европейские женщины — с мужчинами цветных рас. Обнаруживается такое общее явление: женщины всех народов и рас реже вступают в брак с мужчинами, которые ниже их по положению; женщины больше,

чем мужчины, обращают внимание на равенство по рождению и предпочитают оставаться незамужними, если не находят равного. Можно утверждать, что общие расовые барьеры и запреты эндогамии обычно дольше соблюдаются женщинами какого-то народа, чем его мужчинами.

д) Экзогамия.

Обычай экзогамии обязывает группу людей, которые являются кровными родственниками или считаются таковыми, избегать браков внутри своей группы, а выбирать супружескую пару вне своего круга. Экзогамия обычно распространяется на группы, большие, чем семья или род, — на подгруппы племени, на кланы. Экзогамия предполагает более высокий уровень развития, и поэтому не встречается у небольших первобытных племен и орд... Экзогамия, доходящая до похищения невест, поскольку это дело опасное, прославляется, а брак внутри своего племени кажется чем-то обычным: у небольших первобытных племен мы таких представлений не найдем. Но для определения понятия экзогамии данные о нижнем пределе численности живущей по обычаям экзогамии группы не нужны. К правилам экзогамии относятся и запреты браков между родственниками, даже если они касаются только самых близких родственников. Расово родственные народы могут сильно расходиться в своем понимании степени родства, при которой брак запрещен. Так в Элладе, а в самую древнюю эпоху и в Риме было меньше степеней родства, при которых запрещался брак, чем в позднем Риме, где этот запрет распространялся до седьмого колена. Степень родства в Риме считали от первого попавшегося родственника сначала назад, до общего мужского предка, а потом снова вперед до другого произвольно выбранного родственника. Средневековая церковь в каноническом праве распространяла запреты на брак до седьмого колена... Кроме того, церковь ввела понятие «духовного родства». Невозможны были браки между крестными родителями и родственниками крестника...

Обычай экзогамии мог развиваться из обмена девушками как заложницами мира между двумя соседними племенами. Потом экзогамия могла превратиться в эндогамию в союзе обоих племен.

В Китае кроме браков между кровными родственниками запрещены и браки между людьми с одинаковыми фамилиями, так как считается, что это указывает на родство, на общность происхождения. В Индии, как у индусов, так и у тода (пастушеского дравидского народа, живущего в горах Нигерии в Южной Индии) экзогамия кастовых подгрупп сочетается с эндогамией самой касты. Особенно сложна ситуация с браками в Австралии: там есть запрет на браки внутри собственной группы, но так же разрешение браков внутри определенной группы. Так возникают племена с двумя, четырьмя или восемью экзогамными

группами, которые заключают браки между собой по определенным правилам. Зачатки таких «классов» есть и в Меланезии. Экзогамные группы это часто одновременно и тотемные группы, но экзогамия распространена гораздо шире, чем тотемизм, о котором позже.

До сих не удалось дать удовлетворительное объяснение экзогамии и вообще уклонения от половых связей: каково их происхождение, выражают ли они определенные наследственные ориентации инстинктов?

Нелегко ответить на эти вопросы, когда речь идет об экзогамии, запрете браков между близкими родственниками и вообще уклонением от общения между определенными людьми разного пола. Дж. Г. Фрээр предполагал, что первоначально люди не знали взаимосвязи между оплодотворением и беременностью (этнографические доказательства этой гипотезы будут приведены позже). Группы первобытного человечества жили семьями. Только в ходе сильнейшего развития по непонятным причинам, может быть, в результате наблюдений за вредными последствиями для потомства браков между родственниками, были запрещены браки в кругу близких кровных родственников, сначала между братьями и сестрами и между матерями и сыновьями. Хотя объяснения Фрэера опираются на наблюдавшиеся в тех или иных местах обычаи, оно все же неудовлетворительно.

В последние десятилетия ответить на эти вопросы пытались психоаналитики. Они хотели вывести взаимное уклонение друг от друга родителей и детей, братьев и сестер и кровных родственников из первичного состояния человеческого рода, когда именно половые связи между ближайшими родственниками, т.е. своего рода семейная эндогамия, были правилом, и объясняли запреты именно взаимными половыми влечениями кровных родственников. Согласно толкованиям психоаналитиков, запреты никогда не были бы установлены и половые связи внутри семьи не были бы отвергнуты как кровосмешение, если бы у человека не было стремления к половому смешению в самом тесном семейном кругу. «Эдипов комплекс» и «комплекс Антигоны» — порождения этих стремлений. Здесь такие явления, как уклонение от общения и экзогамия толкуются как выражение страха перед кровосмешением, к которому людей тянет или, по крайней мере, тянуло. Но эти концепции не выдерживают критика. «Строгость табу не является показателем силы желанья», — такими словами Дж. К. Фолсом отверг эти психоаналитические толкования. Я подробнее остановлюсь на них позже, а пока возражу лишь, что непонятно, каким образом люди, если они были по своим задаткам склонны к половым связям с кровными родственниками, вдруг обрели волю и стали избегать таких связей и почему сегодня стремление к половым связям с кровными родственниками

проявляется столь редко или вообще не проявляется, так как описанные случаи кровосмешения это проявление инстинктов неполноценных людей или вырожденков. Ни один ученый, занимающийся наследственностью, не может представить себе такие изменения наследственных задатков человека, которые превратили бы стремление человека к кровосмешению в отвращение к нему, наследственное стремление к эндогамии в самом узком кругу — в стремление к экзогамии, не может представить себе таких мутаций, идеовариаций, внезапных изменений наследственности, которые нужны психоаналитикам, чтобы объяснить отход от половых связей внутри семьи к осуждению кровосмешения ордами первобытного человечества, якобы руководствовавшегося инстинктами.

Еще одно возражение против толкований психоаналитиков. Если браки внутри семьи у первобытных людей были правилами, следовало бы ожидать, что такие браки, в частности, браки между братьями и сестрами, сохранялись бы сегодня именно среди первобытных племен, но это не так. Лоуи показал, что такие браки встречаются не у первобытных племен, а наоборот, у народов с развитой культурой, на уровне, когда уже произошло расслоение общества. По Лоуи, такие браки не изначальное явление, а результат крайнего усложнения общества. Это следует также из наличия браков между братьями и сестрами у доиндоевропейских матриархальных народов Средиземноморья и у народов, живших на окраинах эллинистического мира. Авраам, который женился на Саре, своей сводной сестре, дочери его отца, или отец Моисея и Аарона, который женился на своей тете Иохавед, сестре своего отца, принадлежали к племенам, которые уже высоко поднялись над первобытным уровнем, и ничто не указывает на то, что браки между родственниками у евреев существовали изначально. И браки братьев и сестер, Зевса и Геры, Зигмунда и Зигни это исключительные явления, возможные лишь при высокоразвитой культуре.

Для объяснения запретов на брак и правил экзогамии я сослался бы скорее на У. Робертсона Смита и развитые им идеи Вестермарка, хотя они меня не вполне удовлетворяют и, может быть, относятся лишь к части запретов. Вестермарк полагает, что экзогамия возникла из отрицательного отношения к бракам таких людей, которые с детства жили близко друг от друга. Даже когда не являющиеся родственниками дети и подростки обоих полов живут вместе в одной семье, они редко становятся позже сексуально привлекательными друг для друга; это наблюдается и у животных. Даже при совместном обучении обоих полов такое влечение возникает редко. Уклонение от общения и обычай экзогамии могли, таким образом, возникнуть в результате наблюдений редких случаев полового влечения между людьми разных полов, род-

ственниками и неродственниками, живущими в одном месте. Вестермарк указывает, что у греков были разрешены браки между двоюродными и даже сводными братьями и сестрами, тогда как у римлян браки были запрещены до седьмого колена согласно римской системе родства, т.е. до уровня происхождения двух людей от одного прадеда. Удивительным образом этим законам о браке соответствовало то, что у римлян большая семья индоевропейского происхождения жила на одном наследственном дворе и дети, в том числе двоюродные братья и сестры, росли вместе, тогда как греки жили небольшими отдельными семьями. Большими семьями индоевропейского происхождения жили и древние индейцы, и у них были такие же запреты на брак, как у римлян.

Против этой концепции Вестермарка Г.Д. Уайт выдвинул такое возражение: в Юго-Восточном Китае многие родители покупают для своего сына, еще ребенка, «невестку», тоже детского возраста, и воспитывают обоих вместе с другими детьми. Позже между ними, обрученными еще детьми, возникает половое влечение. Это возражение не кажется мне убедительным, так как во многих случаях половое влечение между растущими вместе детьми и подростками отсутствует, как между дочерьми одной пары и приемным сыном этой семьи или между сыновьями и приемной дочерью.

Экзогамия могла быть и результатом опыта, знаний о вреде близкородственного скрещивания. Вестермарк и Фрезер, которые придерживались очень разных взглядов на происхождение половых запретов, сходились на том, что многие первобытные племена на всей Земле знали о вреде браков между родственниками на потомство и — по Фрезеру — распространяли эти знания на всё племя. Такими браками объяснялась бесплодность женщин... Но такие не были всеобщими, так как многие племена, наоборот, рекомендовали браки между родственниками.

У многих европейских народов были распространены представления о вреде браков между родственниками, о «старых семьях», которые пришли в упадок уже от одной старости, но в еще большей степени от того, что в них (якобы) чаще практиковались браки между родственниками. Таким семьям требовался приток совершенно новой, неродственной крови, «омоложение». В XIX веке считали полезным скрещивание далеких друг от друга наследственных линий, а близкородственное скрещивание особенно вредным. Об этом особенно много писали журналисты больших городов, метя в «износившуюся» знать и в «устаревшие» предрассудки. В подтверждение приводились примеры из жизни эндогамной аристократии и эндогамного крестьянства. Правда, позже наука о наследственности установила, что в этих случаях речь шла не о вреде близкородственного скрещивания, а о накоплении не-

полноценных задатков при браках между родственниками, возможном и в тех случаях, когда супруги не являются родственниками. Хартнакке разоблачил «сказку об изношенной крови».

Я сошлюсь на книгу Лёнефа «Близкородственное скрещивание» (1929) и добавлю от себя: У человека близкородственное скрещивание, как и у домашних животных, вызвало к жизни самые замечательные расы и типы, но оно не было правилом — браки между братьями и сестрами и между близкими родственниками были исключениями. Браки между братьями и сестрами в семьях фараонов и инков, персидских Ахеменидов и македонских Птолемеев на протяжении многих поколений давали выдающихся людей, но наука о наследственности не должна заключать из этого, что близкородственное скрещивание способствует появлению больших талантов, и только сделать вывод, что предки людей, заключавших такие браки, были наследственно очень здоровыми и талантливыми. Так что вредны не браки между родственниками сами по себе, а только накопление неполноценных задатков одного направления. Такое возможно и в том случае, если супруги не являются родственниками, но при браках между родственниками, которые могли унаследовать от одного или нескольких общих предков рецессивные неполноценные задатки, это случается чаще, чем при тех браках, когда супруги не являются родственниками. Но с такой же вероятностью при браках между родственниками чаще происходит и накопление высококачественных задатков. Итак, подобные браки могут и улучшить, и ухудшить наследственность. Браки внутри рода способствуют накоплению рецессивных и гетерозиготных задатков, которые при взаимодействии двух родительских сторон выступают как гомозиготные. При этом речь может идти как о высококачественных, так и о неполноценных задатках. При современном состоянии народов Европы браки между родственниками не рекомендуются.

Браки между родственниками в рамках первобытного племени могут способствовать улучшению наследственности благодаря выявлению рецессивных болезненных и других неполноценных задатков у детей родительских пар, состоящих в родстве, если таким детям будет запрещено иметь потомство. Во многих племенах без «специальной защиты» постоянно идет ликвидация неполноценных задатков за счет того, что больных детей уничтожают сразу после рождения. В таких условиях весьма сомнительно, замечали ли вообще мнимый или действительный «вред от близкородственного скрещивания», а именно из подобных наблюдений некоторые ученые хотят вывести запрет браков между родственниками. У некоторых культурных народов от вредных задатков избавляются путем стерилизации, предусмотренной законом.

У всех племен, близких к первобытному уровню часты браки между родственниками. У небольших племен, живущих в изолированных областях, таких браков трудно избежать, особенно если семьи хотят сохранить в целостности свои земельные владения. Так у маори на Новой Зеландии браки между родственниками являются следствием того, что семьи хотят избежать дробления земель при браках своих членов.

Турнвальд утверждал, что во многих областях благодаря бракам между родственниками якобы возникли «локальные расы», т.е. скопления наследственных признаков, итогом которого может быть появление расы, группы людей с одинаковой наследственностью. Но такие группы можно скорее назвать «областными типами». Турнвальд думал при этом, в основном, о случаях, когда поощряются браки между родственниками, особенно между двоюродными братьями и сестрами. Но, как я уже говорил, и у многих небольших племен, которые специально не поощряют браки между родственниками, но круг возможностей внутри которых ограничен, браки между родственниками неизбежны, что ведет к накоплению определенных наследственных задатков и к появлению «областного типа».

К. Висслер показал, что в Австралии есть группы, которые состоят из семей и потомков нескольких братьев. Эти потомки заключают браки, поскольку в Австралии очень развиты системы отделенных друг от друга и заключающих браки друг с другом подгрупп племен, в других подгруппах. Но эти другие группы близко родственны между собой и, вероятно, находятся с отделенными от них подгруппами того же племени не в столь дальнем родстве, как они сами полагают. Именно австралийские племена поощряют браки между двоюродными братьями и сестрами материнского рода, вследствие чего внутри племени постоянно заключаются браки между родственниками. Висслер приводит пример племени из 1600 человек, т.е. весьма многочисленного. Подгруппы его могут состоять из 100 человек, по 50 мужчин и женщин, из них по двадцать — в возрасте от 15 до 40 лет. Даже если браки заключаются вне группы, все равно выбор численно невелик. Так как потомки будут заключать браки в таких же условиях, браков между родственниками не избежать.

Так как многие племена не запрещают браки между родственниками и даже поощряют их, объяснение запретов на браки между родственниками отвращением к кровосмешению, знанием вреда близкородственного скрещивания, не выдерживает критики. Вероятно, здесь действовали не столько биологические, сколько социологические причины. Р. Турнвальд предполагал, что обмен девушками как залог мира между родами привел к появлению экзогамии.

В отдельных случаях обнаружение скопления неполноценных задатков у потомков от браков между родственниками могло быть причиной появления экзогамии, но в целом лишь в отдельных случаях как эндогамию, так и экзогамию можно свести к одной определенной причине. Мнения разного рода о наследственности и отборе влияют на жизненные процессы народов, определяют выбор супружеских пар, поощряют или тормозят размножение. Отбор обычно определяется взаимодействием нескольких причин: традициями племени, предписаниями веры, экономическими отношениями, особенностями природной среды и т.д. Часто бывает, что традиции племени первоначально были теснее связаны с представлениями о законах жизни и благоприятно влияли на наследственность, но потом влияние из других областей все больше удаляло племя от этих представлений и традиция превратилась в свою противоположность, стала вредной для жизни.

Основная черта при всех первоначальных различиях и позднейших изменениях и в сфере брака первобытных народов сохраняется: это принцип взаимности и в отношениях между полами. На этом принципе основаны обычаи обмена подарками, обмена женщинами и внебрачные связи, запреты на брак и формы брака, а также отношение к нарушению супружеской верности и разводы. Люди изначально знали, что такое вражда и дружба и враждовали и дружили по твердым правилам. В рамки этих правил в определенной взаимосвязи укладываются и брак, семья и родство.

У примитивных племен охотников и собирателей нет правил брака или они слабо развиты; мало запретов на брак было и у охотников и скотоводов Сибири. Богароу наблюдал там половые связи и браки между родственниками разной степени. У тотемистических племен всех регионов Земли экзогамия и связанный с нею запрет браков между родственниками соблюдаются особенно строго, идет ли речь о кровных родственниках или о родственниках по положению.

Примеры многообразных правил браков и запретов дает Турнвальд.

На низких уровнях развития браки обычно совершаются без пышных обрядов посвящения или объявления совершеннолетним. Предшествующая браку помолвка у племен, находящихся на низком и среднем уровне развития, не встречается; она не характерна для матриархата. Особенно часты помолвки у земледельцев и у племен, находящихся под их влиянием. В патриархальных племенах, которые, как правило, строже разделяют подрастающих молодых людей разного пола, помолвка — частое явление. Свадебные праздники у первобытных племен выглядят довольно скромно; они особенно пышны у тех больших племен, где отдельные семьи чужды друг другу, а знатные роды особенно гордятся своими предками.

Свадебное празднество часто включает в себя торжественную передачу калыма и даров. Разыгрываются бои за невесту или устраивается мнимое ее похищение: грозящие новобрачным опасности со стороны злых духов отгоняются шумом и криками; торжественно выполняются символические действия — переступание новобрачных через очаг или через огонь, совместное поедание пищи, частично предназначенной для земледельцев, частично для скотоводов; соединение рук жениха и невесты, их связывание. Есть обычаи, когда либо невеста, либо жених показывает свое превосходство или одному из них дается главенство в браке; есть обычаи, связанные с опасностями при половом акте, обычаи воздержания новобрачных в течение определенного времени. У многих народов заключение брака лишь тогда считается полноценным, когда точно соблюдаются все обычаи и произносятся все формулы. Но есть и племена, у которых брак считается заключенным лишь после рождения первого ребенка.

е) Тотемизм.

Слово «тотемизм» ввел в науку сэр Джон Леббок (лорд Эвбери). Оно происходит от индейского слова из языка племени обжибуэй, живущего на озере Верхнем и входящего в союз алгонкинов. У алгонкинов типискапинг слова «нототем» означает «мой половой член», у оджибуэев типагами слово «ндодем» — «мой отличительный признак». Тотемом называют животное, реже — растение, еще реже — неодушевленный предмет, нечто, что представляется группе людей достойным почитания, группе людей, которые считают себя родственниками. Изображение тотема становится символом, а тотем — обозначением подгрупп племени, которые считают себя группами одного происхождения. Тотемистические группы запрещают браки внутри группы, независимо от того, действительно ли входящие в группу семьи родственны или нет; эти семьи считают себя потомками одного прародителя. Некоторые ученые полагают, что тотемом первоначально всегда было животное, которое считалось отцом или матерью племени. Тотемных животных почитавшая их группа не убивала и не ела. Герберт Спенсер выводил тотемизм из общего этапа поклонения животным.

Может быть, тотемизм вырос из почитания звероподобного праотца людей и из веры, что животные могут превращаться в людей и наоборот, что животные и люди вообще не чужды друг другу по сути. Может быть, многие варианты учения о переселении душ основаны на тотемистических представлениях. Многие племена веруют, что души умерших членов племени снова рождаются в виде тотемного животного или тотемного растения. Такая вера встречается у многих индейских племен северной Америки и у некоторых племен банту в Южной Афри-

ке. Но идея переселения душ распространена не у всех тотемистических племен и у первобытных племен не встречается.

Неверно предположение Хэддона и Бриффо, что тотемное животное первоначально было главной пищей племени. В любом случае это признак изначальной связи многих племен с природой и принадлежал первоначально к области веры, прежде чем он повлиял на области родства и права. Но отдельные проявления тотемизма в прошлом и настоящем остаются загадкой. Александр Гольденвейзер предложил такое определение понятия «тотемизм»: «Тотемизм это стремление определенных групп людей к связи с предметами и символами, имеющими эмоциональную ценность». Это определение слишком общее и нежное, но более четкого определения дать нельзя, пока мы не узнаем его лучше изнутри, поймем его психические корни. Пока же следует признать правду Дюркгейма, который особенно подчеркивал связь тотемизма с общественным строем и с делением общества на группы.

Северную Америку называют «классической страной тотемизма». Но тотемизм встречается и у отдельных племен Центральной Америки и Бразилии, Южной Африки, Индии и Меланезии и у австралийцев. В Австралии тотем называется «кобонг». Тотемизм встречается — по крайней мере в Америке — не у первобытных, а только у более развитых племен; на это обратил внимание Фрззер. Тотемизм преобладал в Северной Америке у индейцев к востоку от Миссисипи, которые жили в деревнях и занимались мотыжным земледелием, но был меньше представлен среди охотничьих племен западных прерий и был неизвестен у стоящих на низких уровнях развития индейцев Калифорнии. Чаще всего тотемизм встречается у племен, где мужчины охотятся, а женщины занимаются земледелием, чаще при патриархате, чем при матриархате. У индейцев пуэбло, как и у других индейских племен Северной Америки, как и у жителей островов Тробриан (у берегов Новой Гвинеи) тотемизм и матриархат связаны друг с другом. Тотемизм, часто в сочетании с экзогамией, имеет так много разновидностей, что невозможно однозначно определить его суть общим термином. Ученые продолжают заниматься им, потому что со времен Мак-Леннана, Ф.Б. Джевонса, Соломона Рейнаха и Вильгельма Вундта снова и снова выдвигалась гипотеза, будто тотемизм это общая ступень развития, через которую прошли или пройдут все народы. В новейшее время психоаналитики, и первым сам Фрейд, облюбовали тотемизм, чтобы украсить им картины первобытного состояния человечества. Но прежде чем выводить тотемизм из этого состояния, следует напомнить, что тотемизм чаще встречается не у первобытных, а у более развитых племен.

Вопросом, был ли тотемизм первоначально связан с патриархатом (Гребнер) или с матриархатом (Маретт) я займусь позже. Вопрос, было ли представление о происхождении от тотемного существа изначально свойственно тотемизму ли привязаны к нему позже, остается нерешенным. Вопрос о связи тотемизма с экзогамией, изначально или возникшей позже, будет обсужден в последнем разделе. Пока констатируем, что тотемизм и экзогамия действительно часто сосуществуют и что эти два круга представлений проявляют тенденцию к соединению в одну культуру. Поскольку тотемистические группы считают себя группами одного происхождения, они, когда браки между родственниками кажутся им отвратительными, делят племя на два или большее число экзогамных семейных союзов, «кланов» или «классов». Если экзогамия и тотемизм не были изначально связаны, то экзогамия легко могла развиться из тотемизма.

Обзорную карту распространения тотемистических племен см. у Дж. Г. Фрэзера. «Тотемизм и экзогамия», том IV, 1910, приложение.

III. Обычаи бракосочетания

а) Добровольное бракосочетание.

Вестермарк собрал много свидетельств того, что брак по взаимному согласию имеет место у многих племен. Раньше полагали, что такие браки редки, потом же выяснилось, что они распространены во всех частях света и на разных уровнях культуры, хотя и не столь широко, как брак за калым. Добровольное бракосочетание встречается как у отсталых индейских племен Северной Америки, так и у самоанцев и племен северо-западной Меланезии...

Но брак по взаимному согласию подчиняется тем же правилам, что и другие формы брака: брачная связь не является делом лишь двух влюбленных или лиц разного пола. Семьи и даже роды желающих вступить в брак обсуждают этот вопрос, дают свое согласие или отказывают, в любом случае пытаются руководить выбором супружеских пар. В Китае в выборе в последнюю очередь участвуют те, кто желает вступить в брак: так все решают семьи, а молодые повинуются. Но такой долг повиновения молодых не редок: обычно молодые вносят предложение, а семья обсуждает его вместе с ними. Так и среди крестьян Европы выбор супружеской пары дело не только двоих желающих вступить в брак, но и семей с обеих сторон. Выбор должен пойти на пользу хозяйству, двору и живущей на нем семье. У всех народов Земли цели брака таковы, чтобы один из супругов посредством брака породнился

с родом другого супруга, что дает определенные права и накладывает обязанности. Порождение двух семей — серьезное дело, оно должно быть тщательно обдумано. Заключаемый брак регулирует отношения лиц, вступающих в него, между собой и с их семьями и родами, а также с детьми, которые будут рождены, и даже с будущими внуками. Именно у первобытных народов порождение столь важный вопрос, что выбор супружеских пар не оставляется на волю отдельных людей. В роли посредников выступают друзья и родственники; они и занимаются сватовством. Предложение может исходить от мужчины или от женщины или сватовство берут на себя родственники юноши или девушки. Во многих племенах, особенно матриархальных, предложение исходит от девушки. У индейцев пима в штате Аризона девушка стремится таким образом избежать брака с неспособным мужчиной. Но отбор и здесь не является односторонним: девушка должна доказать матери жениха, какая она хорошая хозяйка.

Но каковы бы ни были обычаи бракосочетания, как правило, требуется согласие родителей, и у многих племен оно обязательно, прежде всего, у патриархальных, в меньшей мере — у матриархальных. У последних желающий вступить в брак требуется согласие брата матери или сестры отца; в Меланезии — сестры отца. В Меланезии последняя обычно выбирает девушку для своего племянника; если племянник хочет посвататься к девушке, которая не нравится сестре отца, она может возразить против запланированного брака. К таким ограничениям выбора супружеских пар семьями и патриархальными или матриархальными обычаями у многих племен добавляются ограничения, связанные с запретами на брак, так что выбор дозволен лишь в определенном кругу. Таким образом, брак по взаимному согласию это не неограниченная свобода выбора, а только брак, заключенный по взаимному согласию, но в соответствии с господствующими обычаями.

б) Пробный брак.

Пробный брак встречается у многих племен, но цель его, обычно, не в том, чтобы молодые люди проверили, следует им выбрать друг друга или нет, а в том, чтобы молодые проверили, возможен ли счастливый брак между ними. Не всякие свободные добрачные связи можно назвать пробным браком. Пробные браки всегда заключаются с соблюдением определенных обычаев, о них объявляется публично, но с тем отличием от других форм брака, что они заключаются с условием, что в случае бездетности или через определенное время они по обоюдному согласию могут быть расторгнуты. Напоминаю, что у многих племен, у андаманцев, индейцев «племени ворона» и у гренландских эскимосов брак считается настоящим лишь после рождения первого ребенка. Время

до рождения этого ребенка можно считать временем пробного брака. Сведения о пробных браках у разных племен собрал Вестермарк.

От пробных браков следует отличать временные браки, которые имеют место у отдельных племен эскимосов и жителей Малайских островов, а также в Эфиопии, Иране, Тибете и Японии. Аммиан Марцеллин сообщал о таких браках у арабов — они и сегодня встречаются у отдельных арабских племен, но не у бедуинов, а только у городских арабоязычных групп, особенно в Мекке. У гавайцев, похоже, раньше заключались временные браки; путешественники принимали их за признаки промискуитета.

в) Брак путем увоза.

Такие браки бывают довольно часто и у многих племен не встречают сопротивления. Поскольку с девушкой обычно заранее договариваются, можно считать такой брак вариантом брака по взаимному согласию. Если же это делается без согласия девушки, то это уже будет похищение. У индейцев омаха браки путем увоза появились в противовес прежним, теперь считающимся устаревшими формами выбора супружеских пар. Браки путем увоза во всех случаях представляют собой форму протеста против ограничений и запретов или способ не платить большой калым или спасение молодой невесты от претендующего на нее старейшины, как это часто бывает в Австралии, на континенте, где власть старейшин особенно сильна.

г) Брак за работу.

Такой брак известен нам из Ветхого Завета — Иаков работал в Харане семь лет, чтобы заслужить Рахиль, дочь Лавана, брата его матери. Это своего рода замена калыма работой на семью невесты. Такая форма брака редко встречается в разных частях света, реже, чем думал Риверс. Ее распространение описал Фрэнсер. У североамериканских индейских племен хупа и хидатса юноши часто живут в семье девушки, к которой сватаются, пока не будет выплачен калым; только потом юноша уезжает со своей молодой женой в свою деревню. Такую форму брака еще можно причислить к описываемой категории, хотя жизнь жениха в семье невесты не означает работу на нее. Вообще сообщения о таких браках всегда надо проверять, действительно ли это отработка или просто дружеская услуга. Односторонне экономический подход XIX века, особенно со времен Карла Маркса, привел и этнографию к ложным толкованиям. Преимущественно экономический характер имеет брак за работу у чукчей, коряков и камчадалов. Досрочный разрыв этих отношений может быть формой пробного брака. Переход жениха из своей семьи и со своего места жительства в другую семью, на службу ей, и в другое место жительства, как у малайских

племен, на Суматре и Новой Гвинее, и отдельных племен южных морей, и ирокезов и индейцев пуэбло в Северной Америке, у готтентотов и зулусов в Африке может быть результатом матриархальных обычаев, согласно которым место жительства новой семьи определяется женой. В т.н. поздних матриархальных культурах возникают большие семьи, в поселения которых принимают мужчин, намеревающихся жениться, часто для отработки калыма.

д) Брак за калым.

Это самая распространенная форма брака, она встречается при патриархате столь же часто, как при матриархате. Она встречается во множестве разновидностей, так что и в этих случаях надо точно проверять, правильно ли истолковал путешественник обычаи, которые наблюдал, и о какой именно из разновидностей брака за калым шла речь. Во многих областях Земли браку предшествуют денежные или экономические соглашения между семьями жениха и невесты; не всегда такие соглашения указывают на брак за калым. При браке за калым речь может идти о цене невесты, которую жених или его семья должны уплатить семье или роду невесты; противоположный случай — семья невесты дает за ней приданое жениху или его семье; возможен и обмен дарами между семьями, часто дарами скорее символического значения. Если при взаимном обмене дарами калым равен по своей ценности приданному, как у турок, якутов и малайских племен, то никто никого не покупает и не продает. Уплата калыма женихом более частое явление, чем приданное невесте, но и взаимный обмен дарами тоже встречается нередко. В Индии и в Европе распространен обычай выдачи невесты замуж с приданным. У древних германцев происходил обмен дарами между женихом и невестой. Правильное название для германского брака еще предстоит найти. Часто обмен дарами при заключении брака или передача даров одной стороной были знаком взаимной связи двух семей или родов или групп племени, так что нельзя видеть в этом ни покупки, ни продажи, тем более что породнившиеся семьи часто и позже обмениваются подарками.

Настоящая покупка женщин имеет место у киргизов и тунгусов, а также у, возможно перенявших этот обычай у тунгусов, племен Северной Сибири и у отдельных племен калифорнийских индейцев. У гиляков (нивхов) брак все более принимает форму брака за калым, да и раньше покупка была скорее правовой формой заключения брака, нежели просто продажей невесты заплатившему за нее необходимую цену жениху. Цена невесты у киргизов обычно столь высока, что отец, обручив своего сына в 10-летнем возрасте, уже начинает собирать скот, чтобы потом заплатить калым, часто 80 голов и больше.

Но даже при столь явной форме купли-продажи покупатель не обретает такой власти над женой, как при покупке вещи или домашнего животного. Муж не может продать свою «купленную» жену... Многие формы брака считаются «браком за калым», тогда как на самом деле речь идет об обмене символическими дарами, и никто из участников не воспринимает его как куплю-продажу... Лоуи пишет, что в Северной Америке есть такие племена, как хидатса в Северной Дакоте или «племя ворона» из группы сиу в штате Монтана, у которых брак за калым считается самой почетной формой заключения брака, разрешенной только самым уважаемым девушкам, но не женщинам, которые уже были замужем. Так что в большинстве случаев брака за калым «покупку» невесты нельзя связывать с представлением об унижении женщин; высокая цена невесты говорит скорее о высоком уважении к невесте и ее семье или, требуя высокую цену, семья невесты показывает, как высоко она ее ценит.

Если цена невесты оказывается слишком высокой для жениха, брак может быть отменен или отложен до уплаты калыма; так возникали поздние браки в племенах, которые практиковали браки за калым. Но часто большие суммы складывались из взносов всех членов рода жениха. Во многих случаях цена невесты уплачивалась частично при обручении, частично при вступлении в брак; бывали и более поздние выплаты, в частности, при рождении первого ребенка.

Форму брака у индоевропейцев вообще и германцев в частности обычно называют браком за калым. Это доказывал, например, Кошаркер, но он же писал, что эта форма, касающаяся прав на имущество, не имела смысла купли-продажи, что невесту не покупали как скот или как рабыню; хотя эта форма означала, что женщина является собственностью мужчины, но лишь формально, а по содержанию эта собственность определялась целью брака, идеями семьи и рода. И у многих других народов при таких браках следует различать форму и содержание обычаев и законов.

Альфред Шульце доказал, что северогерманский «договорный брак» развился не из брака за калым. Слово «каупа» означало «получить за оказанные услуги». Роды заключали союзы, принося дары. Слово «мундр» означало «дар», т.е. речь не шла о купле-продаже. Герберт Мейер писал, что нарисованная Тацитом картина брачной жизни германцев в целом правильна, что ни у германцев, ни у индоевропейцев вообще не было браков путем похищения и браков за калым. Герберт Мейер подчеркнул, что германский брак давал верное представление об индоевропейском браке, что его можно считать первичной формой нордического индоевропейского брака.

В более поздние времена германцы, согласно отдельным исландским сагам, превратили заключение брака в сделку, перешли к форме брака за калым. Такими были обычаи крестьян в Средние века, такими они остаются и в наше время. Свидетельства приближения брака к сделке Герберт Мейер нашел в правовых документах отдельных германских племен: саксов, англов, лангобардов и бургундов.

е) Брак путем похищения.

С тех пор, как Мак-Леннан (1865), а позже И. Колер (1897) и Ф. Мюллер-Лайер (1912) предположили, что первоначальной формой брака был брак путем похищения, на эту тему много писали во многих брачных обычаях видели в смягченной форме брак путем похищения. Более тщательные исследования объяснили эти обычаи иначе и доказали, что брак путем похищения был редчайшей формой брака и, может быть, вообще нельзя говорить о нем как о форме брака. Брак путем похищения встречался и встречается в отдельных местах, как при патриархате, так и при матриархате, но большей частью осуждается обычаем. Правда, у отдельных племен похищение невест разрешается обычаем и в этих случаях можно говорить о браке путем похищения, но такие браки нигде и никогда не становились обычной формой брака ни у одного племени, т.е. оставались исключениями. И многие свадебные обряды в разных частях света действительно могут указывать на разрешавшиеся раньше браки путем похищения — многие, но не все. Часто женщин крали в ходе войны у побежденного племени, а потом победители принуждали их к браку. Такие браки, по Лоуи, имели место среди индейских племен обширных равнин Северной Америки. Борьба за женщин, которые достаются победителю, наблюдается у эскимосов западного побережья Гудзонова залива. Индейцы Карибских островов раньше крали женщин у индейцев Гвианы. Кража женщин практикуется исламскими племенами островов Ломбок (Зондские острова), и кража их с предварительным уведомлением — у племен Северной Сибири.

Похуже, брак путем похищения невесты всегда как исключение, но никогда как обычная форма брака — встречается у отдельных племен, находящихся на более высоком уровне развития, когда молодежь начинают тяготить прежние формы заключения брака. Мнимое похищение возникло как исключение, в обход выбора, навязываемое молодым обычаем. Но нельзя назвать ни одного племени, у которого брак путем похищения был бы обычной формой брака. Соседи не потерпели бы такого племени и истребили бы его. Таким образом, брак путем похищения это форма брака, препятствующая самосохранению и возможная только как исключение при особых обстоятельствах.

Обычаи, которые толкуются как «пережитки» браков путем похищения представляют собой, как правило, символические действия, означающие «попадание в плен», переход из одной семьи в другую, из холостого состояния — в женатое. Есть племена, у которых эти символические действия распространяются на лиц обоих полов, но есть и такие, у которых жених должен изображать страх перед женитьбой. У племен роро на Новой Гвинее, племен архипелага Бисмарка и племен газу в Ассаме жених прячется перед свадьбой; у андаманцев отказывается жениться. Элси Парсонс описывает такие обычаи и объясняет их сопротивлением переходу к новой жизни. Сломить это сопротивление призваны различные брачные обычаи, но при них похищают не невесту, а жениха. Р. Турнвальд отметил, что похищение юношей как свадебный обряд встречается на севере Новой Гвинеи, у абхазов жених прячется перед свадьбой, а у современных греков в Южной Македонии жених сопротивляется, когда его тащат к невесте.

В основе всех этих обычаев лежит страх перед переменной жизни. А. ванн Геннеп описывает эти обычаи как «переходные обряды». Многие народы и племена очень серьезно относятся к переходу от одного этапа жизни к другому или к переходу в другую группу племени, отсюда и торжественные «переходные обряды»; как рождение человека, переход от детства к юности и от юности к зрелости, как введение в племенное сообщество, принятие нового члена в группу племени, в клан, так и переход из холостого состояния в женатое, избрание вождем, начало и конец путешествия, начало сезона охоты, наконец, переход от жизни к смерти — всё сопровождается переходными обрядами. Многие, что толкуется как пережиток некогда существовавшего брака путем похищения, представляет собой переходный обряд, «путь перехода», и соответствует страху человека перед изменением жизни, перед переходом к необычному, перед новым.

Германцы в отдельных случаях практиковали брак путем похищения. Так Арминий со своим родом увёз Туснельду. Но эти случаи не означают, что была какая-то древняя ступень браков путем похищения. Германское право различало увоз женщины и ее похищение. Брак путем похищения как форма заключения брака у германцев и индоевропейцев вообще никогда не существовал. Увоз женщины влек за собой месть оскорбленного рода, поэтому Арминий жестоко поплатился за свой поступок.

IV. Формы брака

Разные формы брака образуются в зависимости от того, сколько людей разного пола вступает в брак. Эти формы: I) моногамия, II) полигамия, III) групповой брак.

1) **Моногамия** — постоянная связь двух людей разного пола.

2) **Полигамия** — связь одного человека с несколькими супругами иного пола. Это может быть:

а) **многоженство** — брачная связь одного мужчины с несколькими женщинами

б) **многомужество** — брачная связь одной женщины с несколькими мужчинами.

Об особой форме многоженства, браке одного мужчины с сестрами, сорорате, я уже говорил, равно как о левирате, браке мужчины с женой его умершего брата. Этот мужчина может стать многоженцем, если он уже женат. Мак-Леннан считает левират пережитком первоначального брака одной женщины с несколькими братьями. Я уже показал, что такое толкование не выдерживает критики.

Многомужество существует в двух формах: браке женщины с несколькими братьями или мужчинами, не являющимися братьями. Первую форму Мак-Леннан называет тибетской, вторую — наирской, от племени **наири** (найяр) в Южной Индии. При второй форме мужа не обязательно должны находиться в родстве друг с другом. Брак одной женщины с несколькими братьями фон Уйфалви обнаружил у племени кулу в западных Гималаях: от четырех до шести братьев были женаты на одной женщине; их дети говорят о старших и младших отцах. Такая же форма брака существует в Тибете и у пастушеского племени тода в Южной Индии: самый старший брат женится на женщине, а потом остальные вступают с нею в брак в порядке старшинства. У тода если младший брат женится, то и его жена вступает в брак с остальными братьями, то есть, получается групповой брак. У племени **наири** если мужчина вступает в брак с женщиной, то она после этого вступает в половые отношения и с другими мужчинами, которые не обязательно находятся в родстве друг с другом. Герберт Мюллер называет наирскую форму брака «ярко выраженной формой эндогамной полиандрии». У племени **наири** она связана с матриархатом. Под влиянием соседних племен такое многомужество у **наири** сегодня быстро исчезает, но не счет родства по матери и не господство брата матери в семье. Такие формы брачных отношений следует называть многомужеством, если все участвующие в них мужчины рассматриваются как супруги, но и в этом случае можно различать основную брачную связь и несколько побочных. Сделать решительный вывод в этом случае трудно, потому что при матриархальных сильных порядках, как у **наири**, происхождение детей определяется только по материнской линии, тогда как при патриархате происхождение от главного супруга, вероятно, отличается от происхождения от побочных мужей. Похоже, многомужество наирского

типа раньше было шире распространено в Южной Индии. Сообщения о нем имеются с XV века, более надежные сведения были получены в результате путешествия Бьюкенена в начале XIX века.

Многомужество у тибетцев описал В. Фильхнер: «У жителей Тибетского нагорья господствует полиандрия, т.е. одна женщина является одновременно женой нескольких мужчин. Из этого следует, что здесь никогда не бывает настоящих вдов. При заключении брака женщина получает от своего избранника и от своих подруг денежные подарки, которые делают ее в какой-то мере независимой от мужчин. Однако в полиандрических браках всегда участвуют только братья мужа. В брачном договоре четко говорится, что при вступлении в брак старшего брата его младшие братья, перечисленные поименно, вступают в брак одновременно с ним. Если это условие четко не оговорено, то младшим братьям предоставляется свобода выбора. Дети от полиандрического брака всегда считаются детьми самого старшего брата. Дети зовут его «отцом», а его братья — «дядей». Если полиандрический брак остается бесплодным, заключается новый брак, в котором опять-таки могут автоматически участвовать все братья. Дети от этого брака называют первую, т.е. бесплодную жену «большой мамой», а вторую — «малой мамой». Полиандрический брак не является принудительным, так как младшие братья не обязаны вступать в него. Женщина, которая вступает в брак со старшим братом, тоже может отказаться считать мужьями других мужчин. Полиандрия объясняется большой нехваткой женщин. Но в ней есть и своя хорошая сторона: благодаря ей собственность закрепляется за отдельными семьями, т.е. остается в одних руках».

Из этого описания мы видим, что у тибетцев многомужество существует наряду с моногамией, а при бездетности полиандрического брака появление второй жены превращает брак в групповой. Таким образом, сосуществуют три формы брака. Из описания Фильхнера неясно, почему в Тибете постоянно не хватает женщин.

Согласно Фолсому, многомужество встречается только у тибетцев-земледельцев, но не у кочевников. Лоуи сообщает о многомужестве у некоторых эскимосских племен.

На Маркизских островах существует многомужество, при котором один из мужей одной женщины имеет более высокий ранг, чем остальные.

III) Групповой брак, менее удачно называемый также «общинным браком», это брачный союз группы, в которую входят минимум по два человека каждого пола и в рамках которой каждый мужчина связан с каждой женщиной брачными правами и обязанностями. По Вестермарку, групповым браком следует называть связь определенного ограниченного

числа людей (как правило, состоящих в родстве) одного пола с соответствующим числом людей другого пола. Первое определение этого термина принадлежит Грау. Турнвальд называет групповым браком постоянную связь множества мужчин со множеством женщин.

Термин «групповой брак» предложил Льюис Генри Морган (1818-81), о теориях которого я еще буду говорить подробно. Иногда групповой брак называют браком «пуналуа», используя гавайское обозначение определенного вида связи между полами. Не говоря о том, что это слово имеет в гавайском языке и другие значения, т.н. брак пуналуа на Гавайях не является групповым браком, а внебрачным участием в половых связях определенных родственников, например, братьев мужа или сестер жены.

Групповые браки или связи, которые позже стали называться групповыми браками, известны уже с XV века по рассказам многих путешественников, которые посещали племя наири (найяр) в Южной Индии.

Возможно, сообщения Геродота (IV, 164, 180) об агафирсах и бедуинах основаны на рассказах о действительных или предполагаемых групповых браках среди этих племен. Сообщение в «Галльской войне» Цезаря (V, 14) о том, будто древние бритты «имели по 10 или 12 общих жен, причем обычно братья с братьями и родители с детьми» вызвано, очевидно, непониманием иных форм брака, отличных от группового. В новейшее время только Л.Г. Морган привлек внимание исследователей к вопросу о групповом браке. Вопрос о сути и характерных формах групповой брака и сегодня нельзя считать решенным, как показывает и работа Грау. Еще Морган, как доказал Грау, назвал «групповым браком» несколько различных форм брака, и эта многозначность термина до сих пор вносит путаницу. Часто внебрачные связи или временные, допускаемые обычаем в определенных случаях половые связи рассматривались как «групповой брак». Но внебрачные связи существуют наряду с основным браком и могут приниматься во внимание только при определенных условиях, тогда как при групповом браке каждый из мужчин и каждая из женщин, участвующих в нем, состоят в основном браке. Лучший пример группового брака — т.н. брак «пиррауру» у племени диери (Центральная Австралия). Однако слово «пиррауру» или «пирраунгару» используется этими австралийцами и для обозначения других половых связей, так что его лучше избегать, как и слова «пуналуа». Именуемую так в этнографии форму брака, может быть, лучше называть «братской полигамией». Причина её возникновения в том, что старые вожди часто имеют по несколько, даже до 20 молодых жен, а молодым людям не хватает молодых женщин.

При браке пиррауру речь идет о «праве братьев и сестер на брачные наслаждения», как пишет Туривальд, причем право побочного супруга ограничивается временем отсутствия основного, а его жена может иметь только одного побочного супруга, в то время как её муж может иметь нескольких пиррауру. Малиновский не считает брак пиррауру групповым браком. Грау полагает, что настоящий групповой брак существует у чукчей, у племен кулу в Северной Индии, у пастушеского племени тода в горах Нилгорь (Южная Индия), у племен Центральной Австралии, у племен банаро и массим на Новой Гвинее и у ова-гереро в Юго-Западной Африке. Кроме того, Грау считает возможным, что в прежние времена групповой брак существовал и на Гавайях.

Пример группового брака среди лиц европейского происхождения — общинный брак одной христианско-коммунистической общины, групповой брак библейских христиан с ручья Онейды (округ Мэдисон, штат Нью-Йорк). Сами члены общины Онейды называли эту форму брака «комплексной». Эта христианская секта учила, что исключительное обладание людьми столь же недопустимо, как исключительное обладание вещами, поэтому в их общине каждый мужчина был женат на каждой женщине. Община Онейды была основана в 1847 году, групповой брак в ней отменен в 1879 году.

Риверс готов признать формы брака у тода в Индии и арибана и диери в Центральной Австралии групповым браком, прочие же случаи считает сомнительными. Он полагает, что групповые браки могут быть довольно распространенными, если понимать под браком только половую связь. Если же брак это законная форма, которая определяет положение детей, то описанные случаи неоднозначны, и скудость сведений не позволяет сделать четкие выводы.

Ранее Риверс пытался объяснить форму брака у тода сочетанием многожества с многоженством. Такие колебания в оценке формы брака у этого племени объясняются тем, что тода в новейшее время изменили их форму брака. До подчинения Индии британской администрации, у тода был обычай убийства новорожденных девочек. Если на одной из немногих оставшихся в живых девочек женился мужчина из её племени, то все братья этого мужчины могли также вступить в брак с нею. Родившиеся от общей жены дети считались детьми того мужчины, который был связан с этой женщиной определенным обрядом. Обычно это был самый старший брат. После рождения двух или трех детей следующий по старшинству брат вступал в такую же связь с этой женщиной, и следующие дети считались его детьми, а потом эта женщина таким же образом вступала в связь с третьим братом. После того, как британская администрация запретила обычай убийства

новорожденных девочек, число желающих вступить в брак девушек возросло, так что теперь группа братьев могла жениться не на одной девушке, а на группе сестёр. Когда мужчина народа тогда женится на девушке из этого народа, то предполагается, что она может стать и женой его братьев, и эти братья могут также жениться на её сестрах. Таким образом, можно считать вслед за Риверсом, что у тогда многомужество сочетается с многоженством. Но лучше всего назвать этот результат групповым браком. Но наряду с этими групповыми браками у тогда продолжают существовать и прежние формы многомужества, т.е. брака одной женщины с несколькими братьями. Полигамия в форме многоженства или многомужества существует у одних и тех же племен наряду с моногамией и нигде и никогда не является единственной формой брака. У тогда тоже есть и моногамия, и полигамия.

Обычаем дозволяются и внебрачные связи замужней женщины с одним возлюбленным, «легальным любовником», как называет его Декан. Часто это защитник женщины в отсутствии её мужа. Муж этой женщины, согласно обычаю, тоже может быть законным возлюбленным другой женщины, но это еще не групповой брак, и такие отношения нельзя называть, как предлагает Декан, «суженной формой группового брака» или «смягченной полиандрией».

В некоторых частях Меланезии наряду с моногамией существуют половые связи с «сёстрами» жены как с группой, но «братья» и «сестры» здесь означают не родство в европейском понимании, а в смысле классификационных обозначений родства, о которых я буду говорить позже. Эти понятия охватывают гораздо более широкий круг людей, так что возникает вопрос, можно ли еще называть освященные обычаем половые отношения столь больших групп «групповым браком». Риверс предпочитает называть такие отношения моногамией в сочетании с «сексуальным коммунизмом», причем Риверс употребляет это выражение в смысле промискуитета.

У племени массим на Новой Гриве все члены «братства» имеют право на жен своих товарищей. Риверс задает вопрос, как это лучше назвать: «групповым браком или конкубинатом»?

Я не хочу сейчас углубляться в эти вопросы, так еще буду говорить о групповом браке, когда пойдет речь о происхождении человеческого брака. Следует, однако, твердо запомнить, что под групповым браком ни в коем случае нельзя понимать свободные, незаконные связи. Это связи законного характера, с определенными правами и обязанностями, связи, которые определяют и положение детей. Там, где действительно господствует групповой брак, эта форма брака подчинена определенным законам и обычаям, как и заключение подобных браков. О групповых

браках племен центральной Австралии голландский исследователь Ньювенгейс сообщает со слов миссионеров, что они отличаются прочностью и серьезностью отношений.

Вот все, что можно сказать о прошлых и возможных формах брака. Остается открытым вопрос, можно ли причислять к формам брака и внебрачные отношения. Побочным браком называются регулируемые законом или обычаем отношения типа группового брака, но они допускаются лишь в определенных случаях. Может быть, у массагетов были такие внебрачные формы — на это указывает одно место у Геродота (I, 215). Возможно также участие родных или двоюродных братьев в половой жизни супружеской пары или группы супругов в полигамном браке, особенно при ярко выраженных матриархальных отношениях и при совместном проживании родственников, когда большая семья увеличивается до размеров племени.

И преемственная полигамия, полигамия с временной последовательностью моногамных браков, тоже может быть упомянута как одна из форм брака, как разновидность полигамии. Она появляется там, где браки непрочны и легче расторгаются, где отдельные люди могут несколько раз вступать в брак, и общество не возражает. Такая полигамия с чередованием во времени моногамных браков чаще встречается у племен ярко выраженного матриархального типа. Она часто способствует и сохранению семей. Так у эскимосов Гренландии замужняя женщина не может протестовать против женитьбы ее мужа на другой женщине, если она сама бездетна или не может или не хочет больше рожать детей и если ее муж может прокормить более многочисленную семью. Но при таких браках первая жена остается более уважаемой. Можно ли назвать многократные разводы и повторные браки мужчин и женщин в странах Западной Европы и Северной Америки полигамией во временной последовательности, сомнительно, так как понятие «преемственная полигамия» включает в себя обязательное подчинение обычаю, которым определяется такая форма брака. Повторные браки разведенных мужчин и женщин в странах Запада это симптомы разложения прежних нравственных устоев, которые предполагали заключение моногамных браков на всю жизнь.

VII. Промискуитет

В рассуждениях о происхождении и формах брака, семьи и родства особую роль играет промискуитет (сексуальный коммунизм, гетеризм, агамия), т.е. беспорядочные половые сношения неопределенного числа достигших половой зрелости людей обоих полов друг с другом,

причем обе стороны эти связи ни к чему не обязывают... При такой беспорядочности половых сношений не должно быть никаких обрядов заключения брака, никаких свадебных празднеств никаких законов о браке, семье, положении детей в семье и обществе, никакой ревности. Промискуитет это беспорядочный порядок, но ни в коем случае не форма человеческого брака, так как «брак» требует нравственных устоев, на которых основываются длительные человеческие отношения, права и обязанности. Декан указывает, что все изученные этнографией племена имеют минимум одну определенную форму брака. Промискуитета вместо брака нет ни у одного народа.

Но я должен сказать, что крупные ученые XIX века считали промискуитет первоначальным состоянием, равнозначным первичной форме брака в роде человеческом, и с этой гипотезой были связаны яростные споры, которые продолжаются до нашего времени. Хотя, если судить только по нравам современных народов и племен, промискуитет ни в коем случае не может рассматриваться как форма брака, нельзя не видеть, что довольно беспорядочные половые сношения, хотя и не всех людей разных полов друг с другом, но больших групп, часто групп молодых людей разного пола, имеют место. Но главным в промискуитете многих первобытных народов является включение этих довольно беспорядочных половых сношений в определенный нравственный порядок. Обычай определяет, кто принадлежит к такой большой группе беспорядочно совокупляющихся людей обоих полов, в какое время и при каких условиях такие отношения возможны и какие последствия это имеет для прав и обязанностей их участников.

Поэтому нецелесообразно применять к промискуитету термин «гетеризм», как это делал Бахофен, один из открывателей матриархата, так как слово «гетеризм» напоминает образованным людям Запада об одном явлении жизни позднегреческих и эллинистических больших городов, свободных половых отношениях в форме более или менее утонченной проституции. Гетеризм в эллинистическую эпоху был явлением распада высокоразвитого общества. И проституцию при всей градации человеческих нравов мы встречаем только у более высоко развитых племен. Поэтому беспорядочные половые сношения «на дне» больших городов Запада или в портах всей Земли это еще не «промискуитет»; в этнографии этот термин указывает на определенный нравственный порядок, в рамках которого определенным образом допускается беспорядочное смешение полов. Разложение нравственности народа, превращение ее в безнравственность приводит не к промискуитету в смысле этнографической науки. Промискуитет «дикарей» всегда определяется нравственными представлениями, хотя он не может считаться формой

брака, даже если он позже часто приводит к установлению брачных отношений. Добрачные половые отношения в германской крестьянской среде, если она следует нравственным представлениям, могут в отдельных случаях называться проституцией. См. раздел о половой жизни сельской молодежи и о крестьянской нравственности в моей книге «Крестьянство как форма жизни и общественная форма» (1939).

Надо с осторожностью относиться к рассказам о беспорядочных половых отношениях. Писатели-путешественники, поверхностные наблюдатели, часто называли промискуитетом то, чего не понимали при своих европейских представлениях о нравственности и безнравственности, тогда как в действительности речь шла о регулируемых отношениях. Леббок (лорд Эвбери), который считал групповой брак первоначальной формой брака, называл и племена, которые, по его мнению, жили почти или совсем без брака; он причислял к ним бушменов и андоманцев. Но А.Р. Браун позже сумел доказать, что, хотя у андаманцев молодежи до брака предоставляется половая свобода, потом она сменяется прочными брачными связями. Прочная форма брака и у бушменов. Декан привел примеры неправильного понимания действительных обычаев и законных брачных связей, принятых за промискуитет. Подобные примеры можно найти и у других исследователей. Пробные браки молодежи трактуются как беспорядочные связи, равно как браки, заключаемые на ограниченное время, у многих народов, например, у гавайцев и у древних и современных городских арабов (но не у бедуинов). Временные браки заключались или заключаются и сегодня в Эфиопии, Иране и Тибете, у отдельных индонезийских и эскимосских племен. Не только временные браки гавайцев принимались за беспорядочные сношения. Свобода половых сношений в большинстве случаев регулируется обычаями и ее нельзя называть беспорядочными половыми сношениями, к тому же ни у одного племени добрачная половая свобода не воспринимается как замена брака или отказ от законного брака. Такая добрачная свобода имеет тот смысл, чтобы дать утихомириться диким инстинктам молодежи, защитить институт брака от этих необузданных инстинктов и достичь того, чтобы при выборе супружеской пары молодежь руководствовалась не одними сексуальными мотивами; это особенно подчеркивает Малиновский. Добрачная свобода половой жизни, таким образом, ограничена во времени, является преходящим явлением в жизни племени и отдельных людей, ограничивается юными годами. У племени педи в Трансваале, по данным Жюно, — всего одним днем, последним днем второго обрезанья. Этот обычай чаще встречается при матриархальных порядках и чаще у более высоко развитых первобытных народов.

Часто добрачные половые связи имеют своей целью проверку способности девушки к деторождению. Во многих областях Германии крестьяне устраивают т.н. пробные ночи, о чем я писал в моей упомянутой книге о крестьянстве, именно с этой целью Доказательства такого значения добрачных половых связей приводит и Вестермарк. Такой добрачной проверке на способность рожать детей соответствует и широко распространенное право мужчин, желающих иметь потомство, на развод с бесплодной женщиной. Вестермарк приводит также много примеров разводов с неспособными к зачатию мужчинами. У многих племен, как и среди германского крестьянства, добрачные половые отношения ведут к заключению брака, часто беременность обязывает к браку, и у многих племен Земли, как и у сохранившего здоровую нравственность германского крестьянства добрачная половая свобода после брака сменяется строгим соблюдением супружеской верности, и именно у первобытных народов со средним уровнем развития цивилизации брак подчинен самым строгим законам. Обычно добрачные половые связи больше разрешаются юношам, чем девушкам, ни у многих народов оба пола имеют одинаковую свободу. Во многих случаях добрачные половые связи хотя и не одобряются публично, но и не порицаются. В целом добрачные половые связи больше порицаются у охотников и земледельцев, находящихся на более низком уровне развития, чем у тех, кто достиг более высокого уровня, у кочевников больше, чем у земледельцев, и при патриархальных порядках больше, чем при матриархальных.

Бросается в глаза — таковы и народные воззрения в Европе — что добрачная беременность обычно осуждается более сурово, чем добрачные половые связи, а внебрачная беременность даже карается, тогда как добрачные половые связи разрешаются, как у многих племен в Азии, Меланезии, Африке и Америке. Там, где господствуют подобные воззрения, широко распространяются противозачаточные средства и аборты.

Там, где за добрачные половые связи девицам платят, правильной говорить о проституции, чем о какой-то форме промискуитета. Во всяком случае, здесь проходит граница за которой строго научное понятие «промискуитета» теряет свою силу.

Но промискуитет не ограничивается только добрачными связями, он включает в себя и внебрачные связи между людьми, уже состоящими в браке. Но и в этом случае рассказы путешественников нуждаются в проверке, прежде чем можно будет говорить о настоящем промискуитете, о действительно беспорядочных половых связях. Многие поверхностные наблюдатели называют промискуитетом разные формы группового брака, внебрачные связи или частые разводы и повторные

браки. Как промискуитет воспринимаются и обычаи всеобщего полового смешения во время религиозных праздников, т.е. обычаи, при которых брачные связи прерываются лишь на короткое время. Наконец, многие путешественники, не наблюдая свадебных торжеств, делают вывод о незаконности половых сношений и называют их промискуитетом. Но такие выводы нельзя делать, исходя из того, что не празднують помолвку и свадьба. Помолвки у первобытных народов нет, только когда они достигают более высокого уровня, можно говорить о каких-то союзах, которые заключаются еще в то время, когда молодежи предоставляется половая свобода. При патриархальных порядках, когда молодые люди разных полов строго разделены, упор делается на помолвку. Но помолвка, как особый обычай, появится только у земледельцев или у племен, находящихся под их влиянием. И свадьба начинает праздноваться только на более высоком уровне развития, у племен, которые больше задумываются о человеческой жизни, о жизни семьи. У более высоко развитых кочевых и земледельческих народов настоящим праздником становятся переговоры, предшествующие свадьбе. Индия, Юго-Восточная Азия и — под влиянием Индии — Малайские острова это области особенно пышных свадебных празднеств. А там, где народы стоят на более низком уровне цивилизации, и свадебные обряды скромней, не бросаются в глаза или вообще отсутствуют, но из этого нельзя делать вывод об отсутствии брака и о беспорядочных половых сношениях.

Путешественники часто ошибочно принимают левират и сорорат за беспорядочное смешение или его пережиток. Обмен женами, который практикуется у некоторых племен, чаще всего, похоже у эскимосских, обмен, который происходит при сохранении обоих браков или может привести к заключению новых браков, также нельзя воспринимать как беспорядочное смешение или его пережиток, равно как и внебрачные связи мужчины или женщины. Такие связи обычаи ограничивает определенными случаями и представлениями о праве супруга на обладание своей женой. Многие племена убивают мужчину, который нарушил брак другого мужчины связью с его женой, но мужчины того же племени по обоюдному согласию могут в определенных случаях передавать своих жен другому мужчине. Но эта передача на время — не беспорядочное смешение, не промискуитет. Такой обычай передачи жены определенному соплеменнику встречается в Африке, Северной Америке и Австралии. У многих племен гостю предлагают стать участником брачных половых отношений. Это называют «гостеприимной проституцией», но оказание такого почета гостю это не проституция, не беспорядочное смешение и не его пережиток. И разные формы конкубината, половой связи муж-

чины с наложницей к тому же разрешенные обычаями племени, связи, которые не дают, однако, прав на отцовство или наследство, такие формы конкубината тоже нельзя считать беспорядочным смешением.

Существование права первой ночи — тоже не повод для вывода о беспорядочном смешении. Бахофен, Жиро-Телон и Пост считали это право пережитком первоначального беспорядочного смешения. Легендарное право первой ночи в Европе известно по опере Моцарта «Свадьба Фигаро», меньше — по одной пьесе Вольтера, который верил в это средневековое «право сеньора». Но такое право вряд ли существовало где-либо в Европе. Может быть, в частях Южной Франции и Испании — на древней матриархальной почве? — какое-то время существовало «право сеньора», по крайней мере, как традиция. В Пиренеях и только так имеются, по данным Карла Шмидта, свидетельства свадебных обычаев, которые можно считать пережитками ранее существовавшего права первой ночи. Многие балтийские бароны присвоили себе такое право, но это лишь свидетельство их развращенности. Гипотеза о действительном существовании права первой ночи возникла, вероятно, вследствие того, что были приняты всерьез шуточные подписи к старинным рисункам. Право господина распоряжаться своими крепостными в шутку преувеличивалось, и позже это буквально истолковали как право на тела женской прислуги. Подобные примеры приводит Гирке. Историю о праве первой ночи в Европе Карл Шмидт называет «ученым суеверием». В новейшее время у этой теории нет больше сторонников.

Где вне Европы встречается право первой ночи, так это у бразильских индейцев, у карибских племен, племен, живущих в Никарагуа и других странах Центральной и Южной Америки, у отдельных африканских племен, у берберов и у меланезийских и австралийских племен. Вызвано его появление, в основном, тремя представлениями: 1) страхом супруга перед первой ночью, из-за чего он передает право на нее посвященному жрецу, защищенному от злых сил, 2) мнением о святости обычая, провести ночь со жрецом и 3) притязаниями власть имущих, которые маскируют свое сладострастие правом, якобы принадлежащим вождю. Но такие обычаи не позволяют сделать вывод о беспорядочном смешении ни применительно к настоящему, ни применительно к прошлому. Карл Шмидт справедливо замечает, что многие рассказы о неевропейских странах говорят не столько о праве первой ночи, сколько о добровольном оказании чести или милости или о долге по отношению к новобрачным...

Итак, если мы проверим все рассказы о промискуитете, мы установим, что настоящий промискуитет встречается как ограниченное во времени, всегда подчиненное обычаям племени явление, особенно рас-

пространенное в частях Африки и Индии и среди многих меланезийских племен, в целом же редко у примитивных племен, чаще у племен с более высоким уровнем развития, особенно у матриархальных племен. Но в качестве замены законного брака или в противовес законному браку промискуитет не встречается нигде, точнее, он не встречается, как постоянное явление, и все народы Земли, по крайней мере, современные, убеждены, что брак должен быть законным. Нигде не встречается безбрачное состояние (агамия). Существовало ли оно раньше и возник ли человеческий брак у всех народов с одной ступени промискуитета — эти вопросы мы рассмотрим позже.

Кроме такого ограниченного обычая промискуитета холостых и состоящих в браке, во всех частях Земли встречается и беспорядочное половое смешение как результат падения нравов, нравственного разложения. Я уже говорил об этом явлении в портовых городах и мегаполисах Запада. Среди первобытных народов есть племена, у которых брак в разных формах строго соблюдается, а внебрачные связи запрещены, но есть и племена, которые не считают внебрачные связи серьезным проступком, а также племена, которые позволяют молодым людям обоих полов свободно вступать в связь, но есть и такие племена, которые строго следят за целомудрием девушек: утрата девственности может стать причиной отказа от брака или жених может забрать калым обратно. Более строгие взгляды лучше защищают племя от безнравственности. Падение нравственности вплоть до разложения часто происходит там, где первобытные народы подвергаются влиянию европейцев или других культурных народов. В таких случаях добрачные половые связи часто распространяются и там, где раньше не было никаких форм промискуитета. Такое разложение нельзя называть промискуитетом, потому что промискуитет в этнографическом смысле этого термина, о чем я уже не раз говорил, всегда подчинен определенным обычаям. Поэтому сомнительно, можно ли называть промискуитетом беспорядочные половые связи в тех уникальных условиях, в каких жило в XVII веке запорожское казачество, или другие случаи, о которых сообщали из Южной Америки, или случаи, описанные греческими и римскими историками, — все они собраны у Декана. Многие рассказы греческих и римских историков скорее выдумки, чем подлинные свидетельства.

Обычай добрачной свободы половых отношений тоже нельзя рассматривать как беспорядочное смешение всех со всеми или как заключение краткосрочных союзов по желанию или по настроению отдельных лиц или как признак необузданной сексуальности или как потерю всякого стыда. Во многих случаях речь идет лишь о кратковременном перерыве, на протяжении которого обычай, в отличие от остального времени, не

действуют. Я уже говорил, что у педи, одном из племен группы тсонга в Трансваале, свободные половые сношения ограничиваются одним днем, последним днем второго обрезания юношей. Даже племена со строгими обычаями экзогамии допускают половые сношения между близкими родственниками, однако только при определенных праздниках в виде магии плодородия. Даже промискуитет регулируется обычаями, а не безграничен, как раньше думали. При всей свободе добрачных отношений между молодыми людьми обоих полов, должны соблюдаться предписания племени о том, кого следует избегать: нельзя выбирать родственников даже для кратковременных связей, при экзогамии — членов своей подгруппы племени, при эндогамии — членов другого племени или других подгрупп своего племени. Несмотря на свободу добрачных отношений рождение внебрачных детей у многих племен наказуемо; есть племена, которые таких детей убивают. Внебрачных детей не должно быть. У многих племен зачатие ребенка до брака приводит к браку тех, кто его зачал.

Заповеди о скромности одежды, слов и жестов существуют и у тех племен, которые предоставляют молодежи обоих полов свободу добрачных отношений, и действуют и в период этой свободы. Чужаки, в том числе европейцы, если они хотят принять участие в этих обычаях, отвергаются. Собрания молодежи строго регулируются обычаями: должны соблюдаться определенные обряды, для этой цели отводятся определенные места, определенное время, определенные дома. Чувства стыда и приличия у участников тоже определяются воззрениями племени и проявляются при желании вступить в связь или при предложении брака. Ни юноша, ни девушка не будут настаивать на сближении, если оно отвергнуто. Обычно период свободных отношений заканчивается взаимным выбором супружеской пары. Примеры таких обычаев промискуитета дает Ч. У. Маргельд. Даже те племена, которые в определенных случаях допускают промискуитет лиц, состоящих и не состоящих в браке, оставляют в силе и на это время действие определенных обычаев, особенно заветов, кого следует избегать: состоящих в браке мужчин или женщин, собственных обрученных — таковы понятия племени о приличии и стыдливости. Малиновский сообщает из Полинезии о 16-летнем юноше, который бросился с пальмы, после того, как обнаружилось, что он находился в половой связи с дочерью сестры своей матери, что тамошним обычаем запрещено.

Маргольд делает такой вывод из своего обзора: «Таким образом, и у тех племен, которые не соблюдают добрачное целомудрие и допускают промискуитет между своими юношами и девушками, имеют обязательные правила групповой жизни... Из этого следует, что даже

при допущении добрачной свободы половых отношений, поведение при этих отношениях — дело не только отдельного человека, но и группы. Обычаи группы неизменно господствуют и над якобы «свободными» половыми связями». Так что промискуитет это не «беспорядочное смешение», нельзя так переводить это слово. И промискуитет подчиняется обычаям и не означает бесстыдство поведения.

Но промискуитет не так широко распространен, как полагают, и у примитивных и матриархальных племен. Маргольд перечисляет племена разных частей света, у которых требуется добрачная воздержанность: веды на Цейлоне, племена островов Амфлет у берегов Новой Гвинеи, племена ипи на Новой Гвинее, кунби в Центральной Индии, апачи в штате Нью-Мексико; Кроули называет и другие племена.

Наличие промискуитета в определенном возрасте или при определенных обстоятельствах, рано как наличие пробных браков, временных браков, групповых браков, внебрачных связей, конкубината и обмена женами — не повод для предположения, будто первобытные народы вообще или многие из них ведут необузданную половую жизнь. Нас не должны вводить в заблуждение рассказы о мнимой безнравственности первобытных народов и о мнимом господстве у них половых инстинктов. Положение в наполовину европеизированных портовых городах не позволяет сделать никаких выводов о нравственности туземцев. У них своя, неевропейская нравственность, а не безнравственность — это следует постоянно подчеркивать. Прежние представления о сексуальной необузданности «дикарей» опровергнуты. Я уже говорил, что борьба за существование в тяжелых условиях требует от людей большего напряжения сил, чем в условиях, в которых живут многие культурные народы, и это напряжение оттесняет на задний план половые инстинкты. К тому же, как пишут Робертсон Смит, Фрззер, Кроули и другие, многие племена, живущие в первобытных условиях, рассматривают сексуальную сферу как область жизни, к которой следует подходить с осторожностью, а временами лучше совсем ее избегать. Эти племена видят в половом акте нечто опасное для тела и души. Вероятно, и первобытные народы быстро вымирали, если впадали в сексуальную необузданность, и вероятно обуздание полового инстинкта обычаями и законами это уже признак первобытного человечества, потому что необузданность мешает самосохранению и необузданные человеческие группы постоянно истреблялись. Значит, обуздание полового инстинкта и определенные правила заключения браков это не достижения ранней цивилизации, а предварительные условия отбора, который привел к возникновению человеческого рода. Я попытаюсь обосновать этот тезис позже. Я уже ссылался на утверждение Анвина, согласно которому

ограничивающее половой инстинкт напряжение — предварительное условие развития цивилизации вообще. Разумеется, наследственные инстинкты, т.е. закрепленные отбором задатки, побуждающие строить жилье, добывать пропитание, одеваться, заботиться о семье и потомстве больше способствовали возникновению брака в среде первобытных людей. К такому выводу пришел Малиновский после проведенного им исследования первобытных племен.

В жизни всех народов и таких народов, которые в определенном возрасте и в определенных случаях допускают беспорядочные и временные половые связи, действуют определенные законы брака: форма брака регулирует длительные отношения между полами и отношение детей к обществу, к которому они принадлежат. Обычно бытует представление, что форма брака должна регулировать половые отношения и что дети должны иметь законных родителей; внебрачные дети обычно меньше ценятся, нарушение брака обычно осуждается, причем у первобытных племен, как правило, еще больше, чем у племен с более высоким уровнем развития цивилизации и при патриархате больше, чем при матриархате, а нарушение брака женщиной везде осуждается строже, чем нарушение его мужчиной. Первобытные люди рассматривают нарушение брака как «кражу» женщины и карают за это. Такое отношение к нарушению брака означает, что брак рассматривается как элемент общественного порядка. О заключении брака уведомляется общество — подчеркивает Вестермарк. Отсюда праздничные свадьбы у многих народов, брак у них — «божественное право», а не просто человеческое или «гражданское» право. Сохранение верности в браке, согласно мнению, распространенному у многих народов, вознаграждается божественными силами, и ее нарушение карается.

Таким образом, правило это определенный порядок, влияние определенной нравственности даже на форму якобы беспорядочных отношений. Действительно, половая жизнь первобытных народов «гораздо более упорядочена, чем мы раньше думали» (Турнвальд) и действительно безнравственность «именно среди первобытных людей встречается реже всего» (Ньювенгейс). Сексуальность молодежи вызывает — у первобытных племен меньше, чем у более развитых народов — склонность к беспорядочным половым сношениям. Матриархальные порядки меньше мешают этому, чем патриархальные, особенно при власти старейшин (геронтократии) и аристократическом патриархате, как у отдельных народов, говорящих на индоевропейских языках.

Главное во всех этих правилах половой и брачной жизни у всех народов, не желающих стать жертвой разложения, это соблюдение определенных нравственных законов. Что считается нравственным, а

что отвергается. Как безнравственное, этим народы различаются между собой, равно как и представлениями о бесстыдстве, но общее для всех здоровых народов это воля к прочному и обязательному для каждого порядку, особому у каждого народа. В Греции во времена софистов и на Западе в XIX веке обсуждались вопросы, что такое вообще нравственность, и, исходя из того, что у одних одни представления о нравственном и безнравственном, а у других — другие, приходили к выводу, что все эти ценности «относительны» и никогда нельзя решить, что дано «от природы», а что относится к человеческим законам. Такие вопросы характерны для поздних эпох распада. Здоровый народ заинтересован только в утверждении и сохранении прочных собственных порядков, которые сформировались во взаимодействии наследственных задатков людей и особенностей окружающей их среды. Поэтому многие народы воспринимают свои обычаи как нечто священное и неизменное, не подлежащее сомнению, и брак для них тоже «вечный закон».

V. Распространение форм брака у отдельных народов и причины возникновения или сохранения этих форм

1. Моногамия.

Самая частая форма, независимо от ступени развития, это моногамия — это особенно подчеркивают Гребнер, Вестермарк и В. Шмидт. У большинства охотничьих и земледельческих племен, находящихся на низшем уровне, преобладает моногамия, равно как у племен Индонезии. Но на этой низшей ступени, как и во многих случаях на более высокой ступени развития всегда возникает вопрос, является ли моногамия как фактической, так и принципиальной формой, т.е. вызвана ли моногамия какого-то племени, главным образом, экономическими причинами или она соответствует нравственным убеждениям этого племени и объясняется, главным образом, ими. Возможна фактическая моногамия, при которой разные формы полигамии не считаются аморальными и принципиально не отвергаются. Обстоятельно этот вопрос еще не изучен.

Первобытные условия существования и малочисленность группы людей, конечно, благоприятствуют моногамии, из чего можно сделать вывод, что формой брака у палеолитических человеческих стад была моногамия или преимущественно моногамия. Этому способствовало и преобладание мужчин, которое могло быть вызвано разными обстоятельствами. «Естественным» это преобладание не является. Хотя

называются такие цифры пропорционального соотношения полов среди новорожденных, как 105:100, т.е. на 105 новорожденных мальчиков приходится 100 девочек, но среди мальчиков смертность выше, поэтому позже соотношение выравнивается. Поэтому при обсуждении вопроса о причинах происхождения разных форм брака следует исходить из соотношения 100:100. Внесение обстоятельства — нездоровый образ жизни, болезни, несчастные случаи, эпидемии, войны и т.д. — могут повысить смертность людей того или иного пола. Небольшие различия в собственности отдельных семей или соплеменников благоприятствуют моногамии как и бедность вообще. К тому же у племен охотников и собирателей когда мужчины занимаются, главным образом, охотой и рыбалкой, а женщины собирают растительную пищу и ловят мелких животных, скудная пища, которую не всегда можно достать, не позволяет мужчине содержать нескольких жен и их детей.

Моногамии способствует и ревнивость женщин. При этом следует помнить, что душевные связи между супругами отличаются богатством чувств уже у первобытных племен; взаимную привязанность мы наблюдаем и в животном мире. Моногамия вырастает из глубокой, исключительно душевной связи двух людей разного пола, а не объясняется стесненными внешними обстоятельствами, поэтому она часто встречается и среди народов, у которых преобладает моногамия, и среди племен, у которых преобладает групповой брак. Я уже приводил взятый у В. Фильхнера пример Тибета. Более высокий уровень развития цивилизации, особенно расслоение и экономическое развитие племени, могут, с одной стороны, привести к появлению многоженства, а с другой — к утонченности душевной жизни, что благоприятствует моногамии. Но более высокий уровень развития цивилизации часто приводит и к ослаблению или исчезновению заветов сохранения чистоты для женщин и воздержания для мужчин. Правда, мужчине достаточно кратковременной половой связи с женщиной, чтобы он понял, что другие ему уже не нужны.

В первобытных племенах мужчина часто находит сердечное сочувствие ближних только в своей семье, поэтому он желает, чтобы его семья была как можно больше, чтобы у него было несколько жен и много детей. Крестьяне называют «дружкой» родство — это указание на ту ступень развития цивилизации, когда люди могли ожидать признания дружеских чувств только от членов своего рода. На более высоком уровне развития мужчина часто находит друзей и вне семьи, поэтому ему достаточно одной жены и небольшой семьи. На примитивном уровне и на ранних стадиях развития народов большое число детей обычно способствует укреплению домашнего хозяйства, обеспечивает

мужчине уважение и власть, поэтому он стремится иметь много детей от нескольких жен. На более высоком уровне развития число детей теряет свое значение. В Европе XIX века для городского населения дети перестали быть «благословением», а стали «обузой».

Об утончении отношений между полами как об основе моногамии уже говорилось. Одухотворенность может в конечном счете стать настолько высокой, что мужчина или женщина находит свое дополнение только в одном человеке, в его духовных качествах. Молодость или красота женщины, которые привлекают мужчин тех народов, у которых преобладает многоженство, перестают быть ее единственным или главным привлекательным качеством. Там, где женщины высших слоев избавлены от работы, они дольше сохраняют молодость и красоту, а в одухотворенной цивилизации душевные качества ценятся выше. Но чрезмерная утонченность и чувствительность тоже опасны: мужчина и женщина могут счесть самих себя и свою любовь самоцелью. Так возникает «романтическая любовь», лучше всего изображенная в опере Р. Вагнера «Тристан и Изольда» как проявление крайнего индивидуализма. Для обоих этих людей их слияние — смысл жизни, все окружающее кажется им несовершенным, дух, стремящийся постичь суть, должен его отрицать. Трудно представить себе Тристана и Изольду как супружескую пару, имеющую детей. Здесь уже стирается грань между жизнью и враждебным отношением к жизни.

2. Многоженство

Многоженство довольно широко распространено среди земледельцев, но чаще у таких племен, которые сочетают земледелие со скотоводством, еще чаще — у кочевников-скотоводов. У большинства пастушеских племен преобладает многоженство, например, у племен, говорящих на семитских и хамитских языках. У пастушеских племен, стоящих на более низком уровне развития, оно встречается менее часто, чем у высокоразвитых. Континент, где многоженство распространено наиболее широко, — Африка; здесь же у мужчин бывает больше всего жен. В Африке встречаются также разные названия степеней родства детей одного мужчины от разных жен. Вслед за Африкой следует назвать Австралию и части Меланезии. У австралийских и меланезийских племен более старые мужчины имеют право на более молодых женщин. В Австралии, где ярко выражена власть старейшин (геронтократия), старые, уважаемые мужчины добавляют к уже имеющимся женам более молодых, так что молодым мужчинам молодых женщин не хватает,

и они часто бывают вынуждены жениться на вдовах или отвергнутых старых женах других мужчин...

Многоженство в форме преемственной полигамии встречается у многих матриархальных племен и у таких, по обычаям которых молодые мужчины сначала женятся на более старых женщинах, потом на ровесницах, а потом на более молодых, как у племени банаро на Новой Гвинее или у племен острова Науру, входящего в группу Маршалловых островов. Браки более старых мужчин с более молодыми женщинами и более молодых мужчин с более старыми женщинами индейцы тупи (гуарани) в Бразилии объясняют тем, что молодых людей лучше воспитывают более старые. Преемственная полигамия встречается и у матриархальных племен, у которых браки легко расторгаются. Оба эти явления характерны, например, для гренландских эскимосов. Часты разводы и повторные браки и у исламских народов Северной Африки, т.е. при патриархальных порядках. Здесь они объясняются тем, что жених знакомится с невестой только на свадьбе. По обычаям ислама мужчина может иметь одновременно до четырех жен, если он может уплатить калым за невест.

У всех племен, у которых преобладает многоженство, принципиально соответствующее их воззрениям, наряду с браками одного мужчины с двумя и более женщинами встречаются и моногамные браки. Многоженство, как правило, появляется у племен с более высокоразвитым хозяйством и сословным расслоением. Мужчины из высших слоев и более богатых семей, которые могут содержать большие семьи, причем иметь большую семью с несколькими женами и множеством детей считается почетным, имеют больше жен, тогда как мужчины из бедных слоев довольствуются одной женой, а больные и слабые мужчины остаются холостыми. По этим причинам в оном и том же племени могут сосуществовать моногамия и полигамия. Киргизы могут иметь до четырех жен, но большинство киргизов может заплатить калым лишь за одну невесту. В Турции до принятия закона о моногамии лишь около 10% мужчин имели много жен, а 90% только одну. Ганс Штаден, который в середине XVI века попал в плен к индейскому племени тупинамба в районе Рио-де-Жанейро, рассказывал, что большинство мужчин этого племени имеет одну жену, но многие — несколько, вожди — 13 или 14. Первая жена считается самой уважаемой. Бывает, что один мужчина дарит свою жену другому, если она ему надоела. Жены хорошо уживаются между собой.

У индейских племен области Кайяри (Северо-Западная Бразилия) Т. Кох. Грюнберг обнаружил многоженство как привилегию вождей, но и вождь мог взять вторую жену только с согласия первой. У этих

племен жен всегда берут из другого племени, часто привозят издалека. У горного племени дана в Юго-Западной Африке, по данным Г. Феддера, число жен не ограничено, их может быть пять и больше, но в том же племени моногамия встречается чаще, чем многоженство. У племен тсонга в Трансваале, по данным Жюно, многоженство встречается наряду с моногамией, но в такой форме, что первая жена считается самой уважаемой. Многие мужчины живут в моногамном браке, но не потому что предпочитают его, а потому что при одинаковом числе мужчин и женщин многим мужчинам женщин не хватает. У яка, народа группы банту в Конго, моногамия тоже сосуществует с многоженством. Тордей и Джойс сообщают, что у мужчин яка жен тем больше, чем они богаче, у бедняков одна жена или они остаются холостыми. У гету, хамитизированного племени банту в Уганде, большинство мужчин имеет двух жен, некоторые — одну.

Среди оленеводов-коряков В. Иохельсон подсчитал, что из 65 мужчин 6% имели двух жен, один — трех, все прочие — по одной, т.е. налицо сильное преобладание моногамии при допустимости полигамии в форме многоженства. У береговых коряков 13,6% мужчин имели по две жены, больше не было ни у одного, т.е. большинство жило в моногамном браке. В одном округе Южного Китая Кулып среди 182 семей насчитал лишь 14 полигамных; для большинства мужчин многоженство не по карману.

Среди племен, у которых преобладает многоженство, тоже может наблюдаться более или менее сильная тенденция к моногамии, например, в отличие от других арабоязычных групп, у бедуинов, а также у земледельческого и городского населения Палестины на грани нашей эры.

У индоевропейцев моногамия преобладала, похоже, и в доисторические времена, хотя у руководящих родов была и полигамия. Но нельзя вслед за О. Шрадером, исходя из наличия отдельных полигамных браков среди этих народов, делать вывод, будто полигамия у индоевропейцев раньше была распространена шире или даже преобладала, а позднейшие полигамные браки лишь пережитки этого состояния. У греков и римлян строго соблюдалась моногамия. Наряду с законной женой мужчина мог иметь и наложницу, но это была внебрачная связь, дети от которой не имели права на наследство, они не считались «законными наследниками».

У германцев наряду с преобладанием моногамии в редких случаях встречалось и многоженство, особенно у знатных родов, вероятно ради престижа, усиления власти и чтобы породниться с сильными родами. Были ли эти редкие полигамные браки у отдельных германских племен наследием столько же редких полигамных браков у первобытных

индоевропейцев или более поздним и чисто германским явлением, пока неясно. В средние века в Англии, Германии и Дании наряду с законным браком в редких случаях допускались и связи с наложницами, тоже в законной форме, хотя и не очень четкой. Дети от такой наложницы не немцев назывались «кеглями». Мужчина с «детьми и кеглями» это был мужчина, который имел не только рожденных от жены, но и внебрачных детей. Еще предстоит выяснить, то ли это наследие редкого многоженства древних германцев, то ли ветхозаветного многоженства, известного западным христианам по Библии, то ли так называемого «Friedelehe» германцев.

Герберт Мейер доказал, что у германцев было две законные формы вступления в брак, из которых выросли две разные формы брака, которые особенно сказывались на разном положении жены. У германцев, латинян и других индоевропейских народов был брак с «мунтом» или «манусом» или без них. Свободный брак без «мунта» Г. Мейер называет «Friedelehe», он соответствует индийскому браку «гандхарва». При этой форме брака женщина не вступала в семью и род своего мужа. При таком браке жена могла развестись с мужем, тогда как при браке с «мунтом» только мужчина имеет право требовать развода. Но Женщина, вступающая во «Friedelehe» это не наложница, и ее дети не испытывают ущемления в правах. Эта женщина — хозяйка в доме. В такой брак у германцев вступали, прежде всего, девушки из знатных родов, которые хотели выйти замуж за мужчину из менее знатного рода, но при этом не попадать под власть мужа и не вступать в его род. Эти формы брака делали возможным брак княжеских дочерей с мужчинами менее знатных родов, а также дочерей свободных людей из низших сословий с мужчинами высших сословий. От этой германской формы брака, как доказал Рудольф Фиккер, происходила средневековая испанская «бARRAGANIA».

Дочери Карла Великого вступили в такие браки с мужчинами из низшей знати, т.е. они не были их наложницами, как писали позже церковники, называвшие такие браки «конкубинатом». Церковь боролась с такими германскими браками, но только при Людовике Благочестивом она смогла сделать общеобязательным христианский брак, близкий к формам брака с «мунтом». Церковь требовала, чтобы форма брака соответствовала Библии, чтобы муж был господином своей жены. Ей казалось, что брак с «мунтом» лучше подходит для такой цели. Кроме того, церковь боролась против Friedelehe, потому что эта форма брака облегчала развод, а церковь пыталась сделать браки нерушимыми, поэтому и приравнивала эту форму брака к конкубинату, отсюда и пошли ужасные рассказы о наложницах и сожительницах германской знати

во времена Меровингов и Каролингов. Наконец, церковь добилась того, что *Friedelehe* был приравнен к конкубинату...

Сосуществованием двух форм брака у германцев и принижением одной из них ради возвышения другой и объясняется расцвет конкубината в Средние века. При этом речь не шла о незаконных связях, а о формах полу-брака, в который мужчина мог вступать наряду с церковным браком.

Воззрения на брак и семью, которые распространились вместе с христианством, основывались на обычаях и законах евреев в начале нашей эры. Тогда по крайней мере у сельского и городского населения Палестины преобладала моногамия, а у кочевых пастухов соседних стран, вероятно, полигамия, как в начальном периоде у всех семитоязычных племен, в том числе и евреев. Иисус, похоже, рассматривал моногамию как обычную форму брака, может быть, даже как лучшую. Во всяком случае, бросается в глаза, что он часто отбрасывает то, чему учили предков, и дает взамен новые заповеди: «Предкам было сказано... а я говорю вам», но не отвергал традиционное многоженство и не проповедовал моногамию. В Новом Завете нет ни слова осуждения многоженства древних евреев или соседних семитских племен, и даже современное государство Израиль вынуждено считаться как с моногамией, так и с многоженством его граждан. Многоженство было характерно для семито- и хамитоязычных племен и народов, а у большинства хамитских племен оно было связано с принижением женщины.

Христианские теологи сделали из слов Матфея (19; 5, 6) и Марка (10, 6-8) тот вывод, что Иисус, когда говорил о браке, имел в виду моногамию. Специально он ее не требовал, но предполагал. Фр. Бюксель тоже придерживается этого мнения, исходя из того, что в богатой историческими свидетельствами литературе первых христиан нигде не упоминается христианин, который состоял бы в полигамном браке. Но следует помнить, что христиане I века, в основном, принадлежали к низшим, бедным слоям народов Восточного Средиземноморья, которые и как представители этих народов, допускавших многоженство, вынуждены были довольствоваться одной женой. Многоженство и среди иудеев последних веков до нашей эры — первых веков нашей эры могли позволить себе только богатые мужчины. Самого Иисуса, вероятно, окружали только мужчины и женщины, состоявшие в моногамных браках. Бросается в глаза, что при новозаветном недоверии, даже отращении к богатству, Иисус, перечисляя связанные с ним опасности ли пороки, ни разу не упоминает многоженство. Из многих его речей, в том числе из Евангелия от Марка (12, 25), можно сделать вывод, что

брак для него был делом «мира сего», и по сравнению с потусторонними благами, ожиданием конца света и приближением Царства Божия имел очень мало значения для спасения души. Поскольку наступление Царства Божьего ожидалось в ближайшем времени, Иисус мог почти равнодушно относиться к формам брака. Если он в двух названных местах говорит о том, что мужчина и женщина должны стать «как одна плоть», то делается это со ссылкой на изречение из Ветхого Завета (Бытие, 27), который в других местах сообщает о многоженстве угодных племенному богу праотцев. Нельзя предположить, чтобы слушатели могли воспринять эту цитату как проповедь моногамии. И свадебные обычаи народов, знающих многоженство, всегда рассматривают мужчину и женщину как «двоих», обычаев группового брака нет — об этом еще будет сказано позже. Толкование упомянутых слов Иисуса как проповедь моногамии неубедительно, эти слова не позволяют сделать того вывода, какой хотели бы сделать теологи.

Евреи запретили многоженство своим западным общинам — и только им — лишь около 1000 года, о чем пишет Иенсен.

Из посланий апостола Павла, особенно из первого послания Тимофею (3, 2 и 12, 5, 9) и из послания Титу (1, 6) также пытаются сделать вывод о новозаветном или христианском понимании брака в противовес ветхозаветному и еврейскому. В этих посланиях говорится, что епископ должен быть «мужем одной жены», равно как и его помощник, диакон. Вдовы, которые хотят занимать какие-то должности в общине, должны быть «женами одного мужа» и старше 60 лет. Эти места свидетельствуют, как подчеркивает Ф. Бюксель, большое уважение к мужчинам и женщинам, которые вступали в брак лишь один раз, т.е. овдовев, не заключали брака вторично. Уважение к таким людям было в эллинистическую эпоху всеобщим среди средиземноморских народов. Напрашивается вывод, что послания апостола направлены против новых браков овдовевших мужчин и женщин, которые хотят занимать в общине руководящие посты. Но как запрет новых браков после развода эти места из посланий понимать нельзя (Ф. Бюксель). В одном месте (1 Тим, 5, 14) Павел высказывается за новые браки молодых вдов, чтобы они не обратились к Сатане. Но занимать должности в общине, по Павлу, женщины, вступившие во второй брак, недостойны. Толкование этих мест из посланий в том смысле, что только епископам и диаконам заповедана моногамия, а прочим христианам апостол разрешает многоженство, на мой взгляд, несостоятельно. Речь идет только о запрете новых браков для овдовевших епископов и диаконов. Расширенное толкование, по Иенсену, невозможно, как и расширенное толкование приведенных слов Иисуса.

Иенсену кажется ясным, что в Новом Завете под браком понимается только моногамия, мне же кажется, что Новый Завет не содержит однозначных высказываний о форме брака.

Только средневековая церковь требовала исключительно моногамии, вероятно под влиянием традиционных воззрений индоевропейских народов. Но почитание Ветхого Завета все время вносило неуверенность, какая же форма брака богоугодна, ибо «святые праотцы» были многоженцами. В эпоху Реформации ни католики, ни протестанты не могли решить, исходя из писания, какая же форма брака заповедана. Католик Кастан считал многоженство дозволенным, Лютер — не запрещенным, Меланхтон — допустимым, хотя и не рекомендуемым, Цвингли и Эколампаций высказывались против многоженства. Лютер разрешил Филиппу Гессенскому многоженство по его запросу: он считал многоженство менее предосудительным, чем развод, руководствуясь примером праотцев. Анабаптисты были многоженцами, учены школы естественного права в XVII веке высказывались за многоженство. В XIX веке мормоны или «Святые последних дней», христианская секта в американском штате Юта, завела у себя многоженство, опираясь на Библию.

Причины многоженства могут быть разными. В целом можно сказать, что вряд ли где-либо и когда-либо оно было вызвано похотью мужчин. Это может быть индивидуальным случаем, но многоженство целого племени этим объяснить нельзя. Больше всего способствуют многоженству желание иметь много детей, ценность женской рабочей силы и погоня за престижем. Мужчина считался тем богаче, чем больше у него жен. С многоженством может быть связано и особое почтение к первой жене, как показывает Жюно на примере племени педи в Трансваале.

Бросается в глаза — особенно для наблюдателей из моногамных народов — что женская ревность внешне редко вступает в противоречие с многоженством и вызывает раздоры. Раздоры между женами одного мужчины реже вызываются сексуальными чувствами этих женщин, чем борьбой за положение и обращение с их детьми. О ревности одной австралийки, муж которой взял себе еще одну, более молодую жену, писал Г. Грей. Деметра Вака описывает жизнь турецких женщин из высших слоев около 1900 года: ревность у этих женщин совсем отсутствует или проявляется редко, она считается эгоистическим чувством, а высшая цель брака и жизни женщины это материнство. О частых семейных ссорах, вызванных ревностью женщин, пишет Жюно в своей книге о жизни и нравах племен тсонга в Трансваале. Но он не указывает, чем вызвана ревность этих женщин. О горном племени дама в Юго-Западной Африке Г. Феддер сообщает, что женщины часто досаждают

мужьям своей ревностью. В этом племени моногамия встречается чаще, чем многоженство. У полигамных индейских племен Бразилии Кох. Грюнберг наблюдал ревность и ссоры между женами, но из его рассказа тоже неясно, чем вызывается эта ревность.

Обычай или заповеди очищения для женщин или воздержания для мужчин могут вызвать или усилить тенденцию к многоженству. К тому же народные верования многих групп продлевают сроки очищения или воздержания при менструациях, беременности и кормлении детей за естественные пределы. У полигамного племени яка группы банту в Конго мужчина должен избегать свою жену год, когда она беременна и кормит ребенка. Желание мужчины завести более молодую жену, когда первая состарится, тоже способствует многоженству. Из этого представления исходил Шопенгауэр, когда предлагал ввести многоженство, обосновывая свое предложение тем, что мужчина дольше сохраняет способность к зачатию.

Во многих племенах, где многоженство преобладает или допустимо, особенно если первая жена пользуется особым положением, она обычно побуждает мужа взять вторую или третью жену, чтобы иметь служанок.

Многоженство может стимулировать и значительный избыток женщин. Потеря мужчин на войне или в результате конфликтов или несчастных случаев, жертвами которых становятся преимущественно мужчины, могут изменить пропорциональное соотношение полов. Избыток женщин всегда сильно сказывается на состоянии группы, как показал Карл Бюхер на примере немецкого Средневековья и я в лекциях о выборе супружеских пар и семьи в послевоенные годы, с 1919 по 1929 год. Но больше, чем эта причина, действует желание мужчин иметь много детей. Так появляется вторая жена, если первая бесплодна или состарилась и не может больше рожать детей. Чем больше жен, тем больше детей. Многочисленность семьи повышает престиж отца семейства. Многодетного мужчину больше уважают, и мужчины из более богатых семей могут позволить себе потратить больше денег на нескольких жен. Такие причины особенно действенны среди многих африканских племен: так, если мужчина имеет много жен и детей, значит, он смел, искусен и богат.

Многоженством ради повышения престижа и многоженством как признаком власти объясняется и многоженство как вид роскоши. Так, например, у Соломона согласно I книге Царств, 11, 30 было 700 жен и 300 наложниц, а сын Соломона Ровоам, согласно II книге Паралипоменон, 11, 21 имел 18 жен и 60 наложниц.

3. Многомужество

Многомужество (полиандрия) встречается гораздо реже, чем моногамия и многоженство, и большинство наблюдателей считает эту форму брака нездоровым явлением. Наиболее типичные примеры многомужества мы имеем в Индии и прилегающих к ней областях, у отдельных племен Цейлона и особенно у тибетцев-земледельцев; кроме того, на Маркизских островах и — если только в этом случае речь не идет о внебрачных связях — у вохима и вафипа, двух племен группы банту в Восточной Африке. Наряду с моногамией и многоженством, многомужество встречается у алеутов, у эскимосских племен иглулик и нетилик в районе Гудзонова залива и меднокожих эскимосов в области земли принца Альберта. О многомужестве тода в Южной Индии уже говорилось как о форме брака этого племени до прихода англичан. Многомужество было и у пани и ряда других индейских племен североамериканских прерий и у отдельных племен Мадагаскара. Но в целом в жизни народов Земли мало примеров многомужества и группового брака.

Я уже говорил об отдельных видах многомужества. Мужья одной женщины не обязательно должны быть родственниками, как у племени наири в Южной Индии, или братьями как в Тибете или как у доньне живущих в групповом браке племени тода в Южной Индии. Похоже, многомужество в прошлом было также у арабов, у гуанчей на Канарских островах, у докельтского населения Ирландии и у пиктов в Шотландии, но сообщения об этом недостаточно однозначны, возможно, речь шла о внебрачных связях, ограниченных определенными законами. При матриархате многомужество встречается чаще, чем при патриархате. Матриархат засвидетельствован также у гуанчей и пиктов, матриархат докельтского населения Ирландии повлиял и на кельтов-бриттов, следы матриархата можно найти у арабов, евреев и других семитских племен.

Главная причина возникновения многомужества, похоже, значительный избыток мужчин, вызванный убийством новорожденных девочек. Лоуи считает убийство новорожденных девочек общей причиной возникновения многомужества: само по себе это убийство у разных племен могло быть вызвано разными причинами. Но мне кажется сомнительным, что многомужество действительно во всех случаях вызывается убийством новорожденных девочек. Такова, несомненно, причина многомужества у тода и отдельных племен Маркизских островов, вероятно, и у названных эскимосских племен, но не у тибетцев. Турнвальд предполагает, что сочетание нехватки женщин с матриархатом порождает многомужество, указывает и на экономические причины: часто два брата берут одну жену, если ее покупка или ее держание не под силу

одному. Вестермарк считал, что эндогамия и многомужество часто взаимосвязаны. Можно предположить, что многомужество вырастает из эндогамии в небольших группах. Мадернер объясняет многомужество алеутов слиянием чукчей с их групповым браком. Так что форма брака у многих групп объясняется влияниями соседних племен или покорением одного племени другим. Ответить на вопрос о причинах возникновения или сохранения определенных форма брака поэтому трудно, но не невозможно.

Пример вышеупомянутых эскимосских племен показывает, что у одного и того же племени одна форма брака не исключает другие, что моногамия, многоженство и многомужество могут сосуществовать, и это сосуществование в свою очередь порождает вопрос, является ли определенная фактическая форма брака у одной группы и единственной формой, требуемой нравами племени.

Можно предположить, что левират возник из какой-то формы брака с несколькими братьями. Но это предположение не выдерживает критики, так как основная идея левирата у разных племен это обязанность братьев защищать вдову и детей умершего брата, а если у него не было детей — зачать наследника за него.

В любом случае многомужество во всех его формах следует считать исключительным явлением, формой брака, которая возникает лишь в особых, чрезвычайных обстоятельствах, как аналогичное явление в животном мире...

Влияет ли мужская ревность на форму многомужества и не препятствует ли она сохранению этой формы брака — этот вопрос остается неисследованным. О многомужестве племени ирава на Малабарском побережье Индии (браке с несколькими братьями) индус Айяппан сообщает, что «эти браки удивительно свободны от ревности и раздоров»: каждому мужу для посещения жены твердым обычаем отводится определенная ночь. Но Айяппан приписывает подавление мужской ревности обычаям племени; эта ревность снова просыпается с исчезновением обычая многомужества, как в областях, подвергшихся европейскому влиянию.

4. Групповой брак

Я уже говорил, что ученые не во всех случаях едины во мнении, считать ли обычай дозволенных или обязательных половых связей групповым браком или рассматривать их как иные формы брака. Во многих случаях, когда используется термин «групповой брак», речь

идет скорее о внебрачных связях замужней женщины с одним или несколькими мужчинами из круга друзей или родственников ее мужа, так что часто трудно провести различие между мужем в смысле группового брака и законным любовником замужней женщины, как и между женой и наложницей. Часто высказывались ложные толкования, которые привели к гипотезе о существовании групповых браков. Как уже говорилось, Грау признает групповыми только браки у тода в Южной Индии, у племен кулу в Северной Индии, у чукчей, у племен Центральной Австралии, у племен банаро и массим на Новой Гвинее (но Риверс не признает их форму брака групповым) и у ова-гереро в Юго-Западной Африке. Существовал ли раньше групповой брак на Гавайях. Грау сомневается. Некоторые исследователи предполагают, что он сохранялся там до 1850 года.

Похоже, многомужество могло способствовать возникновению групповых браков, если оно принимало форму брака с несколькими братьями. Позже при определенных обстоятельствах три брата, например, могли жениться на трех сестрах. Родство и права наследства детей в таких союзах, которые превращались в групповые браки, могли определяться таким образом, что дети самой старшей из сестер приписывались самому старшему брату, дети следующей по возрасту сестры — следующему по возрасту брату и т.д. В результате сочетания многомужества с многоженством тоже могут возникать групповые браки; по крайней мере, в Индии именно такое смешение приводит к именно такому результату. Сохранению такой формы брака, как групповой брак, может способствовать то, что в отсутствие других мужей один из них может взять на себя защиту женщин-участниц группового брака, чтобы и в случае смерти одного или нескольких мужей их жены не остались без защиты. Групповой брак или тенденция к нему могут возникать и в небольших группах, придерживающихся строгой эндогамии, в которых имущественные различия невелики, а мужская ревность слаба.

Г. Плишке предположил, что групповой брак возникает, прежде всего, в бесплодных областях, от нужды: несколько бедных мужчин покупают одну жену, а потом, если они станут побогаче, могут купить еще одну или несколько: так возникает групповой брак. Во многих племенах после устранения нужды групповые браки распадаются на отдельные пары. П. Декан считал, что групповые браки могли возникать в результате периодического отсутствия то одной части мужчин, то другой. Это периодическое отсутствие приводило и к установлению внебрачных связей, так как многие племена регулируют защиту и снабжение замужних женщин на время отсутствия их мужей обязательными обычаями. Их отсутствие может быть вызвано потребностями

охоты, рыбалки, пастбищного скотоводства, торговли, а также войнами и другими конфликтами.

VI. Влияние форм брака на отбор

Вопрос, каким образом отдельные формы брака влияют на отбор, способствует ли одна форма многодетности, а другая наоборот, способствует одна из этих форм более, чем другая улучшению данной группы людей, умножению в ней ценных наследственных задатков, а другая скорее приводит к вырождению, к умножению задатков неполноценности, — такие вопросы до сих пор ишь редко ставили, а ответить на них до сих пор невозможно. Есть старая работа Лаша «О тенденциях к размножению у первобытных народов и о противодействующих им факторах», но она почти ничего не дает для ответа на перечисленные вопросы. Карр-Сондерс проанализировал демографические процессы у всех народов Земли, в том числе и первобытных, но он занимался только численностью, а не качествами. В противовес этому следует отметить работу Г. Цимана «К вопросу о демографии цветных рас».

Сначала несколько слов о безбрачии. Я уже говорил, ссылаясь на Ф. Саразина, что безбрачная жизнь повсюду презирается. Штейнмец показал, что среди первобытных народов лишь немногие группы практикуют безбрачие. Пример — дравидские племена Индии, но они скорее подражают индусам, у которых определенные касты священнослужителей остаются безбрачными. Безбрачные группы священников известны в брахманизме, буддизме и христианстве. Они включают в себя очень большое число людей с наследственными способностями выше средних, но их задатки из-за безбрачия остаются без пользы для их народов. Первобытные народы этим вопросом не задаются. У них такие группы малочисленны, и их бездетность не влияет на наследственные качества их племени и на отбор.

Приведенные работы дают кое-какое представление о демографических процессах неевропейских народов. Но содержат лишь отдельные высказывания об их численности, но не об их качествах и изменениях этих качеств. Поэтому, за отсутствием исследований, я ограничусь лишь общими выводами.

1. Многомужество

Многомужество, несомненно, самая неблагоприятная форма брака. Мужчина, который мог бы оплодотворить много женщин, расходует этот избыток в браке с одной женщиной, которую делит с другими

мужчинами, менее эффективно, чем в моногамном браке. Женщина за определенный период времени родит от многих мужей не больше детей, чем от одного. Таким образом, многомужество не способствует сохранению и размножению народа и, как я покажу ниже, не является средством улучшения его наследственных качеств. Поскольку смена семей при многомужестве происходит лишь медленно и трудней восполнять потери вследствие болезней, войн и бесплодия многих женщин, многомужество несет с собой опасность вымирания племени. Эта форма брака препятствует его сохранению, поэтому редко встречается. Племена с такой формой брака вымирают.

Не способствует многомужество и повышению качества наследственных задатков, так как 1) необходим отбор среди женщин, что при недостатке женщин невозможно и 2) женщина не может выбрать среди своих мужей человека с наиболее ценной наследственностью как отца своих детей.

2. Групповой брак

О числе детей в групповых браках австралийских племен Спенсер и Гиллен сообщают: число детей в семье редко больше четырех-пяти, обычно их меньше, два-три. Новорожденных постоянно убивают, потому что матери, которые очень долго кормят детей, не хотят иметь одновременно двух сосунков, не хотят таскать пир переселениях племени одновременно двух беспомощных маленьких детей. Имея двух-трех детей от одного группового брака племя быстро вымрет; даже пяти детей для его сохранения, пожалуй, недостаточно. О числе детей у южноиндийского пастушеского племени тода кое-что сообщает Риверс. Около середины XIX века число детей было недостаточным для сохранения племени, настолько низким, что численность племени медленно сокращалась. Сегодня (в 1906 г.) похоже начался небольшой прирост. При анализе среднего числа детей у живущих в групповых браках тода следует различать три группы: среднее число детей у тода, не подверженных европейским влияниям, 3,59, что может дать небольшой прирост; у тода, слегка затронутых европейскими влияниями, 3,04 — это означает медленное сокращение, а у тода, на которых сильно повлияли европейцы — всего 2,6, это уже быстрое сокращение. К числу европейских влияний относится распространение сифилиса, который вызывает бесплодие. Раньше у тода был обычай убийства новорожденных девочек; британская администрация его запретила. При сохранении группового брака тода, вероятно, вымрут.

3. Многоженство

Многоженство, которое должно было бы исключать мужчин меньшей наследственной ценности из процесса брачного размножения и иногда оказывает такое воздействие, в действительности не способствует отбору ни с мужской, ни с женской стороны. У скотоводов и земледельцев, стоящих на более высоком уровне, как и у многих племен, стоящих на низком уровне, многоженство во многих случаях оказывает скорее негативное влияние, так как мужчины часто зачинают детей с рабынями, купленными представительницами низших племен. Таким образом все больше увеличивалась негритянская примесь у многих бедуинских племен Аравии и у арабоязычных племен Северной Африки. Лапуж тоже отметил, что в Аравии исчезла бывшая расовая чистота бедуинских племен, потому что там в гаремах было много негритянков. Таким же образом через домашних рабынь и наложниц негритянская примесь проникла и в еврейский народ, и негритянские черты постоянно встречаются и у современных евреев.

Негативно влияет многоженство и когда оно вызвано желанием бедных мужчин заполучить женскую рабочую силу. Происходит неблагоприятный отбор. Хотя нельзя считать каждого бедняка наследственно неполноценным, бедняки во всех народах это одновременно люди, имеющие, в среднем, меньшую наследственную ценность. Как правило, особенно среди крестьян и кочевников, к бедным сословиям относятся те люди, которые родились в этих сословиях по причине наследственных дефектов их родителей и остаются в этих сословиях по причине собственных наследственных дефектов. Это правило действительно и при анализе средней наследственной ценности отдельных сословий, т.е. как правило с исключениями, и для народов высокой культуры, особенно для докапиталистических эпох в жизни этих народов, т.е. для эпох, когда — как и всегда в сельских условиях — сила домашнего хозяйства семьи, как правило, указывала на ее наследственные способности. В общем и целом сословия основываются на наследственных задатках составляющих их семей, а возвышение семей — на способностях выше средних. Там, где бедняки, которые не могут держать рабов, заводят много жен, там многоженство влияет негативно и тем сильнее, чем меньше наследственная ценность женщин, готовых на брак с такими бедняками.

Когда в народе богатые имеют больше жен, чем бедные, если только нет необычного избытка женщин, так что бедные имеют лишь одну жену или вообще ни одной, следует задать вопрос, какие человеческие качества и какие внешние обстоятельства вообще

способствовали возвышению людей при данной культуре и в данную эпоху. Если благосостояние семьи достигается благодаря талантам и правильному выбору супруг из поколения в поколение, тои многоженство может оказать позитивное влияние. Одновременно оно приводит к истреблению неполноценных задатков тех семей, которые из-за плохой наследственности или неправильного выбора супруг остались или стали бедными и мужчины которых остаются холостыми или довольствуются одной женой. У ряда эскимосских племен много жен разрешено иметь лишь тому мужчине, который может прокормить многочисленную семью, а в разных частях света есть племена, которые разрешают многоженство особенно отличившимся мужчинам, например, тому, кто убил в бою много врагов. Многоженство оказывает положительное влияние у воинственного, героического народа, когда самый храбрый получает в награду больше всего жен, особенно если этот народ любит сражаться врукопашную: тогда, как правило, в большом количестве погибают более слабые, чем более сильные, искусные, решительные и храбрые. У таких воинственных народов, как в древние времена, так и на средней этапе развития культуры как правило наблюдается значительный избыток женщин, что делает возможным многоженство. К тому же дочери талантливых семей руководствуются идеалом властелина, героя и отвергают неспособных, невоинственных женихов. Обычно, только не в условиях матриархата и не при избытке женщин, мужчина сватается к женщине, но выбирает жениха всегда женщина. При этом сознательно или бессознательно происходит отбор с обеих сторон.

В противоположность таким условиям, которые описаны здесь скорее как возможность, многоженство именно среди тех народов, у которых оно наиболее распространено, влияет скорее негативно, чем позитивно. Когда образуется средний класс, женщины этого класса более претенциозны, чем женщины низших сословий. Вследствие этого многие мужчины среднего класса имеют лишь одну жену или, во всяком случае, меньше жен, чем, с одной стороны, многие неприязательные бедняки, которые находят соответствующих жен, и с другой — богачи, которые могут иметь много претенциозных жен. Во времена распада, когда в высшие слои проникают семьи богатых выскочек, богатство которых иного происхождения, нежели богатство землевладельческой или скотоводческой военной знати, многие мужчины такого смешанного высшего слоя, отошедшие от аристократических традиций, выбирают жен исключительно по признаку их сексуальной привлекательности, жаждающая нового. Следствие этого — снижение качества высшего слоя, а потом и всего подражающего ему народа, у которого преобладает

многоженство. Так, вероятно, происходила деградация родов исламских вождей в эпоху халифов, после того как эти роды поселились в городах и смешались там с семьями богачей. Во всех подобных случаях одну жену выбирали бы более тщательно, чем нескольких.

Когда в полигамном народе мужчина и женщина испытывают друг к другу более глубокие чувства, эти чувства могут стать столь исключительными, что эта пара может жить в моногамном браке, если обычаи это позволяют. Но люди с такими наклонностями к моногамии проигрывают в своем народе соревнование по числу детей. Это значит, что в полигамных народах задатков, определяющих тенденцию к моногамии, будет все меньше или они совсем исчезнут, а все больше будет более грубых людей. Вероятно, вместе с людьми с задатками к моногамии исчезнут и другие задатки этих людей, которые могли бы способствовать повышению культуры данного народа. Так что у многих племен многоженство способствует скорее увеличению количества, чем повышению качества.

Но часто подвергается сомнению, что полигамные группы более многодетны, чем моногамные. Ж. Шарден в начале XVIII века отметил, что в полигамных семьях персов меньше детей, чем в моногамных семьях французов. Лапуж, который указал на отрицательное влияние исламской полигамии, обратил внимание на то, что в исламских гаремах живет много женщин, которые никогда не беременели и которых, возможно, никогда не трогали. Большое число жен повышает престиж богатого мужчины. Многоженство может превратиться в предмет роскоши с неблагоприятным влиянием на рождаемость. Даже если считать сильно преувеличенными данные Ветхого Завета, будто царь Соломон имел 700 жен и 300 наложниц и предположить гораздо меньшую цифру, сомнительно, что жены Соломона родили и воспитали более чем по одному ребенку. Сын Соломона Ровоам имел от 18 жен и 60 наложниц, итого от 78 женщин, всего 28 сыновей и 60 дочерей, итого 88 детей (II книга Паралипоменон, 11, 21). Если верить этим цифрам, то такая полигамия вряд ли дает больше детей, чем достаточно для замены жен. Такая полигамия опять-таки оказывается неблагоприятной формой брака, особенно если при выборе жен обращать внимание на хорошее происхождение, способности и красоту.

Джон Роскоу говорит о большом числе детей у племени баганда, живущего в Уганде, между озерами. Это полигамное племя, один мужчина имеет по две-три жены, являющихся сестрами. Одна жена рождает во многих случаях 10-12 детей, даже в тех семьях, где у главы семьи 40 жен. Отдельные мужчины имеют около 400 детей. Мужчина, у которого 100 детей, еще не считается многодетным. Таким образом,

в данном случае многоженство приводит к усиленному размножению. То же самое наблюдается у басабаи, хамитизированного племени банту, полукочевников, полужемледельцев, живущего на северном склоне горы Эльгон, — о нем тоже сообщает Роскау. У этого племени большинство мужчин имеет двух жен, но некоторые — лишь одну. Во многих браках родилось 10 детей, в некоторых — 15, но лишь немногие из этих детей дожили до зрелого возраста, многие умерли в детстве. Большая детская смертность у многих первобытных народов затрудняет изучение демографических процессов.

Повышение средней наследственной ценности вызывает многоженство, у негров Того, где самый способный мужчина имеет много жен и много детей от них. Многоженству у этих племен способствует и то, что женщины кормят своих детей грудью вплоть до третьего года жизни и на протяжении этого времени половые отношения запрещены. Кюльи, который описал эти племена, считал поэтому моногамию самой неблагоприятной для негров Того формой брака. Э. Тордей и Т.А. Джойс нашли у мбала, племени банту, живущего в Центральной Африке между реками Инзия и Квилу, многоженство при среднем количестве детей в семье 3-4. Также сравнительно мало детей, по данным этих же авторов, у другого племени банту, яка, живущего в округе Каси в Конго: у них сосуществуют безбрачие или моногамия бедняков и полигамия богатых. Мужчина имеет тем больше жен, чем он богаче. При полигамии на одну женщину приходится обычно по три ребенка, лишь в редких случаях более четырех. Здесь тоже мужчина должен избегать жену во время беременности и кормления, которое длится около года.

Об очень малом числе детей в полигамной семье сообщает А. Жюно: в одном из племен тсонга в Трасваале он видел мужчину 56 лет, у которого было 30 жен, в том числе несколько молодых девушек, на которых он женился ради повышения престижа. От этих 30 жен у него был один ребенок. При такой ситуации, заключает Жюно, полигамия привела к вымиранию семей. Г. Циман сообщает, что у полигамных племен, живущих в Моджиджо (Танганьика), на одну семью редко приходится более двух детей. Циман предлагал отменить многоженство для увеличения числа детей и предотвращения вымирания. Д.Вестерман тоже называет многоженство одной из причин вымирания африканских племен. Прежде всего, оно угрожает племенам, принявшим ислам, но и полигамным племенам, не исповедующим эту веру. Циман приводит пример султана Банума (Камерун), который, как богатый властелин, имел 300 жен, но всего 136 детей от них. У многих полигамных племен очень высокая смертность грудных младенцев связана с отсутствием здравоохранения. Эта высокая смертность и другие причины затруд-

няют изучение отношений между формой брака, с одной стороны, и численностью и качеством потомства, с другой. Прежде всего оно затруднено отсутствием надежных переписей в большинстве регионов вне организованных государств Европы, Америки и Азии. Обычай аборт и убийства детей также затрудняют изучение демографических процессов у многих народов. У многих австралийских племен женщины рожают до 12 детей, в среднем пятерых, но вырастить им удастся только двоих из-за отсутствия пропитания. Здесь скудость природы влияет гораздо сильнее, чем форма брака, многоженство или групповой брак. Питт-Риверс предполагал, что в полигамных группах рождается больше детей, чем в моногамных группах того же народа при том же уровне культуры и в одинаковой природной среде. Он приводит в качестве примера индейское племя навахо в Аризоне; навахо — единственные индейцы в Северной Америке, у которых преобладает многоженство, и единственные, численность которых увеличивается.

В той же работе Питт-Риверс утверждает, что при многоженстве обычно рождается больше девочек, чем мальчиков, т.е. соотношение полов изменяется в пользу девочек. Если это соответствует действительности, то многоженство, само по себе основанное на избытке женщин, делает соотношение полов еще более неблагоприятным. Но имеющихся исследований недостаточно для того, чтобы ответить на вопрос о влиянии формы брака на число рождающихся мальчиков.

Старая работа Сондерсона не позволяет сделать таких выводов, потому что — не говоря о неточности таких цифр при отсутствии надежных переписей — число исследованных браков этих южноафриканских туземцев слишком мало. И работа Дюзинга не позволяет сделать выводов, которые соответствовали бы современным знаниям о наследственности: его данные нуждаются в проверке с точки зрения этих знаний. Позже Дюзинг попытался использовать данные, полученные коневодами: согласно им, чем чаще спариваются жеребцы, тем больше рождается самцов. Паркер доказывал то же самое на примере полигамных мышей. Но эти данные, полученные животноводами, нельзя переносить на людей: можно возразить, что полигамия в данном случае играет не столь важную роль, как повышенная половая активность самца.

Общие работы по вопросу о причинах, от которых зависит соотношение полов новорожденных, перечисляет Холмс, более поздние — Ф. Мюллер, согласно которому одни авторы (Грюншпан, Оршанский, Рошаль) предполагают, что пол зависит от возраста отцов и матерей, другие (Фюрет, Зигель) — что от возраста яйца в момент оплодотворения, третьи (Бюркль, Фильбек, Фетшер, Рейбмайр, Паркер) — что

от количества детей или даже (Гришпан, Оршанский, Топховен) — от последовательности родов одной женщины. Ряд ученых (Фетшер, Оршанский) предполагает, что число мальчиков зависит от предрасположенности к рождению детей того или иного пола.

Но влияние формы брака на число мальчиков не подтверждается данными современного учения о наследственности. Альфред Кюн пишет в работе «Определение пола как явление наследственности»: «Необходимо еще строго доказать, что в результате такого же процесса разделения хромосом, как и менделевское расщепление признаков, происходит и разделение задатков, определяющих пол». Как правило, один вид производит одинаковое число сперматозоидов, определяющих мужской и женский пол. Но кажется, как предполагают Ф. Лени и ф.Г. Хазе, сперматозоиды, определяющие мужской пол, поскольку в них отсутствует хромосома X, легче и поэтому быстрее достигают яйца. У людей на 100 женских зародышей приходится 125 мужских или больше. Соотношение полов при выкидышах указывает на преобладание мужских зародышей, которое с возрастом уменьшается до 106 мальчиков на 100 девочек. Повышенная смертность как мужских зародышей, так и мальчиков вызывается, по Ленцу, болезненными рецессивными задатками, связанными с полом, так как у них отсутствует хромосома X. Но эта повышенная смертность мальчиков для возрастных категорий достигшей брачного возраста молодежи у всех народов устанавливает почти одинаковое соотношение мужчин и женщин (1:1), так что о пропорциях всегда следует судить с точки зрения взаимосвязей между формой брака, с одной стороны, и отбором, с другой.

Единственный лучше известный случай среди народов европейской культуры это многоженство Церкви Иисуса Христа Святых последних дней (мормонов). Эта христианская секта была основана Джозефом Смитом (1805-1844). В 1843 г. Смит получил «откровение»: многоженство богоугодно. Он сначала имел в виду только узкий круг благочестивых мужчин внутри своей секты. Он сам имел в итоге 25 жен. После убийства Смита Брайэм Янг основал мормонское государство в Юте со столицей в Солт-Лейк-Сити: в нем было официально введено многоженство. После Янга остались 17 вдов и 56 детей. С 1862 г. федеральное правительство США вело борьбу против мормонского многоженства, и в 1890 г. мормоны были вынуждены уступить: новые полигамные браки перестали заключаться. В 1906 г. было еще около 500 мормонских полигамных семей.

На примере мормонов и их достижений можно было бы изучать влияние многоженства на отбор в группе людей европейского типа, если бы время неограниченных полигамных браков было достаточ-

ным для того, чтобы выросло хотя бы еще одно поколение потомков мормонских полигамных браков и родило бы новых детей в таких же полигамных браках. О достижениях мормонов нельзя судить по рассказам духовных лиц других христианских исповеданий, одержимых стремлением обращать в свою веру, и по книге Г.А. Циммера фон Ульберсдорфа «Среди мормонов в Юте», 1908. Непредвзятый Эдуард Мейер, выдающийся историк, в книге «Происхождение и история мормонов», 1912, высоко оценивает их: они отличаются от населения соседних штатов тем, что у них нет разврата и пьянства, они не ругаются и не играют в азартные игры, не посещают кабаки и бордели; число наказаний в мормонском государстве невелико. Для мормонов характерны опрятность, вежливость и любовь к порядку, они дружелюбны, но замкнуты и несколько свысока смотрят на чужаков, которым неведом путь «спасения», так как они не исповедуют мормонскую веру. По словам Э. Мейера, их надо благодарить за создание «оазиса культуры в пустыне среди Скалистых гор», где ситуация лучше, чем на остальном западе США: красивые сады, плодовые деревья, тщательно возделанные поля, «Святые могут, с полным правом гордиться тем, чего они достигли».

Но эти способности мормонов в гораздо меньшей степени объясняются отбором благодаря особой форме брака, а главным образом — влиянием наследственных способностей исходных групп мормонских мужчин и женщин, выходцев, в основном из стран северо-Западной Европы, приверженцев секты, отличавшейся не только введенной позже полигамией, но и особыми постулатами веры, ее строгими заповедями и строгим канонам нравственности. Так что достижения мормонов — больше результат отбора вследствие особого вероучения, чем вследствие особой формы брака.

И в случае с мормонами выясняется, что появлению многоженства способствуют не половые влечения мужчин, а иные причины. Вряд ли можно предположить, чтобы какой-нибудь мужчина примкнул к мормонам, чтобы воспользоваться возможностью стать многоженцем, к чему его влечет инстинкт. Заповеди и моральные предписания мормонов слишком строги, чтобы много мужчин смирились с ними ради такой вожденной цели, как многоженство. Пример с мормонским многоженством учит также, что женщины европейского происхождения, т.е. представительницы народов, наследственным инстинктом которых моногамия соответствовала в гораздо большей мере, чем многоженство, соглашались на это лишь под давлением веры, считавшей многоженство «святым делом». В непредвзятых рассказах о мормонах описывается психическое давление, которое испытывали на себе многие жены

мормонов. Только необычайной силой религиозной связи можно объяснить своеобразие мормонской полигамии, а мормонские достижения объясняются, в основном, наследственными задатками группы людей, оказавшихся способными принять такую строгую веру. Иначе говоря, введение полигамии в группах европейского происхождения, но иного состава, сказалось бы совсем иначе. Сильная приверженность к религии в современной Европе встречается редко, отсюда и снижение рождаемости в католических странах и семьях, хотя католическая вера строго запрещает противозачаточные меры.

После великих европейских войн появилось много предложений разрешить многоженство или по крайней мере законные побочные браки женатых мужчин. Например, Жорж Анкетинь предложил узаконить во Франции связь мужчины с любовницей как со второй женой, чтобы восполнить потери вследствие мировой войны.

4. Моногамия

Моногамия мало влияет на отбор, если в народе почти все молодые люди могут жениться и выходить замуж. При таких возможностях для всех отбор ограничен выбором супружеской пары отдельными людьми и числом детей в отдельных семьях. Он зависит также от нравственных, общественных и экономических условий, которые определяют общее направление выбора супружеских пар и от того, будут ли иметь больше детей люди с наследственными способностями или без оных. При простом образе жизни, в докапиталистических формациях, при преобладании крестьянства, на Западе первые имели больше детей, чем вторые, к тому же до 70-х годов XIX века законодательство разных стран затрудняло браки для тех, кто, по всей вероятности, не мог содержать семью, пока не было введено государственное социальное обеспечение, а смертность грудных младенцев, особенно внебрачных, была тем больше, чем меньше была наследственная ценность их родителей. При преобладании крестьянства и умеренной плотности населения бедняки это, как правило, люди, наследственно неспособные или те, у кого много неполноценных наследственных задатков. При таких условиях успех не каждого человека в отдельности, но каждой семьи, в которой на протяжении более чем одного поколения регулярно действуют наследственные задатки выше средних и осторожно выбирают супружеские пары, обеспечен. Поднимающиеся по социальной лестнице отдельные люди и семьи, особенно в условиях крестьянской жизни, постепенно продвигаются в средние и высшие

слои, в среднем, более многодетные. Таким образом, и при моногамии возможно умножение ценных и уменьшение или уничтожение неполноценных наследственных задатков.

Эти условия отбора в XIX веке в Центральной и Западной Европе все в большей мере изменялись, когда в итоге не только каждый совершеннолетний человек, независимо от того, был он способен на создание и содержание семьи или нет, получил право на ее создание, и не только государственное социальное обеспечение все больше побуждало наследственно неспособных людей создавать семьи и рожать много детей, но одновременно в высших слоях и, что еще хуже, в семьях, стремящихся возвыситься из низов и среднего класса стали ограничивать число детей. Именно эти семьи, которые должны были платить налоги, необходимые для государственной растущей оравы неполноценных, стали сознательно все больше ограничивать число детей. В итоге моногамия и капиталистическая система социальной защиты привели к упадку, и неудивительно, что исследователь наследственного здоровья Христиан фон Эренфельс внес предложение ввести полигамию для наследственно здоровых мужчин.

Моногамия лишь тогда влияет положительно, когда брак и создание семьи не являются само собой разумеющимися правами каждого («правами человека») и если государство и народ различают «право жить» и «право давать жизнь», как выражался норвежский исследователь наследственного здоровья Мьёен, и если они помогают перспективным семьям, одновременно благоприятно влияя на выбор супружеских пар, становятся многодетными семьями. Моногамия легко превращается в учреждение, которое препятствует строгому отбору и создает условия для перевеса наследственно неспособных семей по рождаемости. Вплоть до XIX века, когда еще существовали различные препятствия для вступления в брак и пока не было капиталистической системы социального обеспечения, особенно в больших городах Центральной и Западной Европы, обогащение и размножение людей с хорошей наследственностью были параллельными процессами, европейская моногамия усиливала нравственную глубину и стойкость предусмотрительность и добропорядочность, и, прежде всего, понимание значения правильного выбора супружеской пары не только у отдельных людей, но и у всего народа, благодаря многодетности людей с такими наследственными задатками число таких задатков увеличивалось. Благодаря такому отбору, такому выбору супружеских пар и такому количеству детей моногамия увеличивала в Европе и число задатков, укреплявших духовные связи между супругами, чувство семьи. Попену полагал, что в моногамных народах воспитывались и задатки «романтической» любви. Сначала

фенотипическое усиление чувства семьи у отдельного человека проявляется при моногамии таким образом, что ребенок чувствует около себя двух родителей, которые в равной мере сердечно к нему относятся, тогда как при многоженстве такая родительская любовь проявляется реже. Такое усиление чувства семьи у подрастающего поколения может благоприятно повлиять при выборе супружеской пары.

В заключение следует сказать, что многоженство положительно влияет лишь тогда, когда наследственно способные мужчины имеют больше жен и от их браков рождается больше детей, а моногамия — лишь тогда, когда размножение и браки наследственно неспособных людей затруднены или запрещены и стимулируется брачное размножение наследственно ценных людей.

Процессы отбора у первобытных народов плохо известны не только из-за отсутствия переписей: противозачаточные меры, аборт, и убийство детей скрывают особенности демографических процессов.

Противозачаточные меры встречаются уже у таких первобытных племен, как австралийцы, в форме операции на мужских половых органах, после которой женщина не может забеременеть от этого мужчины. Аборты с помощью определенных трав тоже встречаются у племен, стоящих на низком уровне развития, что показали Ласп и Э. Кроули. У этих же племен встречаются убийство и подкидывание детей для предотвращения «перенаселенности», возможной даже на уровне охотников и собирателей при малой плотности населения, если нет дичи, плохо растут съедобные растения или при эпидемиях. Э. Гроссе отметил, что племена охотников часто бедствуют и боятся иметь много детей. При угрозе голода убивают больных и стариков, которые часто просят об этом или сами кончают с собой. Другие племена при угрозе голода убивают новорожденных, австралийцы обычно делают это ударом по голове. Убийство новорожденных практикуют также центральноафриканские племена и бушмены, огнеземельцы, жители Фиджи и всех островов Тихого океана. О подкидывании детей при голоде напоминает сказка о Гензель и Гретель: в ней детей посылают в лес, потому что родителям нечего больше есть. В Индии и Китае в бедных слоях населения распространено убийство детей, особенно новорожденных девочек. Но оно встречается и у племен, которым не угрожает голод. У некоторых племен оно в определенных случаях стало обычаем. На Таити раньше убивали две трети новорожденных. Одни племена убивают больше новорожденных мальчиков, другие — девочек. Убийство новорожденных девочек распространено у тода в Южной Индии и у эскимосов. Похоже, патриархальные племена более склонны к убийству новорожденных девочек, а матриархальные — мальчиков:

согласно матриархальным воззрениям, продолжательницы семьи — дочь. У ряда племен дочери ценятся, потому что, когда их выдадут замуж, семья родителей получит калым.

Большинство племен скорее заботится о том, чтобы сохранить свою численность, чем о том, чтобы ее увеличить. Мойсеева заповедь евреям: «Плодитесь и размножайтесь!» (есть и соответствующая арабская заповедь) — скорее исключение, чем правило. У племени оканде во французской Экваториальной Африке женщина может рожать лишь раз в три года, а в промежутках она не должна беременеть или должна делать аборт, чтобы племя не увеличивалось. Большая детская смертность — она даже в Европе в XVIII веке еще достигала почти 50% — наряду с потерями вследствие разных болезней приводят к тому, что первобытные народы сохраняют свою численность или лишь медленно ее увеличивают. Вероятно, противозачаточные меры, аборт, подбрасывание и убийство новорожденных реже встречаются у племен, стоящих на более низком уровне, чем у достигших более высокого, например, у мотыжных земледельцев, так как на низком уровне большая детская смертность уменьшает страх перед голодом. Но племена, стоящие на низком уровне, также больше радуются новорожденным и больше любят детей. Но очень любят детей также айну в Восточной Азии, галла и сомали в Северо-Восточной Африке, ваканда, вакиди, мангбету и многие другие западноафриканские племена.

Во всяком случае, «малытузианские» обычаи, как показал еще Генрих Шурц, встречаются у многих первобытных народов. И однополая любовь, допускаемая обычаем или осуждаемая, во многих случаях могла быть следствием страха иметь слишком много детей — так полагали еще Г. Шурц и Ланг. Часто применяемым способом предотвращения новой беременности является продление времени кормления детей. Этот способ используют женщины многих первобытных народов, но также женщины из низших слоев культурных народов. Согласно Капр-Сондерсу, жены вымерших тасманийцев кормили своих детей грудью до третьего или четвертого года их жизни, австралийка часто кормит до пятого или шестого, эскимоски Гренландии — даже до десятого. У многих племен Африки женщины кормят детей до второго или третьего года и опять-таки с намерением избежать новой беременности.

Эти меры первобытных народов по регулированию их размножения затрудняют изучение взаимосвязи между формами брака, с одной стороны, и отборки, с другой, даже когда более надежные данные переписей населения дают какое-то представление о демографических процессах.

VII. Формы семьи

1. Большая семья и малая семья

Под «семьей» в этнографии может пониматься как известная жителям Центральной и Западной Европы малая семья, так и известная ряду славянских и многим внеевропейским народам большая семья. Название «большая семья» предложил Эрнст Гроссе. Юлиусу Липперту принадлежат название «особая семья» для малой семьи и «общая» или «старая семья» для большой семьи.

Малой семьей называется группа, состоящая из родителей (в моногамном или полигамном браке) и их детей. Она объединяет два поколения, детей и родителей.

Большой семьей называется живущая в одном месте и управляемая главой семьи группа родственников, объединяющая несколько поколений. В большую семью включаются и потомки женатых детей. Такую большую патриархальную семью римляне называли «агнатной»; ее возглавлял *pater familias*. Большая семья не равнозначна роду, так как она управляется одним главой и живет вместе в одном месте, имеет общую собственность, охотничьи угодья, земли, скот или и то, и другое вместе. В англосаксонской этнографии и социологии большая семья называется «joint family» или «large family».

2. Патриархат и матриархат

Прежде чем говорить дальше о форме семьи в зависимости от ее состава, я хотел бы рассмотреть вопрос о семье в зависимости от того, кто в ней главенствует: отец или мать. Патриархальную семью отличают от матриархальной, говорят о патриархате и матриархате, об отсчете происхождения по отцовской или по материнской линии (патрилинейном или матрилинейном) и т.п.... Все эти термины указывают на влияние мужчины или женщины в семье, а не в государстве. Я покажу далее, что матриархат не означает господство женщин в государстве (гинекократию). Но вследствие изменений в структуре государства из патриархата в семье легко возникает и патриархат в государстве, обычно в разной форме власти старейшин в виде римского сената или т.к. патриархального деспотизма у различных первобытных народов.

Из перечисленных терминов я буду далее употреблять только «патриархат» и «матриархат» и опишу основные соответствующих форм семье. Начну с известного нам, европейцам, т.е. с патриархальной семьи.

а) Патриархат

Патриархат определяет родство, наследство, ранг, а часто и имена детей семьи по отцовскому роду. Женщина при патриархате, когда выходит замуж, переходит из своего рода в род мужа.

Патриархальная форма семьи — по крайней мере, у более энергичных племен — легко перешла от преобладания мужа и отца в семье к господству глав наиболее сильных и уважаемых семей в государстве: главы родов или родовых союзов, как старейшины, задают тон в государстве, которое может в итоге стать «государством мужчин», как часто с отвращением называют его феминистки, до такой степени, что это может даже отрицательно повлиять на научные исследования. Наиболее известно такое воздействие патриархальной семьи на жизнь государства на примере Рима, где главы наиболее уважаемых крестьянских родов образовали совет старейшин, сенат, которые правили судьбами государства как «собрание царей» (Плутарх. Пирр). Здесь из ведущей роли отца в индоевропейском племени латинцы развили настоящий патриархат. Но основной чертой патриархата или неизбежным последствием такой формы семьи это не является. Патриархат не обязательно означает господство отцов и не обязательно порождает мужское государство; он означает всего лишь преобладание отцовского влияния в семье над материнским; такое влияние возможно даже при определении происхождения и наследства не по отцовской линии. Таким образом. Есть разные степени патриархальности; в одних случаях ее черты выражены менее, в других более резко, в одних случаях патриархат ограничивается семьей, в других он определяет государственный строй. Обычно патриархат ограничивается малой семьей и при этом менее ярко выражен у групп людей, которые живут ордами или небольшими племенами в простых условиях, но он последовательно развивается до государственного уровня у племен, в которых произошло расслоение, выделились сильные большие семьи с зависимыми людьми или рабами. В Австралии патриархат и в условиях, которые во многих отношениях можно назвать первобытными, настолько усилил власть вождей, что они устраивают браки молодых людей без учета их симпатий, разводят их и снова женят.

Патриархальные формы семьи характерны, прежде всего, для кочевых скотоводческих племен урало-алтайцев, семитов и хамитов, но также для индоевропейских племен крестьян-воинов. Особенно усиливает патриархат кочевое скотоводство, но и экспансия племен, ищущих новые плодородные земли, и связанные с этим битвы и завоевания усиливают патриархальные порядки в семье, а государством правит аристократия, состоящая из глав родов. Патриархальная форма семьи распространена именно у первобытных людей: у многих австралийских племен, ведда

на Цейлоне, кубу на Южной Суматре, у племен внутренних областей Малийского полуострова, у многих пигмейских племен Африки и у ряда индейских племен Южной Америки.

Кроме индоевропейцев, семитов и хамитов — за исключением матриархальных, вероятно, позже перешедших к матриархату западно-хамитских племен — патриархальное большинство народов Северной Сибири и Восточной Азии, в том числе китайцы, корейцы и японцы. Наиболее последовательно развит патриархат в наше время у пастухов-кочевников африканских степей. Центральная Азия, Центральная Африка и неолитическая Центральная Европа — главная область распространения патриархата, т.е. ими были степи, где жили кочевники-скотоводы, с одной стороны, а с другой — лесные и земледельческие области, где жили крестьяне-воины. Карту распространения древних и более новых патриархальных культур составил Ф. Гребнер.

Семья индоевропейцев это патриархальная семья крестьян-воинов с аристократическим государственным строем. Эту семью изучали Э. О. Герман и П. Конгакер. Глава индоевропейской семьи именовался «деспотом»... Это господин дома, в котором живет род, господин над родом и его рабами, хозяин земель и скота, представитель рода в совете глав родов и одновременно священнослужитель домашних богов и богов предков и судья в зоне своего рода — таков индоевропейский отец семьи, деспот, *pater familias*, «Отец Зевс» эллинов, особенно в образе Зевса Гиркея, это глава семьи древних эллинов, возвышенный до уровня бога.

Положение латинско-сабинского главы семьи (*pater familias*) в своей односторонности представляет собой особый вариант развития в индоевропейской среде. Отца семейства римлян нельзя непосредственно сравнивать с отцом семейства эллинов и германцев. Хотя его власть как мужа (*manus*) и отца (*patria potestas*) в одном случае обозначается словом, однокоренным с германским (*manus* = *munt*), но *patria potestas* это уже утрированное развитие патриархальной формы семьи. В то время как у эллинов и германцев власть отца кончалась с совершеннолетием сына, у римлян сын, пока отец жив, подчинялся отцу, который был судьей надо всей семьей и мог налагать на провинившихся наказания вплоть до смертной казни. Римляне знали, что власть отца в их семьях уникальна, и не встречали ничего подобного у известных им народов.

Патриархальной семье индоевропейцев соответствовал культ предков с почитанием священного огня очага, который символизировал продолжение жизни в поколениях. У эллинов у этого огня могли сидеть только мужчины семьи; женщины, которые вышли замуж, почитали своих предков в своем родном доме, в семье, из которой произошли.

У индоевропейцев первоначальной формой могла быть большая семья, состоящая из отца, матери, дочерей и сыновей и жен этих сыновей. Сэр Генри Мейн и Карл Бюхер предполагали, что большая семья вообще была первоначальной формой человеческой совместной жизни. Большая семья засвидетельствована у древних индийцев и древних персов, у современных афганцев, белуджей, курдов и осетин, у парсов в Индии — потомков персов — маздеистов, у армян, албанцев, унаследовавших язык фрако-иллирийцев, у эллинов и римлян, у средневековых ирландцев и кимров, у средневековых и более поздних северных германцев, у древних пруссов, литовцев, латышей, русских и южных славян, т.е. почти у всех народов индоевропейской языковой семьи, происходящих от нордической расы. Вплоть до нашего времени индоевропейская большая семья сохраняется у т.н. куршских королей, рода семей свободных крестьян в округе Гольденген (Латвия). Пример самого долгого существования индоевропейской большой семьи — задруга южных славян, лучше всего сохранившаяся у хорватов, словенцев, сербов и болгар. Южнославянской задруге соответствует по смыслу древнерусское слово «деревня». В XVIII веке также южнославянские большие семьи могли иметь в своем составе от 100 до 250 человек, к концу XIX века их численность составляла в среднем 15-25, максимум 30 человек, которые жили вместе в нескольких родовых домах на земле, принадлежавшей большой семье. Глава такой большой семьи руководил работами и распределял собранный урожай. Но влияния современной жизни разбивают эти южнославянские большие семьи на отдельные или малые семьи.

Во Франции и Швейцарии большая семья сохранялась в сельской местности вплоть до XVII-XVIII веков, кое-где даже до Французской революции, принудительно разделившей крестьянские земли поровну. У германцев, по крайней мере, южных и восточных, большая семья, если верить Тациту, уже в доисторическое время и на заре истории, постепенно разделялась на малые семьи, которые обычно жили по соседству и образовывали союзы. Но наряду с этим в отдельных областях большие семьи сохранялись еще в Средневековье. У Шекспира упоминается одна семья, которая жила в одном доме и объединяла три поколения, от дедушек до внуков, притом в городских условиях. Молодожены, экономически еще не самостоятельные, часто жили у родителей молодого супруга.

Связь патриархальных родов в четких правовых формах еще долго сохранялась в германских землях, хотя сам род все больше превращался в территориальный союз. Связь родов в правовой форме сохранялась в Южной Германии до XIII века, во Фландрии, Нидерландах

и Франции до XVI века, в Шлувиг-Голштинии — до XVIII века, а в несколько ославленном виде даже до XIX века, но прежде всего — у свободного крестьянства Дитмартена. Эти родовые союзы работали во многих случаях как страховые общества, поддерживали малые семьи, защищали земельную собственность и препятствовали возникновению латифундий. Из таких родовых союзов, а не из мужских союзов возникли средневековые гильдии.

Условиями жизни большой семьи, у индоевропейцев — крестьянских родовых союзов объясняется известное из истории и сказаний индоевропейских народов «знание череды предков»: каждый подрастающий член семьи учил имена предков, от прадедов до правнуков, в рамках родового союза, наблюдал, как наследуются физические и психические качества рода. Отсюда и тщательный выбор супружеских пар из более способных родов, выбор, который предоставлялся не одной молодежи, а — как и сегодня еще у крестьян — и исходил из интересов всего рода с целью породниться с уважаемыми родами.

Для большой семьи индоевропейцев и для германских родовых поселений малых семей характерно также совместное проживание семьи с челядью (латинское «famuli»). Хозяйскому двору индоевропейцев, в соответствии с индоевропейским патриархатом оседлых крестьян-воинов, были присущи и такие «патриархальные» отношения с прислугой вплоть до ее участия в родовом богослужении и поклонении предкам. В лучшем всего сохранившихся частях немецкого крестьянства и сегодня крестьянская семья живет и есть вместе с прислугой. Таким образом, индоевропейская семья была большой семьей, ведущей общее хозяйство, семья германцев — хозяйственной единицей.

Но большие семьи мы встречаем и вне круга индоевропейцев, например, у монгольских племен и в Индии вне областей, где говорят на индоевропейских языках. Широко распространена большая семья в Китае. В Индии и на Борнео члены таких больших семей живут вместе в родовых домах. Обычно большая семья встречается только при патриархальном устройстве, но иногда и при матриархате, как у наири на Малабарском побережье (Юго-Восточная Индия), у ирокезов и индейцев пуэбло.

В то время, как патриархат у семито- и хамитоязычных скотоводов-кочевников был связан с унижением женщины, у индоевропейцев этого не было, хотя ограничение в правах изначально было. Но следует помнить, что в повседневной жизни семьи формальные права были не столь важны, как неписанные правила поведения отдельных лиц. Любой подкаблучник XVIII века, эпохи, которой феминистки приписывают порабощение женщины, позволяет отличить формальное право от реаль-

ных отношений. «Лишенная прав» женщина индоевропейцев в большей степени была хозяйкой в доме, чем законодательно эмансипированные женщины современной Западной и Центральной Европы. О положении женщины в семье и народе лучше составишь себе представление, если меньше будешь заниматься правами мужчин и женщин, а больше их значением в повседневной жизни. Катон говорил (Плутарх. Катон), что хотя римляне владеют миром, ими самими владеют римлянки. Это та же самая крестьянская мудрость, которая выражена в швабской поговорке: хотя мужчина это голова, женщина — шея, которая ею вертит.

Среди индоевропейцев и германцев женщина занимала самое высокое положение у северных германцев. У них женщины были поэтессами, резчиками рун и жрицами; они, как у всех индоевропейцев, надзирали над слугами, вели дела в отсутствие мужа, как и сегодня в богатых крестьянских хозяйствах. Только в эпоху викингов положение женщины у северных германцев стали принижать, частично под христианским влиянием. У южных германцев христианство с его дуализмом «духа» и «плоти», души и тела, обесцениванием половой жизни и заимствованным у кочевников-семитов низким мнением о женщинах привели в раннем Средневековье к унижению достоинства женского пола. Но, вопреки церковным учениям, и в Средние века германское почтительное отношение к женщине, как наследственное психическое качество, продолжало проявляться и, хотя оно не изменило церковное и светское право, оно проявилось в повседневной жизни. О почтительном отношении к женщине как о врожденной черте индоевропейцев свидетельствуют женские образы ранней персидской истории и персидских героических сказаний, равно как эллинские и германские мифы и история. Андромаха, Арета, Пенелопа, Навзикая у Гомера, представительницы римских патрицианских родов и нобилитета во времена аристократической республики и даже ранней Империи показывают, как и примеры из германской жизни, какую роль играла индоевропейская женщина как хозяйка дома, в благородном крестьянстве. Тацит писал о половом воспитании, серьезном отношении к браку, о редкости измен, об убеждении германских мужчин, что в женщинах есть что-то «священное и пророческое». «Они не презирают их советы». Таким образом, индоевропейский патриархат крестьянской аристократии всегда был связан с характерным для индоевропейцев почтительным отношением к хозяйке дома.

б) Матриархат

Когда индоевропейцы достигли Средиземноморья и Передней Азии — в процессе экспансии в поисках плодородных земель в конце неолита и в бронзовом веке, они столкнулись там, будучи сами сугубо патриархаль-

ными, с матриархальными народами. Одним из первых греческий историк Геродот (I, 173) описал матриархат у живших в Малой Азии ликийцев: «Они называют себя по матери, а не по отцу. Если один спрашивает другого, кто он, тот называет мать, бабушку с материнской стороны и т.д.» Для эллинов, которые давали имена по отцовскому роду — Атриды от Атрея, Лаэртиды — от Лаэрта, Аякоды — от Аякса, как назывались роды и у германцев на -инге и -унге, Каролинги, Нибелунги, Гибихунге, такой отчет происхождения, а также матриархальные обычаи, верования и законы были чем-то удивительным, а легко могли вызвать и отвращение, подобно тому, как в начале XIX Фрэнсис Бьюкенен называл матриархальные обычаи «совершенно абсурдными и непристойными». Удивительной для европейцев XIX века была и информация о матриархате в книгах швейцарца Бахофена (1861), шотландца Мак Леннона (1865) и американца Моргана (1872). Первый опирался на свидетельства античных авторов, греческих и римских, второй — на работы этнографов, а третий — на собственные исследования одного из индейских племен. Термин «матриархат» предложил Бахофен, Морган говорил об отсчете происхождения по женской линии или власти женщин.

До вторжения индоевропейцев в страны Средиземноморья и на Британские острова, матриархат, по-видимому, господствовал у всех народов от Британских островов через Средиземноморье и до Малой и Передней Азии. Жившие там люди каменного века принадлежали, в основном, к западной (средиземноморской) расе, если речь идет о Западной Европе и Средиземноморье, за исключением восточных его частей, а также Передней Азии, где преобладала переднеазиатская раса. Эти две расы можно назвать матриархальными и выводить из их ареалов и религиозные представления о Великой Матери богов, Деметре, Праматери. Следы матриархата, а также часто связанный с ним обычай имитации родов мужчинами (кувада), сохранившиеся у ряда современных европейских народов, ведут свое происхождение от этого древнего населения, на которое позже наложился слой индоевропейцев. Эллинскую и римскую истории, прежде всего, историю духовного развития, нельзя понять, если не распознать в ней борьбу двух расовых душ, одной патриархальной, другой — матриархальной. Пикты, докельтское население Британских островов, сохраняли матриархат и в христианскую эпоху до IX века. Одному из правителей пиктов всегда наследовал сын сестры умершего правителя.

Матриархат определяет родство, наследство, ранг, а часто и имена детей в семье по материнской линии; при матриархате супруг часто переходит в род или в жилище жены. Дочери наследуют имущество жены, сыновья — брата матери, т.е. своего дяди с материнской стороны.

Таким образом, патриархат делает упор на происхождение от отцовской линии, матриархат — по материнской. При патриархате больше учитывается родство от отца к сыну, при матриархате — от матери к дочери. При патриархате женщина важнее как мать сыновей, при матриархате — как мать дочерей. При матриархате часто важнее не связь отца с его детьми, а брата матери — с детьми его сестры. Обозначения родства дяди с материнской стороны к детям его сестры в их языковой форме часто отличаются от остальных обозначений родства. Отец семейства при матриархате значит меньше, чем при патриархате. Матриархат всячески подчеркивает преимущественное положение матери, настолько, что можно говорить о господстве женщин в племени. При матриархате главой семьи обычно является брат замужней женщины, дядя и детей с материнской стороны. Поскольку муж при матриархате отходит на задний план и остается жить в семье своей матери, защитником его жены и детей является брат жены. Поэтому часто в разных вариантах встречается «семья во главе с братом жены». Эта форма семьи называется «авункулат»... Это частая при матриархате форма семьи, но не единственная, она лишь наиболее последовательно выражает суть матриархата. Брат по материнской линии ведет домашнее хозяйство своих сестер, а муж — своих. Часто брат матери играет особую роль при воспитании племянника и вводит его в мужское общество. В определенных областях жизни у многих племен брат матери значит больше отца. У индейцев племени омаха брат матери обязан защищать племянника или отомстить за него, но не отец — своего сына. У многих племен сын сестры является наследником брата матери.

В сути матриархальных форм семьи и в конечном счете в сути женщины — большее разнообразие семейных форм, чем при патриархате, потому можно говорить о более или менее ярко выраженном матриархате. Если из мужской сути легко выводится патриархальное господство отца семейства, то господство женщин не так легко выводится из женской сути. Можно сказать, что женщина медлит проявить свою власть или взять на себя всю ответственность. Отсюда разные степени последовательности матриархальных порядков, поэтому понятно также, почему никогда и нигде господство женщин в семье не превращалось в господство женщин в государстве. Здесь, похоже, предел женской сути. Матриархат это не гинекократия. Гераклид Понтийский, ученик Платона и Аристотеля, неверно называл матриархат ликийцев гинеократией: «Ликийцами властвуют женщины» (О государстве, 15).

Таким образом, можно различать разные степени или уровни матриархата; общая их черта в том, что ребенок рассматривается

ближе по крови к матери, чем к отцу. Это подчеркивается названиями степеней родства и тем, что запреты на брак с материнской стороны распространяются на более дальние степени родства, чем с мужской стороны. У отдельных матриархальных племен даже разрешается брак между отцом и дочерью.

Можно различать несколько степеней матриархата. При ослабленной форме, хотя происхождение считается с материнской стороны, имущество или ранг наследуются по отцовской линии и отец может быть главой семьи, оттесняя брата матери на второй план. Наконец, матриархальные отношения могут выражаться в определенных нравственных обязательствах сына сестры или брата матери. При ярко выраженной форме подчеркивается происхождение по материнской линии, а муж переезжает из дома своих родителей в дом жены или ее семьи... При самой ярко выраженной форме матриархата жена и мать имеет большее значение, чем муж; вместе со своим братом она распоряжается всеми делами семьи...

Переезд жены в жилище мужа, преобладает, как уже говорилось, даже у матриархальных племен: переезд мужа к жене и у них встречается реже, и уж совсем редко муж остается жить в своем племени, жена в своем, и муж лишь регулярно посещает дом своей жены. Такие примеры раздельного проживания встречаются у индейцев поэбло и сери, у наири на юго-востоке Индии и у минанг-кабау на Западной Суматре. Но и при таких случаях регулярного посещения мужчина обязан официально зарегистрировать свой брак.

Таким образом, матриархат редко охватывает все области жизни. Ярко выраженные формы характерны для ирокезов, поэбли, микронезийцев и меланезийцев. У ирокезов женщины владеют землей и домами и устраивают браки молодых. Они имеют большое влияние на выборы вождей, используя и своих молодых родственников-мужчин. Но непосредственно власть осуществляют мужчины. И у поэбло женщины являются собственницами земли и домов, наследство переходит по их линии и они участвуют в выборе вождей. У гурунов замужние женщины образуют в совете племени большинство и выбирают вождя. У индейцев виандот женщины составляют 4/5 совета племени, мужчины 1/5. У индейцев сери женщины участвуют в совете племени, выполняют функции законодательниц и судей, а также знахарок. Но и при ярко выраженном матриархате, захватывающем государственное устройство, вождями племен и государств остаются мужчины.

Большая семья при матриархате встречается редко: у наири Малабарского побережья Индии, у отдельных племен ирокезов и пуэбло. Матриархат с браками между братьями и сестрами был унаследован

доиндоевропейскими народами Средиземноморья, причем это могло быть первым влиянием патриархальных воззрений индоевропейцев.

Часто мужчины матриархального племени под руководством уважаемого старейшины обеспечивают свое господство в государстве с помощью мужского союза, часто тайного. Мужские союзы — это попытки сопротивления гнёту матриархальных нравов. Матриархат, как уже говорилось, не означал гинекократию. Исключением из правила были некоторые племена эскимосов, ведда и андаманцев, у которых правила женщины. В одном отчете XVII века упоминается женщина, вождь ведда. Разумеется, охотники и собиратели стремились предоставить женщинам самостоятельное положение; разумеется, значение и влияние женщин особенно велики у мотыжных земледельцев, этих преимущественно матриархальных народов и разумеется значение женщин сильно уменьшается у патриархальных кочевников-скотоводов и многих других племен. Но было бы неверно непосредственно связывать степень влияния женщин с определенным уровнем или характером цивилизации, с одной стороны, и с конкретными формами семьи, с другой. В. Копперс показывает, что сочетание матриархата с многоженством легко приводит к уменьшению роли женщины, т.е. матриархат не защищает женщину от унижения. Копперс считает, что многоженство развилось в матриархальных обществах. Но высказанное им мнение, будто многоженство всегда связано с уменьшением роли женщины, не выдерживает критики.

О положении женщин у первобытных племен и их роли в доисторический период я расскажу позже. В целом жизнь женщин племен разного уровня цивилизации или с разным семейным устройством определялась, прежде всего, тем, что они заботились о домашнем хозяйстве, воспитывали детей, изготавливали одежду, занимались огородом, собирали растения и ловили мелких животных и участвовали в мелкой торговле своей семьи. У многих племен дома были собственностью женщин. Но собственно государственной жизнью управляли мужчины, хотя у отдельных патриархальных племен женщины принимали в этом участие. Мужчины занимались также хозяйством племени и борьбой против врагов. Даже у матриархальных племен влияние женщин выражалось скрытно, публично они не брали на себя ответственность. Патриархат не всегда означал уменьшение роли женщины, а матриархат — увеличение ее роли. Матриархат нельзя считать также признаком немужественности мужчин. Не только патриархальные сию показали себя мужественными мужчинами, воинственными охотниками, но и прочие индейские племена Северной Америки, у которых преобладал матриархат.

Важная черта матриархата — упор на роль женщины в рождении ребенка и приуменьшение роли мужчины. При ярко выраженных матриархальных воззрениях участие мужчины в зачатии ребенка считается второстепенным или вообще отрицается. Некоторые исследователи сообщали, что ряд стоящих на низком уровне племен вообще не знают, какая связь между оплодотворением и беременностью. Малиновский сообщает это о населении островов Тробриан. Рид сообщает, что одни австралийские племена понимают значение оплодотворения, другие — нет. Но всегда следует различать, во что туземец верит и что он привык говорить. У матриархальных племен следует также различать, что туземцы действительно знают об оплодотворении и зачатии и тем, что они отвечают спрашивающему в соответствии с матриархальными воззрениями.

Спенсер и Гиллен сообщают, что первобытные племена Центральной Австралии хотя и знают о связи между половым актом и беременностью, видят в половом акте только подготовку матери к зачатию от тотема, который проникает в нее, когда женщина проходит мимо тотема племени. Женщины центрально-австралийского племени аранда, если они не хотят забеременеть, стараются побыстрее пройти мимо тотема. По верованиям многих племен и духи предков, которые хотят снова родиться, могут вызвать беременности. В этом выражается широко распространенная вера в переселение душ, — шведский ученый Арвид Вахтмейстер изучил ее у многих народов Земли. Там, где господствуют такие представления, в которую хочет вселиться дух предка, должна принадлежать к племени предка, желающего снова родиться. Даже при знании взаимосвязи между половым актом и беременностью многие первобытные племена, особенно матриархальные, придают половому акту меньшее значение, чем различным сверхъестественным причинам или в одном случае приписывают беременность половому акту, а другом — духу. Эскимосы вокруг Баффиновой земли и залива Гудзон объясняют, по Францу Боасу, что зародыш ребенка через шнуровку сапог женщины доползает до ее тела и что семя мужчины служит только питанием ребенка. Вопрос лишь в том, действительно ли верил в это эскимос, который рассказывал это, или излагал традиционные поверья племени.

Патриархальные племена склонны приписывать зачатие и рождение ребенка одному мужчине, а женщина служит только своего рода пищей для плода. Так думают многие австралийские племена, таковы были и гипотезы некоторых эллинских мыслителей. Матриархальные племена, наоборот, приписывают рождение ребенка одной женщине. Согласно воззрениям таких племен, причины зачатия — съедение определенных плодов, лунный свет, духи или другие, исключаящие человеческое

участие факторы. Сказки многих народов рассказывают о рождении детей девами, забеременевшими от духов, от съеденных фруктов, яблок, гороха или перечных зерен, от питья волшебной воды, от воздействия солнечных лучей или цветов. Рыбы, лук и яблоки, распространенные символы половой жизни, часто упоминаются как еда, вызывающая беременность. Особенно в матриархальных областях доисторической Европы и древнего востока часто встречаются такие предания о волшебном зачатии Аттиса, переделанного эллинами в Адониса, переднеазиатского бога, родила дева Нана, которая зачала после того, как положила на грудь спелые семена граната. Даная родила Персея от золотого дождя. Финский эпос Калевала рассказывает о рождении от съеденной ягоды. Ирландские саги (скелы), сохранившие предания матриархальных неиндоевропейских племен древней Европы, рассказывают о беременности после питья воды, в которой живут мелкие животные, или съедении каши. Из матриархальных областей древнего Востока происходит сказание о богородице Марии. В двух ложно приписываемых Св. Августину проповедях и проповедях Св. Ефраима, сирийца, в середине II века говорилось, что дева Мария забеременела через ухо от слов архангела Гавриила. Это изображалось на средневековых картинах.

в) Нравы и воззрения при патриархате и матриархате и распространение этих форм

Я уже упоминал, что при матриархате обоим полам часто давалась на какое-то время свобода добрачных половых связей, тогда как при патриархате подобные тенденции молодежи подавляются. Многие матриархальные племена разрешают и замужним женщинам внебрачные связи или по крайней мере не порицают их. Они не карают женщин за нарушение супружеской верности, тогда как патриархальные племена карают за это строго, часто приравнивая к этому даже мимолетный флирт. Матриархальные воззрения докельтского населения Британских островов настолько повлияли на раннюю историю кельтов, что ирландские средневековые саги описывают девушек и женщин, поведение которых с патриархальной германской точки зрения выглядит бесстыдным. Вследствие этой свободы половой жизни у многих матриархальных племен и их отношения к половой жизни вообще в рамках матриархальных цивилизаций свадебные обряды обычно слабо развиты, тогда как для патриархальных цивилизаций пастухов и земледельцев характерны как раз пышные свадебные обряды.

У племен охотников и собирателей встречаются и патриархат, и матриархат, но, как правило, в разных формах. На стадии мотыжного земледелия матриархат преобладает настолько, что собирание корней, обработка земли мотыгой и сеяние, чем занимаются женщины, считаются

причиной возникновения матриархальных порядков. Я уже говорил, что у урало-алтайских, семито-хамитских и индоевропейских народов, за исключением западных хамитов, преобладал патриархат. Эти группы народов относят к кругу «молодых патриархальных культур». Г. Бауман составил 4 карты распространения форм семьи в Африке, одну по счету родства от отца или матери, другую — по патриархальным обычаям наследования 1) сыном и 2) братом или 1) братом и 2) сыном или братом и сыном одновременно; третья карта — матрилинейное наследование и другие следы матриархата в патриархальных группах, четвертая — матриархальные обычаи в королевских семьях. По Бауману, матриархат в Африке особенно распространен в широком поясе от низовьев Замбези до Огове, в Гане и на Берегу слоновой кости, в северо-восточной Африке и у туарегов, берберского племени Западной Сахары, а также в прибрежных областях Северной Африки и в среднем течении Конго. В Северной Африке он все больше вытесняется патриархальным исламом. Но обе матриархальные области Африки, северная и западная, относятся по своему происхождению к разным цивилизациям. Хамитоязычные племена, которые образуют высший слой в обширных областях Африки, пришли в доисторические времена как патриархальные кочевники из Азии через северо-восточную Африку. Вторгшиеся в Северную Африку хамиты усвоили там матриархальные порядки.

В Восточной Азии преобладают патриархальные цивилизации, как у японцев, корейцев и китайцев. Единственное матриархальное племя айну, но был ли у них матриархат изначально — вопрос. В Китае следы более ранних матриархальных цивилизаций прослеживаются у разных коренных племен. В Индии, Западной и Передней Азии, а также в средиземноморских странах и Юго-Восточной Европе патриархальные индоевропейцы наложился на матриархальную цивилизацию коренного населения. У этрусков и ливийцев сохранились следы матриархата или матриархальных влияний. Матриархальные представления в Европе исходили от покоренных народов, главным образом. Из юго-восточных областей. Альпийскую и восточно-балтийскую расы следует представлять себе как изначально матриархальные. Матриархальное население доиндоевропейского (эпохи неолита, бронзового и железного века) круга цивилизаций Британских островов уже упоминалось. Матриархальные формы цивилизации сохраняют в наше время многие коренные народы Индии, большинство жителей Океании и индейцев как Северной, так и Южной Америки. Матриархальны и хамитские племена Северо-Западной Африки, тогда как первоначально хамиты были строго патриархальны. Детали распространения и вариантов матриархата среди народов Земли описал Риверс.

Ярко выраженные формы матриархата характерны для т.н. «молодых матриархальных культур», которые не только считают происхождение по матери; в них муж обычно переселяется к жене и женщина имеет большое значение; это прежде всего культуры Америки, Индонезии и Африки. Т.н. классические варианты матриархата встречаются у индейцев Северной Америки. В рамках «молодых матриархальных культур» возникают и матриархальные большие семьи; в их поселения женатые мужчины переселяются из своих семей. Часто жених должен заработать невесту, работая на будущего тестя или тещу. Здесь не только дома, но и движимое имущество наследуется по женской линии и здесь особо развито господство в семье брата матери, аванкулат, сильнее всего, по данным Лоуи, у индейцев пуэбло, но еще сильнее у индейцев побережья Британской Колумбии, у которых сын сестры живет с братом матери и работает на него, обычно женится на его дочери и наследует его имущество. У. Дж. Мак Ги подробно описал матриархальные обычаи индейцев сери, живущих на острове Тибурон в Калифорийском заливе и в соседней прибрежной области мексиканского округа Сонора. Хотя мужчины этого племени издают законы, власть женщин больше. Они руководят повседневными делами. Поселениями правят старые женщины. Дома принадлежат исключительно матерям семейств; их братья имеют право жить в доме, но не их мужья. Хотя муж часто бывает в доме своей жены, индейцы относят его «к другому дому». Обедать приходит первым, согласно обычаю, старший брат матери семейства, потом ее младший брат и лишь потом ее муж.

В наше время наиболее распространена т.к. матриархально-патриархальная семья, главой которой является отец, но и брат матери имеет заметное влияние; родство считается по матери и наследство переходит от матери к ее детям. В такой семье сохраняются матриархальные формы и ее нельзя считать смесью матриархальных и патриархальных форм. У аруаков в северной Бразилии и Британской Гвиане молодожен переходит жить к своей жене и работает на ее отца, но является главой семьи: это форма матриархата, допускающая господство отца в семье. И эту форму нельзя понимать как результат смешения патриархальных и матриархальных обычаев, так как и для матриархата характерна разная степень последовательности.

Но есть и формы семьи, которые нельзя назвать ни патриархальными, ни матриархальными, и такие, которые действительно являются результатом смешения. Это может быть следствием заимствования обычая одного племени другим. На многих островах Тихого океана, например, на Фиджи, а также у ряда западноавстралийских племен хотя родство считается по матери, имущество и ранг часто наследуются

от отца, который считается главой семьи. У меланезийцев имущество брата матери переходит к детям по сестре, но наследником отца-вождя становится его сын. Во многих случаях следует задать вопрос, имеет ли место переход от матриархата к патриархату; в других случаях, при завоевании происходит слияние разных форм. Обычно лишь тщательное историческое исследование показывает, имеем ли мы дело с непоследовательным матриархатом, переходными формами или смешением. Турнвальд приводит много примеров смешения или вытеснения одной формы другой. В этих случаях патриархальные племена обычно оказываются сильнее. Примеры смещения форм семьи у африканских банту дает Грета Лауманс.

С матриархатом обычно связаны небольшие племенные группы, скорее отдельные деревни, чем народы, создавшие государства. Матриархальные племена обычно имеют более рыхлую структуру, чем патриархальные, и государственные связи у них более ослаблены. У матриархата больше демократических черт, у патриархата — аристократических. Дух матриархальных племен это дух любовного проникновения в близлежащие предметы и тесный окружающий мир. Дух патриархальных племен стремится охватить дальние пространства. Превращение рыхлой общины в крепкое государство с определенными формами господства подчинения — дело скорее патриархального, чем матриархального духа. Может быть, там и сям матриархальные порядки постепенно превращались в патриархальные, если определенные условия заставляли первоначально матриархальные племена переходить к более прочным государственным порядкам и завоеваниям. Ослабление первоначально крепких государственных связей в патриархальных цивилизациях может быть вызвано матриархальными подводными течениями. Большие государства во всех частях света основали патриархальные народы; при разложении патриархальных цивилизаций в среде индоевропейцев внедряются матриархальные правила.

Для религиозной жизни матриархальных цивилизаций характерны почитание Праматери, Великой Матери, Богини-матери или Матери богов. При подчинении матриархальных племен патриархальным индоевропейцам в Средиземноморье, Юго-Восточной Европе и Передней Азии эти Праматери были отнесены на задний план, так что позже вспоминались лишь как образы седой древности, как Рея, жена Кроноса, вероятно, первоначально — богиня, праматерь доэллинического, т.н. минойского населения Крита. При разложении патриархальной цивилизации индоевропейцев в Иране, Греции и Риме снова возвысились образы праматерей: *Magna Mater* проникла из Фригии в Рим, Кибела и Иштар передали свои черты эллинистическим богиням. Многие детали культа

Богоматери Марии восходят к матриархальным цивилизациям круга неолитических культур ленточной и крашеной керамики. Стоящая на лунном серпе Мария восходит к эллинским и римским богиням луны, которые в свою очередь переняли черты богинь доиндоевропейских матриархальных народов.

При матриархате преобладают лунные мифы; луна и месяц тесней связаны с женской сущью, чем с мужской. Народы, которые почитают лунное божество, всегда имеют матриархальные семейные порядки или находились под влиянием матриархальных цивилизаций, часто проявлявшиеся анимистические наклонности (веру в духов). В матриархальных цивилизациях доиндоевропейских народов Средиземноморья женщина и бык были символически связаны, тогда как для патриархальных индоевропейцев, которые начали проникать в эти матриархальные области с конца неолита, символами были мужчина и конь. На матриархальные цивилизации тип хозяйства, похоже, воздействовал глубже, чем на патриархальные. Формы господства вследствие демократических черт матриархата были развиты при нем меньше, чем при патриархате. Патриархальные цивилизации основаны на отношениях господства и подчинения в государстве и в семье, это ярко выраженные аристократические общества с магами и наследственными вождями. Большие семьи под руководством главы рода — типично патриархальные. Внутри патриархальных племен легко возникает расслоение на бедные и богатые семьи, легко возникает слой зависимых людей, полусвободных и несвободных. Сильней всего это расслоение в Полинезии, но оно было характерно и для индоевропейцев. Так возникли при патриархате исторические сословные государства, мировые империи. «Основание империй» — типично патриархальное представление.

Патриархат осуждает утрату девственности строже, чем матриархат. Согласно аристократическим представлениям, девственность невесты ценится знатными семьями очень высоко — даже проводится проверка целомудрия. Патриархальные племена заботятся и о сохранении чистоты расы.

Я уже говорил, что с матриархатом часто связана половая свобода, особенно свобода добрачных отношений молодежи, которую отдельные наблюдатели описывали как промискуитет. В матриархальных областях древней Европы допускались свободные половые связи и девушек, и женщин. О малоазиатских лидийцах и о родственных им этрусках рассказывают, что девушки у них зарабатывали себе приданое, отдаваясь мужчинам... Подобный обычай, похоже, существовал и у пиктов. Подобные состояния непонятной для них нравственности поражали индоевропейцев, пришедших в матриархальные области, пока расовые

изменения и распад не привели в поздние времена к таким же состояниям и у них, к таким же нравам, как у доиндоевропейских племен. С подъемом бывших матриархальных слоев народа при вымирании патриархальных руководящих слоев в народах с патриархальным руководством из матриархального духа возникают враждебные аристократии, уравниательские течения, включая, «движение за права женщин».

Согласно Греберту, с древнейшими патриархальными цивилизациями связан тотемизм; по Маретту, тотемизм характерен скорее для матриархата.

При патриархате преобладают солнечные мифы или сказания о солнце, луне и звездах. Склонность к вере в духов при патриархате обычно невелика. Часто в верованиях патриархальных племен центральное место занимает бог солнца. В индоевропейских языках солнце мужского рода, а луна — женского. При патриархате обычно бурно развиваются мифы о богах и героях. У индоевропейцев были небесные боги, солнечные герои, боги ветра, воды и подземного мира. Олимпийские боги гомеровских поэм, патриархальные, в противоположность звероподобным хтоническим божествам, матриархальным обитателям болот и пещер: такова была противоположность в верованиях доиндоевропейского и эллинистического слоев в Греции. Подлинно патриархально возвышение небесного бога — Зевса, Юпитера, Дьяуспитара, Цию — как повелителя и отца богов и людей, возвышение образа отца семейства.

При патриархате обычно встречаются многообразные представления о продолжении жизни после смерти. Культ мертвых распространен у патриархальных племен: у некоторых в соответствии с расслоением сословий бессмертие приписывается только аристократии.

По Вильгельму Шмидту, языкам матриархальных племен присуще постпозитивное расположение генитива, языкам патриархальных племен — переднее. В. Шмидт исходил из развития многих племен от патриархальных к матриархальным порядкам, развития, древнейшему этапу которого соответствовало расположение генитива спереди, а позже произошел переход к постпозитивному генитиву под влиянием матриархальных народов. Такие взаимосвязи между положением генитива и семейным устройством Г. Бауман нашел у народов и племен Африки.

г) Имитация родов мужчинами

С матриархатом связан странный обычай, который Лафито назвал кувадой, обычай, пережитки которого еще сохранились и в отдельных частях Европы, а в доисторической Западной Европе был распространен гораздо шире. Лафито наблюдал его в начале XVIII века у канадских индейцев. Согласно этому обычаю муж, чья жена родила ребенка, ложится в постель и имитирует роды, у многих племен дольше недели. В одном

французском стихотворении 1792 года говорится, что этот обычай есть в Америке, на Корсике, среди иберов, в самой Франции и в Наварре.

Первым из европейцев рассказал об этом обычае Марко Поло (1254-1323), как о бытующем у народа мяо-цзы в Южном Китае, в провинции Юннань. Мужчина там после рождения его женой ребенка ложится на 20 дней в постель и берет новорожденного к себе, а жена сразу же после родов встает и ухаживает за мужем и ребенком. Чуньси Сяньлю описывает одно из племен нарда мяо, ланцзы-мяо, в юго-западном Китае, которое практикует этот обычай; у них муж лежит в постели 30 дней, а жена после родов продолжает работать. Предполагается, что мужчина болеет, если не будет лежать в постели. Согласно древним китайским свидетельствам этот обычай существовал упомянутых областях уже в VII веке. На Земле есть три региона, где распространен этот обычай: Юго-Восточная Азия, Юго-Западная Европа и Южная Америка, особенно ее северная часть. Этот обычай матриархальные цивилизации распространили с Британских островов через Западную Францию и Иберийский полуостров в страны Восточного Средиземноморья, и, может быть, в Индии. Следы этого обычая или рассказы о нем сохранились в Шотландии и Ирландии, во Франции в средневековой поэме «Окассен и Николетта», на Корсике и Балеарских островах, а также у албанцев.

На базе каких представлений возник этот обычай? На этот вопрос со времен Бахофена давали разные ответы. Ряд таких попыток объяснения перечисляет Плосс. Ни один из этих ответов не вполне удовлетворителен, и У.Р. Доусон вместе с Плоссом приходит к выводу, что сегодня мы такой ответ дать пока не можем. В. Шмидт и В. Копперс выводили его из подчиненности мужчины женщине при матриархате: «Мужчина подчиняется женщине настолько, что пытается делать ее физиологические тяготы». Но это было связано с неверным пониманием матриархата как гинекократии. Но вероятно этот обычай был выражением мужского сопротивления матриархальным семейным порядкам. Бахофен предполагал, что отец ребенка вразрез с матриархальными представлениями своего племени предъявлял таким образом права на новорожденного; он вел себя так, словно он родил ребенка. Туривальд, который тоже видел в этом мужское сопротивление матриархату, выводил его из подражательной магии как выражение отцовской заботы о ребенке, но ее предпосылкой было признание отцовства, которое, по Бахофену, и подтверждала кувада. Малиновский считает, что смысл кувады — доказательство законности происхождения ребенка.

Можно предположить, что раньше всего этот обычай возник в племенах, переживавших переход от матриархата к патриархату или ослабление матриархата по внутренним причинам или под влиянием

патриархального народа. Он должен был подчеркнуть участие отца в рождении ребенка и равные права отца и матери на него.

По Доусону, этот обычай мог быть связан с культом солнца, мумификацией, деформацией голов, татуировкой и просверливанием ушей. Доусон выводил этот обычай из неолитического круга цивилизаций — строителей мегалитов, Освальд Менгин — из круга культур раннего земледелия.

д) Мужские союзы.

Как обычай кувады, так и создание мужских союзов можно понимать как противодействие мужчин давлению матриархальных порядков. Как защиту от экономического превосходства женщин, занимающихся земледелием, мужчин-охотников, этот союз, по И. Ронхаару, рассматривать нельзя, по крайней мере, как сознательную защиту. Разумеется, многие мужские союзы, не только в матриархальных племенах, управлялись старейшинами: здесь следует искать корни государственной жизни и происхождения многих правил брака. В матриархальных племенах, которые, предположительно, позже патриархальных перешли к собственно государственному строю, мужские союзы часто давали толчок к собственно государственной жизни. Я уже говорил, что матриархату скорее соответствует рыхлое объединение деревенских общин, а основателями государств были патриархальные племена. Когда внутри матриархальных племен возникали центры власти, способные сплотить племя, происходило это на базе мужских союзов, которые были противовесом матриархату. Лучше всего показать это на примере индейцев пуэбло, сугубо матриархального племени. Мужские союзы это союзы воинов, они же поддерживают и внутренний порядок. Для сохранения своей власти вопреки матриархальным обычаям, мужские союзы часто имеют тайный характер, хранят свои тайны от женщин и детей. Для запугивания внешних врагов, женщин и детей члены мужских союзов носят страшные маски, особенно у матриархальных индейских племен Северной Америки.

Генриху Шурцу (1863-1903) принадлежит та заслуга, что он показал значение мужских союзов, показал, что человек принадлежит не только к роду и племени, но и к союзу, возрастному классу или тайному обществу, которое также определяют жизнь племени. Шурц тоже предполагал, что мужские союзы, особенно тайные, были средством противодействия мужчин матриархальным обычаям, но, считая матриархат этапом развития всех народов Земли, он и возникновение мужских союзов считал общей чертой развития народов, предполагал, что мужские союзы сначала делились по возрастным классам. Этнография, не приняла эту его гипотезу. Этнография стала еще резче

различать мужские союзы и возрастные классы, а с другой стороны — возрастные классы, к которым человек принадлежит всю жизнь, и временные возрастные классы, поскольку такие общества могут иметь совершенно разные корни иное значение, нежели мужские союзы. Когда такие союзы создаются в тайне от женщин и детей, то они пользуются масками не для их запугивания и защиты от матриархата. Турнвальд полагает, что соединение мужских союзов с возрастными произошло позже, а не было изначальным. И предположение Г. Вебера, что мужские союзы возникли из круга лиц, которые занимались посвящением юношей, не подтвердилось.

По Гребнеру, мужские союзы сегодня часто встречаются у матриархальных мотыжных земледельцев. По Г. Хёлькеру, который дал обзор распространения этих союзов, можно предположить, что мотыжное земледелие и мужские союзы часто связаны друг с другом, как и матриархат и мужские союзы разного рода. Вследствие этой связи с матриархальными порядками возникает учение о мужских союзах как ядре государственной жизни всех народов, зародыше государственной жизни вообще и о том, что мужские союзы надо искать в истории всех народов и рекомендовать для настоящего и будущего. Со времен Ганса Блюера и Густава Винекена в Германии стали распространять учение о мужских союзах. Их стали искать даже у древних индоиранцев и германцев, т.е. индоевропейских патриархальных народов, государственное строительство у которых отличалось тем, что государственное здание возводилось на основе родовых союзов крестьян-воинов, союзов крестьянской аристократии, в которых хозяин и хозяйка двора имели одинаковое значение, а народные собрания состояли из свободных и равных глав семейств. О том, что у германцев известных этнографии мужских союзов не могло быть, я писал в другом месте. Берта Филпотс показала, что родовые союзы, из которых развилась германская и индоевропейская государственная жизнь, по образу которых создавались средневековые гильдии, существовали в отдельных германских областях до XVIII, а в Дитмаршене — до начала XIX века когда в индоевропейском круге возникал мужской союз, как в Спарте, он разлагал семью и способствовал гибели государства, что доказал Г. Людеман. В народе индоевропейского и германского происхождения идея мужского союза действует разлагающе.

Когда этнографы находят в Центральной Европе следы мужских союзов, речь может идти о длительных влияниях патриархального круга неолитических культур ленточной керамики, круга мотыжных земледельцев, вероятно, почитателей Великой Матери, которые после индоевропеизации вошли в состав народов Юго-Восточной Европы и

альпийской Центральной Европы. К матриархальному региону стран Восточного Средиземноморья в доиндоевропейские времена примыкал другой, доходивший до Индии регион матриархата и кувады, где также могли почитать Праматерей или Богинь матерей. У тибаренов на Черном море был обычай кувады, а следы матриархата находят и у этрусков, частично или целиком пришедших в Италию из Малой Азии. Уже говорилось, что Р. Доусон искал происхождение кувады в области неолитических культур строителей мегалитов. Это указывает на западно-европейский круг мегалитической керамики, вероятно, матриархальный круг с населением первоначально, главным образом, фальской (кроманьонской) расы.

е) Следы матриархата в Европе

Я уже говорил о матриархальных обычаях докельтского населения Британских островов и о куваде у кельтиберов в Испании. Страбон писал о куваде у северных иберов. В Южной Франции и на Корсике этот обычай сохранялся до Нового времени. Следы кувады есть и в Шотландии и в Албании; в албанском языке есть даже особое слово для «рожающего» мужчины — «меркос». На влияние докельтских матриархальных обычаев на патриархальных кельтов Британских островов указывал и И. Вейсвейлер. Он считает почитание матерей — черта французской народной жизни — характерно кельтским. Германские народы считали сексуальные нравы кельтов, своеобразие которых описано в ирландских сагах, безнравственными. Влияния матриархальных обычаев все приписывают доиндоевропейскому населению, главным образом. Средиземноморской расы Западной Европы и стран Средиземноморья. Особенно сильны они, включая куваду, у басков, которые сохранили и много других черт доиндоевропейских культур. Авторитет отца у них невелик, и наследство семьи переходит к дочери, которая потом выдает братьям их доли.

Существующие сегодня мужские союзы у народов Юго-Восточной Европы, этот «странный мир беснующихся в экстазе», который описал Р. Вольфрам, — отзвук матриархальных обычаев доиндоевропейских народов культуры ленточной керамики бронзового века Юго-Восточной Европы.

ж) Следы матриархальных влияний доиндоевропейской культуры у патриархальных германцев

Уже часто указывали на особое положение брата матери у германцев и в этом и в других деталях германского права и обычаев хотели видеть влияния прежней матриархальной культуры германцев. Я уже писал, что в XIX веке, в эпоху эволюционных теорий предполагалось также общее развитие народов от исходного матриархата к «высшей

ступени» патриархата. Следствием этих теорий было то, что у патриархальных народов искали следы пережитого ими матриархата. Такие попытки предпринимались от Л. фон Даргуна до Ф. Бодена. О выдающемся положении брата матери у германцев писал Тацит. Ойген Ферле сумел вывести это положение брата матери из патриархата индоевропейцев и германцев: брат защищал сестру от эксцессов мужа, так как патриархальное право племени мало ее защищало. С такими воззрениями не совмещался тот факт, что жена в германских землях, хотя и не имела равные права с мужем, играла такую же, как и он, роль в домашнем хозяйстве. Может быть, следы матриархата имелись не у франков, а у их рабов; салическое право франков в ряде случаев признает наследование по женской линии. Другие работы по вопросу о следах матриархальных влияний на германцев написали Риверс и Герда Мершбергер. Лучший ответ на эти вопросы: отдельные матриархальные влияния на германцев шли из области мегаполитической керамики Северо-Западной Европы; германцы в конце неолита сложились из смеси преимущественно нордической культуры шнуровой керамики и соседних племен Центральной Европы с северо-западными строителями мегалитов преимущественно фальской расы. На эту взаимосвязь указывал и Доусон. Фальской расе приписывается матриархат, нордической — патриархат. В Центральной и Юго-Восточной Европе племена ленточной керамики, вероятно, были матриархальными мотыжными земледельцами, почитавшими Праматерь в различных ипостасях.

Подведем итоги ретроспективного взгляда на патриархат и матриархат. Матриархат делал упор на кровные связи между людьми, результат происхождения от одной матери, патриархат — на кровные и правовые связи, которые связывали роды и племена происхождением от одного главы семьи и отца. Матриархат склонен преувеличивать биологическое значение женщины, патриархат — мужчины. В действительности оба пола имеют одинаковое биологическое значение, а нравственное поведение женщины важнее. Когда нравственность мужчин распалась, государство еще может существовать какое-то время, если же распалась нравственность женщин, оно быстро рухнет.

Следует еще заняться вопросом, как отдельные формы родства влияют на отбор. Насколько я знаю, специальных исследований по этому вопросу нет. В целом можно сказать, что матриархат, поскольку он часто предоставляет девушке большую свободу при сватовстве и выборе супруга, способствует улучшению породы, когда девушки выбирают среди своих женихов наиболее способных, а патриархат — когда молодой человек стремится взять в жены девушку из наследственно способной семьи.

VIII. Формы родства

Я уже не раз говорил, что родство в жизни первобытных народов значит очень много, поэтому и породнение двух семей и родов воспринимается ими и всем племенем весьма серьезно. Родство и породнение определяют всеобъемлющие представления о друге и враге, том, кому можно доверять, и чужаке, взаимности и воздаянии. Дружба часто выражается терминами родства, такими словами, как «отец» или «мать», «брат» или «сестра». Такой перенос на дружбу терминов родства известен и в европейских языках. Упор на отношениях родства выражается и в том, что у многих народов люди в кругу своих обращаются друг к другу не по личным именам, а используют соответствующие обозначения родства. Только у более развитых племен родство отходит на задний план, а упор делается на ранге, сословии, отличиях и собственности. Значение систем родства для этнографии отметили еще Морган и Мак-Леннан, причем оба указали на различие между известными нам, европейцам, определениями родства по происхождению и его определением по положению. Морган (1871) назвал системы родства, исходящие от отдельных семей и кровного родства, описательными, а те, которые исходят от группы людей, считающих себя родственниками, классификационными. Последние причисляют всю группу родственников к одному «классу» и называют всех родственников этого класса одинаковыми терминами.

Я уже не раз указывал на эти две разные системы родства. Кровное родство или родство по происхождению лежит в основе одной системы, правовое родство или родство по положению — в основе другой, — так писал Маретт. Риверс, непреходящей заслугой которого являются его исследования систем родства, в одной из глав своей книги «Общественная организация» указывает, что отцовство и материнство, по представлениям многих народов, не сводятся к зачатию и рождению, а должны определяться обычаями, и в этом случае родство определяется совсем иначе, чем обычно в Европе. Риверс хочет отличить родство по происхождению от родства по принадлежности к клану, т.е. к подгруппе племени... Чуждую европейцам систему я бы назвал родством по положению. Оба типа родства можно встретить в одной подгруппе одного племени, так как внутри подгруппы всегда имеется ряд семей, связанных между собою кровным родством. Так что члены одной такой подгруппы могут быть родственниками по происхождению, и по положению.

Европейскую систему родства Риверс называл «семейной» — это описательная система Морган. Другую систему родства Морган на-

зывает «классификационной», потому что при ней целые группы родственников, целый «класс» обозначается одинаковыми словами, такими как отец, мать, брат, сестра и т.д. Ребенок называет группу мужчин, по Моргану, «класс» мужчин, «отцами», группу женщин — «матерями», он называет группу родных и двоюродных братьев и сестер «братьями» и сестрами». «Отец» в этом смысле не тот, кто зачал, а «мать» — не та, что родила. «Отцом» может быть назван и тот, кто зачал, и его родной, двоюродный или троюродный брат. Таким образом, ребенок может называть всех мужских потомков своего деда по отцовской линии «отцами», а также супругов сестер своей матери. С женской стороны так же используется слово «мать». Таким образом, каждый сын или каждая дочь мужчины, именуемого «отцом», являясь одновременно «братом» или «сестрой», согласно родству по положению, сыновей или дочерей тех мужчин, которые принадлежат к одной и той же группе «отцов». Для родства по положению характерно отсутствие различий между прямой и побочными линиями родства, между родством по происхождению и побочным родством, совпадение названий братьев и сестер одного рода, отцов и их братьев, матерей и их сестер, названий детей братьев отца и сестер матери с названиями братьев и сестер, названий детей брата одного мужчины и сестры одной женщины с названиями их собственных детей.

Во многих системах родства по положению группа «братьев отца» по названию и правовому положению четко отличается от группы «братьев матери». Австралийцы, обжибузи и ирокезы отождествляют с одним из родителей определенных родственников того же пола; так названия отца и брата отца совпадают, равно как названия матери и сестры матери; особые группы это сестры отца и братья матери. Таким образом, в классификационных системах многие привычные для европейцев обозначения родства совпадают, что обедняет язык — в нем меньше таких терминов. В наибольшей степени это относится к гавайской системе родства, которую Морган считал самой древней. Он называл ее «Малайской». Морган, исходя из системы, названной им классификационной, сделал вывод, что слово «отец» в племенах с системой родства по положению всегда означало возможного отца или было пережитком древних времен, когда моногамии еще не было, т.е. классификационная система позволяет сделать вывод, что первой формой брака был групповой брак. А до этого, по Моргану, был промискуитет. Исследователи, которые работали после Моргана (Эндрю Ланг, Н.У. Томас, Гиффорд, Вестермарк, Крёбер, Риверс, Турнвальд, Лоуи и другие) признали эти выводы ложными и доказали, что небольшое число обозначений родства не является признаком сохранения

древнейших состояний, а наоборот, часто именно обилие различительных обозначений следует считать признаком первобытных отношений.

Романские и германские языки Европы раньше были не бедней, а богаче обозначениями родства, как и сегодня отдельные диалекты этих языков и большинство славянских языков частично сохранили богатство языков индоевропейской семьи обозначениями родства. Можно сказать, что романские и германские языки раньше обозначали родство скорее «описательно», а сегодня происходит переход от описательного к классификационному методу. Однако следует сказать, что при анализе одних языковых средств обозначения родства мы не найдем в чистом виде ни описательную, ни классификационную систему, а та или иная будет лишь преобладать. Один этот анализ сам по себе еще не сделает возможным понимание обеих систем родства. При одинаковом или сравнительном языковом выражении понятия, заключенные в словах в рамках одной культуры может быть иным, нежели в рамках другой. Так наше слово «дядя» может пониматься как классификационное обозначение, поскольку может означать как брата отца, так и брата матери, тогда как в латинском брат отца «*patruus*», а брат матери «*avunculus*» (разные оба значения и у скандинавов). Немцам приходится гадать, о дяде с чьей стороны идет речь, тогда как в языках племен с классификационной системой слово, обозначающее «дядю» относится не к отдельному человеку, а к члену группы. Турнвальд предполагает, что классификационные системы больше соответствуют методу мышления, объединяющему людей в группы, а описательные — такому, который разделяет группы на отдельных людей, т.е. в первом случае мы имеем дело с «аналитическим» мышлением, во втором — с «индивидуализирующим». Переход от одной системы родства к другой соответствовал переходу от одного метода мышления к другому. Но даже если принять эту гипотезу Турнвальда, надо будет пробиться через слова, обозначающие родство, к содержащемуся в них смыслу. Но это очень трудно, когда речь идет об иностранных языках и других народах.

Строго говоря, только в смысле кровного родства описательные обозначения «отец» и «мать» будут чисто описательными. Слова «брат» и «сестра» и в языках народов с системой родства по происхождению могут относиться к группе людей. Но есть языки, которые имеют особые обозначения для старшего и младшего брата, т.е. стараются сделать точнее описательные обозначения. Обозначения родства у народа с определением родства по происхождению будут не чисто, а всегда лишь преимущественно описательными, а у народа с определением родства по положению — не чисто, а преимущественно классификационными. И в рамках классификационных систем встречаются отдельные обозначения

отдельных людей, а в рамках описательных систем — отдельные обозначения группы или «класса».

В языках эскимосов и калифорнийских индейцев моно, как в какой-то мере и в скандинавских языках родство со стороны отца отличается от родства со стороны матери. Гораздо «описательней», чем в европейских языках, обозначения родства в семитских языках и в языках племен, живущих в верховьях Нила: там братья отца и их сыновья и дочери называются иначе, чем братья матери и их сыновья и дочери.

Классификационные системы родства распространены на островах Тихого океана, в Полинезии, Меланезии на Новой Гвинее и в Австралии, а также в отдельных частях Индии и Африки. В Северной Америке они не так распространены, как раньше предполагали. Эскимосы и многие племена западной части Северной Америки имеют описательные формы родства.

И сегодня скандинавские языки и многие немецкие диалекты точней, «описательней», чем современный немецкий язык. Немецкие диалекты и сегодня точней различают родство с отцовской и материнской стороны и отличают кровное родство от родства вследствие брака. В славянских языках брат отца, брат матери, муж сестры отца и муж сестры матери различаются, как в праиндоевропейском, тогда как в романских и германских языках все это вытеснено словом «дядя». То же произошло и со словом «тетя». В английском языке слово «кузен» вытеснило разные обозначения двоюродных братьев и сестер с отцовской и с материнской стороны. В Средние века и даже позже в немецком языке сестра отца (Base) отличалась от сестры матери (Muhme), брат отца (Votter) от брата матери (Oheim), дочь сестры (Niftel) от других племянниц, сын сестры (Noffe) — от других племянников...

... Немецкие диалекты сохранили описательные обозначения и в тех случаях, когда письменный язык горожан для обозначения разных видов родства лишь слова классификационного типа. В немецких диалектах еще встречаются слова «муж сестры», «жена брата», «брат мужа» и «сестра мужа». А слово «Schwayer» теперь может означать мужа сестры, брата жены или брата мужа, слово «Schwagerin» — жену брата, сестру мужа или сестру жены. Оба эти слова могут также обозначать отдаленных родственников.

Так и в немецком языке уменьшилось число отдельных обозначений и многие из них заменены теперь одним словом. Можно видеть в этом переход от описательной системы родства к классификационной, если считать языковой процесс признаком изменения представлений о родстве. Из этого процесса можно лишь сделать вывод, что для Запада и, прежде всего, его городского населения родство утратило значение, что

начиная со Средних веков мышление с упором на отдельную личность постепенно стало важнее сознания родственных связей. Для горожан Центральной и Западной Европы родство не является больше основой человеческой жизни, как у первобытных народов, на происхождение не обращают внимания. С исчезновением внимания к родству, исчезли и забота об обозначении родственных связей и многие ранее живые названия степеней родства позабыты. Исчезновение обозначений родства в романских и германских языках служит доказательством того, что малое число таких обозначений не является, как воображал Морган, признаком первобытных отношений, а их большее число, наоборот, является признаком высокоразвитой цивилизации.

На этом заканчивается нами обзор форм брака, семьи и родства. Он дал нам представление о том, какое разнообразие таких форм человеческого сожителства открыла этнография. Это многообразие почти неизмеримо. Можно сказать, что человечество испробовало все возможные формы брака, семьи и родства, включая новейшие, вроде пробного, временного или товарищеского брака... Если представить себе множество вариантов взаимодействия отдельных форм в реальной жизни народов, мы увидим, насколько многообразна семейная жизнь человеческого рода. При этом еще не учтено взаимное влияние друг на друга отдельных цивилизаций, влияние, которое вызывает смешение семейных форм.

IX. Эволюционная теория Бахофена-Моргана и ее опровержение

В разделе о половых отношениях в животном мире я уже попытался показать, что брак, т.е. более или менее длительная связь родителей с детьми, имеет дочеловеческие корни, что корни человеческого брака и человеческой семейной жизни прослеживаются как минимум до человекообразных обезьян и что человек из различных дочеловеческих инстинктов перенял инстинкт создания семьи. Но это мнение лишь постепенно распространяется среди ученых, и не все, кто пишет о происхождении человеческой семейной жизни, его разделяют. Особенно те, кто описывает этот процесс с доисторического периода до нашего времени с национальной точки зрения, все еще изображают брак как сравнительно позднее достижение человека; до введения брака и различных брачных запретов люди жили в состоянии беспорядочного полового смешения без какого-либо ограничения половых связей между кровными родственниками.

До середины XIX века большинство ученых, писавших о формах связей между людьми, рассматривали моногамию как первоначальную форму законных связей между полами: Руссо, маркиз де Кондорсе,

Гердер, Клемм и Конт. С середины XIX века на вопрос об истории человеческого брака в первобытном обществе стали давать разные ответы.

Промискуитет (гетеризм, агамию, сексуальный коммунизм), т.е. беспорядочное половое смешение, считали первоначальным состоянием: Бахофен, Морган, Мак-Леннан, Лебок (лорд Эвбери). В целом примыкали к ним или более или менее соглашались с ними также Пост, Калер, Герберт Спенсер, Вилькен, Липперт, Шурц, Бернхёфт, Ахелис, Лампрехт и другие, в основном также Фрззер. Последними, кто считал промискуитет изначальным состоянием или придерживался учения Бахофена-Моргана о развитии человечества от промискуитета к моногамии были врач Мюллер-Лайер (1857-1916) и врач Иван Блох. Многоженство в разных формах считали первоначальной формой человеческого брака Дарвин, Эндрю Ланг и Зигмунд Фрейд.

Что это была моногамия, утверждали Тейлор, Форель, Гроссе, Куленбек, Вильгельм Вундт, Вестермарк, В. Шмидт и В. Копперс.

С этими гипотезами связывались и гипотезы о первоначальных формах заключения браков, особенно теория их развития от брака путем похищения до брака по согласию, первоначальных форм семьи (патриархат или матриархат) и первоначальных форм родства. Лучше всего проследить за этим спором в исторической последовательности.

Первым выдающимся ученым, который отверг господствовавшее до него мнение, что человек изначально был моногамен, приведя при этом убедительные доказательства, был родившийся в Базеле и живший там Иоганн Якоб Бахофен (1815-87). У греческих и римских историков он нашел сведения об ином, нежели патриархальное, семейном устройстве и стал открывателем матриархата, а также одним из основателей сравнительного этнографического правоведения.

Бахофен с 1841 года был профессором римского права с Базеле, публиковал работы по римской истории и римскому праву и исследования о преданиях и символах, главным образом, греко-римского мира. В качестве открывателя матриархата и одного из основателей сравнительного правоведения он выступил в 1861 году, опубликовав работу «Матриархат: исследование гинекокрации Древнего мира, ее религиозной и правовой природы». Второе издание этой книги вышло в 1897 году, через 10 лет после смерти Бахофена. С 1881 по 1886 год выходили «Антикварные письма, главным образом, о древнейших обозначениях родства» (I том, 1881, II том, 1886). Эта работа Бахофена долго не привлекала к себе внимания. Ее автор умер одиноким в возрасте 72 лет. В 1883 году в письме правоведа Иозефу Колеру он жалуется, что дело его жизни остается незамеченным. Хотя Бахофен занимался скорее философией истории, чем этнографией, этнографы его

в конце концов признали, тогда как филологи продолжали отвергать его работы. Но, когда Бахофена и Моргана называют открывателями матриархата, следует помнить, что его подлинным открывателем был патер Лафито, о котором речь пойдет ниже.

Бахофен предполагал, что люди в доисторические времена беспорядочно смешивались, т.е. матери жили с сыновьями, а братья — с сестрами, а совокупление первоначально было публичным. Это состояние Бахофен называл гетеризмом или говорил о «зачатии в иле», по аналогии с болотом как символом первичного хаоса и болотными существами «хтонического» мира богов доэллинского населения стран Восточного Средиземноморья, матриархальные обычаи которого Бахофен знал. Название «гетеризм» неудачно, я об этом уже говорил. Позднейшие исследователи его не приняли, они предпочитали говорить о промискуитете, иногда о сексуальном коммунизме. Бахофен предполагал, что, в конечном счете, женщины взбунтовались против гетеризма, этого «естественного права» первобытного человечества; так появилась матриархальная семья и с ней — «гражданское право». Матриархальная семья появилась вследствие незнания того, кто был отцом рожденного женщиной ребенка, а это незнание было следствием беспорядочного смешения, гетеризма. Таким образом, первоначальная семья, по Бахофену, возникла из взаимосвязи матери с рожденными ею детьми от разных отцов. При подъеме человеческой цивилизации на более высокий уровень, по тому же Бахофену, возникает патриархальная семья: «воспитанный женщиной, человеческий род созревал, чтобы в конечном счете избавиться от материальной опеки и снова вернуть власть мужчине». Гетеризм, наличие которого он предполагал у отдельных современных народов, Бахофен рассматривал как наследие «естественного права» доисторического периода. Многие свои примеры Бахофен брал из древних сведений об обычаях североафриканских хамитоязычных племен; часть племен патриархальных хамитских кочевников, которые в доисторические времена вторглись из Азии в Северную Африку, восприняли там матриархальные обычаи.

С этими представлениями о первобытном семейном устройстве Бахофен связывал и свои представления о первоначальной общей собственности равноправных людей, чему соответствовала и общая половая жизнь. Кроме того, с учением Бахофена о первоначальном матриархате были связаны представления о хтоническом, теллурическом и лунном жизнеустройстве, при котором господствуют женщины, и солнечном, при котором господствуют мужчины, о большей близости женщин к природе, к земле и духовности мужчин, более далеких от природы, о природе как женском начале и духе как о мужском.

С Бахофена, а также с Моргана и Мак-Леннана начинается долгий спор о предполагаемой последовательности стадий матриархата и патриархата, о промискуитете, групповом браке, полигамии и моногамии, спор, который продолжили сэр Генри Мейн и Хартленд, пока английский исследователь Риверс (1864-1922) не внес в него решающие пояснения.

Книга Бахофена о матриархате, вышедшая в 1861 году, произвела в свое время столь ошеломляющее впечатление, что нам сегодня трудно себе представить. Правовед Иозеф Колер (1849-1919), который сам в 1897 году опубликовал в 12-м томе «Журнала сравнительного правоведения» (... 187-353) вышедшую позже в виде книги работу «К истории брака в первобытном обществе», в своем некрологе, посвященном Бахофену, в том же журнале (том VIII, 1888, стр. 148-155) рассказывает, какой переворот произвела тогда теория Бахофена. Матриархат, говорится в нем «был величайшим открытием, сделанным историческим правоведением за последние столетия». Иозеф Колер называет Бахофена «основоположником нашего сравнительного правоведения». По его словам, голландский путешественник Вилькен подтвердил теорию Бахофена своими исследованиями форм семьи у малайцев. Теперь многое стало ясным в «Орестейе» Эсхила и в истории Гамлета, показан кровавый путь, который человечество прошло от промискуитета через матриархат к патриархату, с которым связаны все высшие достижения.

Здесь уже явно просматривается характерная для XIX века вера в эволюцию и прогресс. Воззрения Бахофена совпадали с научными тенденциями XIX века, правда, как с сожалением отмечает Колер, сначала во Франции и в Англии. Немецкие современники Бахофена и Колера не с таким воодушевлением встретили теорию Бахофена. Датчанин Старке, о котором речь пойдет позже, находил у Бахофена, в основном, чрезмерно развитое поэтическое воображение. Он видел в его произведениях скорее «рапсодию много знающего поэта, чем творение ясного и спокойного научного ума». Но Бахофен был крупным ученым, и открытие им матриархата всегда будет считаться в истории науки великим открытием. Поскольку Бахофен ограничивался, в основном, описанием матриархальных порядков у доиндоевропейских средиземноморских народов, многие его выводы представляли собой недопустимые обобщения.

Когда Бахофена прославляют как открывателя матриархата, следует помнить, что он был таким открывателем лишь для науки XIX века. До него иезуит Жозеф Франсуа Лафито (1670-1740) в своей изданной в 1724 году в Париже книге «Нравы американских дикарей в сравнении с нравами первобытной эпохи» уже описал матриархат, причем он пользовался как сведениями о доисторической Европе, так

и собственными наблюдениями форм семьи у индейцев Канады, тогда еще французской. Лафито — настоящий первооткрыватель матриархата. Он был в Канаде иезуитским миссионером, но описывал индейские обычаи как выдающийся этнограф, с удивительным для его времени свободомыслием, без увязки с христианским учением, чего от него можно было ожидать, как от иезуита. Лафито был больше ученым, чем проповедником, он непредвзято сравнивал нехристианские религиозные представления с христианскими, рассматривал отвергаемые его церковью и его современниками как «языческие» и считавшиеся более низкими религиозные представления индейцев, не глядя на них сверху вниз, не возносил христианскую веру как высшую и единственную. Он осмелился приписать индейцам Северной Америки, которых он наблюдал и языки которых изучал, не только всяческие добродетели, но и благочестие. Он не считал их безбожниками, в отличие от многих тогдашних европейцев-христиан, он находил у них веру в Высшее Существо. Такие взгляды Лафито позволяют считать его ученым эпохи Просвещения. Лафито был близок к историческому взгляду на религии и находил элементы христианского учения и символику у народов и племен прошлого и у современных народов за пределами христианской Европы. Лафито стал основателем сравнительной этнографии и сравнительного религиоведения. Он сравнивал обычаи, законы, песни и танцы индейцев с древнеевропейскими, описанными греческими и римскими авторами. Лафито одним из первых понял, что описанные у Гомера отношения не совпадают с теми, которые установились в Европе нового времени.

О Лафито писал Г. Шинар, а позже В. Мюльман.

Как в наше время пастор Вильгельм Шмидт, так и тогда Лафито пытался найти в религиозных представлениях неевропейских, нехристианских народов следы первоначального, более чистого монотеизма, от которого индейцы отпали по мере снижения уровня их цивилизации. Изучая индейские обычаи, Лафито наткнулся на матриархат, который он описал и тем самым стал основателем этнографической социологии. Он обнаружил частый при матриархате обычай имитации мужчинами родов, который он назвал «кувадой» (высиживанием яиц). Лафито также первым осознал значение обрядов инициации.

Независимо от Бахофена матриархат открыл шотландский правовед и этнограф Мак-Леннан (1827-81). Он брал за исходную точку первобытные времена, когда человеческие орды жили без семьи, т.е. в состоянии промискуитета. Дети воспитывались женщинами, которые их рожали, но считались собственностью орды, поскольку не было известно, кто их отцы. Эту гипотезу Мак-Леннан выдвинул в 1865 году в своей работе «Первобытный брак». Таким образом, он предполагал

развитие от беспорядочных половых связей к матриархату и через ряд промежуточных ступеней — к патриархату. О теории Мак-Леннана я скажу подробней, когда буду разбирать учение Моргана, с которым Мак-Леннан часто расходился.

Третий и самый известный представитель учения о первоначальном промискуитет с последующим развитием через матриархат к патриархату — американец Льюис Генри Морган (1818-81). Он был правоведом и адвокатом. С юности его внимание привлекли обычаи ирокезского племени сенека, жившего недалеко от его родного города Аврора в штате Нью-Йорк. Он с успехом защитил это племя от компании, скупавшей земли, и в благодарность за это был принят в его состав, но всегда посещал его лишь на короткое время. В 1851 году вышел первый, основополагающий труд Моргана «Лига ирокезов», который Стерн называет «классическим». Морган открыл матриархальные и классификационные обозначения родства. В 1858 году при посещении индейского племени оджибуеев (к северо-западу от озера Верхнего) он обнаружил такие же формы родства, которые он описал в 1851 году у ирокезов и считал уникальными. Все ясней осознавал он важность обозначений родства при любой попытке толкования и исторического объяснения любых форм брака и семьи. Риверс позже сказал, что вряд ли есть другой такой случай в истории науки, когда одному человеку приписывалось открытие обозначений родства и различия между определением родства по происхождению и по положению. Морган (как и после него сэр Генри Мейн) подчеркивал, что следует четко различать принадлежность к одной группе по кровному и принадлежности к замкнутой территориальной группе... В 1871 году Морган опубликовал подготовленную к печати в 1868 году работу «Системы родства человеческой семьи», а в 1877 году — «Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации» (немецкий перевод — 1891). Неверно благодаря этим работам считать Моргана основателем учения о развитии и прогрессе, основателем «эволюционной теории», которой так гордился XIX век. Собственным идеям Моргана скорее повредило то, что он увлекся модными эволюционными теориями. Насколько важным было открытие им сущности форм родства, настолько же сомнительными были его толкования обозначений форм родства как пережитков более ранних форм брака и семьи; насколько важным было его указание на влияние отношений собственности на формы человеческого общества и насколько удивительным было мужество Моргана, который первым или одним из первых поставил вопрос о происхождении современных форм семьи как древнейших форм, настолько же не выдерживают критики многие его

выводы и толкования именно из-за включения им наблюдаемых форм в определенные эволюционные ряды. Но, несмотря на все эти недостатки, на которые указал Стерн, многое в трудах Моргана остается в силе. Фрэзер и Риверс постоянно подчеркивали значение Моргана и непреходящую ценность многих его идей. Но эволюционизм Моргана, равно как эволюционную теорию Бахофена-Моргана, которая несколько десятилетий была на первом плане во всех работах по истории форм общества и семьи, сегодня можно считать опровергнутыми, и на научное признание они больше претендовать не могут. Попытка оживить части теории Бахофена-Моргана, предпринятая Робертом Бриффолтом в книге «Матерь» (1927) не удалась.

Теория Моргана или эволюционная теория Бахофена-Моргана не была бы так известна, если бы ею занималась только наука. Бросается в глаза, как мало внимания обращает широкая публика на научное обсуждение форм и истории брака и семьи. Исключение составляет учение Моргана, которое в эпоху марксизма на какое-то время стало воистину народным, настолько народным, что немецкие рабочие вели разговоры о семейном устройстве ирокезов и гавайских племен. Я вспоминаю, что в молодые годы мне бросалось в глаза, как часто можно было найти любые книги по истории брака в первобытном обществе на полках марксистских книжных магазинов, и как редко — в «буржуазных» книжных магазинах. Карл Маркс хотел вставить эволюционную теорию Моргана в свой «Капитал» и завещал задачу соединения марксизма с учением Моргана своему другу Энгельсу. Бебель воспринял эти идеи и рекламировал учение Моргана в рабочей среде. Каутский издал в 1891 году вместе с Эйхгофом перевод «Древнего общества» Моргана. В Советской России Морган объявлен чуть ли не классиком коммунизма. Крах эволюционной теории Бахофена-Моргана как результат проведенных после них этнографических исследований, крах, ускоренный в особенности исследованиями Вестермарка, Риверса, Ллоуи и Малиновского, вследствие поспешной связи этих теорий с марксизмом, ударил и по нему. Марксистская концепция брака и семьи оказалась несостоятельной.

Морган называл три ступени, по которым поднимались или должны подняться все народы: дикость, варварство и цивилизация. Дикость длилась до появления гончарного искусства, варварство — эпоха расцвета этого искусства, цивилизация начинается с изобретения письменности. Каждую из этих трех ступеней Морган в свою очередь делил на три промежуточных этапа. Например, на третьем этапе дикости были изобретены лук и стрелы, на третьем этапе варварства начался железный век. Это была одна из первых попыток сравнить доисторические и

этнографические находки и сделать на основании этого сравнения вывод об общей тенденции развития. В 1865 году Леббок (лорд Эвбери) предпринял сходную попытку в своей работе «Доисторическая эпоха, проиллюстрированная древними находками, и нравы и обычаи современных дикарей» (немецкий перевод — 1874).

Названия степеней родства, по Моргану, развиваются от классификационных к описательным. Небольшое число этих названий Морган считал признаком первобытных отношений, их увеличение — признаком прогрессирующего развития. Каждый такой уровень названий родства соответствовал, по Моргану, определенному общественному и семейному устройству. Это учение Моргана о ступенях развития привело к тому, что гавайская цивилизация по той причине, что в ее классификационной системе меньше всего названий степеней родства, рассматривалась как особенно первобытная. Но гавайская и полинезийская цивилизация вообще во времена Моргана уже стояла на более высоком уровне. На это указали Лоуи и Риверс. Поэтому Морган ошибся в своих далеко идущих выводах, исходной точкой которых была неверная оценка уровня развития полинезийского общества и форм брака. Высокоразвитые гавайцы в иерархии форм цивилизации, по Моргану, оказались ниже австралийских охотников и собирателей. Крёбер особенно резко выступал против предположения, будто названия степеней родства соответствуют определенным этапам развития общества и семьи.

Из классификационных систем Морган хотел сделать вывод, что название «отец» первоначально означало возможного родителя, а название «брат» — кровного брата и т.д. На основании этого Морган предполагал, что человечество в доисторическую эпоху должно было пройти через стадию группового брака. Это название описанной в VI разделе формы брака нескольких мужчин с несколькими женщинами восходит к Моргану. Я указал на эту ошибку Моргана — одну из понятных ошибок того времени — когда говорил о классификационном родстве и объяснил, почему оно не позволяет делать такие выводы. Следует отметить, что, хотя Морган и понимал большое значение систем родства, он давал им неверное толкование и историческое объяснение.

Бросается в глаза, что Морган в своих исследованиях совершенно упустил из вида значение мужских союзов, также союзы существовали именно у матриархальных племен американских индейцев, в том числе у ирокезов.

Групповой брак, который Морган мыслил как ступень развития и пережитки которого он хотел найти у полинезийцев и малайцев, представлял собой, по его мнению, половую связь всех мужчин со всеми женщинами одной группы людей, связанных узами родства. Но такой

групповой брак, по Моргану, еще не был самой первой формой человеческих половых отношений. Ею был для него, как и для Бахофена, промискуитет, беспорядочное половое смешение, безбрачное состояние, которого нет уже ни у одного современного племени. Таким образом, Морган представлял себе эволюцию, как Бахофен. У Бахофена он заимствовал гипотезу о матриархате, как о ступени развития, предшествующей патриархату. Человечество представляет собой единое целое; человеческий дух проявляется во всех группах в одинаковой форме. По Моргану, развитие у всех народов, которые сегодня достигли более высоких уровней, представляло собой примерно одинаковую последовательность смены форм семьи. Таким образом, уже Морган, а не более поздние представители эволюционной теории Бахофена-Моргана, предполагал общий для всего человечества путь развития брака, семьи и родства. Бахофен, Морган, Мак-Леннан, Леббок (лорд Эвбери) и их последователи поэтому часто именуются «эволюционистами». Но более поздние эволюционисты в отличие от них более решительно переносили свою теорию на другие области общественной и духовной жизни.

Семья, по Моргану, развивалась от промискуитета к групповому браку, а от него через матриархальную полигамию к патриархальной полигамии и к моногамии. В целом у него получалась такая последовательность развития:

1) Безбрачное состояние промискуитета в очень далеком прошлом, сегодня нигде больше не встречающееся.

2) Кровнородственная семья в форме половой связи всех мужчин со всеми женщинами в рамках одной группы кровных родственников, но с запретом брака между родителями и детьми и между людьми разного возраста, однако браки между братьями и сестрами не запрещались.

3) Групповой брак или семья пуналуа (Морган принимал это слово за гавайское название группового брака). Здесь запрещены и браки между братьями и сестрами, т.е. вообще браки в рамках одной семьи. Господствуют половые связи между мужчинами одной подгруппы племени и женщинами другой. Обычно несколько сестер выходят замуж за несколько мужчин, не обязательно состоящих в родстве между собой, или братья женятся на группе женщин, не обязательно состоящих в родстве между собой.

4) Матриархальная семья. Начало брака между отдельными людьми, но еще не исключающем внебрачные связи. Отдельные семьи живут более или менее совместно; господствует многоженство, отцы продолжают быть неизвестными.

5) Патриархальная семья пастушеских народов. Многоженство, обычно власть старейшины большой семьи, живущей вместе.

6) Моногамия, патриархальная форма семьи, исключаящая внебрачные связи. Форма брака, возникающая с умножением собственности и с передачей земли по наследству от родителей к детям.

Такая последовательность перехода от дикости к цивилизации казалась представителям самых разных областей науки соответствующей исторической реальности. Приверженцами Моргана были такие крупные ученые, как Леббок (лорд Эвбери), Бастиан, Липперт, фон Хелльванд и Летурно, которые занимались этнографией и доисторическим периодом, историей культуры и психологией. Действительно, Моргана можно считать самым видным представителем этнографической социологии XIX века. Риверс позже не раз повторял, что убежден в непреходящей ценности большей части идей.

Эволюционная теория Бахофена-Моргана породила целую школу эволюционистов. Теория развития культуры, первоначально предложенная Тейлором и Гербертом Спенсером была постепенно перенесена на все области человеческой жизни. Так возникли теории о развитии племени и государства, экономики и общества, нравственности и веры, а кроме теорий развития форм семьи, появились и теории развития форм брака, взаимных прав мужчины и женщины. Все эти теории прослеживали развитие от дикости до европейской цивилизации XIX века. К числу эволюционистов, кроме Моргана и названных выше ученых, принадлежали также Рейнах, Путнэм, Иозем Колер, Эндрю Ланг, Вильгельм Вундт, Робертсон Спит, Кин, Гомме, Джевонс, Дюркгейм, Спенсер, Гиллен, Фрэзер, Ферворн и Хэддон. Теория Бахофена-Моргана господствовала в науке почти безраздельно. С рядом оговорок ее сторонниками можно считать также Риверса, Бриффолта, Самнера и Келлера, поскольку они, как минимум, считали форму группового брака первоначальной и прослеживали развитие от группового брака до моногамии. Бриффолт прогнозировал и будущее развитие: возврат к матриархальным формам и ослабление брачных уз. Об отдельных гипотезах этих эволюционистов о первоначальных формах брака, семьи и родства я еще скажу позже. Но сначала в этом обзоре истории исследований в этой области я должен еще сказать о Мак-Леннани и ряде других ученых.

Джон Фергюсон Мак-Леннан (1827-81), шотландский правовед, который стал этнографом, опубликовал, не зная работу Бахофена «Матриархат», вышедшую в 1861 году, в 1865 году свою книгу «Первобытный брак», которая в 1876 году вышла вторым изданием в сборнике Мак-Леннана «Исследования по древней истории». Уже в 60-х годах теория Мак-Леннана получила распространение. Дарвин, который опубликовал в 1859 году свою книгу о происхождении видов, восхвалял

шотландского ученого. В 1877 году в «Фортнайтли Ревью» появились работы Мак-Леннана «Левират и полиандрия» и «Экзогамия и эндогамия», а в 1886 году вышло 2-е издание «Исследований по древней истории». Второй том этих «Исследований» издали после смерти Мак-Леннана, в 1896 году его вдова и А. Плат. Мак-Леннан собрал много свидетельств о широком распространении матриархата среди народов и племен Земли; при этом он полагал, что матриархат всегда связан с экзогамией. Он выступил против отдельных теорий Моргана, в частности, против толкования им классификационных названий степеней родства как признаков доисторического группового брака: «малайская система» этих названий, о которой писал Морган, не позволяет сделать выводы, что раньше существовал групповой брак, а еще раньше — промискуитет, потому что ребенок называет всех женщин материнского краса «матерями», хотя и он, и другие знают своих матерей. Мак-Леннан видел в этих названиях лишь лишние значения формы обращения, недооценивал их и не понимал их значение для построения семьи и общества. Мак-Леннан разделял с Морганом веру в общее развитие народов от дикости к цивилизации... Он первым в 1865 году провел различие между эндогамией и экзогамией и ввел в оборот эти термины. Он предполагал, что экзогамия с похищением женщин при матриархате была первичной формой брака. Первобытные племена постоянно враждовали друг с другом и экзогамия была вынужденной, потому что они постоянно убивали большую часть новорожденных девочек, которые были лишь обузой как неспособные к воинскому делу. Мак-Леннан и одновременно с ним Тейлор придавали большое значение рассказам о похищении невест как обычае многих народов. Мак-Леннан разделял с Бахофеном и Морганом версию о промискуитете как о первоначальной стадии с незнанием отцовства, за которой последовали матриархат и многоженство, браки одной женщины с несколькими братьями, пережитком чего является левират. С этим было связано проживание жены с мужьями у матери; позже жена стала перебираться к мужьям и произошел переход от матриархата к патриархату. Мак-Леннан осознал и значение тотемизма для развития форм семьи, но он полагал, что через стадию тотемизма прошли все народы... Но эта теория не выдержала испытания временем.

Представления Мак-Леннана о том, что первоначально все племена находились в состоянии войны друг с другом, убивали новорожденных девочек и похищали женщин, показывают, каким диким и кровавым представляли себе первобытное человечество в XIX веке. Более поздние и более обстоятельные исследования показали, что именно племена, живущие в первобытных условиях, не ведут между собой постоянные

войны и не убивают новорожденных девочек. Такое состояние нельзя предположить и в прошлом, исходя из обычаев народов, которые не позволяют сделать вывод о первоначальной экзогамии целых племен; экзогамия всегда распространялась только на подгруппы племен, а сами племена были эндогамны. Изначальное отторжение всего чужого уже исключало тенденцию к экзогамии целого племени. Похищение невест, как я уже говорил, было явлением исключительным, вызванным особыми, чрезвычайными обстоятельствами. Кроме того, такое явление не могло быть постоянным: племя, похищавшее женщин, вероятно, было бы вскоре истреблено соседними племенами, у которых женщин похищали.

Как оказалось, именно для первобытного этапа более типично мирное сосуществование без контактов друг с другом, чем взаимная вражда. Войны обычно начинаются только на более высоком уровне развития, а в первобытную эпоху они были исключением. Теперь доказано, что в уже довольно плотно населенной Центральной Европе эпохи неолита и в бронзовом веке отдельные группы разных народов не только мирно сосуществовали, но даже жили вперемишку. Так отношения между кельтами и германцами были добрососедскими, особенно в столетия до 1200 года до н.э., а конфликты между ними начались около 600 года до н.э.

Особенно неудачной была мысль Мак-Леннана о многомужестве как одной из первоначальных форм отношений между племенами. Я уже показал, что это явление было необычным, связанным с особыми условиями. Если бы это была первоначальная форма, она сегодня чаще всего встречалась среди самых низкоразвитых племен. Но она встречается, как исключение, у скотоводов и земледельцев, т.е. на более высоком уровне развития.

О других взглядах Мак-Леннана я скажу позже, когда речь пойдет о таких явлениях, как экзогамия, похищение невест и тотемизм, о том, можно ли считать их признаками общего развития или первоначального состояния.

Основы этнографической социологии заложили не только Бахофен, Морган и Мак-Леннан; к числу основоположников сравнительного правоведения И. Колер относил и сэра Генри Мейна и сегодня несправедливо почти забытого бременского правоведа Альберта Германа Поста (1839-95). Последний выпустил в 1875 году книгу: «половые сообщества доисторической эпохи и возникновение брака».

Сэр Генри Мейн (1822-88) — основатель сравнительного правоведения в Англии. Его книга «Древние законы» вышла в 1861 году, в том же году, что и «Матриархат» Бахофена. В противоположность Бахофену, сэр Генри Мейн считал большую патриархальную семью

первичной формой человеческой семьи, большую семью, возникшую на экономической основе, подобно древнеримской и индоевропейской большой семье, экономически замкнутой группе, состоящей из главы семьи, его жены, сыновей и дочерей, жен сыновей с их детьми и полусвободной и несвободной прислуги. Все эти люди во главе с отцом семейства образовывали, по Мейну, первичную семью, на основе которой развились другие формы семьи. Характерным для этой первобытной большой семьи, по Мейну, был отсчет происхождения по отцовской линии. Мейну легко возразить, что матриархальные порядки у племен, находящихся на более низком уровне развития, по меньшей мере столь же распространены, как и патриархальные, и что у отдельных народов. Например, у евреев и арабов, можно обнаружить следы доисторического перехода от матриархата к патриархату. Кроме того, можно возразить, что форма вроде римской большой семьи или другие формы большой семьи индоевропейских народов возникли уже на высоком уровне развития, а не при первобытных отношениях.

Мейн делит с Морганом заслугу того, что он осознал принципиальное различие между кровнородственной и территориальной общиной, между родством по происхождению и по местоположению. В своей важной для истории крестьянства работе «Сельские общины на Востоке и на Западе» (1872) Мейн отвергает идею Моргана и Мак-Леннана, будто все группы человечества прошли через одни и те же этапы развития. У Мейна, как у Бахофена и Мак-Леннана, мы встречаем мнение, что отдельные явления разных областей жизни в цивилизации народа всегда могут быть поняты только в совокупности, но никогда — в отрыве от целого. Целостное или, как говорят англосаксы, функциональное мышление, обязательное сегодня для каждого ученого, характерно, таким образом, уже для основателей этнографической социологии.

Предостережение, высказанное сэром Генри Мейном, о том, что нельзя думать, будто все народы проходят один и тот же путь развития от дикости к цивилизации, было не ко времени. Эволюционная теория давала ответы на все вопросы, она была разработана до мелочей, развитие мыслилось всеобщим, а прогресс — прямолинейным. Особенно Э.Б. Тейлор и английский философ Герберт Спенсер, в области этнографии — любитель, разрабатывали основы эволюционной этнографии, причем Тейлор рекомендовал опираться на статистику.

В конце концов была создана история развития верований от веры в колдовство и в духов через многобожие к монотеизму, опять-таки от грубых суеверий — к светлой и нравственной вере. Первобытных людей считали «животными», у которых почти не было религиозных представлений. Французский исследователь доисторической эпохи

Габриэль де Мортие (1821-98) не смог найти в палеолитических погребениях следы раздумий о жизни и смерти, так как первобытные люди, по представлениям XIX века, хоронили своих мертвецов, не веря в какие-либо высшие силы, управляющие их судьбой. Эти гипотезы о развитии религиозных представлений позже тоже были опровергнуты.

Были созданы также история развития искусства (К. Бюхер и А. Хэддон); история развития государства от первобытного общества равных через аристократическое государство к монархии, а потом, по мнению отдельных ученых, — опять к обществу равных. Этнография не подтвердила и эту версию эволюции, она доказала, что племена, стоящие на низшем уровне, не мыслят категориями равенства: им не чужд аристократический дух. Даже у тех племен, в среде которых преобладают отношения равенства особым почетом пользуются люди, чем-либо отличившиеся, и люди старшего возраста.

История развития форм собственности прослеживалась от первобытного коммунизма через групповую собственность к частной собственности, и потом, по мнению многих экономистов, — опять к коммунизму. И эта версия опровергнута этнографической политэкономией; нигде не удалось найти первобытное общество, не знавшее собственности, и нет доказательств того, что такое общество могло существовать в доисторическую эпоху. Гребнер пишет, что отсутствие собственности не зафиксировано нигде и что с самого начала кроме законов племени были и права на территории, т.е. постановления, определявшие область охоты или земельную собственность отдельных семей. Хотя Морган тоже нашел у ирокезов нечто вроде коммунистической экономики, она представляет собой обычно нечто особое, выросшее из других экономических форм. Нечто вроде такой экономики встречается только у арктических и субарктических племен и представляет собой регресс под влиянием среды. «Арктические народы — единственные народы на Земле, которые заметно продвинулись в направлении к коммунизму» (Гребнер).

С теориями развития форм собственности и экономики связана и теория развития форм хозяйства от охоты к земледелию, еще одна эволюционная, трехступенчатая теория, которая прослеживала развитие от охоты к скотоводству и земледелию. Такое развитие предполагал и Шиллер — взять хотя бы его стихи. Творение «Элевсинский праздник». С этими взглядами не соглашался еще Александр фон Гумбольдт, опираясь на сведения, собранные им в Южной Америке, а особенно последовательно защищал их Эдуард Хан (1856-1928) в своей книге «От мотыги к плугу» (1914). Он и — менее обстоятельно — Фридрих Ратцель учили отличать народы, занимающиеся мотыжным земледели-

ем, от народов, занимающихся плужным земледелием. При мотыжном земледелии земля обрабатывается неглубоко, не орошается искусственно и не удобряется. Такое земледелие господствует во всей Америке, в большинстве областей Африки, в Индокитае, Индонезии и Океании. Э. Хан пытался доказать, что перехода от охоты к скотоводству не было и не могло быть, потому что скотоводство, особенно кочевое, могло развиваться самостоятельно лишь после того, как отдельные народы уже достигли уровня мотыжного или плужного земледелия. Линг Рот первым заявил, что растениеводство было женским изобретением; мужчины ходили на охоту или на рыбалку, а женщины тем временем в непосредственной близости от поселений не только ловили мелких животных и собирали плоды, но и начали сажать растения, пользуясь тяпками. Хан предполагал, что мотыжное земледелие изобрели женщины, плужное — мужчины. И в самом деле, в Америке, в том числе и в древней Мексике, за этапом охоты непосредственно следовало мотыжное земледелие, скотоводство нигде в Америке самостоятельно не развилось... В своих «Мыслях о природе» Александр фон Гумбольдт писал: Содержание животных, дающих молоко, было совершенно неизвестно первым обитателям нового континента». Если бы «трехступенчатая теория» была правильна, следовало бы ожидать, что большинство пастушеских племен и сегодня стояло бы на более высоком уровне, чем большинство охотничьих, а большинство племен, занимающихся мотыжным земледелием, — на более высоком уровне, чем пастушеские племена. Но У. Дж. Томас доказал на примере Африки, что нет такого соотношения между формами хозяйства и уровнем развития.

Таким образом, Эдуард Хан одним из первых выступил против эволюционной теории, господствовавшей тогда в этнографии и в истории экономики. Кроме того, его заслуга в том, что он доказал, что формы хозяйства разных народов не всегда объясняются соображениями выгоды или другими рациональными соображениями, но определяются также религиозными импульсами. Эту «иррациональную» концепцию позже утрировал Леви Брюль, но мы должны благодарить и его за доказательство того, что подход к явлениям народной жизни с чисто рациональной точки зрения недопустим и мешает познанию действительных импульсов, определяющих всю человеческую жизнь.

Болиндер и Лоуи доказали, что и животноводство у многих племен объясняется не расчетами экономического характера. Австралийцы ловят крыс и лягушек, привязывают их и играют с ними. Индейцы и негры держат зоосады с обезьянами, птицами и прочими животными исключительно ради собственного удовольствия. Племена в бассейне Ориноко держат мышей, горлиц, попугаев и других животных, от

которых не получают никакой пользы. Когда европейцы завезли в Америку кур, они быстро распространились среди индейцев, но их держали, как в Европе канареек, только ради удовольствия, а не ради мяса или яиц. И в Африке многие племена держат кур, но не едят ни их мяса, ни яйца. В Урунди по потрохам мертвых кур гадают, как и в Бирке. В той же Бирке и в Индонезии любят петушинные бои. Собаки в доисторические времена, вероятно, пытались отбросами вблизи от человеческих жилищ; лишь позже они стали домашними животными, используемыми для охоты. Собачье мясо едят лишь немногие племена, большинство использует собак как сторожей и для перевозки мелких грузов. Козы и овцы, вероятно, были приручены раньше крупного рогатого скота. Но у диких овец нет шерсти, поэтому, приручая их, никто не мог предвидеть, что позже они станут ее источником благодаря мутациям. Эти мутации, вероятно, начались на заре истории на восточном побережье Черного моря, на что указывает легенда о Золотом руне. При приручении крупного рогатого скота никто не предполагал, что коровы будут давать больше молока, чем нужно для их телят. Выгоды от приручения животных были получены спустя тысячелетия, а не когда оно начиналось. Может быть, быков и коров использовали сначала как жертвы духам или богам, а не ели их мясо, — так предполагал Э. Хан. Многие неевропейские народы и племена держат крупный рогатый скот, но не едят его мясо и не пьют молоко. Ни на древнем Востоке, ни в древнем Китае его мяса не ели. Современные китайцы, японцы, корейцы и индонезийцы не доят животных. В Египте, Вавилоне и в Индии молоко начали пить в доисторические времена. Но и сегодня многие неевропейские племена держат крупный рогатый скот скорее чтобы похвастаться своею собственностью, чем ради молока и мяса; убивают только увечных или умирающих животных.

Крупный рогатый скот и свиньи появляются в качестве домашних животных самое позднее с неолита, но семитоязычные народы свиней не держали. Мотыжное земледелие, вероятно, изобретение женщин охотничьих племен, древнее животноводства; плужное земледелие появилось позже приручения крупного рогатого скота — быки стали тягловыми животными, а до этого могли быть, главным образом, жертвенными. В любом случае историю животноводства нельзя понять, исходя из одного лишь экономического расчета. Мнение, будто человек это только или главным образом «homo oeconomicus», — результат сугубо экономического мышления европейцев эпохи позднего капитализма. Но с его помощью нельзя объяснить повседневное поведение европейских народов. Позже я покажу, что ни появление брака и семьи, ни история их отдельных форм не могут быть выведены из одной экономики, как

это делают марксисты и являющийся сегодня исключением среди этнографов англичанин-марксист Бриффолт. Подход с точки зрения истории развития экономики столь же несостоятелен, как и прочие эволюционные теории этнографов прошлого. Предположение Р. Бриффолта, будто формы брака и состав семьи определяются не эмоциональными связями, а экономическими условиями, было опровергнуто еще до Бриффолта, и если этот уважаемый ученый держится за устаревшую концепцию, то причина — в его марксистских убеждениях.

Есть и эволюционная история положения женщин. Предположение, согласно которому похищение женщин было обычаем первобытной эпохи, породило мнение, будто женщины в эту эпоху были бесправными существами. На самом же деле многие первобытные племена предоставляют девушкам право выбора женихов; есть у них и право развода. Однако мыслилась эволюция от угнетенного положения женщины в качестве рабочего животного мужчины до ее эмансипации в новое время как «подруги» мужчины. Таким образом, женщина якобы была первоначально служанкой мужчины, а по мере повышения уровня цивилизации она приобретала все большее значение, пока не добилась равноправия. Хотя было доказано, что такой последовательности не было, феминистки Европы и Северной Америки продолжали верить в давно устаревшую гипотезу об освобождении женщин от «мужского рабства»: это любимый ими вариант изложения «женского вопроса». Иногда предполагали также, что женщины потеряли свободу при — якобы всеобщем переходе от матриархата к патриархату и кончилось «целенаправленным и неумолимым порабощением женщин», как писал еще в 1927 году один запоздалый последователь теории Бахофена-Моргана (Пауль Крише в книге «Загадка матриархата»). Следствием веры в такую эволюцию было то, что, вопреки исторической истине, писали, будто женщины у древних германцев были бесправными и угнетенными и их стали больше уважать только благодаря средневековому христианству, что опять-таки противоречило исторической истине, потому что именно средневековое христианство со своими враждебными жизни восточными учениями об умерщвлении плоти смотрело на женщину как на «источник всех грехов» и лишило женщину достоинства хозяйки дома, какой она была у древних германцев. Этнография сегодня отвергает гипотезу о первоначальном угнетении и позднейшем освобождении женщины. Как оказалось, именно в племенах, которые сегодня считаются первобытными, женщины и мужчины равноправны. Похоже, на более высоких уровнях развития женщина пользуется большим уважением у земледельцев, чем у скотоводов. Высокое положение занимают женщины у индейцев Северной Америки, в частности у ирокезов и племени сери.

Там они могут быть «знахарками». У многих африканских племен есть женщины-жрицы.

Как и все прочие эволюционные теории, не выдерживает критики и теория развития родительской любви; первоначально к детям будто бы относились грубо, не любили их; убийство и подкидывание детей, особенно новорожденных девочек, было якобы повсеместным, лишь постепенно родительские чувства утончились до уровня любви к детям. Такую теорию проповедовал и английский философ Герберт Спенсер. О предотвращении беременности, абортах, убийстве и подкидывании детей у племен, стоящих на разных уровнях развития, я уже писал в конце IX раздела. Когда первобытные племена такими способами препятствуют своему размножению, это происходит не от плохого отношения к детям и не от дикости, а от страха перед голодом, из-за чего некоторые племена убивают также больных и стариков. Новейшие исследования показали, что именно у первобытных племен наблюдается сердечная любовь к детям. Можно предположить, что это было характерно и для всего первобытного человечества. Сердечная любовь к детям сохраняется и на средних уровнях развития, как, например, у индейцев и эскимосов, у некоторых племен Африки и Меланезии. Малиновский описывает такую любовь к детям у жителей островов Тробриан, а Маргарет Мид — у племен островов Адмиралтейства. Обычно, если нет страха перед голодом, дети именно у первобытных племен желанны, так что аборт, убийство и подбрасывание детей встречаются у них реже, чем у племен, достигших более высокого уровня развития. Р. Лоуи подводит такой итог: «Почти повсеместно первобытные племена относятся к детям очень снисходительно; телесные наказания у многих племен не применяются и кажется им отвратительной дикостью».

Эволюция форм заключения брака от похищения через оказание услуги и покупку к браку по взаимному согласию уже была мною описана. При этом две промежуточные формы брака представители эволюционной теории объясняли чисто экономическими причинами, превращением женщин в товар в обмен на работу, имущество или деньги. Вслед за Мак-Леннаном, Г. Спенсер, Леббок, Иозеф Колер и Летурно считали первоначальной формой заключения брака похищение, Бриффолт — оказание услуги. Я уже говорил, что покупка женщин чаще встречается при патриархате, чем при матриархате, а у многих племен это форма обмена дружескими услугами или дарами. Часто это способ установления доверительных, родственных отношений. Там, где в основе действительно лежат экономические причины, это результат подъема цивилизации на более высокий уровень. Гребнер предполагал, что покупка женщин, оценка женской рабочей силы как эквивалента

собственности, имели место уже в древнейших матриархальных обществах, но уже Говард доказал, что покупки женщин у первобытных племен нет. Вестермарк собрал очень много доказательств того, что свобода выбора девушками женихов у первобытных племен больше, чем у более высоко развитых, и что в доисторические времена она предположительно была еще больше. Малиновский обнаружил, что у первобытных австралийцев похищение встречается крайне редко. Этнографические исследования обязаны своим прогрессом и Говарду, который в 1904 году написал в своей «Истории брака»: «Есть весомые признаки того, что в начале собственно человеческой истории брак по взаимному согласию партнеров преобладал». Голландец Крюль тоже считает, что у большинства первобытных племен выбор супругов свободен, но у некоторых родители предъявляют своим взрослым детям ряд обязательных требований. Я уже говорил, что брак по взаимному согласию у большинства племен это брак по взаимному согласию обеих семей, как и сегодня у европейских крестьян. Но большинство народов предоставляет молодежи полную свободу предлагать своим родителям ту или иную кандидатуру. Такая свобода отсутствует в Китае, но это исключение. Так что теория эволюции от грубого насилия к современным европейским формам тоже оказалась несостоятельной.

Уже во времена вроде бы полного господства теории Бахофена-Моргана, когда ученые из самых разных отраслей в большом количестве признавали эту теорию, и марксизм сделал ее одной из своих основ, отдельные ученые выступали против нее, а именно датчанин Старке, финн Вестермарк и немец Гроссе. Англичанин Тейлор, хотя и соглашался с теорией эволюции самой по себе, никогда к ней вполне не примыкал. Немцы Пешель, Ратцель и Шурц оставались более или менее в стороне.

Карл Николай Старке (1858-1926), датский философ и социолог, был с 1916 профессором философии в Копенгагенском университете. В 1888 году он выпустил книгу «первобытная семья», которая была переведена на английский и французский языки. Он писал в ней, что при всем уважении к «прилежному собирательству» Морган, он отвергает его основные идеи и называет их, взяв это выражение из «Исследований по древней истории» Мак-Леннана (1876, с. 360) ненаучными «дикими фантазиями». Старке, как и Мак-Леннан, отвергал моргановские толкования классификационных названий степеней родства; он считал необходимым знать точно, какое содержание вкладывали разные народы в эти названия; во многих случаях они выражали лишь правовые отношения, а не происхождение и кровное родство, поэтому из этих названий мало что можно извлечь. Старке отвергал и гипотезу Бахо-

фена-Моргана о первичности матриархата; многое указывает на то, что именно у первобытных народов были скорее патриархальные порядки.

Эдуард Александр Вестермарк (1862-1939) еще в выпедшем в 1891 году первом издании своей работы «История человеческого брака» (5-е изд., 1925) выступил против Моргана. Он пытался доказать, что семья, состоящая из мужской и женской особей и детей, существует уже в животном мире, в частности, у человекообразных обезьян, и, судя по отношениям во многих племенах, сегодня считающихся первобытными, может рассматриваться как первичная форма человеческого брака, т.е. ею была моногамия, а не промискуитет и не групповой брак, как следует из ошибочных толкований классификационных названий степеней родства, так как в этих системах «отец» или «мать» обозначают не происхождение, а определенный возраст. Нельзя предполагать, что промискуитет или групповой брак были первичными, и на основании свободных половых связей молодежи или других форм внебрачной половой свободы.

О взглядах Вестермарка я расскажу позже еще подробнее.

Эрнст Гроссе (1862-1927), профессор Фрейбургского университета, знаток Японии, пытался в своей работе «формы семьи и формы хозяйства» (1896) понять формы семьи и общества через экономические формы. Эта работа соответствовала духу времени, поскольку делала упор на влияние экономики на человеческую жизнь и, хотя и не выводила непосредственно формы семьи и общества из экономических форм, показывала их зависимость от последних; но она противоречила теории эволюции того времени, не считая всеобщей утверждаемую ею последовательность соответствий между определенными формами хозяйства и определенными формами семьи. С учением Бахофена-Моргана у Гроссе было общим то, что он признавал матриархат как общую переходную ступень.

На самой низкой ступени, у охотников и собирателей по Гроссе, при трудных условиях жизни, моногамия была самой целесообразной формой семьи. На стадии скотоводства, когда возникла частная собственность на стада и орудия труда, женщина благодаря своей деятельности приобрела повышенную ценность. Наряду с моногамией у бедных людей возникла многоженство у богатых, что обеспечивало им и большое потомство. Большое число жен и детей, которых можно было бы содержать, способствовало укреплению домашнего хозяйства на стадии такого скотоводства. За этапом скотоводства, по Гроссе, следовало земледелие. Население стало многочисленной, наличной земли больше не хватало для пропитания стад и их пастухов; начинающееся земледелие лучше обеспечивало их пропитание, и владение землей все больше и больше

становилось основой благосостояния, а владение стадом утратило свое значение. Землей владели не отдельные семьи, а целые племена или подгруппы племени, союзы родов. Продукция распределялась по отдельным хозяйствам. Вероятно, женщины первыми и начали переход к земледелию. Так они получили преобладание как собственницы земли и ее плодов. Результатом стал матриархат. Наследственные права на плодородную землю в рамках союзов родов или подгрупп племени переходили от матерей к дочерям. При этом могли сохраняться моногамия или многоженство, если мужчина был достаточно богат, чтобы купить не одну жену и содержать их детей. Женщины и на этой ступени оставались собственностью. Отношения изменились, по Гроссе, с развитием земледелия и разделением труда, когда власть племени ослабла, семьи и их главы возвысились над племенем, а часть населения уже занялась ремеслом. Так возникла патриархальная семья высоко развитых земледельцев в форме большой семьи, как в Риме, Китае и Японии, а по мере дальнейшего развития экономики — особые, т.е. малые семьи, состоящие из родителей и их детей, как на современном Западе.

Как видим, гипотеза Гроссе основывается на т.н. трехступенчатой теории с ее последовательностью этапов: 1) охота и собирательство, 2) скотоводство, 3) земледелие. Но эту теорию Эдуард Хан аргументировано критиковал еще в 1895 году, т.е. за год до выхода книги Гроссе. И смена форм семьи, предположенная Гроссе, не подтвердилась. Хотя моногамия у многих современных первобытных племен преобладает, но существование матриархата как общего этапа развития не доказано, равно как и то, что малой семье предшествовала большая семья. Наконец, выяснилось, что семья не в такой мере зависит от экономики, как предполагала Гроссе, так как, если два племени жили по соседству или смешивались, могли заимствовать формы семьи, которые противоречили тем экономическим формам, которые Гроссе считал «соответствующими».

Благодаря Гроссе и другим ученым, делавшим упор на экономику, возникло учение о соответствиях между экономикой и обществом. Оно видит эволюцию так:

1) Первобытные орды людей с разными первичными формами половых и родственных отношений, каких именно — общего мнения нет.

2) Кочевые собиратели и охотники: мужчины охотятся и ловят рыбу, женщины собирают плоды, корни и мелких животных. Мужчина считается более сильным, женщина — его работница. Так возникает патриархальный строй со слабой связью между родами.

3) Начало мотыжного земледелия и оседлой жизни. Женщине приписывается изобретение тяпки, с помощью которой она собирала

коренья. После наблюдений за саморассеиванием растений женщина стала использовать это же орудие для посева. С нее начались растениеводство и мотыжное земледелие, мужчины и вся семья зависели от плодов ее сада или поля, которые обеспечивали более надежное пропитание, чем охота и рыбалка мужчины. Так женщина приобретает большее значение. Она господствует над все еще бродячими мужчинами в постоянном жилище более совершенной формы, чем простые заслоны от ветра или землянки, и в конечном счете орды становятся оседлыми. Женщина занимается гончарным ремеслом — согласно новейшим исследованиям, с эпохи мезолита. Ломкость сосудов требует оседлой жизни. Женщина становится экономически сильнее не только благодаря своим полям, но и потому что свое имущество она передает после смерти своим детям. Так возникает матриархат, этап, которого достигли или который прошли все более развитые народы. На этом этапе в качестве противовеса создаются мужские союзы; они становятся зародышами государства.

4) С оформлением государства, при переходе от кровнородственных общин к территориальным, возникает иерархия власти и собственности, аристократические общества, сословия и классы собственников. Одновременно имеет место переход от содержания домашних животных к животноводству и разведению стад. Все это усиливает власть мужчины, который становится собственником стад. С появлением обмена между племенами мужчина занимается и этим, производит изделия на вывоз. Он становится обладателем движимой собственности, которая больше отделяет его от рода, чем женщину — жилье и поле. Мужчина передает стада и движимую собственность своим сыновьям. Так осуществляется возврат к патриархату, обычно с многоженством.

5) При подъеме на более высокие уровни снова распространяется моногамия с более или менее ярко выраженным главенством мужчин.

Такова была, в общих чертах, смена этапов с экономической точки зрения, по мнению Гроссе и других ученых. Соответствия между экономикой и семьей не сменяли друг друга в одинаковой последовательности у всех народов, сам Гроссе это отрицал, но эти соответствия с большими или меньшими усилиями можно было уложить в эволюционные теории того времени.

Казалось, что первобытные охотники и собиратели могли благодаря женщинам подняться на уровень земледелия, а собственность женщин на землю могла сделать положение женщин более высоким. Поэтому как Гребнер, так и В. Шмидт и В. Копперс объяснили матриархат как экономическое последствие женского земледелия. Казалось также, что изобретение женщинами гончарного и ткацкого искусства, которые и

сегодня у многих неевропейских племен остаются делом одних женщин и девушек, могло породить женскую собственность, которая передавалась по наследству детям. Действительно ли женщины, выкапывавшие корешки, как думал Э. Хан и думает Г. Плишке, изобрели мотыжное земледелие, сегодня оспаривается, так как этому противоречат находки в Африке, Америке и Океании. Сама мотыга появляется в Европе в мезолите или еще в конце палеолита. Действительно ли женщины, как считает Плишке, начали строить дома (у многих племен они и сегодня занимаются этим делом), и их собственность на жилища повысила их значение в обществе, этот вопрос остается нерешенным. Напротив, можно согласиться с Лингом Ротом и приписать женщинам изобретение мотыжного земледелия. Роль женщины в изобретениях человечества, которую изучал О.Т. Мейсон, надлежит исследовать с учетом современных знаний в области этнографии и истории первобытного общества. Связь между растениеводством и мотыжным земледелием, с одной стороны, и матриархатом, с другой, ни один ученый отрицать не станет. Матриархат и сегодня широко распространен среди племен, занимающихся растениеводством и мотыжным земледелием, тогда как плужное земледелие способствовало ослаблению матриархата и переходу к патриархату. У народов и племен, занимающихся плужным земледелием, значение отца семейства выше, чем матери семейства, хотя разрыв не так велик, как у кочевников. Пастушки, подчеркивает Плишке, встречаются только у поэтов. У кочевников число жен мужчины — признак его благосостояния. Но всеобщую и однозначную связь экономики и ее развития с формами семьи не позволяют установить более обстоятельные исследования. Риверс показал, что есть матриархальные племена, которые не знают собственности жен и матерей семейств. И по данным Гобхауза-Уилера-Гинзберга, экономике нельзя приписать столь большое значение, как это делали со времен Гроссе. Я уже говорил о Ронхааре, который отрицает, что мужские союзы были способом защиты мужчин от экономической власти женщин.

Тем, кто не принимает во внимание возражения Э. Хана против «трехступенчатой теории», следует напомнить, что первобытные мужчины-охотники стали — в Европе, вероятно, в неолите — приручать животных; появилось животноводство, содержание больших стад нарушило оседлость, которая привела к возвышению женщин. А у кочевников-скотоводов всегда господствует патриархат, обычно с многоженством и принижением роли женщин. Плужное земледелие тоже привело к ослаблению матриархата и усилению патриархата. Его изобретение следует приписать мужчинам, хотя есть и племена, у которых за плугом ходят женщины.

Между экономикой и формой семьи нет столь тесной связи, как предполагал Гроссе. На одном и том же уровне развития, при одной и той же форме хозяйства встречаются разные формы семьи. Форма семьи не изменяется, когда изменяется форма экономики. У стоящих на низком уровне развития эскимосских племен совсем иные формы семьи, чем у стоящих на том же уровне бушменов и австралийцев. У более высокоразвитых племен тонга в Южной Африке строго патриархальные порядки, у индейцев пуэбло в Северной Америке, занимающихся мотыжным земледелием, — строго матриархальные. Многоженство встречается и у эскимосских охотничьих племен, и у кочевых скотоводов Центральной и Западной Азии. А большинство племен остальной Азии, а также Африки и Америки, у которых есть многоженство, занимаются мотыжным земледелием. Апачи и навахо на юго-западе США, были собирателями и имели много жен. Форма семьи у них не изменилась, когда они перешли от собирательства к скотоводству. Переход от матриархата к патриархату, вероятно, был редким явлением в истории и никогда не вызвался изменением формы экономики, чаще — влиянием патриархальных племен на матриархальные.

Конечно, экономика влияет на семью и общество, но они зависят не только от нее и не только на ней основываются. По вопросам о браке, семье и родстве т.н. материалистическое понимание истории, из-за того, что оно слишком одностороннее, не дает фундаментальных объяснений, а довольствуется лишь уточнением неясных деталей. Историко-экономическое толкование семьи, из которого исходили Гроссе, Липперт и фон Даргун, а в 1933 году единственным этнографом, который оставался на этих позициях, был английский марксист Роберт Бриффо, современная этнография отвергает. Малиновский добавляет к этому, что экономика для семьи всегда лишь средство достижения цели, а цель — воспитание потомства. Брак был средством защиты беспомощных детей. Бриффо, который понимает такие формы, как групповой брак (который он считает исходной формой), преимущественно с сексуальной точки зрения, считает, как запоздалый представитель эволюционно-исторических и экономико-исторических методов толкования, что индивидуальные формы брака обусловлены, преимущественно, экономикой. Эта точка зрения тоже несостоятельна, как с сексуальной, так и с экономической стороны. Особая заслуга Малиновского в том, что он доказал, что оба этих фактора издавна способствовали укреплению семьи, рождению и воспитанию детей.

Одной экономикой нельзя объяснить взаимосвязь семейных форм, и историко-экономическая последовательность смены семейных форм в прошлом и настоящем этнографией не подтверждается, как и экономи-

ческое толкование семьи (Гроссе, Липперт, фон Даргун, Бюхер, Кунов, де Греев и др.). Еще Э. Хан доказал, что формы хозяйства народов, особенно первобытных, не всегда объясняются соображениями выгоды; многие явления экономической жизни — Хан при этом имел в виду и скотоводство — можно вывести из религиозных представлений народов. Такое же объяснение давал и Леви, Брюль, правда, в односторонней и утрированной форме. Но в XIX веке Хан выступал, прежде всего, против односторонних и утрированных экономических толкований.

Различные «эволюционные теории» прогресса от дикости до цивилизации XIX-XX веков нравились все прогрессивно мыслящим европейцам и подкрепляли либеральные теории государства. Экономические толкования нравились тем, кто верил в Карла Маркса.

Я уже говорил, что Маркс сам хотел, чтобы его учение было связано с учением Моргана, «Капитал» — с «Древним обществом». Эту связь установил Ф. Энгельс, который в своей книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства. Дополнение к исследованиям Л.Г. Моргана», вышедшей в 1884 году в Цюрихе, в духе своего умершего друга Маркса, изобразил первобытное общество как не знавшее ни собственности, ни семьи, и проследил его развитие с доисторических времен. Эта книга постоянно переиздавалась, и в 1927 году вышла 23-м изданием. Почтение к ней у сторонников пролетарского социализма было столь велико, что в конце XIX века немецкие рабочие обсуждали формы семьи у других народов. В 1891 году Эйхгоф и Каутский перевели «Древнее общество» Моргана на немецкий язык.

И книга Августа Бебеля «Женщина и социализм», впервые напечатанная в 1883 году в Цюрихе под названием «Женщина в прошлом, настоящем и будущем» и тоже постоянно переиздававшаяся, вслед за Марксом и Морганом проповедовала экономическую обусловленность форм брака, семьи и родства. В своем сборнике «Проблема брака в наше время» (1913) Бебель писал: «Форма брака определяется нашей экономической формой, а не наоборот». «Современная форма брака — историческая категория, которая возникает только с появлением частной собственности на землю и на орудия производства». В 1912 году вышла книга Генриха Кунова «История брака и семьи в первобытном обществе», которая опять-таки связывала этнографию и марксизм, хотя в это время самые видные этнографы уже начали отходить от эволюционной теории Бахофена-Моргана и от попыток экономического толкования форм брака и семьи. Генрих Эйльдерман обвинил Кунова в том, что он рассматривает историю брака не совсем с точки зрения «исторического материализма». В 1914 году вышла книга «Любовь и брак среди рабочего класса», автор которой восхвалял Моргана, эт-

нографическими сведениями которого пользовались Энгельс, Каутский и Бебель. Ферх идет дальше бебелевских требований освобождения женщины при коммунистическом строе и требует «свободной любви»... Поскольку форма брака определяется экономической формой, только марксизм может обосновать свободу любви. С точки зрения этнографии только Хартленд еще пытался в 1910 году сохранить учение о первоначальном промискуитете и первоначальном матриархате. Но тогда эти гипотезы уже опровергли Гольденвейзер и Крёбер.

И уже с очень большим опозданием примкнул к эволюционной теории Бахофена-Моргана и к экономическому толкованию брака и семьи живший в Мюнхене врач Фриц Мюллер-Лайер (1857-1916). Он пытался соединить Бентама, Юма, Конта и Маркса с этнографическими теориями и не только вывести из этого соединения «фазы культуры» прошлых времен, но и предсказать будущее. У него мы опять встречаем представления о кровавой заре человечества, о беспорядочном половом смешении, о войне всех человеческих орд друг с другом, похищении женщин и людоедстве и о разных путях развития вплоть до нравственной и прогрессивной современности и о будущем, когда будут отменены индивидуальные хозяйства и право наследия, введены временные браки т.п. Таким образом, Мюллер-Лайер продлил теорию Бахофена-Моргана в будущее. Но, когда выходили его книги, этнография уже ушла дальше. Еще больше устарели эволюционные представления об эпохе матриархата в истории всего человечества, о порабощении женщин при патриархате и последующем прогрессе к равенству полов, как у ранее упомянутого Пауля Крише.

За пределами марксизма, в рамках этнографической науки эволюционная теория Бахофена-Моргана потерпела крах. Лоуи показал, что общественные формы первобытных народов были весьма отличными от тех, какие популяризировала школа Моргана. Малиновский упрекает теорию Моргана в том, что она преувеличивает роль полового инстинкта, неверно интерпретирует существующие формы родства и делает на этом основании неверные выводы о якобы первоначальных формах брака, недооценивая роль родительских чувств и влияние экономики. Современные воззрения на брак и семью в биологических вопросах ближе всего к Дарвину, в социологических к Вестермарку, в вопросах половой жизни и психологии — к ряду гипотез Кроули. Если сегодня некоторые исследователи, такие как Самнер, Келлер, Риверс и Бриффо еще настолько следуют учению Моргана, что считают групповой брак первоначальной формой брака, то они просто делают неправильные выводы, исходя из мнимых или действительно существующих форм группового брака.

Прежде чем дать итоговую оценку отдельным гипотезам о первоначальных формах брака, семьи и родства с точки зрения достижений этнографии, я хотел бы, скорее ради развлечения, чем ради поучения, упомянуть и о той интерпретации брака и семьи, которую пытаются давать Зигмунд Фрейд и его последователи — психоаналитики, часто выдавая ее за откровение. З. Фрейд изложил свои воззрения в книге «Тотем и табу. Некоторые совпадения в психической жизни дикарей и невротиков», первый тираж которой был издан в 1913 году, а пятый, без учета новых данных, полученных этнографией за это время, — в 1934 году. Позже венгр Геза Рогейм предложил психоаналитическое толкование семьи и ее происхождение в книге «Первичные формы и видоизменения брака». Подробней всего психоаналитическое учение о семье изложил Флюгель. Согласно Фрейду и его приверженцам, люди жили первоначально отдельными семейными ордами в форме «циклопической семьи», в которой один старейшина имел право на обладание всеми женщинами, в том числе и собственными дочерьми. «Циклопическая семья» — выдумка Дж. Аткинсона, который при этом опирался на одну из немногих не получивших подтверждения гипотез Дарвина. У Аткинсона возникает изгоняющий молодых людей и обладающий всеми женщинами отец семейства; с этим связаны экзогамия изгнанных молодых людей как первая форма брака и отцеубийство как первое преступление дикого человечества. На более позднем этапе, по Аткинсону, молодые люди стали приводить украденных девушек из чужого племени в свою родную орду и женились на них все вместе; так возник групповой брак как первая форма брака. Фрейд исходил как раз из таких «первичных форм». Таким образом, согласно этим воззрениям, первоначальной формой семьи было насильственное патриархальное многоженство одного единственного мужчины. Сыновья этого отца семейства вынуждены были смириться с этим исключительным правом отца на всех женщин или уйти в изгнание. Сыновья одновременно почитали и ненавидели отца за его силу и власть. В конце концов сыновья сговорились, убили старика, сожрали его, чтобы обрести таким образом его силу, и овладели женщинами. Согласно некоторым психоаналитикам, они кастрировали его и изгнали; воспоминание об этом — греческий миф о Кроносе. Некоторые психоаналитики предполагают также, что после свержения такого отца постоянно происходили доисторические бои между сыновьями за своих матерей и сестер; победитель опять становился таким же отцом семейства. Но, по Фрейду, сыновья, которые, как людоеды, «само собой разумеется», должны были сожрать отца, испытывали угрызения совести после этого злодеяния. Эти угрызения совести вызвали почитание памяти об отце. Кормление отца

символически повторялось, в результате возник «может быть, первый праздник человечества», кормление тотема и сам тотемизм. Почитание отца приводит к почитанию его заветов и запретов; сыновья решают избегать женщин своей собственной группы, как завещал отец, и объявить их «табу». Так возник первый «барьер инцеста» в братском роду и было запрещено убивать членов этого рода. Результат установления такого барьера — экзогамия, связанная с тотемизмом. Из сознания вины сыновей выросли и первые религиозные представления, так что здесь, в эдиповом комплексе, начала веры, нравственности, общества и искусства. Греческий миф об Эдипе содержит воспоминания об этих первобытных процессах. Эдипов комплекс, половые влечения сына к матери и соответствующая этому влечению ненависть к отцу это остаточное воздействие доисторических половых влечений и одновременно зерно многих неврозов. Современные невротики вынужденно повторяют то, что у первобытных народов соответствовало их обычаям и запретам и частично наблюдается и сегодня. Психические импульсы современных европейских невротиков примерно соответствуют психическим импульсам «так называемых диких и полудиких народов». Туривальд доказал, что психическую жизнь людей, живущих в первобытных условиях, ни в коем случае нельзя сравнивать с психической жизнью «невротиков».

«Барьеры инцеста» объясняются здесь первобытным стремлением людей к половому смешению с кровными родственниками. Я уже говорил об этих странных теориях возникновения семьи, что нельзя объяснить, каким образом эти влечения к половой связи с ближайшими родственниками, если они действительно глубоко укоренились в человечестве, была подавлены. Стремление к установлению барьеров у потрясенных убийством отца сыновей должно было для этого стать наследственным у лиц обоих полов, но наследование благоприобретенных тормозов с точки зрения учения о наследственности столь же нелепо, как наследование благоприобретенных признаков.

Если принимать всерьез эти рассказы об истории брака и семьи в первобытном обществе, можно был бы начать с того возражения, что людоедство именно у первобытных народов отсутствует или встречается редко, а учащено только на более высоких уровнях развития. Эвальд Фольхард составил всемирную карту распространения людоедских племен; зоны людоедства это Австралия, Океания, Центральная и Южная Америка, центральные и западные части Африки. Еще Швейнфурт, Шульце и Рольфс наблюдали, что этот обычай встречается как раз у более высоко развитых племен. Корни его — в магии, верованиях, в особенностях богослужения, в представлениях о каре и вражде. Во многих случаях, как в Полинезии, речь идет о торжественном пожи-

рании пленников, во многих других случаях — о пожирании с целью приобретения «жизненной силы» жертв, которые именно в этих случаях медленно жарят, чтобы пожирать их мясо у них на глазах. Иногда к людоедству толкает и сильный голод, но никогда в жертву не приносят родственников, как в «циклопической семье» Фрейда. И убийство стариков и больных, как довольно широко распространенный обычай, встречается только на более высоких уровнях развития, как доказал Ж. Коти.

Но не стоит больше заниматься жуткими историями психоаналитиков, которые одновременно относят начало тотемизма в самое отдаленное прошлое. Их уже многократно анализировали с точки зрения этнографии. Только Риверс находил достойными внимания отдельные детали учения психоаналитиков о бессознательном. А. Л. Крёбер так писал о психоаналитической теории происхождения семьи: «Если психоаналитики всерьез хотят установить связь с научно-исторической этнографией, они должны для начала осознать, что такая наука есть». Достаточно указать на то, что «циклопическая семья» старейшины-многоженца нигде не могла возникнуть, ее уничтожили бы в зародыше. Такое состояние человеческой орды противоречило бы ее сохранению и размножению. Только особые условия совместной жизни и заботы родителей о детях позволяют объединить возникновение рода человеческого из предшествовавшего ему вида. Я еще дам более подробные пояснения. К этим особым условиям относятся и человеческие задатки: родительская любовь как наследственный инстинкт не зависит от полового инстинкта и обладает такой же силой. А Фрейд и психоаналитики видят в родительской любви, как и в других психических силах только формы проявления полового инстинкта и постоянно преувеличивают его значение, когда говорят о возникновении и истории брака и семьи. Все теории «пансексуализма», выводящие из сексуальной сферы всю психическую жизнь человека и его духовные творения, оказались несостоятельными. И формы брака и семьи нельзя объяснить, исходя из одной этой сферы. Лоуи, опираясь на открытия этнографии, сделал такой вывод, что половые отношения в браке — не первое и не главное. На той же точке зрения стоит и Малиновский. Вестермарк в своей книге «Будущее западной цивилизации» тоже возражает тем, кто объясняет брак одними половыми отношениями. С. Цукерман, который считает, что единственной причиной совместной жизни как обезьян, так и людей в брачном сообществе является непрерывно действующий половой инстинкт, не нашел поддержки среди известных зоологов, которые занимаются формами сообществ у животных, равно как среди представителей этнографической социологии, за исключением Бриффо,

который еще пытается объяснить, отталкиваясь от сексуальной сферы, по крайней мере формы группового брака и тому подобные отношения.

Вместе с теорией «пансексуализма», которая объясняет суть брака одним половым инстинктом, рушится и учение об «эдиповом комплексе» и прочих «комплексах». Согласно Фрейду и психоаналитикам, каждый мальчик испытывает половое влечение к своей матери и соответственно ненавидит своего отца, который кажется ему помехой его детскому счастью. Между третьим и шестым годами жизни комплекс постепенно исчезает и у каждого мальчика восстанавливается приобретенный в древности «барьер инцеста». Соответствующий комплекс, именуемый комплексом Антигоны, существует, согласно психоаналитикам, и у девочек: половое влечение девочки обращено на ее отца и она ревнует его к матери. При опросе в США, проведенном с целью установить, сколько сыновей испытывали ревность к отцу и сколько дочерей — ревность к матери, положительные ответы дали 7% мужчин и 6% женщин. Это не говорит в пользу существования подобных комплексов, так как испытываемая в детстве немногими людьми ревность к отцу или матери может иметь более безобидные причины. Вестермарк тоже делает из наблюдавшихся фактов такой вывод, что учение об эдиповом комплексе не выдерживает критики. Оно совершенно бессмысленно в условиях матриархата. Психоаналитики явно знают только патриархальную семью Малиновский, который какое-то время был склонен принимать всерьез отдельные детали психоаналитического толкования семьи, пытался найти соответствующие комплексы у матриархальных меланезийцев. Ненависти к отцу европейских мальчиков с их подавленным половым влечением к матери у жителей островов Тробриан, которых изучал Малиновский, должно было соответствовать половое влечение к сестре и ненависть к брату матери. Малиновский обнаружил, что в Меланезии у мальчиков может проявляться как почтение, так и ненависть к брату матери. Но эти чувства к брату матери в матриархальном обществе, как и похожие чувства мальчиков к отцу в патриархальных обществах легко объяснить детским недовольством методами воспитания. Фолеом дает именно такое объяснение, совершенно не затрагивая сексуальную сферу. В своей книге «Пол и наказания в диком обществе» Малиновский позже выступил против психоаналитических представлений об убийстве отца орды, о введении первых запретов и об эдиповом комплексе. Я уже говорил о психоаналитических толкованиях табу и указал, что табу и «барьеры инцеста» не следует понимать как изменение направления половых влечений. Ни в детском сопротивлении родителям или их родственникам, ни в любви родителей к детям не следует искать по-

ловые влечения. И родительскую любовь нельзя объяснить половым инстинктом, подобные гипотезы психоаналитиков тоже несостоятельны.

Уже в III разделе я показал, что при любой форме брака половой инстинкт взаимодействует с другими человеческими инстинктами, и нельзя утверждать, что он является определяющим. Объяснение брака одними половыми причинами столь же ложно, как подведение под него экономической основы. Как раз первобытные народы не объясняют свои браки исключительно или главным образом половым влечением. Преобладание полового инстинкта препятствовало бы сохранению и могло бы привести к вымиранию такой человеческой группы. Противозачаточные средства, аборт и убийство детей известны человечеству с древнейших времен, встречаются и сегодня на разных уровнях развития цивилизации. Секс может выступить на первый план только в условиях высоко развитой цивилизации, преобладание полового инстинкта у первобытных групп мешало бы их сохранению. Именно условия жизни и обычаи позволяют понять то, что Малиновский всегда называет главной причиной человеческого брака: рождение детей и забота об их пропитании, жилье и одежде. Наследственные инстинкты больше способствовали первым формам человеческого брака, чем половой инстинкт. Последний многие первобытные народы считают опасным, а в первобытных условиях он не может преобладать уже по той причине, что тяжелые условия жизни требуют напряжения всех прочих человеческих сил. Я уже говорил об этом раньше. Поэтому Гольденвейзер отвергает мнение Бриффо, будто между полами первоначально действовал лишь инстинкт спаривания в сочетании с жестокостью, а чувство любви появляется только на стадии матриархата как любовь между матерью и детьми. Вместе с отказом от объяснения первобытного брака одними половыми инстинктами, мы отвергаем и гипотезу о первоначальном промискуитете, беспорядочном половом смешении первобытных мужчин и женщин. Рассматривая различные гипотезы о первичной форме человеческого брака, я еще раз верну и к гипотезе о промискуитете.

Лежал ли тотемизм, как думал Зигмунд Фрейд, в самой основе человеческой цивилизации — этот вопрос тоже будет рассмотрен мной в следующем разделе.

Х. Вопрос о происхождении и первоначальных формах брака

После изложения различных эволюционных теорий XIX века и их опровержения, в этом заключительном разделе мы еще раз поставим отдельные вопросы о предполагаемом происхождении и первоначальных

формах брака и дадим на них ответы с учетом современного уровня знаний. Некоторые из этих вопросов уже были рассмотрены в предыдущих разделах, так что на них не надо будет останавливаться подробно. Но кое-что придется повторить, чтобы дать обзор всего круга вопросов.

1. Был ли промискуитет первоначальной формой половых отношений человеческого рода?

Если не считать такого эпигона, как Мюллер-Лайер, дольше всего держались за гипотезу о первоначальном промискуитете Кунов и Хартленд, хотя Кунов признавал, что из классификационных названий степеней родства нельзя делать вывод о первоначальном промискуитете. Эндрю Ланг, а позже Эрнест Кроули отвергли эту гипотезу, и сегодня ее не признает уже ни один ученый. Эта гипотеза сталкивается с затруднениями уже при попытках связать человеческий промискуитет с формами семьи у человекообразных обезьян. Я уже говорил, что беспорядочное половое смешение имеет место только на низших ступенях животного царства, а на более высоких ступенях правилом становятся определенные формы семьи и в итоге — формы настоящего брака. Формы семьи человекообразных обезьян гораздо ближе к человеческим, чем к промискуитету. Предположить промискуитет у людей, значит, низвести человечество на уровень членистоногих, беспозвоночных и червей.

Если бы промискуитет был первоначальной формой, нечто похожее на него мы обнаружили бы сегодня у тех племен, которые живут в сравнительно первобытных условиях. Но делать выводы, исходя из образа жизни этих племен, надо с осторожностью, потому что ни одно из современных племен не находится на уровне человечества эпохи палеолита; ни одно современное племя нельзя считать действительно первобытным. Но пережитки первобытных отношений и обычаев можно найти скорее у племен, стоящих на более низком уровне, чем у тех, кто достиг более высокого уровня; исходя из этого, и надо делать выводы о первобытных обычаях. Редклифф-Браун, Малиновский, Зелигман, В. Шмидт, Турнвальд и все другие исследователи американских племен подчеркивали, что промискуитета сегодня в Америке нигде нет, и в прошлом не могло быть. Морган, хотя и делал вывод о промискуитете, исходя из современных форм брака и родства, признавал, что сегодня его уже нигде нет.

Исходя из свободы добрачных связей молодежи, которая существует не везде, а, главным образом, у матриархальных племен, как временное явление, тоже нельзя делать вывод о первоначальном промискуитете,

тем более что эти связи часто перерастают в брак. Но такая свобода молодежи как раз у более первобытных охотников и собирателей встречается реже, чем у народов с более структурированным обществом. Ньюенгейс пишет: «Безнравственность как раз среди дикарей встречается реже всего». Кроули удивлялся высокой нравственности первобытных людей.

Прежде брак между братьями и сестрами иногда рассматривался как пережиток промискуитета. Но у первобытных людей такие браки вообще не встречаются, а их появление на более высоком уровне вызывается особыми причинами, так что нельзя считать их, вслед за Фрейдом и прочими, изначальным явлением или пережитком эпохи, когда не было браков. Как говорит Лоуи, это результат не первобытного состояния, а наоборот, чрезмерной развитости общества. Риверс доказал, что, вопреки прежним предположениям, у первобытного племени ведда таких браков никогда не было.

Из обычаев добрачной свободы молодежи могла развиваться проституция девушек, продажа себя за деньги, но лишь в условиях жизни племен, совсем уже не первобытных, на более высоком уровне, вероятно, у охотников-тотемистов.

Добрачные связи запрещены как раз у многих первобытных групп, таких как ведда на Цейлоне, кубу на Южной Суматре, сенои на Малакке и других малайских негритосов. Их осуждают также бушмены и андаманцы. В Австралии к таким связям относятся терпимо, за исключением некоторых племен юго-восточной части этого континента. Ни у одного племени внебрачные связи молодежи не заменяют брак — это доказал Малиновский. Раньше я уже говорил, что и эти связи не являются «безнравственными»: там, где они есть, обычай ограничивает их определенным возрастом и временем года, привязывает к определенным праздникам и сопровождает определенными обрядами. Такие явления регулируемой обычаем свободы, равно как внебрачные связи, формы группового брака и разделение жены с гостем в порядке гостеприимства поверхностные наблюдатели очень часто описывают как беспорядочное смешение. Но у большинства первобытных народов есть строгие ограничения, нарушение которых карается: есть такие ограничения и для молодежной свободы.

Конкубинат, т.е. разрешенная законом связь с наложницей, не дающая, однако, ее детям никаких прав на наследство, тоже не может стать основанием для вывода о предыдущем беспорядочном смешении, особенно по той причине, что у первобытных племен конкубината нет, он появляется только на более высоком уровне развития общества и экономики. Мнимые или действительные формы группового брака

тоже не позволяют сделать вывод о предшествующем промискуитете, который сделали Морган и Мак-Леннан. Об этом писали Лоуи и Грау. Групповой брак — особая и очень редкая форма брака, что не позволяет предположить, будто она раньше была этапом развития, через который прошло все человечество. Эта форма могла развиться лишь позже и не может считаться пережитком первоначального промискуитета, о чем будет сказано ниже.

Ж. Ж. Вирей, Дарвин и вслед за ним Аткинсон считали изначальный промискуитет невероятным и невозможным по той причине, что уже у животных и еще больше у людей ревность самцов — наследственный инстинкт, не допускающий беспорядочного смешения. Против гипотезы о первоначальном промискуитете говорит и то, что на всех уровнях развития внебрачные дети, как правило, ценятся ниже: в жизни всех народов преобладает мнение, что дети должны рождаться только в законном браке, каждый ребенок должен иметь законного отца, а браку должна быть придана законная форма. Повсеместность таких воззрений нельзя объяснить, если они не являются выражением наследственных психических черт всего человеческого рода. Но с такими чертами несовместимо представление о первобытных ордах, предающихся беспорядочному смешению. И осуждение нарушения брака, особенно если его допускают женщины, у первобытных племен говорит против гипотезы о беспорядочном смешении первобытного человечества.

Наконец, промискуитет противоречил бы самосохранению, так как семейная жизнь, воспитание детей, защита их матерей их мужьями, забота о жилище, одежде и пропитании детей и их защита не могли бы возникнуть при беспорядочном смешении и господстве полового инстинкта. Только при наследственных импульсах, побуждающих создавать семью и рожать детей, было возможным возникновение человеческого рода и его выживание в трудных условиях. Поэтому правильно выражение против гипотезы о первоначальном промискуитете, которое высказал П. Декан: Первоначальный промискуитет был невероятным, потому что при такой форме половых связей было бы мало детей. Пусть даже рождалось много детей, хотя и это сомнительно, поскольку у первобытных народов всех уровней развития при добрачной свободе молодежи беременности редки, смертность грудных младенцев была бы очень высокой, и мало детей доживало бы до возраста половой зрелости. При высокой детской смертности — а она была характерна не только для первобытных, но и для европейских народов вплоть до середины XIX века — как подчеркивает Декан, для сохранения человеческой группы надо было иметь большое потомство, а это требовало воспитания детей в сплоченной семейной группе. Такие же мысли о

несовместимости безбрачного состояния с самосохранением высказывали сэр Генри Мейн и Гилберт, которому принадлежит афоризм: «Человек разумный это человек, состоящий в браке».

В результате полемики с эволюционной теорией Бахофена-Моргана и со взглядами Мак-Леннана гипотеза о первоначальном промискуитете была в итоге отвергнута почти всеми этнографами. Риверс пояснял, что ни классификационные обозначения родства, ни какая-либо форма брака не могут служить доказательством правильности учения Моргана, что беспорядочное смешение никогда не преобладало, ни в первобытном обществе, ни позже. В 1907 году Риверс писал: «Можно сказать, что ведущее направление современной этнографии в настоящее время отвергает любую теорию ступенчатого развития, которая выводит человеческое общество из первоначального состояния промискуитета, будь то полный или ограниченный промискуитет, обычно именуемый «групповым браком». Вестермарк со времени первого издания своего трехтомного труда выступал против гипотезы в первоначальном промискуитете, считая ее «самой ненаучной из всех». Согласно Лоуи, «беспорядочное половое смешение вместо семьи не существует в настоящее время нигде, и доказательства гипотезы, будто он существовал раньше, следует отвергнуть, как неудовлетворительные»... Риверс особенно подчеркивал, что теория Моргана основана, главным образом, на совершенно неверном понимании как полинезийских обозначений родства, так и полинезийской цивилизации вообще. Более поздние исследования показали, что это высоко развитая цивилизация, и первобытной ее считать нельзя, а гавайцы, на которых часто ссылался Морган, наименее первобытный народ Океании и один из самых молодых в этом регионе. Теория Бахофена-Моргана, особенно в ее части, касающейся первоначального промискуитета, отвергал и Малиновский.

Я уже писал, что ни обмен женами, ни уступка жены в дар гостю, не внебрачные связи, ни конкубинат нельзя путать с беспорядочным смешением или объяснять их мнимым беспорядочным смешением до-исторических времен.

2. Был ли групповой брак первоначальной формой брака?

Если сегодня некоторые ученые, как раньше Леббок (лорд Эвбери) и Хартленд, склоняются к гипотезе о первоначальном промискуитете, они видят в групповом браке пережиток более ранних форм брака (Хоутт, Риверс, Самнер, Келлер, особенно Бриффо — последний и уступку жены

в дар гостю, и обмен женами, и левират, и сорорат считает пережитками прежних форм группового брака). О невозможности этого я уже не раз говорил. Левират считал пережитком первоначального группового брака еще Мак-Леннан, он видел в нем более позднюю разновидность группового брака в форме брака с несколькими братьями. Это толкование тоже было ошибочным. Риверс обнаружил, что многие черты классификационных систем родства легче всего понять через групповой брак; он называл эту форму брака «сексуальным коммунизмом». Но очень сомнительно, можно ли считать классификационную систему старше описательной или рассматривать ее как первоначальную. В целом можно сказать, что групповой брак всегда появляется только в чрезвычайных условиях и только на более высоком уровне развития. Чистые групповые браки, когда все мужчины одной группы имеют одинаковые права на всех женщин этой группы, встречаются очень редко. Брак пуналуа у гавайцев и брак пиррауру у австралийцев, на которые часто ссылаются Морган и его школа, это неудачные примеры, и оба эти слова не могут использоваться как названия настоящего группового брака. Н. У. Томас после своих исследований в Австралии тоже отклонил гипотезу о первоначальном групповом браке, после того, как Эндрю Ланг, выступив против Моргана, Леббока, Хаунтта, Г. Спенсера и Дюркгейма, еще в 1903 году отверг гипотезу о первоначальном промискуитете и групповом браке. Многие формы, которые описывались как «групповые браки», представляют собой сочетание основного брака с формами внебрачных связей. Малиновский вообще отрицал существование группового брака в наше время. В любом случае, нужны дополнительные исследования этой формы брака, прежде чем можно будет сделать окончательные выводы о ее сути и происхождении. Пока что можно только с уверенностью сказать, что эта редкая, возникающая лишь в особых условиях форма не является изначальной, это результат позднейшего развития. Риверс предполагал, что групповые браки могли быть типичными для небольших орд охотников и собирателей. Так живут сегодня андаманцы. Но у таких племен групповой брак не наблюдается, у них преобладает моногамия. Турнвальд сообщает, что ни у одного из племен, живущих сегодня в групповом браке, эта форма не первоначальна, она развилась из участия в браке родных или двоюродных братьев, особенно при матриархате и превращении больших семей в роды. И те условия, которые, как думали Г. Плишке и П. Декан, способствовали появлению группового брака, возникают только на более высоких уровнях развития.

Так что групповые браки, вероятно, сравнительно поздние формы, возникающие редко и только в особых условиях, а не первобытное состояние. Часто их цель — обеспечить вдов или защитить жен в от-

существование их мужей. Против гипотезы о первоначальности группового брака говорят и обычаи сватовства у всех народов Земли: это всегда отношения между одним мужчиной и одной женщиной, а не групп мужчин и женщин, и не групп из одного мужчины и нескольких женщин или одной женщины и нескольких мужчин. Обычаи, которые указывали бы на заключение брака группой, не обнаружены.

3. Была ли первоначальной классификационная система родства?

Уже говорилось, что Риверс не считал доказательством теории Моргана и классификационную систему родства. Вильгельм Мильке изучил взаимозависимость между системой родства и уровнем цивилизации, после того как Петер фон Вердер выдвинул неправильный тезис, будто классификационная система родства встречается у племен, в которых не произошло еще расслоение, не выделились более сильные семьи, а описательная — у тех, где уже образовались низшее и высшее сословия. Мильке вопреки этому показал, что описательная система встречается у многих племен, где сильные семьи еще не выделились, например, у андаманцев, бушменов, огнеземельцев, калифорнийских индейцев, индейцев штата Невада, а также у эскимосов. Наоборот, многие племена, с ярко выраженным расслоением и развитой системой господства-подчинения имеют классификационную систему: большинство полинезийских племен, микронезийцы и индонезийцы, дравиды в Индии и многие племена Восточной, Южной и Западной Африки. Это открытие показывает, что нельзя предполагать, будто классификационная система первоначальна, а описательная появилась позже у более высокоразвитых племен.

4. Был ли матриархат первоначальной и всеобщей стадией развития?

Тем, кто выдвигает гипотезы о первоначальной беспорядочности половых отношений или первоначальном групповом браке, близко и представление, согласно которому первый шаг к формам брака вообще или к формам брака иного типа был сделан благодаря матриархальной форме семьи. Отцы оставались неизвестными, а матери, связанные с рожденными ими детьми, могли заложить основы семьи. Из этой гипотезы выросла вторая: все ныне патриархальные народы некогда прошли стадию матриархата; матриархат — общая ступень развития

всех народов. Тому же учили и эволюционные теории, исходя их взглядов Бахофена и Моргана. Так думали Хартленд, Старке, Гроссе, фон Даргун, Шурц, Кунов и другие. Согласно Вилькену, за промискуитетом последовала эпоха матриархальной семьи, так как дети тесней были связаны с матерью, чем с отцом, неизвестным при промискуитете. Шурц считал, что матриархат был следствием ухода мужчин из семьи. К этому мнению присоединился и Вильгельм Вундт, который, хотя и считал первоначальной формой моногамию, приписывал ее матриархальным формам, из которых лишь позже развились патриархальные. Так мыслит развитие и Бриффо: сначала не было любви, а только тяга к совокуплению в сочетании с жестокостью, брак же был групповым; любовь возникла сначала между матерью и ее детьми; позже, с развитием отношений собственности, т.е. по экономическим причинам, которые лишь дни теперь определяли форму семьи, произошел переход к патриархату, а позже, после ранних форм полигамии, при переходе к земледелию, возникла моногамия. Эрнест Гроссе обратил внимание на то, что, по воззрениям многих племен, мать и ребенок — одной крови; из представлений о такой тесной связи и развился матриархат. Вестермарк показал, что у многих первобытных племен долгий период кормления грудью вызывает более тесную связь между ребенком и матерью, чем объясняется матриархат. У этих племен дети и после развода остаются с матерью В «биологической семье» доисторического человечества Бриффо видит только влияние «материнских инстинктов» женщины. Влиянием этих инстинктов он объясняет и формирование любых групп в первобытном обществе, общественные инстинкты сводятся к материнским инстинктам. Женщина построила дом, когда мужчина еще был бродягой; дом был нужен ей для ее детей. Так возникли матриликальная семья и отсчет происхождения по материнской линии. При матриархате первой формой брака был групповой. Таким образом, материнская любовь была самым первым стимулом возникновения человеческого общества. Драйберг справедливо возразил Бриффо, что невозможно себе представить, каким образом материнская любовь могла развиваться в групповом браке: групповая мать не может индивидуально любить групповых детей. Против несостоятельных гипотез марксиста Бриффо после Драйберга выступил Гольденвейзер.

Матриархат как первый этап и развитие от матриархата к патриархату. Как и прочие виды «эволюции», в которые верили со времен Бахофена и Моргана и за которые дольше всех держались марксисты, снова принял в 1932 году как гипотезу Р. Маретт. Он исходит из первоначального незнания связи между половым актом и беременностью, как у современных австралийцев. Пока человечество не знало этой связи,

каждое рождение казалось делом одной женщины. «Не только по имени, но и в полном смысле слова мать считалась прародительницей группы», как основательница и хранительница семьи. Мужчина казался чем-то побочным, род был чисто «материнским», дети первоначально считались только членами материнского рода. Через похищение невест и брак по обмену семья развивалась в сторону матриархата.

Но Маретт сам отметил, что у некоторых австралийских племен, образ жизни которых близок к первобытному, существует патриархат; он предполагает, что мысль о кровном родстве была связана с отцовством до того, как была понята связь между половым актом и беременностью. Такой упор на отцовстве у первобытных племен, которые отрицают участие мужчины в зачатии, бросился в глаза как Спенсеру и Гиллену, так и Малиновскому и заставил задуматься и Маретта. Последний, кроме того, по свидетельствам об отношениях между родителями и детьми у первобытных племен мог бы знать, что у этих племен не только матери, но и отцы считаются ближайшими родственниками детей и связаны с ними непосредственными чувствами, а не только через семью. А. ванн Гиннеп тоже еще предполагал, что многим племенам Центральной, Северной и Западной Австралии неизвестна связь между половым актом и беременностью, но Карл Штрелов доказал, что центрально-австралийские племена знают эту связь по примерам животных, но они понимают половой акт как подготовку женщины к встрече с духом зачатия. Надо всегда различать, какие ответы дает туземец европейскому ученому на его вопросы, и во что он действительно верит. Связь между половым актом и беременностью особенно склонны отрицать матриархальные племена. Эшли-Монтегю доказал, что, исходя из мнимого или действительного незнания этой связи, нельзя делать выводы о первоначальном промискуитете или групповом браке и о первоначальном матриархате.

Вестермарк всегда подчеркивал, что уже в первобытной человеческой семье как мать, так и отец принимают непосредственное участие в воспитании рожденных ими детей; сегодня так обстоит дело у всех племен, даже находящихся на самом низком уровне. Эта изначальная любовь к своим детям — серьезное возражение как против гипотезы о первоначальном групповом браке, так и против гипотезы о первоначальном матриархате, основанном на связи одних матерей со своими детьми.

Я уже говорил, что представления о первоначальных формах хозяйства тоже могут привести к гипотезе о первоначальном матриархате. Женщина как изобретательница мотыги и выращивания съедобных растений, первая собственница земли, жилища, различных орудий и сосудов, изобретательница гончарного искусства: все это должно было

повысить значение женщины, как мать и собственница она должна была стать настоящей главой семьи, а мужчина, охотник и рыбак, который не мог, в отличие от женщины, надежно прокормить свою семью, потерял свое значение. И в самом деле, пропитание племен в первобытных условиях, как правило, лучше обеспечивала растительная пища, чем животная. Корешки, семена, плоды и т.п. легче собирать; охота и рыбалка ненадежны. Домашнее хозяйство могло быть целиком переложено на женщину. В свете таких представлений о первобытном хозяйстве гипотеза о первоначальном матриархате казалась правдоподобной.

Однако, более тщательные этнографические исследования не подтвердили эту гипотезу. Оказалось, что именно среди тех современных племен, которые ближе к первобытным, чаще встречается патриархат, чем матриархат. Спенсер и Гиллен, а позже Редклифф-Браун обнаружили патриархат у стоявших на очень низком уровне развития австралийцев, которых они изучали. В Австралии есть как патриархальные, так и матриархальные племена. Кунов подчеркивал: «Факт, который невозможно отрицать: только у более высоко развитых австралийских племен, которые перешли к созданию тотемных союзов, встречаем отсчет родства по материнской линии, а у тех, которые еще не знают союзов по половому признаку или где такие союзы только возникают, — там т.н. патриархат». Гольденвейзер и Крёбер доказали вопреки гипотезам Хартленда, что в Северной Америке патриархат встречается у племен, стоящих на более низком уровне развития, а матриархат — у тех, кто поднялся выше, у самых высокоразвитых индейцев северо-западного побережья, а также у ирокезов. Экзогамия тоже встречается в Северной Америке у более развитых, а не у менее развитых племен, и нигде матриархат не предшествовал патриархату. Если и были переходы, то в Северной Америке, наоборот, от патриархата к матриархату. Андаманцы, первобытные ведда на Цейлоне, бушмены, африканские пигмеи и огнеземельцы — патриархальные племена. Поэтому и Риверс отверг гипотезу о первоначальности матриархата; и у матриархальных племен кровное родство ребенка с отцом никогда не отрицается, часто происхождение по материнской линии сочетается с принадлежностью к отцовскому сословию или с наследованием должности отца, а отсчет происхождения по материнской линии и наследование имущества матери — с господством в семье мужа и отца. Лоуи доказал, что племена, стоящие на низком уровне, часто патриархальны и что нельзя огульно связывать матриархат и патриархат со ступенями развития цивилизации — такой связи нет. Вестермарк привел достаточно доказательств преобладания патриархата на низких уровнях развития и того, что ярко выраженный матриархат встречается как раз у высоко

развитых племен: у ирокезов, индейцев пуэбло, микронезийцев и полинезийцев. Развитие в сторону матриархата Турнвальд связывал, с одной стороны, с более глубоким разделением женской и мужской сфер жизни в больших семьях кочевых племен, а с другой — с внедрением мотыжного земледелия при разрастании семейных групп в роды или группы родов (кланы). Но эти изменения происходили уже на более высоких уровнях развития, поэтому их нельзя больше использовать как доказательства изначальности матриархата. Вероятно, с матриархатом, когда он возник на более поздних ступенях развития, было связано только включение детей в материнскую семью, а не повышение роли женщины и принижение мужчины. Право наследства при матриархате первоначально касалось, вероятно, только собственности на землю, на то, что вырастила на ней жена и мать. Вероятно, только более поздние матриархальные цивилизации Африки, Индонезии и Северной Америки последовательно развили матриархальные черты и их матриархальность стала ярко выраженной. В более древних матриархальных цивилизациях уже могла развиваться форма покупки жен — женская рабочая сила стала цениться.

В. Копперс считает, что многоженство возникло в матриархальных цивилизациях; матриархат не защищал женщину от унижения. Другие ученые связывают многоженство с определенными формами патриархального кочевого скотоводства. Робертсон Смит и Джулиан Моргенетери выдвинули гипотезу о первоначальном матриархате у семитских племен, патриархальных кочевников-скотоводов и многоженцев. И. Хеннингер опроверг эту гипотезу, ссылаясь на пример бедуинов.

5. Был ли патриархат первоначальной стадией развития?

Такую гипотезу выдвигал сэр Генри Мейн, имея, однако, при этом в виду столь высоко развитую форму патриархальной семьи, как латинская большая семья, агнатная семья патрициев. Поэтому позднейшие исследователи не могли принять такую гипотезу. Я уже говорил, что большая часть тех племен, которые могут считаться сравнительно первобытными, живет в условиях патриархата. Патриархальны многие австралийские племена, кубу на Южной Суматре, племена, живущие во внутренних областях Малайского полуострова, многие африканские пигмеи, ряд индейских племен в центральной части Южной Америки, Ведда на Цейлоне вызывают споры. Зелигманы считали их племена частично матриархальными, частично патриархальными, Саразин коле-

бался, что у них: патриархат, матриархат или ни то, ни другое? Я полагаю, что форму семьи у многих сравнительно первобытных племен при ближайшем рассмотрении нельзя назвать ни патриархальной, ни матриархальной и что первоначальную форму семьи нельзя представлять себе как преимущественно патриархальную или матриархальную. Риверс обосновывает свою концепцию тем, что первоначальная форма брака была столь же мало патриархальной, как и матриархальной: эта форма была у племен, стоявших на самой низкой ступени развития, охотников и собирателей, небольших орд, примитивные условия жизни которых лишали значения вопросы о происхождении по той или иной линии и о наследстве. Такую же идею высказывал Турнвальд: там, где мужчины охотятся и рыбачат, а женщины занимаются собирательством, где орудия труда обычно распределяются по половому признаку и передаются по наследству от отцов к сыновьям и от матерей к дочерям и где наследство вообще мало что значит, а место жительства часто меняется, там не предпосылок для возникновения ни патриархата, ни матриархата. Такими племенами обычно правят старейшины, а роль главы семьи отступает на задний план.

Это означает, что переход к патриархату или матриархату мог осуществиться лишь на более позднем этапе развития человеческого рода. Риверс считает, что этот переход был результатом роста населения. Турнвальд предполагает, что патриархат раньше всего возник у более энергичных племен, которые расширяли свое жизненное пространство посредством миграций и завоеваний и управлялись сильными вождями — особенно это характерно для кочевников-скотоводов. Это тоже указывает на более поздний этап развития. Предпосылки для господства отца семейства возникают, по Турнвальду, в тех племенах, где произошло расслоение, где орды или подгруппы племени отступают на задний план, а на передний выдвигаются большие семьи. Но и это могло происходить лишь на более позднем этапе, а не в первобытных группах, как предполагал сэр Генри Мейн...

Переход от первобытной формы брака, не патриархальной и не матриархальной, к преобладанию той или иной формы многие исследователи ставят в зависимость от форм хозяйства. Я тоже предполагаю, что мотыжное земледелие у многих племен вызвало переход к матриархату, но, прежде всего, у таких племен, которые имели наследственные задатки к матриархату. Наследственная предрасположенность часто упускается из вида, когда обсуждается вопрос о разных общественных формах. Как предполагает ванн Гиннеп для австралийцев, можно предположить и для всех народов Земли, что отдельные племена были «изначально», т.е. по своим наследственным

задаткам, патриархальными, а другие — матриархальными. В любом случае невозможно указать всеобщую, обязательную для всех племен последовательность развития форм семьи.

6. Был ли тотемизм первоначальной и всеобщей стадией развития и был ли он связан с первоначальной формой семьи и системой родства?

Фрейд и психоаналитики рассматривали тотемизм как нечто изначальное, как картину обычаев, возникших одновременно с первыми импульсами человеческой семейной жизни. Этнографы опровергли эту гипотезу. Многие сравнительно первобытные племена не знают тотемизма, а многие черты тотемизма позволяют сделать вывод, что он не является одним из начал человеческой общественной жизни, а возник позже у большинства народов, но отнюдь не у всех. Еще Дж. Фрззер показал, что в Северной Америке тотемизм распространен среди более развитых племен. Он преобладал у индейцев к востоку от Миссисипи, которые жили в деревнях и занимались мотыжным земледелием, в меньшей степени — у охотников западных прерий, а у стоявших на низшем уровне индейцев Калифорнии его вообще не было. Такое распределение подчеркивали также Вильгельм Шмидт в работе «Тотемизм, кочевое скотоводство и матриархат» и А. ванн Геннеп в работе «Современное состояние проблемы тотемизма». Менгин писал, что тотемизм возник в доисторическую эпоху на более позднем этапе «первичных культур», а не на самом раннем этапе «основной культуры». Тотемизм и экзогамия, которые часто связаны друг с другом, возникли независимо друг от друга, а их связь — более позднее явление. Это подтвердил и ванн Геннеп. Рид предполагает, что экзогамия существовала у различных групп еще до того, как возник тотемизм, но после сочетания с экзогамией тотемизм оказался полезным для ее сохранения. Рид подчеркивает при этом, что экзогамия направлена против браков с родственниками, а тотемизм запрещает и браки таких пар, которые, хотя и не являются родственниками, принадлежат к одной и той же тотемной группе. Ст. Юул доказал, что экзогамия распространена гораздо шире, чем тотемизм. И. Геккель выводил экзогамию тотемных групп в рамках одного племени из экзогамии кровнородственных семейных групп у охотничьих племен, т.е. видел в экзогамии обычай, возникший у охотников и собирателей, а в тотемизме — более позднее следствие этого обычая. Геккель полагает, что тотемизм возник на этапе перехода от охоты к оседлости и земледелию, к строительству жилищ в

форме круглых хижин при тенденции в сторону патриархата и магии. Турнвальд считает, что тотемизм мог возникнуть на стадии мотыжного земледелия. Г. Бауман видит в тотемизме характерный признак охотничьих племен, возникший в ареале «европейско-африканской культуры степных охотников» в позднем палеолите: отдельные его черты лучше всего сохранились у бушменов. Древнеевропейский тотемизм следует отнести к позднему палеолиту.

Маретт предполагает, что экзогамию ввели женщины в матриархальных племенах, и в этих же племенах развился и тотемизм, а по Гребнеру, тотемизм развился в древнейших патриархальных культурах, а матриархат связан с более поздними и более высокими культурами охотников-тотемистов. Эти вопросы нельзя считать решенными. Разумеется, нельзя вслед за Мак-Леннаном считать тотемизм всеобщим этапом развития всех народов. Фрззер уже доказал, что тотемистами не были племена, говорившие на урало-алтайских, семитских, хамитских и индоевропейских языках, а в Америке тотемизм был у более высоко развитых племен. Предположение Вильгельма Вундта о том, что был этап развития, который он называл «тотемистической эпохой», несостоятельно.

Совершенно несостоятельны также представления Фрейда и психоаналитиков о первичной форме брака, первых запретах и возникновении тотемизма.

Но тотемизм часто считают первоначальной основой человеческих обществ и т.е. для кого первоначальная единица совместной жизни людей не семья, а племя или подгруппа племени, клан. При господстве племени или клана семья или отдельный человек для первобытных людей ничего не значили. Эту теорию проповедовал Эмиль Дюркгейм, профессор Парижского университета. В тотемизме он видел выражение первобытной веры человечества в племя или клан как в священные сообщества. Дюркгейм считал, что племя как основная единица общества у австралийцев это пережиток этапа, пройденного всем человечеством. Он говорил о первоначальной «организации на основе клана». Можно признать вместе с Т. Прейсом, что Дюркгейм правильно соотносил тотемизм с «социальным сознанием», но неправильно видел в тотемизме начало веры первобытных народов. Опровергая Дюркгейма, Дж. Р. Суонтон доказал, что у стоящих на довольно низком уровне племен северных областей тихоокеанского побережья Северной Америки первоначальной формой общества является семья, так что господствовавшая тогда теория, будто племя или клан довлели над семьей и притом были матриархальными, не подтвердилась. В другой своей работе Суонтон подчеркивал, что у всех североамериканских индейских

племен на западе США и Канады, к северу от Мексики, тотемизм, экзогамные племенные группы и отсчет родства по линии матери не были изначальными, это результат позднейшего развития. Малиновский позже доказал, что и у австралийцев, т.е. на первобытном этапе, основой общества является не племя или клан, а отдельная семья. Ранее именно на австралийцев ссылались как на пример изначальной гегемонии племени или клана. Таким образом, теория Дюркгейма не подтвердилась. Ее опровержение — заслуга Суонтона, Редклифф-Брауна, В. Шмидта и Малиновского. Малиновский отверг также гипотезу об изначальном групповом инстинкте, групповом духе. Изначальными были только инстинкты семейной жизни, именно их, а не стадный инстинкт, первобытные люди унаследовали от животных.

7. Была ли полигамия первоначальной и всеобщей стадией развития?

Полигамию в форме многомужества сегодня никто уже больше не рассматривает как первоначальную форму брака, так как она представляет собой исключительное явление, связанное с редким стечением обстоятельств. Кроме того, такая форма брака препятствует самосохранению, при ней группа гомикид или первобытных людей просто вымерла бы. Поэтому многомужество не встречается у первобытных племен, а только у племен, стоящих на более высоком уровне развития.

Наоборот, многоженство у первобытных групп можно себе представить, и многие ученые считали многоженство первоначальной формой брака или предполагали, что моногамии предшествовала полигамия в форме многоженства, бывшего этапом развития всего человечества. Бриффो предполагал, что полигамия везде предшествовала моногамии, а моногамия возникла только у тех групп, которые достигли более высокого уровня развития, перешли к таким формам земледелия, при которых хозяйство перешло из рук женщины в руки мужчины. При этом усилилось значение женщины как матери, а поскольку при переходе от матриархата к патриархату, связанном именно с этими экономическими принципами, мужчина хотел быть уверенным, что именно он — отец своих детей, возникла моногамия.

Бриффо оспаривает утверждение Вестермарка, будто полигамия встречается у племен, стоящих на более низком уровне, реже, чем у племен, стоящих на более высоком уровне. Он сомневается в надежности приводимых Вестермарком доказательств. Но многоженство действительно чаще встречается только у таких племен, в которых

уже произошло расслоение на богатое воинское сословие и сословие подчиненных. В таких племенах легко может развиваться многоженство высшего сословия, а в низшем по-прежнему будет преобладать моногамия. Во многих случаях доказано, что племена, у которых существует или преобладает многоженство, ранее жили моногамными семьями. Может быть, и помещение жен одного мужчины в отдельные хижины, которое наблюдается у многих племен, живущих в многоженстве, это пережиток прежней моногамии. Бросается в глаза, что и в мифах тех народов, у которых преобладает многоженство, рассказывающих о предках племени, всегда говорится только об одной паре прародителей и никогда — о праотце с несколькими женами. Кроме того, бросается в глаза, что обычаи сватовства у всех народов Земли всегда ориентированы только на одну пару, одного мужчину и одну женщину, и никогда на группы мужчин и женщин или на группу из одного мужчины и нескольких женщин. Свадебные торжества всегда устраиваются только ради одной пары. Кроме того, при любых формах семьи и любых законах племени, независимо от форм брака и родства, дети считаются потомками одной пары и в соответствии с этим определяются их права наследства и ранг. Кажется также, что свадебные обычаи народов, у которых преобладает полигамия или групповой брак, скорее можно вывести из обычаев заключения брака при моногамии, чем наоборот. Моногамия действительно преобладает именно у племен, стоящих на низшем уровне развития, но она встречается и на всех других уровнях, если не как преобладающая, то как частая форма брака. Полигамия становится более частой только на более высоких ступенях и опять становится редкой на высших ступенях. О моногамии на разных ступенях пойдет речь в следующем разделе.

8. Была ли моногамия первоначальной формой брака?

Первоначальной формой человеческого брака моногамию считали Сатрке, Тейлор, Вестермарк и другие. Вестермарк особенно подчеркивал наличие моногамии у человекообразных обезьян. Но, кажется, семейная группа из отца, матери и детей как у ряда видов животных, так и у первобытных людей была самой целесообразной формой семьи, такой, которая лучше всего обеспечивала выживание в трудных условиях. Гроссе предполагал, что моногамия возникла как первоначальная форма брака при первобытных формах хозяйства, при трудном освоении окружающей среды. Более многочисленные группы трудней было бы

сохранить. В семье из отца, матери и детей, вероятно, было также лучше обеспечены защита беременной и кормящей женщины и воспитание и прокормление детей, чем в больших семейных группах, в которых женщины и дети не могли рассчитывать на непосредственное участие мужчины или мужчин в их судьбе. Один мужчина был тесней связан с одной женщиной и рожденными от нее детьми, чем с несколькими женщинами и многими детьми от этих женщин, и семья из мужчины, женщины и детей сама по себе гораздо более сплочена, чем человеческое стадо с беспорядочным половым смешением или несколько мужчин и женщин, состоящих в групповом браке, или матриархальная семейная группа, основанная только на материнстве, в то время как отцовство не может быть точно установлено. А при неуверенности в отцовстве отсутствует та связь мужчин с детьми, которая является предпосылкой сохранения семьи в первобытных условиях. Вопрос о том, способствуют или препятствуют ее сохранению определенные формы брака и семьи, будет рассмотрен ниже.

Лоуи обращает внимание на то, что моногамия легко возникает на разных уровнях развития по той причине, что после повышенной смертности мальчиков, которые рождаются в несколько большем числе, чем девочки, к тому времени, когда наступает пора вступления в брак, число мужчин и женщин в одном племени становится примерно одинаковым. В первобытных условиях, когда нет еще больших различий в собственности и еще не произошло расслоение на сословия, каждый мужчина может найти себе жену, а каждая женщина — мужа. Мужчина в таких условиях вряд ли может прокормить более чем одну жену и одна женщина целиком посвящает себя такой семье. Таким образом, моногамия также обеспечивает наилучшее разделение труда между мужчиной и женщиной. Расслоение племени, в результате чего отдельные более богатые и уважаемые мужчины ради своего престижа женятся на нескольких женщинах, возможно только на более высоком уровне развития. И ежедневный труд по обустройству жилища, пропитанию и одежде для семьи в первобытном племени лучше всего распределяется, если мужчина охотится и рыбачит, а женщина занимается собирательством и обработкой земли. Два человека разного пола связаны сексуальными отношениями; они рожают и воспитывают детей. Два человека в первобытных условиях лучше всего приспособлены к тому, чтобы вместе вести домашнее хозяйство. Таким образом, моногамия именно в первобытных условиях была, может быть, самой естественной формой брака. Малиновский после обсуждения перечисленных деталей называет моногамию «образцом и прототипом брака вообще». Эту форму индивидуального брака Э. Кроули также называет

естественной и самой правильной формой брака. Поэтому Т. Крюль указал на удовлетворение, которое дает форма первобытной моногамии обоим супругам в душевном и общественном плане.

Этому не противоречит то, что известно о сравнительно первобытных племенах. Еще Вильгельм Шмидт показал, что именно у карликовых народов, сохранивших первобытные черты, преобладает моногамия. Позже Вестермарк собрал много сведений о племенах, находящихся на низкой ступени развития, которые жили и живут в моногамных браках. Вестермарк поэтому склонен предполагать, что моногамия была первоначальной формой человеческого брака. Согласно В. Шмидту и В. Копперсу, моногамия преобладает у пигмеев Южной Азии, Океании и Центральной Африки, у жителей Андаманских островов, у семангов и сеноев на Малакке, у ведда на Цейлоне, у тоала на Целебесе, у кубу на Южной Суматре, у филиппинских негритосов, у бушменов, у южно-австралийских племен, у племен гес в Юго-Восточной Бразилии, у огнеземельцев и других сравнительно первобытных племен. Правда, когда речь идет о части этих групп, всегда надо ставить вопрос, действительно ли у них существует моногамия и является ли она обычаем. Крюль пишет, что исключительная моногамия у андаманцев, ведда и негритосов на севере и востоке Лусона и у групп бушменов в прибрежных областях несомненна, тогда как у тоала на Целебесе она сомнительна, так как о них мало сведений. У некоторых упомянутых Копперсом и Шмидтом племен, по Крюлю, при сильном преобладании моногамии, есть небольшое число мужчин, обычно всего около 5%, которые имеют много жен. Поэтому Крюль делает из своего обзора такой вывод, что, хотя и нельзя считать сильное преобладание моногамии признаком тех народов. Которые сегодня называют первобытными, связь одного мужчины с одной женщиной можно рассматривать как первоначальную форму первобытного брака, даже если на более позднем этапе мужчина получил право брать себе вторую жену. У тех племен, которые сегодня считаются первобытными, не обнаруживается и никакой тенденции к переходу от преобладающей моногамии к полигамии.

Поэтому Дж. С. Слоткин назвал моногамную семью «семейным ядром», которое лежит в основе развития всех форм семьи и встречается во всех человеческих обществах. Даже различные формы полигамии развились из этого ядра. Известно, что, как правило, женившийся первым мужчиной или вышедшая первой замуж женщина имеет превосходство над последующими супругами, и что в полигамных семьях жилище и имущество обычно разделены на части. Таким образом, через другие формы семьи просматривается как ядро развития семьи. И у племен, которые допускают полигамию, наряду с ней существует и моногамия.

Широкое распространение моногамии среди племен, стоящих на низком уровне развития, побудило уже Вильгельма Вундта видеть в моногамии первоначальную форму человеческого брака. Лоуи также говорил, что, вероятно, моногамия была первоначальной формой человеческого брака, и можно предположить, что семья, состоящая из отца, матери и их детей является самой естественной формой семьи, по крайней мере, такой формой, которая в первобытных условиях возникает раньше всего и именно в этих условиях мужчина и женщина имеют одинаковое значение.

9. Первоначальная форма брака в роде человеческом как результат отбора

Я уже часто называл определенные формы человеческой общности, половой жизни и семьи противоречащими сохранению, т.е. группы людей с такими формами не могли бы сохраниться, они либо вымерли бы, либо при преобладании таких форм вообще бы не возникли. Так я упомянул, что П. Декан отверг гипотезу о первоначальном промискуитете по той причине, что при такой форме половой жизни рождалось и воспитывалось бы мало детей. Промискуитет как и групповой брак и многожество это противоречащая сохранению форма половых или брачных отношений и отношений между родителями и детьми. Если мы будем рассматривать формы брака и семьи в зависимости от их ценности для сохранения или размножения группы людей, мы увидим, что из первоначальных форм и многоженство было менее стимулирующей формой, чем моногамия, т.е. семья из отца, матери и детей. Чем она была выгодна, я уже показал в предыдущем разделе. Сказанное там можно распространить на сохранение таких семей на много поколений. Моногамия, таким образом, представляется не только формой семьи, наилучшим образом приспособленной к первобытным условиям жизни, но и лучшим средством сохранения группы людей. Промискуитет, групповой брак и полигамия в меньшей мере обладают этими свойствами. Человеческий брак это результат отбора в рамках одного вида гоминид, отбора, который приумножил задатки родительских чувств и самоотверженности при совместной жизни в небольших семейных группах, т.е. задатки, которые скорее могли развиваться в моногамных браках или моногамия раньше всего стала формой, обеспечившей их развитие.

Вестермарк, объясняя происхождение человеческого брака, высказал идею об определенном отборе внутри первобытного человечества. По его мнению, правильной будет сказать, что корни брака — в семье, а не

корни семьи в браке. Вестермарк указал на потребность в совместной жизни тех животных, которые заботятся о потомстве. У них брачные отношения сохраняются дольше. Воспитание человеческих детей требует совместной жизни их родителей.

Но у Вестермарка эта совместная жизнь родителей изображается как решение, принимаемое родителями повторно при каждой новой беременности, тогда как происхождение человеческого брака выводится из наследственных инстинктов, которые человек может даже не осознавать...

В лекциях о браке и семье и о палеолитических формах людей я попытался вывести первоначальную форму брака из отбора, вымирания всех тех видов гоминид, не имевших наследственных задатков родительских чувств или имевших их в недостаточной мере, и из размножения и распространения тех племен, которые имели наследственные родительские инстинкты, побуждавшие их к семейной жизни. Таким образом, совместная жизнь родителей в первоначальной человеческой семье была результатом определенного отбора в направлении усиления родительских инстинктов. Только живущие вместе родители, только люди, которые в соответствии со своими наследственными задатками испытывали потребность в совместной жизни в семейных группах, могли в тяжелых условиях первобытной среды воспитать потомство, воспроизводившее себя в таких же семьях. Потомки других родителей должны были вымереть. Живущие совместно родители наследовали родительские инстинкты, имели много детей, а дети их детей занимали новые территории. Я уже говорил, что у многих племен только ожидание рождения ребенка приводит к заключению брака. У других племен, чтобы проверить, может ли девушка рожать детей, заключают пробный брак. Таким образом, желание иметь детей усиливается отбором. Родительские инстинкты, инстинкты создания семьи были закреплены отбором еще у одного из видов гоминид, сохранены, приумножены и усилены в своих проявлениях условиями первобытной жизни.

Таким образом, первоначальная форма человеческого брака возникла из наследственных инстинктов, прежде всего, родительских, и Вестермарк был прав, говоря, что скорее корни брака в семье, чем корни семьи в браке. Предстоящее рождение ребенка убеждает родителей, что начинает создаваться семья, и эта новая семья оформляется браком. С этим совпадает тот факт, что среди поводов к заключению брака, чем проще и первобытней условия жизни группы людей, тем больше на первый план выдвигается забота о сохранении вида, не вполне осознанная, скорее выражающая наследственные инстинкты, закрепленные отбором у одного вида гоминид.

Таким образом, можно сделать вывод, что брак — не результат исторического развития или нравственной эволюции, а предпосылка истории человечества вообще.

В своей поздней книге «Будущее брака в западной цивилизации» Эдуард Вестермарк, анализируя происхождение брака, выразил мысль об отборе более четко: Браки в животном царстве и у людей объясняются отбором живущих вместе родителей, которые передают свои задатки по наследству, тогда как потомки животных и людей с иными задатками вымирают. Таким же отбором определенных инстинктов объясняется и общее осуждение мужчин, бросающих на произвол судьбы жен и детей.

Малиновский тоже объясняет человеческий брак отбором, отсеиванием при выборе супружеской пары и отбором родительских инстинктов в потомстве родителей, у которых сильно семейное чувство: «Селективный выбор супружеской пары приводит к исключительной семейной жизни, преобладающей формой которой является моногамия». Основа человеческой семейной жизни — в наследственных инстинктах: опыт и воспитание возводят потом на этой основе элементы культуры и традиции.

Виллестайн Гудселл, вслед за Ветерманом и Фиске, тоже ссылается на определенный отбор при объяснении происхождения человеческого брака. Разумеется, такие племена среди групп гоминид были обречены на исчезновение, у которых не было родительских инстинктов защиты беспомощных детей и отцовских инстинктов защиты жены и детей. Гудселл говорит также о самоотверженности, которую с самого начала воспитывала семья, о взаимодействии и соучастии, которых требовала семья — потом эти качества оказали влияние на жизнь племени, способствовали развитию права и законов. Но и такие человеческие инстинкты и чувства следует рассматривать не столько как результаты семейной жизни, сколько как психические особенности тех групп гоминид, закрепленная отбором сущность которых предрасполагала к созданию крепкой семьи. Человеческие группы без таких задатков к самоотверженному участию в разделении труда между полами вымирали.

Я уже говорил, что у сравнительно первобытных племен женщина, как правило, имеет такое же значение, как и мужчина, т.е. оба пола у таких племен «равноправны» (как сказали бы в XIX веке). Такую же равнозначность мужчины и женщины следует предположить и в доисторической семье, опять-таки как выражение наследственных психических качеств группы первобытных людей, для которой была характерна сила семейных чувств, — она одна гарантировала сохранение такой группы. Отношения в современных сравнительно первобытных группах тоже позволяют предположить, что доисторическим группам была свойственна сердечная любовь к детям. Такая любовь к детям наблюдается именно

у племен, стоящих на более низком уровне культуры. Дети у них, как правило, желанны, так что, при высокой смертности младенцев. Аборты и убийство детей встречаются у них реже, чем у племен более высокой культуры. Правда, при угрозе голода или войны и те, и другие племена убивали часть детей, но из этих чрезвычайных мер не следует делать вывод, будто первобытные группы не испытывали любви к детям, а эти чувства развились позже. Вопреки мнению Герберта Спенсера, который всюду видел развитие от грубого начала к более утонченной культуре, следует подчеркнуть, что любовь к детям у первобытных племен сердечней, чем у племен, стоящих на более высоких уровнях развития. Сильные инстинкты родительской любви, любви как женщины, так и мужчины к своим детям способствовали появлению семьи. Эти же инстинкты лежат в основе первоначальной формы брака. А.Ф. Фиркондт, а ранее Малиновский подчеркивали, что «тепло семейной жизни грело и на более низких ступенях».

Из всего этого следует, как я уже не раз повторял, что совершенно неверно считать половой инстинкт единственной или преобладающей причиной появления человеческого брака и семьи, а удовлетворение этого инстинкта — единственной причиной совместной жизни супружеской пары. Я уже говорил, что в первобытных условиях преобладание полового инстинкта привело бы к вымиранию такой группы людей. Из предположения о наследственных инстинктах группы первобытных людей, которыми объясняется появление брака и семьи, следует далее, что первоначальной формой человеческого брака, вероятно, была моногамия, причем, сначала оба пола имели примерно одинаковое значение, да и позже ни патриархат, ни матриархат явно не преобладали. Совместная жизнь и деятельность мужчины и женщины, защита мужчиной беременной и кормящей женщины, родительская забота о детях, долгое время беспомощных, — все эти инстинкты, на основе которых развилась такая семья, скорее могли быть выработаны отбором в моногамных группах, чем в тех, где преобладали полигамия, групповой брак или промискуитет. Первоначальная форма брака развилась, скорее всего на основе наследственных задатков потомства таких мужчин и женщин, тесные, доверительные отношения между которыми соответствовали их сути. Мужские инстинкты защиты потомства и родительские инстинкты заботы о нем не так легко объяснить отбором в полигамных первобытных группах, как отбором в моногамных группах. Один защитник одной женщины и ее детей лучше защищал всю эту группу, чем группа защитников группы женщин.

Если особо учитывать условия эпохи палеолита, следует признать правоту Малиновского, который назвал моногамию «образцом и про-

образом брака». В любом случае, возникновение человеческого рода из вида гоминид, который в третичном периоде имел общего предка с шимпанзе, немыслимо без определенной формы брака, и скорее всего это была моногамия. Ослабление брачных связей означало для первобытных племен гибель из-за отсутствия условий для воспитания достаточно многочисленного и жизнеспособного потомства. Безбрачное общество может быть результатом распада в конце истории человеческого рода, а в начале его существования безбрачное состояние немыслимо.

Основной смысл человеческого брака это не секс: такими могут быть браки в поздние эпохи разложения народов, но не в ранние времена. Основной смысл брака — защита беременной, кормящей и воспитывающей детей женщины, защита матери и ее детей супругом и отцом. Основной смысл брака — родительская забота о жилье, питании и одежде детей. Вестермарк правильно сказал, что часто упускают из вида, что женщина для мужчины это не только источник сексуального наслаждения, но, прежде всего, помощница, мать и кормилица. Если в более поздние времена многие женщины забывают об этом изначальном смысле брака и жизни женщины, если они видят этот смысл в сексе и многие мужчины смотрят на них соответственно, то такие народы находятся на пути к вымиранию, так как человеческая жизнь связана с изначальным смыслом брака, так как она возникла благодаря отбору, стимулирующему родительские чувства. Человеческая жизнь не может без угрозы для самой себя отказаться от основной единицы любого человеческого общества, как называют семью столь разные исследователи, как Вестермарк, Редклифф-Браун, Ф. Боас, В. Шмидт, Л. А. Крёбер, Суонтон и Малиновский. Поэтому для Малиновского семья это колыбель культуры. Семья является исходной точкой для определения происхождения, родства и наследства, она определяет и положение людей в их племени. Поэтому обычаи и законы также развились на основе семейной жизни, поэтому брак и семья в сознании народов это «божественное право». Боги защищают брак, вознаграждают супружескую верность и карают ее нарушение.

АРИСТОКРАТИЯ И РАСА

Ю.Ф. Леманс Ферлаг, Мюнхен, 1926

Памяти моего отца (1858-1926)

1. «Сегодня свет идет к нам с Севера» (А. де Ламартин. «Семейный курс литературы», 1867).

Между аристократией и расой или — там, где аристократии нет или больше нет, между высшим слоем и расой существует определенная взаимосвязь у всех народов Земли, знающих социальное расслоение. Известно, например, что высшие слои в Китае отличаются от простого народа более высоким ростом, более узкими лицами и носами, более светлой кожей, иногда даже более светлыми глазами и скорее европейской, чем монголоидной формой век. Французский расолог Лежандр, который долго жил и работал в Китае, высказал недавно мнение, что Китай на заре своей истории получил сильную примесь нордической крови. Не поэтому ли женщины высших слоев в Китае и сегодня красятся белыми и красными красками?

В Индии чем выше каста, тем выше рост, светлей кожа и меньше ширина носа. Среди бедуинов правящие роды представляют в самом чистом виде ориентальную расу. Эта раса служит для арабов образцом благородства и красоты. Они воспевают стройных, гибких женщин с пышными бедрами, с черными, волнистыми волосами, большими темными глазами, светлой кожей, слегка изогнутым тонким носом и четко очерченной верхней губой. Благородными считаются гордые и умные женщины, даже с воинственными наклонностями. Тот же идеал красоты сохранился до сих пор и в еврейском народе: «прекрасная» еврейка это обычно еврейка ориентальной расы. Евреи и еврейки ориентальной расы это еврейская аристократия.

Фробениус в своей книге «Культурные типы Западного Судана» Очень подробно описал взаимосвязь между аристократией и расой в Западной Африке. У восточноафриканских племен бросаются в глаза расовые различия между аристократией и простым народом, особенно у массаев и ватутси. Аристократия это большей частью люди хамитской (эфиопской) расы с небольшой негритянской примесью, а простой народ — негры с небольшой хамитской примесью. Эта хамитская примесь в аристократии наличествует у многих африканских племен, особенно хамитоязычных. Похоже, хамитская (эфиопская) раса среди многих

африканских племен имела такое же значение творческого типа, как нордическая раса среди народов, говорящих на индоевропейских языках. К ней принадлежал и господствующий слой древнего Египта. Хамитский тип был для древних египтян идеалом красоты...

Среди всех народов, говорящих на индоевропейских языках, а местами и за пределами их круга, нордическая раса проявила себя как творческая, государство-образующая: она играла руководящую роль в государстве и в духовной жизни. Шведский языковед Иоханссон назвал ее «ядром» государств и духовной жизни народов, говорящих на индоевропейских языках. Говорившие на индоевропейском языке племена нордической расы из Северо-Западной Европы после завоевания ряда областей и покорения местного населения образовали вместе с ним народы, в которых пришельцы нордической расы образовали аристократию: так было в Индии, Персии, Армении, Греции и Риме. Во всех этих странах нордическая раса исчезала в результате смешения и антиотбора, где быстрее где медленнее. Но даже в сегодняшней Индии в высшем слое, среди брахманов, иногда встречаются нордические черты, даже светлые глаза. И сегодня светлые волосы и глаза нередки среди древних аристократических родов Персии. И сегодня нордическая раса сохранилась среди высоких голубоглазых блондинов сфактиотов, этого известного своей храбростью и любовью к свободе критского племени древнегреческого (очевидно, спартанского) происхождения, которое смогло сохранить нордическую кровь, поскольку живет в изолированной области.

Нордического происхождения были свободные ахейцы, эллинское племя, которое упоминается в хеттских надписях уже во второй половине XIV века до н.э. Троянская война была ахейским предприятием, и ее описание в «Илиаде» наводит на мысль об антиотборе, истреблении воинственных нордических родов. К этому добавилось смешение с ненордическим населением Греции. Более молодому эллинскому племени нордического происхождения, спартамцам, которые вторглись в ахейскую область, ахейцы вследствие их денордизации уже не были соперниками. Господство перешло к спартанским родам, которые, образовав новую аристократию, сословие спартиатов, поделили между собой землю на неотчуждаемые наследственные имения. Среди спартиатов жили свободные, но обязанные платить налоги ахейцы (слой перизков), а низшим слоем были рабы, илоты, древнее население, покоренное еще ахейцами. Спартиаты называли себя между собой «гомойой», т.е. равными. Вероятно, первоначально имелось в виду, что они люди одной нордической крови, лишь позже это стало просто названием сословия. Защите спартанской крови и целям расовой гигиены служили законы

и традиции. Изменения законов и отход от традиций вели к расовому смешению и антиотбору. Перизки занимались ремеслом и торговлей, чем брезговали спартиаты, и часто становились богаче спартиатов. Как свидетельствовал Феогнид Мегарский на примере своего эллинского племени, «богатство опустошило расу»: аристократия вынуждена была родниться с богачами и тем самым теряла свою силу, основу своего благородства: сохранявшуюся в чистоте нордическую кровь. Действовал и антиотбор. Спартиаты составляли ядро и основную силу войска. Во время Греко-персидских войн, в 500-499 гг. до н.э., они еще могли выставить 8000 мужчин; в битве при Платеях (479 г. до н.э.) рядом с 5000 спартиатов сражались 5000 перизков, а в битве при Левитре (371 г. до н.э.) участвовали всего 1500 спартиатов, и исход этой битвы развеял миф о непобедимости Спарты; в 224 г. до н.э. спартиатов насчитывалось всего 700. Начиная с Пелопоннесской войны, т.е. с конца V века до н.э., в войско стали брать илотов, чтобы его пополнить. Самым храбрым из илотов давали свободу, и кровь низшего слоя получила возможность проникать в высший. Потомки перизков и илотов превзошли по численности потомков аристократов. С исчезновением силы спартиатов исчезла и сила Спарты.

Четкое понимание аристократического вопроса как вопроса крови и вопроса сохранения аристократии как вопроса расовой гигиены и численности потомства — только такое понимание (а зародыши его были в спартанском законодательстве) могло бы сохранить спартиатов и Спарту от гибели.

В Афинах тоже произошла денордизация. И там нордические роды «эвпатридов» исчезли в результате смешения, антиотбора и снижения рождаемости. То, что в Афинах и в позднее время появилось много выдающихся людей, было следствием бегства туда талантливых людей, изгнанных из других городов, что, по свидетельству Фукидида, пошло на пользу Афинам. К тому же, многие выдающиеся афиняне с материнской или отцовской стороны или от родителей-иммигрантов обогатились кровью нордической расы от народов, живших в низовьях Дуная. Когда эта кровь иссякла, в Элладе начал распространяться тип, который характерен для современной Греции, ничего общего не имеющий с высокими, светловолосыми героями, воспетыми Гомером.

Как гибель Спарты и Афин, так и гибель Рима можно описать как процесс денордизации. Кровь нордических патрициев, т.е. потомков 300 латинских и сабинских старейшин родов, которые образовали древнейший римский Сенат, была условием подъема Рима, а исчезновение нордической крови италийских племен — причиной гибели Римской империи. Что между аристократией и расой есть взаимосвязь, понимали

даже выродившиеся римляне эпохи Империи. Богатые выскочки заказывали светлые волосы в Германии, имитируя аристократов. Мессалина прятала черные волосы под светлым париком, как и афро-азиатский гибрид на троне цезарей Каракалла. Об обычае носить светлые парики упоминал еще Овидий.

До II века н.э. римские бюсты раскрашивали. На волосах и губах сохранились остатки краски, которая сегодня кажется красно-коричневой. Но не следует думать, что оригиналы этих бюстов были блондинами, даже если у них преимущественно нордические черты лица. Окраска, может быть, должна была сохранить цвет волос, который ассоциировался с представлением о благородной крови; даже в позднем Риме поэты всегда называли богов и героев древности светловолосыми.

Чтобы придать себе благородный вид, в древнем Риме (как на современном Западе и особенно в Париже) волосы осветляли. Ювенал, Марциал, Лукан и Плиний сообщают об этих средствах для окраски волос; о них упоминал еще Эврипид (комес ксантисмата).

На взаимосвязь между аристократией и расой на нордическую кровь свободных указывает и древнеирландская литература: у свободных людей волосы всегда светлые, а у рабов — темные. Характерно, что в германских племенах, в которых нордическая раса преобладала сильнее всего, аристократия как таковая не образовалась. Датская и шведская аристократия представляли собой сословия, созданные по центрально-европейским образцам XIII века. Это было обратное влияние областей, завоеванных германскими племенами в раннем Средневековье, на германскую прародину. В Норвегии аристократия как сословие появилась только при господстве датчан в XVI веке, а когда Норвегия снова обрела самостоятельность в 1814 году, аристократия, как нечто совершенно чуждое норвежскому народному духу, снова была упразднена. В Дитмаршене, где сильно преобладает нордическая раса, не было ни аристократии, ни крепостного права. Неккель в своей книге «Древнегерманская культура» (1925) лучше всех описал столь характерное для чисто нордической культуры сословие благородных крестьян... Наследственное владение своим подворьем определяло социальную суть этого слоя крестьянства, его свободу, гордость своей свободой и борьбу за нее. Могло быть и так, что у этих крестьян были общие предки с феодалом. Отсюда большое уважение к отцам, гордость своими предками. Благородные крестьяне повсюду в Германии интересовались генеалогией, а в Норвегии и Исландии это привело к уникальным последствиям: из этого интереса возникли исландские саги, чисто германские истории крестьянских семей, порой изрядного объема.

Итак, такие черты как интерес к генеалогии, гордость историей рода, выбор в супруги сыновей и дочерей из уважаемых родов, были первоначально не чем иным, как выражением нордической восприимчивости, присущей и сегодня крестьянам в самых нордических областях Норвегии и Швеции. «Среди населения очень подчеркнуты сословные различия, вследствие чего браки между ними сталкиваются с большими трудностями. Люди в целом имеют какой-то аристократический налет, что выражается в гордости предками, сохранении родовых традиций и знании генеалогии», — сообщает норвежский врач и расолог Арбо.

Эти черты первоначально были не сословными, а расовыми явлениями. Они проявлялись на всей прародине германцев, а сегодня только в отдельных областях с сильным преобладанием нордической расы или в отдельных родах. Они были типичны для саксов раннего Средневековья в области современного нижнесаксонского диалекта, как типичны сегодня для норвежского Судбрандсталя. В рассказе о саксах IX века монахов Рудольфа и Мегинбарта говорится: «Поскольку они очень заботятся о чести своего рода и других благородных родов, они не заключают опрометчивых браков с иноплеменниками или несвободными людьми. Они хотят оставаться своеобразным, чистым, только на самого себя похожим племенем. Поэтому все они одинакового роста и цвет волос у них одинаковый».

В чисто нордической области, где по крайней мере сословие свободных было нордическим, все люди были равными и выдвигались лишь отдельные люди или роды, отличавшиеся особыми талантами. Так было у нордических германцев времен Тацита. Те, кого Тацит в «Германии» называл «нобиями», были обычно лишь людьми выдающихся способностей из отличавшихся такими способностями родов. В те времена у германцев на первом месте стоял род и лишь на втором — отдельный человек, притом всегда как представитель своего рода. Да, древние германцы были «несовременными», судя по их враждебному отношению к индивидуализму...

Из особо уважаемых глав родовых союзов, из которых складывались германские племена, вероятно, образовывалась своего рода аристократия, которая могла превращаться в наследственную. От этой древней германской аристократии сегодня ничего не сохранилось, если только ее кровь не перешла к аристократическим родам, образовавшимся в эпоху Великого переселения народов.

Именно отсутствие аристократии как наследственного сословия, именно возможность выбирать из выдающихся родов герцогов и королей, если в особой ситуации требуются вожди, и смещать их, если они оказывались не достойными своих отцов, это черты, мешавшие

возникновению наследственной аристократии, указывают на равенство населения на прародине германцев (в Северо-Западной Германии и Южной Скандинавии). На этих территориях до середины Средних веков сохранилось свободное крестьянство, ведущее свое хозяйство, как в доисторический период. Но — и здесь сказывается психическая суть нордической расы — это были благородные крестьяне, ценящие свободу, гордые предками, властные. Они презирали «мелких людей» — этот термин употреблен в одном норвежском рассказе IX века. Не допускалось чрезмерное возвышение герцога или короля. Одному бездарному и высокомерному королю на народном собрании сказали, что пятерых таких уже утопили. Эти крестьяне были той же крови, что и аристократия южно-германских племен, образовавшаяся после Великого переселения народов: ее представители признавали друг друга за равных (пэров) и противостояли королям, как крестьяне на заре германской истории. Если королевская власть в итоге все же укреплялась, то именно вследствие уважения всех германских племен к талантливым родам, то сила этой власти зависела от силы конкретного короля. Так и в гомеровские времена бастеями выбирали лучших. Психическим складом нордической расы обладали эллины и германцы.

У германцев до эпохи Великого переселения народов сохранялись примерно такие же сословные отношения, о каких упоминает Геродот, рассказывая предысторию своего народа, когда несвободных еще не было. Только когда слой нордических завоевателей наложился на ненордическое население, у индийцев, персов, эллинов, италиков и кельтов возникла наследственная аристократия. Только столкнувшись с ненордическими людьми, индийские арии осознали, что они блондины. В регионе, где они вместе с иранцами оформились как особая группа среди народов, говоривших на индоевропейских языках, в Южной России, они еще были окружены нордическими племенами. Только в Армении они появились как «хари» (светлые). Только став господами над перизками и илотами, нордические спартиаты смогли осознать себя «равными». Только после того, как высокая раса подчинила себе низкорослую, могло возникнуть выражение «красивый и большой» (калос кай мегас). Только после вторжения в Грецию эллины стали высокой, светловолосой аристократией. Только осознавая свою принадлежность к слою господ над темноволосым низшим слоем, Пиндар (в середине V века до н.э.) мог называть своих эллинских соплеменников «светловолосыми данайцами» (в 9-й Немейской оде). И только после Великого переселения народов создались условия для образования наследственной аристократии у германцев. Нордические германские племена стали господами над ненордическими покоренными племенами.

Нордические бургунды, франки, норманны стали «французской» аристократией, подчинив себе денордизированный гало-романский низший слой... И как в Норвегии и Исландии из истории крестьянских родов выросли исландские саги, так во Франции возникли «шансон де жест», рыцарские поэмы французского средневековья — они выросли из ряда составленных в поэтической форме родовых хроник и стихотворений в честь умерших отцов. В Исландии расовая ситуация была такова, что сага появилась как народная поэзия, а во Франции, в соответствии с тамошней расовой ситуацией, «шансон де жест» это сословная поэзия аристократии, но в обоих случаях исходным материалом были родовые истории нордических родов.

*2. Благо тому, что помнит об отцах,
Кто радостно об их делах великих
Рассказывает слушателям, а после
И сам к их ряду славному примкнет.
(Гёте. Ифигения)*

Граф Гобино (1816-82) первым осознал, что большая часть средневековой знати всех европейских стран восходит к германским родам эпохи Великого переселения народов, которые как землевладельческий господствующий слой нордической расы властвовали над ненордическими или денордизированными народами Европы. Часто поминаемый «интернационализм» средневековой знати был первоначально обусловлен общей кровью высших слоев всех западных народов, как и интернационализм готического стиля. По всей Европе аристократия как слой физически и духовно похожих друг на друга людей занимала одинаковую позицию по отношению к низшим слоям народов, тем менее нордических, чем дальше они жили от прародины германцев в северо-Западной Европе. Чем менее нордическим было покоренное население, тем определенной в зонах германского завоевания должно было становиться убеждение знати, что ее особенность — в крови, что это нечто наследственное. На германской прародине, где жили свободные и равные крестьяне, такое понятие как «равенство по рождению» не могло возникнуть, так как для браков между свободными и несвободными не было правовой формы, как в древнем Риме до 445 года до н.э. для браков между нордическими патрициями и ненордическими плебеями. Дети от таких браков относились к низшей категории. Связь между свободной женщиной и несвободным мужчиной каралась у отдельных германских племен казнью женщины.

В завоеванных областях, перед лицом многочисленного свободного населения ненордической расы, у германского господствующего слоя вскоре должно было развиться более глубокое понимание того, что

позже стали называть «равенством по рождению». Здесь должен был возникнуть тот интерес к вопросам крови, который — всё больше отдаляясь от своей первоначальной и единственно осмысленной ориентации на сохранение чистоты нордической крови — и сегодня характерен для большей части аристократии.

Германские роды — Грёнбах показал, насколько большее значение по сравнению с отдельным человеком имел род у древних греманцев — настолько явно выделялись как господствующий слой в завоеванных областях, что русское, польское и чешское слова, обозначающие знать, происходят от древневерхненемецкого «шляхта» (Geschlecht — род). В аристократии выделялся и среди славянского населения «род» землевладельцев, нордические, германские господа, и каждый из этих родов имел свой наследственный «удел».

Среди славяноязычных и германоязычных народов аристократия разделила судьбу спартиатов, эвпатридов и патрициев: она подверглась денордизации. Правда, и сегодня аристократия этих народов все еще является более нордической, чем сами эти народы в среднем. Но ее растворение в ненордических расах, похоже, уже не остановить. Так, во Франции «богатство опустошило расу»: там часто носители аристократических титулов имеют преобладающие переднеазиатские или ориентальные черты: это следствие женитьбы их отцов на дочерях богатых евреев.

В германоязычных народах и в Финляндии аристократия сохранила много нордического. В этих народах нордическая кровь в начале если не преобладала во всех слоях, то налицо была ее сильная примесь. Даже слой несвободных людей не был беден нордической кровью, так как в этот слой попадали военнопленные из германских племен. Так что и в этих народах нордическая кровь постоянно могла проникать в аристократию. Вплоть до XIII века возникали всё новые аристократические слои, и до того, как понятие равенства по рождению не превратилось в простое сословное понятие, выбор супружеской пары вне своего круга для аристократии не был затруднен.

Примечательно, что стимул к образованию новых аристократических слоев всегда исходил от стран, менее плотно населенных нордическими германскими племенами. Третий сильный слой — если считать вторым тот, что образовался после Великого переселения народов — образовали Франки. В их империи короли, Меровинги и Каролинги, правили многочисленным негерманским населением. Род самих Каролингов не принадлежал к числу самых благородных, и выдвинулись в качестве мажордомов Меровингов из сословия «карлов» (свободных общинников), а став королями, сделали титул «карл» почетным.

(Примечание. Неккель даже подозревает, что Каролинги были не из крестьян, а из вольноотпущенников... Кровавая баня, которую Карл устроил в 782 году в Фердене, обезглавив за один день более 4500 благородных саксов, могла быть выражением рабской ненависти к тем, кто выше его по происхождению. Церковным историкам Средневековья не удалось добиться того, чтобы мы воспринимали Карла «Великого» как действительно благородного человека... Судя по описанию, у Карла, кроме нордических черт, были короткая шея, жирный затылок и толстый живот).

Члены королевской свиты образовали служилую аристократию, которая по мере расширения империи франков получила власть и над другими германскими племенами, чтобы противопоставить себя этой служилой аристократии, представители старой аристократии эпохи Великого переселения народов тоже стали занимать посты в государстве франков. В итоге два слоя смешались в один, в котором графские титулы стали наследственными.

В XII веке образовался новый аристократический слой: рыцарство. Он возник из готских и свевских родов, которые завоевали Испанию, родов, благодаря светлой и прозрачной коже которых возникло выражение «голубая кровь». Новое сословие рыцарей перешло из Испании во Францию, оттуда во Фландрию, а потом в Германию. Так возник аристократический, слой, дух которого выразился в средневековой поэзии западных народов, в немецкой литературе — в Песни о Нибелунгах, «Парцифале» Вольфрама фон Эшенбаха и в песнях Вальтера фон дер Фогельвейде. Эта сословная поэзия была, как и готика, поскольку ее создатели были одной нордической крови, одинаковой по своим основным чертам на всем Западе.

(Примечание. И классицизм на грани XVIII и XIX веков происходил, в основном, из аристократических кругов Запада и рассчитан на них. Нордическое начало в нем прослеживается столь же ясно, как и сословное. «Ифигения» и «Тассо» Гете — примеры такого классицизма. Чем больше, по мере денордизации западных народов, нордическая кровь сохранялась, главным образом, в высших слоях, тем больше искусство, обращенное к нордическим кругам, переставало быть народным. Нордический Ренессанс Италии стал сословным искусством, тогда как готика еще оставалась народной).

Рыцарский слой бурно рос. Поскольку рыцари были главной силой средневекового войска, князья нуждались в многочисленном рыцарстве. Владельцы небольших поместий, богатые горожане и их сыновья возводились князьями в рыцари. Даже несвободные люди после освобождения могли заслужить это звание, особенно у церковных феодалов.

Старая знать стремилась отгородиться от новой: так возникло противопоставление «вышей» и «низшей» знати. У низшей аристократии никогда не было четкого определения равенства по рождению, как у высшей, которая исключала из рядов аристократии потомков от брака с неблагородной женщиной. Перевод семей из низшей знати в высшую — особенно после 30-летней войны — был нередким явлением, так что, когда прекратила свое существование Священная Римская империя (в 1806 г.), большинство высших аристократических родов происходило из низшей знати. На протяжении всей истории аристократии было возможным проникновение неблагородной крови в высший слой: это могла быть нордическая и ненордическая кровь...

Начиная с позднего Средневековья стали появляться новые аристократические роды, поскольку курфюрсты раздавали имена и титулы, притом все чаще, особенно с XVI века, а у старой знати не было средств воспрепятствовать этому. Отдельные императоры и курфюрсты, особенно в Австрии, возводили людей в благородное сословие в массовом порядке, без ограничений. Раньше военная служба и владение землей были неперемненными условиями, теперь достаточно было богатства.

(Примечание. Первая семья неевропейского расового происхождения была возведена в дворянство в 1622 г. императором Фердинандом II: еврейская семья Якоба Басеви фон Тройенберга).

Сознание того, что аристократия должна строиться на иной основе, нежели раздача грамот с титулами, ясно выразил в XIII веке в одном из своих стихотворений поэт Лобау: он издевательски писал, что так и мышь можно возвести во дворянство.

При выборе супружеских пар представители старых родов часто, но не всегда, исключали такую новую знать. Хотя семьи этой новой аристократии часто быстро вымирали, много их крови все же успело просочиться в старую знать. С XIX века почти во всех слоях аристократии браки заключались по денежным соображениям. Фридрих Вильгельм IV отметил это, сказал в шутку «Моим аристократам нужен фонд, банкирским дочерям — приставка “фон”». При Вильгельме II, который возвел во дворянство многих еврейских банкиров (неевропейского расового происхождения), стали возможными даже браки как с «равными по рождению» с дочерьми банкиров, после того как с течением столетий понятие «равенства по рождению» утратило свой первоначальный смысл. И в новейшей истории немецкой аристократии «богатство стало опустошать расу».

3. «Где благородство чувств, там благородство форм» (Шиллер. Орлеанская дева).

Можно ли еще говорить о «расе» применительно к современной немецкой аристократии, к немецкой аристократии последних веков?

Чтобы ответить на этот вопрос, надо еще раз вернуться к древнегерманским сословным отношениям или их зачаткам. Но «древнегерманским» можно считать и скандинавский Север даже в то время, когда за пределами германской прародины уже господствовало «Средневековье». Со скандинавского Севера дошло до нас свидетельство X или XI века, которое отражает сословные отношения, как в «Германии», описанной Тацитом, свидетельство, которое одновременно показывает взаимосвязь между сословным расслоением и расой. Это стихотворение в память о Риге.

Ас по имени Риг, возможно, того же рода, что и Хеймдалль, трижды объехал землю, каждый раз оставляя в доме супружескую пару: в первый раз прадеда и прабабку, потом деда и бабу и, наконец, отца и мать. И каждый раз он начинал от женщины сына.

Прабабка родила мальчика с желтовато-темной кожей и черными волосами, с некрасивым лицом, толстыми пальцами и узловатыми сочленениями. Его называли Трель, т.е. несвободный, раб. Когда он вырос, ему дали в жены плосконосую девушку с коричневыми руками по имени Тир, т.е. несвободная, рабыня. От Треля и Тир произошли несвободные. Им давали такие имена как Грубиян, Вонючка, Темнокоричневый, Неуклюжий, Дюжий, Толстоногий, Шумный.

Бабка родила сына с красноватой кожей, рыжеватыми волосами и блестящими глазами. Его называли Крал, т.е. свободный общинник. Позже он женился на женщине того же сословия. Их детей звали Мужчина, Сильный, Широкоплечий, Гордый, Высокомерный, Сдержанный, Волевой.

Мать родила сына с белокурой кожей, светлой кожей, прозрачными руками и глазами, мечущими молнии, «как глаза змия». Ему дали имя Ярл, т.е. граф или герцог. Позже он выбрал в жены дочь херсена, т.е. начальника области, умную, белокожую девицу с тонкими пальцами. От этих родителей пошли ярлы. Их детям давали имена, которые означали наследник, отпрыск, наследница. Однажды к ярлу пришел ас Риг, его отец, дал ему свое имя, подарил ему родовые именина, научил искусству владеть оружием и благородному поведению. Сын ярла стал со временем королем.

Как видим, это произведение жившего около 1000 г. норвежского или исландского поэта не просто лирическое стихотворение, это размышление ученого поэта о происхождении сословий; он описывает физические и психические особенности этих сословий и рассматривает их как наследственные. И это не просто сказочный сюжет. Как мы помним, на древнем германском Севере не было иных четких делений, кроме деления на свободных и несвободных. Все свободные были «равны по рождению», Ярлы и херсены были чиновниками среди свободного

населения, их назначал король или выбирали заведомо способного человека из заведомо способного рода. Никогда это не были наследственные титулы. Но уже имелись зародыши того, из чего тогда среди германских племен Центральной, Западной и Южной Европы развилась наследственная аристократия.

Что важно в стихотворении о Риге, так это указание на расовые черты.

Что такое описание треле, как не поэтически утрированные физические и психические черты альпийской расы? А описание свободных, карлов и ярлов, разве не напоминает физические и психические черты нордической расы? Хансен обнаружил представителей обеих этих рас среди современного крестьянства Норвегии. На противоположные склонности обеих рас указывает и стих из саги о Гуннлауге, предупреждающий от «злых и черных» людей.

Но примечательно и то, что автор стихотворения о Риге не только учел расовые различия свободных и несвободных, но и когда он говорит о наследственных различиях карлов и ярлов, он обращает внимание на появление двух типов внутри одной расы. Карлы отличаются от ярлов как «грубый» и «тонкий» типы — расология обнаружила их внутри многих рас. Древний северный поэт отметил, что слой ярлов внутри нордической расы представляет собой то, что сегодня назвали бы результатом отбора или, точнее, социального отбора. Поскольку в супруги была выбрана дочь херсена, возникла особая «аристократия» среди родов ярлов, поскольку слой херсенов уже был результатом отбора.

Со взглядами автора стихотворения о Риге совпадают и взгляды авторов исландских саг, для которых светлые волосы и глаза, подчеркнуто широкие плечи и узкие бедра мужчин, а также высокий прямой нос были признаками красоты, а черные волосы и темные глаза, вдавленный нос, большие руки, ноги считались безобразными... Но то, что сознавали древние северные германцы, должны были сознавать с древних времен и все германские племена. Ненордическая внешность характерна прежде всего для низших слоев и южно-европейских народов. Переданное в латинской форме лангобардское имя «Гуалабрюнус» показывает, что каштановые волосы и карие глаза связывались в представлениях лангобардов с происхождением от «вельшей», т.е. романоязычного народа... До позднего Средневековья на Западе более или менее сохранилось сознание наследственной основы всех сословных делений, взаимосвязи между расой и аристократией.

Так было уже у эллинов и римлян. Во всем круге народов, говорящих на индоевропейских языках, в поэзии и изобразительном ис-

кусстве боги и герои всегда высокие, стройные, со светлыми волосами и голубыми глазами. Красивым грекам и римлянам казался только нордический человек. «Эрос — говорится у Эврипида — любит зеркало и светлые волосы». Этот идеал красоты — физический тип нордического человека — и образ героя — тоже с нордическими чертами — сохранялись у этих народов и позже, когда они были денордизированы. Когда эти образы поблекли в Южной Европе, новая волна нордических германских народов обновила тип нордической расы как идеал красоты. Можно даже сказать, что был заново открыт древний эллинско-нордический идеал красоты. Уже в Палестине в IV веке отец церкви Епифаний вопреки Новому Завету, описывающему Деву Марию как восточную женщину, и вопреки собственному восточному происхождению, изображает Деву Марию белокожей, с длинными золотыми волосами, глазами, голубыми, как сапфиры, розово-белоснежными щеками и тонкими пальцами. Когда Прокопий, византийский историк, в начале VI века восхвалял красоту готских и вандальских женщин, идеал красоты и на Востоке определялся чертами нордической расы.

Показательно для средневековых воззрений изменение значения общегерманского слова «fagar» на языке англо-саксов. Оно означало «красивый»... В англо-саксонском оно в форме «fager» приобрело значение «светловолосый» и «честный». Может быть, поводом для изменения в первом смысле было расовое противопоставление денордизированным кельтам Британских островов. Когда англо-саксы жили еще в Северо-Западной Германии, это слово имело для них лишь одно значение — «красивый». На Британских островах только светловолосый стал считаться красивым, и только поведение свободного англо-сакса расценивалось как «fair»...

Показательно, что с идеальным физическим образом нордической расы неразрывно связан у германских племен и образцовый психологический портрет этой расы. Одно влечет за собой и обуславливает другое — это признак того, что смешение рас, затрудненное барьером между свободными и несвободными, зашло еще не слишком далеко.

Есть свидетельства, которые доказывают, что с представлениями о ненордических чертах тела были неразрывно связаны представления о ненордическом психическом складе. На это указывают имена детей Треля в стихотворении о Риге.

Исландские саги показывают, что образцовым с их точки зрения людям черты нордической расы присущи в той же мере, как карлам и ярлам в стихотворении о Риге. Они показывают также, что этим образцовым людям присущи и психические черты нордической расы, что саги ценят больше всего, — это благородное поведение, чувство

достоинства, сдержанность в движениях, вежливости. В мужчине больше всего ценились мужественность, воинственность, спокойная уверенность в себе, самообладание, гордость, великодушие и щедрость, в женщине — умение вести себя как господа, великодушие, сдержанность и щедрость, в лицах обоих полов — холодная рассудительность, даже когда одолевают страсти, трезвая решительность — все это психические черты нордической расы.

Не уважали в сагах мелочных людей; мелочность, с точки зрения исландцев, особенно бесчестила человека. И сегодня в Норвегии и Швеции мелочность это большой порок. Рабы изображаются в сагах строптивыми, трусливыми, хитрыми, глупыми и забывчивыми, а женщин и девушек не уважали, если они были нерешительными, легкомысленными или глупыми. При этом многим сагам присуще сознание того, что физические и психические черты наследуются...

Таким образом, на наследственность обращали внимание и стремились к тому, чтобы род сохранял физические и психические черты образцовой расы. Признаком хорошей наследственности считались качества господина и при выборе супружеской пары внимание обращалось на то, чтобы род их сохранил. Этот образец для отбора Рипли называл «domineering spirit» и считал психическим качеством нордической расы. Ясно, что такие образцы для отбора оказывали решающее влияние до тех пор, пока германские племена сохраняли традиции и обычаи древних времен.

(Примечание. В Советской России, где нордический высший слой почти истреблен, что сыновьям рабочих и крестьян, ставшим офицерами, не хватает «господских качеств буржуазных сынков», которые офицерам нужны. Нерешительность, психические качества восточно-балтийской расы вообще приводят к тому, что Россией всегда руководит более или менее инорасовый высший слой. Раньше в России господствовал преимущественно нордический высший слой, теперь — преимущественно переднеазиатский. Но этому слою не удастся выработать «господское сознание» у низшего офицерства, если только он опять не заведет новый нордический слой.)

4. «Непрерывной цепью хороших предков вплоть до отца может по праву гордиться каждый, но не всем их рядом, ибо такой ряд есть у каждого. Происхождение от хороших предков порождает наследственную аристократию; но один-единственный перерыв в этой цепи, один неудачный предок, уничтожает наследственную аристократию» (Ницше).

Физические и психические черты нордической расы оставались образцом на протяжении всего Средневековья там, где господствовали германские племена. Поэзия западного Средневековья ясно показывает,

что представления о вожде, творческом, прекрасном человеке всегда было связано с образом нордической расы. «Гелианд» древнесаксонского поэта VII века содержит в себе представление о восточных новозаветных персонажах как о нордических людях: у Иоанна Крестителя светлые волосы и румяные щеки; и царицу Савскую средневековые художники представляли себе нордической женщиной. На книжных иллюстрациях XIII века изображены только блондины. Дрезденская рукопись «Саксонского зеркала», свода законов первой половины XIV века, изображает людей высших слоев только блондинами, низших — изредка темноволосыми. Иллюстратор этой рукописи различал сословия за счет того, что часто изображал крестьян, поленщиков и пастухов с выпуклыми лбами, курносыми или сильно выступающими носами, вендов — с грубыми, массивными головами. В толпе людей низших сословий часто изображались горбатые. В немецкой литературе Средневековья крепостные и мелкие крестьяне изображались как низкорослые, квадратные люди с костистыми лицами и неуклюжими членами... Зато молодой Хельмбрехт, сын разбогатевшего крестьянина, который выпросил у отца средства на «рыцарскую» жизнь, автором поэмы о нем изображен как человек с нордической внешностью, но его глупость лишь подчеркнута контрастом между внешностью и сутью. Имена, которые рыцарские поэты, особенно Нейдхарт фон Рейенталь (XIII век), давали крестьянам в своих издевательских стихотворениях, часто указывали на ненордическую внешность мелких крестьян, причем, как мне кажется, темные волосы как признак низшего слоя не так подчеркивались в Германии, как в Южной и Западной Европе.

Если светлые волосы везде на Западе были частью образа красивого человека, то в Германии им не придавалось такого особого значения, как в Южной и Западной Европе. По крайней мере мне известно больше французских, итальянских и английских свидетельств высокой оценки светлых волос. Это могло быть следствием того, что на востоке ареала немецкого языка светлые (пепельные) волосы восточно-балтийской расы примешивались к светлым (золотистым) волосам нордической расы, а восточно-балтийская раса считалась и считается некрасивой, а ее черты лица просто безобразны. Только Лука Кранах любил смесь восточно-балтийских и нордических черт лица, но это исключительный случай. Стройная фигура, тонкие пальцы, узкое лицо, прямой нос, «белая» кожа, розовые щеки скульптур в готических храмах — все эти черты показывают, что упоминание светлых волос было способом выразить одним признаком образ нордической расы в целом.

В рыцарской поэзии Средневековья на всем Западе господствует нордический идеал красоты, а ненордическая примесь тем сильнее,

чем ниже слой. По темным волосам, глазам и коже в средневековой Франции распознавали «вилена», т.е. несвободного. В житии св. Годеливы (1040-70) отмечается, что эта святая была необыкновенно красива. «Единственное, в чем ее можно было бы упрекнуть, это черные волосы и ресницы». Когда Бертольд Гистелль привез ее, свою молодую жену, к себе на родину, злая свекровь встретила ее враждебно. Она не одобрила выбор сына: «Зачем искать жену на чужбине и в конце концов привезти такую ворону!» Каштановые волосы и те считались некрасивыми, а черные — просто безобразными... Черные волосы считались в Средние века безобразными, даже чем-то противоестественным. Жуэньиль (1224-1317) писал в своей «Истории Св. Людовика»: «Сарадины безобразны, потому что волосы у них на голове и бороды совершенно черные». Во французских средневековых песнях встречаются жалобы девушек на то, что их отвергают за каштановые волосы... В средневековой Германии наблюдалась та же картина. Каштановые волосы не нравились, а черными поэты награждали только злых женщин и язычников. Идеал красоты был таков: фигура стройная, но полная, нос прямой, не слишком короткий, но и не слишком длинный, цвет кожи «белый», лицо, цветущее румянцем, глаза предпочтительно голубые, а не карие, но к карим глазам не было такого отрицательного отношения, как к каштановым волосам. Французы ценили «красивые глаза», немцы — «желтые волосы». Лютер напоминал курфюрстам, что они курфюрсты не благодаря своим желтым волосам, а благодаря своим подданным.

(Слово «блондин» проникло из французского языка только в XVII-XVIII веках. До этого светлые волосы называли желтыми. Но французское слово сродни индийскому «брадхна», означающему «красновато-желтый». Обычно же в Индии эпитету «светлый» соответствовало слово «хари», например, применительно к богам Индре, Савитару и Вишну.)

То же самое и в средневековой Италии. Данте описывает Беатриче как светловолосую, он не может представить себе ангелов иначе как светловолосыми. Герои и героини Ариосто (1474-1533) тоже большей частью светловолосые, а на картине Рафаэля «Обручение Девы Марии» и Мария, и Иосиф, и первосвященник — нордические люди, только у первосвященников борода такой формы, как у средневековых евреев.

Еще в 1537 г. поэт Клеман Маро говорит о Мадлен, дочери Франциска I: «Она красива, хотя и брюнетка». Еще в 1541 г. Аньоло Фиренцуола говорил в своей речи о женской красоте: «Волосы должны быть тонкими и светлыми, с отливом золота, мёда или солнечных лучей, лоб изогнутый назад и белый, розово-белые, нос прямой с небольшой горбинкой «на конце хряща у начала твердой носовой кости», шея

стройная, с нежной белой кожей». О том, что в Италии того времени нордический идеал красоты сохранялся уже не в полной чистоте, говорят колебания Фиренцуолы при определении цвета глаз: многие предпочитают голубые, но большинство — светло-карие...

Красивейшей женщиной своего времени считалась Иоанна Арагонская, портрет которой нарисовал Джулио Романо. Лейб-медик этой неаполитанской княгини Августин Ниф так описывал ее красоту в 1549 г.: она была среднего роста, фигура стройная, цвет кожи розоватый, длинные, светлые волосы, блестящие, как золото, голубые лучистые глаза, прямой узкий нос, стройная шея и руки, изящные ноги. В таком теле, полагал Ниф, могла обитать только душа, исполненная всяческих добродетелей. Торквато Тассо (1544-1595) сделал блондинками героинь своих поэм Хлоринду, Генминию и Армиду.

К концу XVI века нордический идеал красоты стал значить меньше даже для высших слоев западных народов. Сэр Филипп Сидней (1544-86) воспеваает некую темноглазую Стелу, но он пытается объяснить тот исключительный случай, что темноглазая женщина может быть красивой, своенравностью Природы.

... Влюбленный в «Напрасных усилиях любви» Шекспира говорит о своей темноволосой возлюбленной, что она родилась для того, чтобы сделать этот цвет красивым. Один современник Шекспира утешал темноволосую девушку, что у нее красивое лицо, несмотря на темные волосы.

Мильтон не мог представить себе праматерь Еву иначе как светловолосой. Картины и народные представления показывают, что и в современной Англии нордический идеал красоты еще не совсем исчез, как и в Германии, хотя просматривается уже не столь явно, как в средние века.

При господстве нордического идеала красоты женщины красили темные волосы, чтобы сделать их светлыми, накладывали румяна, а лица обоих полов носили светлые парики, чтобы выглядеть красивыми, — носить такие парики советовал Лафонтен. Венецианки XV-XVI веков часами сидели в жару на крышах своих домов, чтобы у них выпцвели волосы, которые они к тому же увлажняли специальной жидкостью. При этом они носили соломенные шляпы без верха, чтобы солнце воздействовало только на волосы, но не на лицо...

В Венеции значение светлых нордических красок закрепила живопись. Красивым считался светлый цвет волос, от золотистого до «тициановского», что подтверждает «Книга о красивых женщинах», изданная в Венеции в 1554 г. Федерико Луиджини. Но и этот автор колеблется, какой цвет глаз считать самым красивым: он сам предпо-

читает черные глаза, но многие другие — голубые. Щеки должны быть как «кровь с молоком» — на протяжении всего XVI века в Италии это остается условием красоты, а остальная кожа должна оставаться белой. Цвет лица подправляли с помощью белил и румян. Об этом писал Гайлер фон Кайзерсберг (1445-1510) в своей книге «Треугольное зеркало». Люди стыдились быть «черными, как цыгане». Но в конце Средневековья в народных песнях уже воспевали «темнокаштановых девиц», в Англии — с XVI века. Но в высшие слои этот вкус не проникал. Англо-шотландская баллада «Лорд Томас и прекрасная Аннет» называет темнокаштановую девицу, на которой заставляют жениться лорда, безобразной противоположностью белокурой Аннет, возлюбленной лорда. Во Франции светлый цвет волос как придворная мода на короткое время оказался под угрозой, когда королевой была шатенка Анна Бретонская, с 1491 по 1498 жена короля Карла VIII, а в 1498-1514 — Людовика XII. Но следующий король Франциск I вернул моду на светлые волосы. У изображенной Гужоном в виде Дианы возлюбленной Франциска I Дианы Пуатье нордическая фигура и нордические черты лица. При Марии Медичи, жене Генриха IV, светлые волосы были в особенной моде при французском дворе, свидетельство чему — 21 картина, нарисованная Рубенсом для Люксембургского дворца. Светлые волосы и розоватая кожа оставались во Франции признаками красоты до самой революции и утратили значение лишь в начале XIX века, тогда как уже с XVI века во Франции, как и в Италии, колебались насчет того, какой цвет глаз самый красивый. Брантом (1540-1644) предпочитал черные глаза. Как и светлые волосы, красивым считалось узкое лицо, как свидетельствует Жан Бодэн (1530-96).

В Германии, как и в Англии, значение нордического идеала красоты стало снижаться в высших слоях лишь в новейшее время. Но в «хорошем обществе» давно уже бытовало лицемерие. Лили описывал в своем романе «Александр и Кампасп» английские нравы конце XVI века: «Часто из лицемерия черноволосых называют красивыми». Предубеждение против темных волос, глаз и кожи сохранилось у аристократии до сих пор. В одном стихотворении XVIII века сын рыбака жалуется, что девушка, которую он любит, отворачивается от него, потому что он беден и у него каштановые волосы.

Клопшток, как показывает его «Песня о Родине», считал голубые глаза условием истинно немецкого облика девушки. Еще в середине XVIII века крестьянские девушки в Швабии и Франконии желали друг другу на Новый год «жениха с желтыми волосами». У Матиуса Клаудиуса еще господствует нордический идеал красоты. В его «Колыбельной при лунном свете» луна дарует детям голубые глаза и

светлые волосы. Только романтизм потряс господство нордического идеала красоты. Хотя, с одной стороны, он грезил о Средневековье и его нордических людях, с другой стороны, он интересовался чужим. У романтиков черноволосые и темноглазые люди впервые приобрели таинственное обаяние. Исторические и этнографические исследования открыли кроме идеала красоты нордической расы, на который ориентировались со времен Великого переселения народов, также «южную», «романтическую» и «восточную» красоту. Т.н. «галерея красоты» баварского короля Людвига I в его мюнхенской резиденции показывает, в чем мог находить «красоту» романтический вкус — в том, в чем раньше ее бы не нашли. Но серьезную и действительную угрозу для нордического идеала красоты впервые создал импрессионизм. Но портреты, изображающие красивых и знаменитых людей, и сегодня показывают нам людей с нордическими чертами, хотя нордические краски современности уже не столь определенно относятся к облику красивого и знаменитого человека, как во времена Клопштока и Матиаса Клаудиуса. Народные пословицы и сегодня отрицательно характеризуют альпийский и восточно-балтийский типы, хотя при выборе супружеских пар в средних и низших слоях это уже не учитывается. Эпоха господства нордического идеала красоты длилась с Великого переселения народов до середины XIX века.

Папа Григорий Великий (папа с 590 по 604 г.) увидел на рынке в Риме англосаксонского юношу, которого продавали как раба. Узнав название его племени, папа воскликнул: «Они должны называться не англы, а ангелы!» — таким красивым показался ему этот нордический юноша... И сегодня во всех слоях западных народов достаточно людей, которые представляют себе ангелов не иначе как с чертами нордической расы, как представлял их Данте.

Нордический идеал красоты действует и сегодня: на предвыборных плакатах всех партий их типичные сторонники обычно изображаются как нордические люди, хотя на самом деле в массе их избирателей нордическая раса представлена слабо. На этих плакатах нордическими выглядят и бюргер, и крестьянин со своей косой, и рабочий со своим молотом. Если бы партия изобразила на таких плакатах альпийских людей, это нанесло бы ей ущерб даже среди альпийских избирателей — настолько силен еще нордический идеал красоты. Зато на рекламе пивных любят изображать людей альпийской расы. Если же, как на предвыборных плакатах, надо изобразить решительность, рассудительность, мужество, стремление к свободе, жажду борьбы и самоотверженность, художники, нанятые партией, изображают людей с чертами нордической расы.

Стоит задуматься над тем феноменом, что и сегодня, в век «равенства всех людей» и всеобщего смешения, у всех западных народов представления о благородном и красивом человеке, о вожде, совпадают с образом человека нордической расы или по крайней мере приближаются к нему... От ненордических людей мы не ожидаем проявления нордических качеств. Мы удивляемся, когда встречаем такие исключения, как удивлялись эллины, когда видели душу Сократа в теле этого самого Сократа.

Бессознательно мы сводим в один образ то, что представляется нам благородным, прекрасным, выдающимся, судим ли мы по портретам или по живым людям, в образ, близкий к образу нордического человека или тождественный ему. Анализ расовой принадлежности великих мужчин и женщин, прославившихся в истории, подтверждает западное представление о руководящей роли людей нордической расы. Изобразительное искусство тоже подтверждает это. Соединив десять тысяч эмпирических образов в один, который должен быть символом всего благородного, творческого и прекрасного, оно обычно создает образ нордического человека.

Психическая суть нордической расы обуславливает значение нордических физических форм для представления о благородном человеке.

Только в нордической девушке мог Шапю найти воплощение того духовного величия, какое излучает его Жанна Д'Арк. Понятно, что такое полусознательное, полубессознательное представление о взаимосвязи физических черт нордического человека с проявлением душевной красоты, руководящих и творческих способностей, не могло бы возникнуть, если бы это представление не было обосновано «десятью тысячами эмпирических наблюдений» многих поколений западных народов и не подтверждалось бы постоянно вплоть до нашего времени. В общем мнении с нордической расой и сегодня связаны понятия о господстве и благородстве. Это подтверждают картины, скульптуры, памятники и монеты.

Аналогичным образом общие зрительные представления о сословном расслоении западных народов имеют подсознательную расовую основу. Ни один непредвзятый наблюдатель не сомневается, что ряд представителей высшего сословия можно с одного взгляда отличить по типу от представителей низшего сословия, даже если они одинаково одеты. И здесь, конечно, речь идет только о средних различиях. На высоких постах есть люди «пролетарского» типа, и среди рабочих есть люди «аристократического» типа. Если из 1000 представителей высшего общества выделить 10 самых вульгарных типов, а из 1000 рабочих 10 самых благородных, то профан неправильно распределил бы оба ряда.

Исключение и в этом случае подтверждает правило. Художники журнала «Симплиссимус» и до войны рисовали кавалеров и дам с ярко выраженными нордическими чертами, а «пролетариат» — с чертами примитивных рас. И читатели думали, что эти рисунки выражают типичные черты, хотя, разумеется, более 99% этих читателей не имели никакого представления о расовых различиях.

Ратенау. Представитель народа внеевропейского расового происхождения, причем народа, с большим вниманием относящегося к расовым вопросам, гораздо яснее видел расовые явления, чем средний немец, и однажды описал средние различия между офицерами и рядовыми одного берлинского гвардейского полка таким образом, что среди офицеров преобладает нордическая раса, а солдаты выглядят не столь нордическими. Эти расовые сословные различия неосознанно влияют и сегодня на модные журналы и вообще на рекламу, хотя в результате послевоенного «победного шествия ростовщического капитала» богатые слои, для которых выпускается эта продукция, лишь в малой части принадлежат к нордической расе, а в большей — к переднеазиатской или ее смеси с ориентальной расой. Об этом можно судить по тому, кто занимает дорогие места в театрах. Состав «высшего общества» изменился, но образцом благородного человека по-прежнему является нордический человек. И современное «высшее общество» хотело бы выглядеть столь же благородно, как нордические люди всех слоев. Это учитывают художники, которые делают рекламу, даже если сами они — не нордические люди; это учитывают и фирмы, которые заказывают рекламу, даже если их руководители — не нордические люди. Повторяются те же явления, то же желание выглядеть благородным в определенном расовом выражении. На современном Западе желание иметь нордический вид столь же сильно, как в Греции и Риме во времена их упадка. Явление это сегодня наблюдается столь часто, потому что кучера господ выглядят гораздо благородней, чем их господа, потому что в слуги и кучера по их физическим и психическим признакам берут преимущественно людей нордической расы. Я вспоминаю картины, на которых изображался выезд князя или посланника: их кучера обладали такими наследственными задатками, по которым их и нанимали.

Представления о «высшем обществе» и о благородных людях расходятся. В представлении всех слоев народа благородный человек это человек нордического типа, а не просто «образованный». Это отдаленные последствия тех взаимосвязей между аристократией и расой, которые более ясно просматривались в стихотворении о Риге и в рыцарской поэзии Средневековья.

В одном большом немецком городе я увидел на витрине книгу «Лицо господствующего класса». Я зашел в книжный магазин, полагая, что увижу в этой книге лица переднеазиатской и ориентальной рас, характерные для «господствующего класса» наших дней. Но в этой книге преобладали лица нордического типа. С точки зрения расологии было очень поучительно видеть, с какой глубокой, вошедшей в плоть и кровь, ненавистью карикатурно изображал черты нордической расы художник, имя которого напоминало имена представителей класса, господствующего сегодня, после «победного шествия ростовщического капитала».

Этот художник выбрал более или менее нордическую внешность как характерную для сословной аристократии и ориентировался при этом на широко распространенное на Западе представление о ней. Это представление соответствует действительности в той мере, что ненордический, альпийский или восточно-балтийский аристократ сразу же будет выделяться своим неблагоприятным видом.

Связь облика нордической расы с представлением о человеке с талантом руководителя, умом, смелом и благородном, приводит к тому, что нескандинавы в Норвегии и Швеции, т.е. в страна с сильным преобладанием нордической расы, во всех слоях населения постоянно встречают людей, которых они не могут определить иным словом, кроме «благородные». Я уже писал в книге «Раса и стиль», что жители Центральной Европы постоянно относят скандинавов, которых встречают, к более высокому слою, чем тот, к которому они на самом деле принадлежат. Настолько вьелось представление о нордической расе, как о расе, из которой состоит правящий слой. В той же книге я писал, что норвежцы, притом вполне нордические норвежцы, сами бывают глубоко тронуты, когда сын или дочь крестьянина производят впечатление «благородных»...

По свидетельствам многих путешественников, в Норвегии и Швеции можно встретить много людей с фигурами, достойными образцов великого греческого искусства, и именно там внимательному наблюдателю становится особенно ясной взаимосвязь между аристократией и нордической расой. Один немецкий специалист по расовой гигиене выразил мне свои впечатления о населении Швеции в таких словах: «Там почти нет черни», причем под «чернью» он понимал не низший слой, а расово и наследственно неполноценных людей всех сословий. В Швеции и Норвегии, этих странах с самым сильным преобладанием нордической расы, во всех слоях распространен тип, впечатление от которого одно: вот материал, из которого делается аристократия. Это материал, из которого образовывались господствующие слои в творческие эпохи Запада. О крестьянах самых северных долин Норвегии Арбо пишет: «Эти люди имеют в целом аристократический облик и

образ мыслей, что выражается в гордости предками, хранении родовых традиций и сказании своей родословной. На людях они появляются с чувством собственного достоинства, степенно, но часто с какой-то сдержанностью, даже скованностью поведения».

Проезжая через норвежский Гудбрандсталь или шведский Емтланд, можно увидеть на маленьких вокзалах мужчин и женщин, юношей и девушек, напоминающих древнегерманских благородных крестьян, через крестьянскую внешность которых просвечивает наследственность, на основе которой только и возникает «наследственная аристократия» в самом глубоком смысле этого слова. Нордическая раса представлена в этой крестьянской среде «грубым типом», из которого путем отбора и фенотипических изменений создается «утонченный тип» эвпатридов и ярлов.

5. «Всегда отрицали, притом отрицали по праву,
Что стать благородным хоть кто-нибудь мог научиться».
(Гете. Баллада об изгнанном и вернувшемся графе)

Если среди аристократии, а начиная с XI века и среди горожан, понятие равенства по рождению, когда средневековые сословия только начинали образовываться, имело смысл одинаковой чистоты нордической крови, утратив этот расовый смысл лишь позже, когда барьеры, разделявшие людей разной крови, были заменены сословными барьерами, которые, в свою очередь, порушила Французская революция, где больше, где меньше значение нордических расовых признаков все же продолжало осознаваться, точнее, ощущалось подсознательно как в высших, так и в низших слоях народов с нордической примесью.

Вполне вероятно, и об аристократии можно говорить с уверенностью, при выборе супружеских пар вплоть до новейшего времени влияют расовые представления, ориентированные на нордическую расу. Немецкие мужчины и фландрские женщины считались в Средние века самыми красивыми на Западе. Еще в XV веке, несмотря на свою антипатию ко всему немецкому и вообще неитальянскому, итальянец Энеа Сильвио Пикколомини (папа Пий II) восхвалял красоту немецких мужчин. Это показывает, что отбор в немецком народе осуществлялся в направлении нордической расы, так как только нордического человека называли «красивым». Среди аристократии этот идеал нордической расы имел еще большее значение. Чем менее нордическим был носитель дворянского титула, тем больше бросалось в глаза его внешнее несоответствие сословию. Чем более нордической была женщина, тем охотней принимали ее в высшем обществе.

Но не только физические черты, а также обусловленные психической сутью нордической расы «аристократическое поведение», более

или менее характерное для нордических людей всех слоев, давало им возможность проявить эту нордическую сущность; воинские и государственные способности нордических мужчин, красота и достоинство нордических женщин способствовали их возвышению. Часто нордический юноша, как герой стихотворения Уланда «Тальефер», мог выделиться своей храбростью среди крепостных; герцог заметил его, даровал ему свободу, а потом возвел в рыцари...

Молодые девушки часто обращали внимание на таких нордических юношей, рыцарей по внешности и по манере поведения, только без титула. Красота и длинные золотые волосы Агнессы Бернауэр, прозванной «ангелом Аугсбурга», заставили наследника баварского трона герцога Альбрехта III забыть о «равенстве по рождению», и он женился на ней в 1432 г. Филиппина Вельзер, дочь горожанина, в 1557 г. тайно обвенчалась со вторым сыном императора Фердинанда I, эрцгерцогом Фердинандом Австрийским. У нее был гораздо более нордический тип, чем у Габсбургов, которые тогда уже имели сильные примеси ненордических рас. По преданию, она была так прекрасна, что красное вино, которое она пила, было видно через белую кожу ее шеи — это черта часто отмечалась у людей с нордическим цветом кожи. Чем более нордической была женщина неблагородного происхождения, тем меньше ей было присуще то, что особенно осуждалось на германском Севере — мелочность, тем больше было в ней врожденного благородства. Эрих XIV, король Швеции, женился в 1568 г. на славившейся своей красотой Карин Монстохтер, отец которой был солдатом, а позже тюремным надзирателем. Эрих сам был красив, хорошо сложен, владел всеми рыцарскими искусствами, имел талант к живописи и музыке и почувствовал врожденное благородство Карин по ее внешности и поведению. Она была стройная высокая блондинка и славилась изяществом своих ног. Когда Эриха низложили, посадили в тюрьму и после его смерти Карин доказала свое королевское достоинство и пользовалась всеобщим уважением и любовью.

Именно случаи неравных браков доказывают значение нордического идеала красоты вплоть до XIX века. Это доказывают и знаменитые любовницы французских королей. Маркиза Помпадур была высокая, стройная, с глазами неопределенного цвета, темная блондинка. У мадам Дюбарри были длинные шелковистые волосы пепельного цвета, темные брови и ресницы, голубые глаза, а ее цвет лица сравнивали с лепестками розы в молоке.

С образованием рыцарского сословия в XII веке аристократия включила в свой круг и ненордические роды, но можно предположить, что именно в этих родах особенно ценился нордический идеал красоты

и выбор супружеских пар осуществлялся в соответствии с ним. Чем более нордическим был род, тем больше он соответствовал народному представлению о красивом и благородном человеке, способном быть вождем. Этим объясняется и нордическая внешность представителей многих благородных и княжеских семей эпохи итальянского Возрождения, семей тех «кондотьеры», которые часто из горожан и низшей знати выдвигались в князья. Итальянское Возрождение очень ценило физическую красоту, чувствовало властность, великодушие, смелость вплоть до отдельных черточек. Тот, кто стремился стать господином, должен был соответствовать этим представлениям и убеждать людей как своими врожденными качествами, так и подвигами.

Своим врожденным благородством нордического человека убеждала Орлеанская Дева. Ее нордические черты передает нам ее изображение. Может быть, она обладала тем даром «святой и пророчицы», который, по Тациту, был присущ нордическим германским женщинам его времени. По характеру и подвигам она была «равной по рождению» французской аристократии ее времени, как Агнесс Бернауэр — баварской аристократии своего времени. Дерфлингер благодаря тем же качествам стал ценным членом аристократии Бранденбурга. Дюгэ-Труэн, настоящий викинг, блестящий пример нордического мореплавателя, был образцом для древнефранцузского рыцарства и равным Баярду не только по принадлежности к расе. Петер Корнелиус по крови и достижениям был равным лучшим представителям аристократии своего времени.

Способность нордической расы порождать аристократию, столь заметная среди нордического крестьянства, всегда позволяла пополнять нордической кровью круги, ценящие благородство тела и души. Этим объясняется, почему сословная аристократия меньше вовлечена в общий процесс денордизации западных народов.

Тот факт, что высший слой западных народов в целом, и аристократия в особенности, в среднем более нордический, чем прочие слои, подтверждают расологи разных стран. Де Жувенсель сообщал в 1879 г. из Испании, что на севере этой страны много высоких, светловолосых и светложких дворян. В самой Испании это справедливо приписывается крови вестготов, которые после нашествия мавров отступили на север. Дюран де Гро сообщает о расовом типе аристократии южно-французского департамента Авейрон: «До сих пор в Авейроне много старых аристократических семей: во всех этих семьях господствует особый тип, который отличают светлые волосы, голубые глаза, светлая кожа, розовый цвет лица и стройная фигура при росте выше среднего. В то время как все эти старые аристократы — блондины, почти без исключения, в остальном населении Авейрона попадаете лишь два блондина

на 50 человек. Дюран де Гро заключает из этого, что французская аристократия происходит от франков и вестготов, а также от старой (нордической) галльской аристократии.

Швейцарский анатом Хисс называл найденные на его родине доисторические и исторические черепа, которые сегодня, по Деникеру, называют «нордическими», «типом Хобберга». (Череп той же формы тогда же баденский анатом Экер назвал «типом рядовых погребений», а вюртембергский анатом фон Хельдер — германским типом.) Хисс обнаружил, что «тип Хобберг» среди разных слоев населения его родины распределен неравномерно. В 1866 г. он определил этот тип как «аристократический». Фон Хельдер установил, что и в Вюртемберге его «германский» тип чаще встречается среди аристократии. Он считал вполне естественным это явление, так как в ее среде преобладают потомки завоевателей, алеманов. Об отборе во времена фон Хельдера еще не думали. Иначе он (как позже Амон и де Лапуж) отметил бы, что в среднем более высокий процент нордической расы в высших слоях объясняется подъемом в эти слои нордических родов (благодаря качествам их росы) с таким же успехом, как причинами, указанными фон Хельдером.

Пёше писал в 1878 г.: «Среди немецкой аристократии сегодня почти нет темноволосых». Это, конечно, преувеличение, но, наряду с только что проведенными оценками разных расологов, много говорит о взаимосвязях между аристократией и расой, которые стали ясными уже полвека назад.

6. «Каким будет следующее поколение, которое произойдет от вас, такой будет и память о вас в истории» (Фихте. Речи к немецкой нации. 1808).

Из вышесказанного ясно, что аристократия, если она хочет сохранить себя как родовое сословие, должна ориентироваться на нордическую кровь. Сословная аристократия может основываться только на врожденных, а не на приобретенных качествах. Благородное заключается не в действии, а в самом бытии. «Низкие натуры гордятся тем, что они делают, благородные — тем, что они есть» (Шиллер).

Для нордического понимания сословная аристократия это нравственная аристократия, благородная кровь обязывает к совершению благородных поступков, и это тоже не приобретенное качество, а основанное на расе и крови, т.е. врожденное.

Чем более нордическим является народ, тем лучше воспринимает он ценность благородных родов, тем меньше значат для него титулы, богатство, образование, успехи по сравнению с наследственной физической и психической сущностью. Чем больше в нордическом народе

аристократический слой хочет воплощать в себе ценность, тем больше должен он ориентироваться на врожденные качества. Для благородного духа всех народов законом являются слова графа Германа Кайзерлинга, написанные им в «Брачной книге»: «Судьба крови это одновременно судьба духа, поскольку он может проявиться на Земле только через кровь». Этим аристократии указывается на особое значение всего, что связано с расой, наследственностью, выбором супружеских пар и численностью потомства. Из всего сказанного следует, что германоязычные народы, которым теперь грозит денордизация, должны оставаться на высоте; должен прекратиться антиотбор нордической расы, т.е. число детей преимущественно нордических родов всех слоев и всех германских племен должно увеличиваться. Если германоязычные народы не хотят утратить свои лучшие расовые качества, физическая красота, как ее понимают эти народы, не должна становиться редкостью, поэтому в мужья надо выбирать херсенов и ярлов.

Необходим анализ расовой истории народов, говорящих на индоевропейских языках. Это откроет перед дорожащими своей кровью родами всех слоев, особенно перед аристократией, если она хочет оставаться избранной группой, совершенно новые исторические аспекты. Наука о наследственности, расовая гигиена и расология начинают проникать в сознание народов. В 1-м разделе книги «Нордическая идея среди немцев» было показано, как на грани XIX и XX веков новый мир идей — повторное открытие Гобино благодаря переводу Шеманом его главной работы, появление «Основ XIX столетия» Х.С. Чемберлена, «Арийцы» Жоржа Ваше де Лапужа, повторное открытие и подтверждение учения о наследственности Менделя, обоснование евгеники Ф. Гальтоном и одновременно ставший явным крах механистической концепции жизни XIX века — как этот новый мир идей пробудил новую органическую концепцию жизни и как затем эта пробужденная биологическими познаниями концепция слилась со стремлением к новому, к физическому и духовному совершенствованию, которое все больше захватывало молодежь.

По необходимости, новый дух, стремясь к осуществлению своих устремлений, к воплощению своей сути в совершенствующихся поколениях, без пустой болтовни о государствах будущего и о том, как осчастливить народы, вел поиск своих возможностей именно там, где только и можно было действительно обосновать обновление: в области наследственных задатков.

Новые познания проникают во все лагеря и круги народов. Социал-демократический евгеник Гротьян вынужден был порвать со считавшейся неотъемлемой составной частью социализма теорией о значении среды:

никакие изменения среды не сделают наследственные задатки физически и психически неполноценных людей наследственными задатками полноценных людей. Гротьян вынужден был признать, что прогресс всех слоев народа возможен только при снижении плодovitости неполноценных и повышении плодovitости полноценных. Работа шведского социалиста Фогта «Расовая биология и социализм» (1926), после анализа теорий Баура, Фишера и Ленца, кончается выводом: «Нет противоположности между социализмом и расовой гигиеной», а в «Профсоюзном Архиве» за ноябрь 1925 г. д.р. К.Ф. Мюллер дал разбор «нордической идеи», проявил ее полное понимание и осудил «мелкобуржуазные сомнения, сектантское замалчивание и отсутствие интереса к расовой гигиене» в Европе в отличие от США.

В США книга Мэдисона Гранта «Гибель великой расы» с ее упором на ценность нордической расы уже повлияла на законодательство об иммиграции. Другим признаком начинающегося пробуждения интереса к наследственным задаткам является работа Стоддарда «Бунт против цивилизации. Угроза недочеловека», которая была воспринята как призыв к созданию новой аристократии. Воля к сохранению и умножению руководящего слоя в США, стране, которую часто величают «демократической», почти всенародный интерес к евгенике и расовым вопросам, к истории семей, родословным, выбору супружеских пар и числу потомков. Люди стали понимать, что не только просачивание негритянской и индейской крови, не только иммиграция наследственно неполноценных людей, но, прежде всего, уменьшение иммиграции из Северо-Западной Европы при увеличении иммиграции из Южной и Восточной Европы постепенно подрывают внутреннюю силу США, и что имеет смысл увеличить приток крови пионеров освоения Америки: нордической крови. Люди поняли, что только эта кровь поставляет руководящие кадры, которые заменяют собой отсутствующую в этой стране аристократию.

Итак, достижения расовой гигиены и расологии затронули разные лагеря, круги и народы и пробудили новую концепцию жизни, которая частично выполнит, частично подорвет, частично отбросит старые теории во имя Нового Духа.

Немецкая молодежь начинает понимать, что означает Нордическая идея, впитавшая в себя идею расовой гигиены. Независимо от собственности, вероисповедания, общественного положения, различий между севером и югом, Нордическая идея стремится обосновать единство немецких племен на общей для них всех нордической крови. В качестве образца для отбора в немецком народе Нордическая идея предлагает наследственно здорового и талантливого нордического человека.

При этом речь идет не о противопоставлении преимущественно нордических немцев ненордическим немцам, а только о такой мирной вещи, как стимулирование многодетности преимущественно нордических людей всех немецких племен. Среди молодежи всех немецких племен уже пробудилась воля, которую выразил журнал «Младонордического союза»: «Мы должны постоянно иметь в виду, что для того, чтобы наша раса не погибла, важно не только выбирать нордических супругов, но и помочь нашими браками победить нашей расе на фронте рождаемости».

Итак, немецкая молодежь начинает понимать расовые основы народной жизни. Пробудилась сознательная воля к созданию новой аристократии, состоящей из равных по рождению людей чистой нордической крови. «Не откуда вы пришли, делает вам честь, а куда вы идете» (Ницше. Так говорил Заратустра). Захваченная Нордической идеей молодежь хочет проявить свою волю к созданию аристократии в образе жизни, выборе супружеских пар, воспитании детей и приложении своих сил ради приумножения нордической крови в немецком народе. Стала живой воля породить новые поколения, которые телом и душой будут такими же, как «аристой», как эвпатриды. Государство может провозглашать «равенство всех людей», запрещать всякую видимость иерархии, отменять дворянские титулы, но законы наследственности оно отменить не может. Благородство заключено в крови, и благородные роды будут существовать до тех пор, пока благородные родители будут рожать достаточно благородных детей.

Как поведет себя сословная аристократия по отношению к Нордической идее? И как должно вести себя Нордическое движение по отношению к сословной аристократии? В германоязычных народах еще и сегодня во всех слоях так много нордической крови, что идея приумножения этой крови за счет большего числа детей у людей преимущественно нордического типа не является проблемой одной лишь аристократии или высшего слоя, как для народов Южной Европы, эллинов и римлян, итальянцев прошлых веков. Вопрос о приумножении нордической крови в Германии, с учетом расовой ситуации, это проблема всех глубоко мыслящих немцев.

Конечно, Нордическая идея может быть воспринята во всех слоях и племенах народа как «самый революционный идеал всех времен», как выразился принц Фридрих Вильгельм цур Липпе, признавая себя сторонником Нордической идеи, в своем докладе «Аристократия и раса». Но «революция», которую она несет с собой, не повлечет за собой: ни период механистического мышления, ни период материализма, ни культ денег, ни господство международного ростовщического капитала, как Французская революция и ее эпигонские подражания,

которые всегда «освобождали» только разрушающий расу капитализм крупных банков.

(Примечание. Это признал Мольтке, когда написал в 1890 г. в одном письме: «Вспомните Коммуну 1870 года. Она разрушала памятники французской славы, убивала священников, громила мелкие лавки, но не тронула дом Ротшильдов».)

Нордическая идея это устремление к органической культуре на расовой основе. Для создания такой культуры надо последовательно осуществлять эту идею. Это будет иметь последствия и для сословной знати.

В кругах сословной аристократии призыв к созданию новой аристократии был кое-кем воспринят как стремление обойти сословную аристократию. Это было неверное понимание идеи, которое преодолевается: круги самой сословной аристократии столь же решительно становятся на сторону Нордической идеи, как и нордически мыслящая молодежь. Именно аристократия поняла, как смело сказал принц цур Липпе в своем вышеупомянутом докладе: «Не с застывшими формами того, что мы привыкли называть традицией, следует подходить к явлениям современной жизни, жертвуя остатками нашего здорового расового восприятия ради т.н. лучшего понимания, — не в этом заключается для нас политика. Для нас политика это возрождение нашего расового сознания и восстановление основ, из которых первоначально выросли наши традиции».

Нордическое движение уделяет много внимания сохранению преобладающего большинства, а еще больше — многочисленности потомства этого большинства немецких аристократических родов и называет это большинство преимущественно или чисто нордическим. Для большинства аристократических родов будет нетрудно при соответствующем выборе супружеских пар и числе детей стать образцовыми родами. Нордической идеей должны проникнуться все преимущественно нордические аристократические роды.

...Аристократия должна обдумать следующие основные вопросы и принять решение: «Аристократией» может называться только та часть народа, которой присуща воля к созданию образцовых поколений. Если слово «аристократия» вообще имеет смысл, то слою народа, претендующему на звание аристократии, должна быть присуща воля при любых обстоятельствах производить отбор, воля, которая в каждом представителе этого слоя должна быть сильнее индивидуальных желаний, отклоняющих от цели отбора. Аристократия не может быть ни чем иным, кроме как волей к неподкупности; она и должна быть целью отбора. И нет иного слоя, который может ссылаться на свои врожденные качества, чем те, кто хочет считаться аристократией.

В этом смысле нордически мыслящая молодежь и восприняла идею Новой аристократии. Старый смысл каждой аристократии в нордическом народе сегодня осознан с учетом более глубокого проникновения в законы жизни.

Отсюда следует, что требуется новое понимание равенства по рождению, точнее, возрождение первоначального смысла этого понятия у народов нордического происхождения: равенство наследственных физических и духовных способностей при одинаковой чистоте нордической крови. Для нордической идеи равны все наследственно здоровые, наследственно крепкие, наследственно умные люди одинаково чистой нордической крови и только преимущественно нордические роды, которым присуще стремление быть образцами для отбора здоровых и способных людей нордической расы, могут рассматриваться Нордической идеей как хранители или основатели настоящей родовой аристократии.

Такое понимание равенства по рождению уже воспринято многими родами немецкой сословной знати. При выборе супружеских пар они руководствуются принципом: «Спрашивай о крови, а не о положении». Прежнее понимание равенства по рождению сужало возможности выбора супружеских пар, особенно в кругах высшей аристократии, что вело к накоплению неполноценных наследственных признаков и к вырождению, так что расовая гигиена должна предъявлять такие же требования и к представителям княжеских родов: «Будущее нашего народа никогда не должно снова попасть в руки семей, испорченных ложным представлением о равенстве по рождению. Чем выше положение, на которое претендует род, тем важнее проверить его наследственное здоровье и расовую принадлежность. Это касается и князей. Нордическая крестьянская дочь будет рассматриваться как равная по рождению, а ненордическая королевская дочь отвергнута как неравная по рождению.

Наполеон был человеком нордического типа, происходил из флорентийской знати и превосходил и в расовом отношении Габсбургов, которым он противостоял. Его жена из дома Габсбургов тоже не была ему расово равной. В ряду Габсбургов, начиная с Карла V, трудно найти людей с благородной внешностью. Наполеоновские маршалы, часто возвысившиеся в полководцы из простых солдат, которым он даровал титулы графов и герцогов, были в расовом отношении равными по рождению полководцам и герцогам дореволюционной Франции. Во Франции тогда еще было достаточно много нордической крови.

Я вспоминаю двух чисто нордических людей, разговаривая с которыми, особенно с норвежским сторожем шлюза, я ощущал, что это «родовые аристократы», т.е. люди чистой крови расы господ, и одна глубинная сила проявляется во всем их существе: в теле и душе, в

поведении и движениях, в выражении глаз и манере говорить. Каждая черта их физического облика, каждое проявление души — всё указывало на чистоту типа, которую мы, нордические люди, воспринимаем как благородство. Один был немецкий барон, другой — сын мелкого шведского крестьянина, но это были люди, равные по рождению.

Как и они, чисто нордическим человеком был Мольтке. Люди этого типа определяются не по их делам, а по их сути, сути людей чисто нордической крови. Одна 77-летняя женщина рассказала мне, как однажды в молодости посетила вместе со старым Мольтке картинную галерею. Она была очень взволнована, увидев вблизи великого полководца. «Но рядом с ним я чувствовала себя совершенно спокойно, как в неописуемо надежном месте». Это суть чисто нордического человека: от него исходит спокойная сила. Этот тот «благородный стиль», который удивлял в Геббеле, выходе из самых низших слоев, самом нордическом из наших великих поэтов... Это тот самый «благородный стиль», который всегда проявляется, когда чисто нордическая раса не подвергается ограничениям и ощущает полную свободу. Ореол чистой, холодной, убедительной силы окружает человека чисто нордической расы: это сочетание силы воли с утонченностью. Ницше написал однажды: «Благородная душа это не та, что способна к высшим взлетам, а та, что немного поднимается, немного опускается, но всегда живет в свободном прозрачном воздухе и на высоте». Этим он удачно определил суть нордического человека благородного типа. Хотя нордическая душа способна к высшим взлетам и может даже нуждаться в них, любому другому человеку в нордическом человеке благороднейшего типа всегда видно лишь то поведение, которое обусловлено «свободным, прозрачным воздухом», в котором обитает нордическая душа... Римский стоицизм соответствует нордической сути в итальянском исполнении.

Понятие благородства, как явления, связанного не с положением и не с рангом, а с кровью, почти исчезло в XIX веке. Ницше особенно страдал, потому что не мог определить расовые предпосылки благородства. На современном Западе почти исчезла способность воспринимать нордическую расу как благородную. Кто на это еще способен, быстро принимает решение. Нордически ориентированное воспитание вернет нам способность воспринимать нордическую расу как благородную.

Один мой друг рассказывал мне, как однажды утром вошел в большой немецкий город и заметил среди уборщиц женщину нордического типа, поведение которой говорило о том, что ее занятие не может ее унижить — она остается «благородной». С другой стороны, я знаю примеры, когда ни титул, ни образование, ни богатство, ни все они вместе не могут возместить отсутствие врожденного благородства.

У меня есть фотография: нордический граф высокого роста, с представительной внешностью, снят со своей невестой, девушкой из немецкого княжеского рода, в который из-за русского брака попала центрально-азиатская кровь: это сказалось на росте и некрасивых, с западной точки зрения, чертах лица невесты, к тому же позволявших подозревать наличие болезненных наследственных задатков. Этот брак был нужен графу для карьеры. Но каким могло быть его потомство? «Достойным казался мне этот человек и созревшим для смысла Земли, но когда я увидел его жену, Земля показалась мне сумасшедшим домом». (Ницше. Так говорил Заратустра.)

Сегодня пробуждается понимание того, что это значит, когда сын или дочь наследственно выдающегося рода, аристократического или нет, навсегда проматывает накопленное путем отбора на протяжении многих поколений наследство из-за необдуманного выбора супружеской пары (сегодня уже говорят «порочного»)...

«При браке в благородном, по-старинному благородном смысле слова, речь шла об улучшении расы, т.е. о сохранении определенного господствующего типа. В жертву этому приносились мужчина и женщины». (Ницше. Воля к власти.) На смену этому браку в наше время пришел сословный брак и сословное понимание «равенства по рождению» стало вытеснять прежнее, первоначально имевшее расовый смысл. И дочь из благородной помещичьей семьи вынуждена отвергать предложение неимущего, но талантливого и работоспособного дворянина нордической крови и выходить замуж за богатого выскочку ненордической расы, который может купить ей поместье. Здесь образ жизни, приличествующий «благородному сословию», подменяет собой правильное понимание равенства по рождению.

Настал момент, когда и среди сословия, которое раньше больше всего внимания уделяло генеалогии и правильному выбору супружеских пар, среди аристократии исчезают последние остатки родовой чести.

Пришло время спасать и ее. Немецкое аристократическое общество начало интересоваться расовыми вопросами и расовой гигиеной. Оно и его главное издательство «ЭДДА» многое сделали для того, чтобы снова было осознано значение крови... Мы не можем сказать, что аристократия понимает значение расового вопроса в смысле Нордической идеи менее глубоко, чем неаристократическая немецкая молодежь... ЭДДА отказывается принимать в свои члены людей с примесью еврейской или других внеевропейских рас. Перед аристократией ставится расовая цель: отбор и выбор супружеских пар с ориентацией на нордическую расу. Это вопрос внутренней молодости и способности к обновлению,

если немецкая аристократия стремится к такой расовой цели, вопрос, который интересует всех сторонников Нордической идеи.

Если среди аристократии ненордическая составляющая сравнительно меньше, чем в немецком народе в целом, то и сопротивление Нордической идее внутри аристократии сильнее. Это сопротивление исходит от родов, имеющих примесь еврейской крови: в отборе с ориентацией на нордическую расу они видят подрыв своих позиций. Это и есть причина, по которой Нордическую идею отвергает значительная часть и аристократии, и немецкого народа...

Но значительная часть аристократии уже признала в Нордической идее то, что осознано широкими кругами немецкой молодежи: значение нордической расы как единственной основы для образования аристократии в народах с нордической примесью. Все зависит от правильного понимания «равенства по рождению».

Английская аристократия никогда не вводила сословных ограничений, но в расовом отношении и в наши дни остается на высоте и постоянно выдвигает людей образцовых для нордической ориентации культуры. Достаточно перелистать несколько номеров какого-нибудь английского иллюстрированного журнала, чтобы увидеть, что большая часть английской аристократии — результат отбора. Нордический тип встречается в ней в поразительной чистоте.

В Англии не больше нордической крови, чем в Германии, но если в Германии смешение нордической и ненордической крови захватило все слои, в Англии нордическая кровь больше сохранилась в высшем слое. Это стало возможным, несмотря на отсутствие барьеров «равенства по рождению», может быть, именно благодаря их отсутствию...

...К тому же в Англии возник и сохраняется очень ценный в расовом отношении отборный слой «джентри», более широкий и многочисленный слой низшей аристократии. Его трудно сравнивать с сословиями континента, больше всего он похож на многочисленную сельскую знать, которая в Германии была почти полностью истреблена во время 30-летней войны. Из этого слоя можно опуститься или подняться, а благодаря отсутствию сословных брачных барьеров до последнего времени в образцовом для нордического восприятия виде сохранялись барьеры по крови. Англия имеет чисто нордический идеал «джентльмена» и «леди» — их образу жизни подражают, в их ряды стремятся попасть при заключении браков. Этот слой шире и лучше сохранился до наших дней, чем аналогичные слои в других странах Европы. В этом слое Англия сохранила свою лучшую кровь и вместе с ним разрушает свою лучшую силу и собственно «английское» начало своей народной жизни. Джентри были именно тем слоем, в котором, в соответствии с

нордической сутью, богатство и образование человека не обеспечивали ему признания, если он неправильно вел себя, если у него отсутствовали сдержанность и самообладание, качества, которые воспевались в сагах как благородные и которыми обладал нордический поэт Геббель, сын каменщика, потому что именно нордические физические и психические черты делали человека джентльменом. Они выработались при отборе английского высшего слоя, в котором и сегодня много образцово нордических людей и в распоряжении Британской империи много руководящих кадров — и все это при отсутствии сословных барьеров.

Человек с таким острым чувством благородства, как Пауль де Лагард, после посещения Англии внес предложение о создании в Германии слоя наподобие джентри. Это предложение оценил Хюбшер в своей статье «Лагард о новом виде аристократии».

Но Лагард ожидал, что созданием этого слоя новой аристократии, на что в век «равенства всех людей» надеяться было нельзя, люди должны были спасаться, как могли, и перед лицом серьезности ситуации именно мужество нордической крови должно было организовать поворот.

Как среди немецкой молодежи вообще, так и среди аристократической молодежи Нордическая идея и выводы из нее должны пониматься как основные идеи немецкого обновления и единства. Пока еще нет «немецкой» аристократии, а есть прусская, саксонская, баварская, вельфская, вестфальская и прочие. Но что является общим для всех немецких племен нордического типа и что объединяет их, так это нордическая по своему происхождению бессознательная образцовость и современный расовый состав аристократии, общий для нее, будь она вельфская, баварская, северно- или южно-германская. Решение за или против Нордической идеи это одновременно решение за или против создания единой немецкой аристократии, которая захочет оправдать свое звание избранных.

ПЛАТОН КАК ХРАНИТЕЛЬ ЖИЗНИ

Мысли Платона об отборе и воспитании
и их значение для современности

2-е издание

Ю.Ф. Леманс Ферлаг, Мюнхен, 1935

Посвящается д-ру Паулю Шульце-Наумбургу.

Предисловие к первому изданию (1928)

Основой изложенного ниже послужил доклад, прочитанный мною весной и летом 1928 г. один раз в Гутеборне и один раз в Мюнхене. Доклады эти состояли из разделов определенного содержания. В данной брошюре текст доклада расширен, но форма устного изложения сохранена. Целью было не столько проанализировать идеи Платона о наследственности и отборе в их отношении к воспитанию и государству, сколько показать Платона как выдающегося мыслителя, который понял значение наследственных задатков для воспитания и государства, вполне их осознал.

Цитаты из писем Платона, из его «Государства», «Государственного деятеля» и «Законов» даны в переводе Отто Апельта. Используемые в тексте расологические термины не обязательны для понимания целого. Тот, кто заинтересуется этими взаимосвязями, может обратиться к моим работам по расологии.

«Тот, кто мыслит глубже всех, живет полнее всех» (Гельдерлин).

Начнем с самой краткой биографии Платона. Он родился в 427 г. до н.э. Его родители происходили из высшей аристократии Аттики, т.е. слоя, в котором и в эту позднюю эпоху Афин нордическая кровь древних греков сохранилась лучше всего. Известные бюсты Платона, похоже, сделаны с его надгробного бюста. Менее известный бюст из Холкхэм Холла (Англия), который датчанин Фредерик Поулксен приписывает скульптору Силаниону и считает, что только он верно отображает черты Платона, представляет собой голову преимущественно нордической расы с динарской примесью. По своей психической сути в своих произведениях Платон предстает перед нами как, в основном, нордический человек.

Платон был богато одарен физически и духовно, славился как искусный гимнаст, а позже — благодаря своему творчеству; словом, это был цельный человек. Он хотел стать поэтом, сочинил несколько

стихотворений, но тут его жизнь изменила встреча с Сократом. Он стал философом, но умение оформлять свои мысли всегда выдавало в нем художника. После казни Сократа, которого он почитал, как учителя, Платон покинул родной город, путешествовал, вероятно, побывал в 390 г. до н.э. на Сицилии, потом вернулся и основал в 387 г. до н.э. школу. Она находилась около святилища Академа и поэтому получила название Академии. В 368 г. он предпринял второе, а в 361 г. — третье путешествие на Сицилию. Потом он преподавал в Афинах в своей школе и умер в возрасте 80 лет в 347 г. до н.э.

От Платона остались около 30 сочинений. Свою философию он излагал в форме диалогов. Из них для нас особенно важны: 1) Государство (Политейя), 2) Государственный деятель (Политиков) и 3) Законы (Номой). Я в дальнейшем рассматриваю эти сочинения не в их исторической последовательности. В первом из них Платон был далек от действительности, он описывал идеальное государство без связи с реальными государствами своего времени; во втором он уже говорит о «втором по рангу» государстве, которое следовало бы основать, в «Законах» он уже делает все возможные уступки действительности. Мы отбросим все, что в этих трех произведениях мало или совсем не подходит к нашей современности, то, что Платон говорил о вещах, имевших отношение лишь к древней Греции, к его времени, и то, что он высказывали — особенно в «Государстве» — мало учитывая условия человеческой и государственной жизни, и поэтому оставался слишком далек и от тогдашней, и от нынешней реальности. Мы хотим, прежде всего, знать, что Платон, как хранитель полноценной жизни, мог бы дать и нам.

Чтобы выделить эти важные для нас моменты в сочинениях Платона, сделаем сначала пару общих замечаний.

Когда мы называем Платона философом, мы не должны употреблять этот термин в расхожем, узком смысле, не должны видеть в Платоне чистого логика или теоретика познания и не должны представлять себе привычный образ профессора философии. Платон был единственным или одним из очень редких мыслителей, которых можно представить себе читающими лекции на свежем воздухе. Все прочие, даже величайшие из них, немислимы вне аудитории или библиотеки.

Платон не только высказывает мнения, не только передает знания, не заканчивает какой-либо «объективной истиной», а всегда призывает к чему-то, стремится куда-то со своим познанием, ставит цели; желания оставались у него и в те дни, когда приближалась смерть. Его последний проект государства остался незаконченный. В 7-м письме он четко выражает свою суть: «Меня отличало, прежде всего, уважение

к самому себе; я не хотел бы выглядеть в собственных глазах чистым теоретиком, не решающим ни на какое дело».

Есть мало великих мыслителей, к которым, как к Платону, можно отнести слова Гете: «Человек, если он значителен, ведет себя как законодатель». Все мысли Платона это подготовка к обдуманному, целенаправленному действию, действию человека, готового взять на себя ответственность.

Для греков и римлян лучших времен готовность взять на себя ответственность в государстве была главной составляющей гражданской доблести. Платон был бы плохим эллином, если бы он не разделял это мнение. Как для эллина, государство было для него «то койнон» — общее, касающееся каждого дело; такой же смысл настоящие римляне вкладывали в слово «*res publica*». Честь гражданина заключалась в том, чтобы быть гражданином государства, даже человек определялся как государственное существо (зоон политикон). По особому звучали такие слова как «*civis Romanus*». Бесчестным считали человека, который сторонился от жизни государства. Это известные исторические факты, но их стоит напомнить в связи с платоновской концепцией государства. Греческое «арете», римское «*virtus*» — мы переводим эти слова как «добродетель», хотя лучше переводить как «доблесть» — это ценности, которые осуществлялись только в государстве. Так и для Платона вопрос о хорошем, добродетельном гражданине равнозначен вопросу о хорошем, добродетельном государстве — и наоборот. Так и платоновская Академия не занималась исследованиями ради исследований, а образованием с целью подъема государства и народа. Показательно, что учебный план Академии в целом совпадает с тем, который Платон предлагает в «Государстве» для обучения государственных деятелей.

А что сказать о государственной деятельности самого Платона? Известно, что он дважды, в 368 и 361 г. до н.э. ездил на Сицилию, чтобы там с помощью дружественного ему правителя осуществить свой проект. Известно также, каким болезненным разочарованием кончалось для него каждое из этих путешествий. Когда дело принимало серьезный оборот, подводили люди. Но почему Платон действовал не в Афинах, своем родном городе? Его ближайшие родственники играли видную роль в его жизни.

Чтобы ответить на этот вопрос, бросим взгляд на Афины времен Платона.

Пелопонесская война закончилась поражением Афин, когда Платон был еще молодым человеком. Во время этой войны Спарта и Афины сделали все возможное, чтобы взаимно истребить свой лучший генофонд. Некогда господствовавшая раса, нордическая, после этой войны была

близка к вымиранию. Пиндар в V веке до н.э. в Девятой Немейской оде воспевал своих соплеменников как «белокурых данайцев», а во времена Платона блондины уже стали незначительным меньшинством. Среди эллинов шли процессы денордизации и вырождения. Платон жил в позднюю эпоху. Во время войны в Афинах установилась власть необузданных масс. Перикл еще умел справляться с пороками демократии, а после его смерти началось разложение, классовое господство численно преобладавшего низшего слоя. Тот, кто умел льстить массе, обретал влияние и власть. Такие состояния бывают часто: разлагающий индивидуализм, упор на свободе и правах личности, что проповедовали софисты, — все это портило нравы афинян. Если в более раннюю эпоху личность оценивалась с точки зрения общества и государства, то софисты оценивали государство с точки зрения личности и ее желаний, требовали от государства как можно больше свободы для каждого и порывали тем самым с традицией.

Платон с самого начала противостоял софистам, он высмеивал их в первых же своих диалогах. Они были, большей частью, ораторами и учителями красноречия, такого, которое можно было использовать как оружие во внутригосударственной борьбе. Платон не мог уважать этих ораторов, для него они были просто болтуны, всезнайки и соблазнитель народа. Насмешливо изображает он в «Горгии» софиста, который хвастается пользой красноречия софистов» «Оратор может говорить против всех и по любому вопросу так, что ему поверят». В 7-м письме Платон осуждает всех этих публичных ораторов, которые выдавали себя за просветителей и вождей народа. Ни один государственный деятель новейшей истории Афин и ни один софист новейшего времени не пытались действительно улучшить народ. В «Горгии» сурово осуждаются также Фемистокл и Перикл, в «Теэтете» он противопоставляет возмущающую его бесполезную позицию философов в государстве уважению, которым пользуются ораторы и адвокаты. В конце своей жизни, в 5-м письме, он высказал такое мнение: «Платон родился слишком поздно для своего Отечества; жизненные силы его народа уже были истощены; по вине прежних государственных деятелей он привык к поведению, которое во многом не совпадало с тем, что Платон считал бы разумным. Платону ничто не было бы более любезным, чем столь же верно служить своими советами своему народу, как собственному отцу, но он сказал себе, что этим он только напрасно будет подвергать себя опасности и ничего не добьется».

В 7-м письме Платон поясняет, почему для него нет места в государственной жизни Афин. Он не видит возможностей плодотворного сотрудничества с этим полисом. Он должен иметь дело с людьми,

которых он в притче о пленниках пещеры в 7-й книге «Государства» уподоблял тем, кто знает о вещах лишь то их теням, и человеку, который видел суть вещей, трудно передать им свои знания.

«Образование» софистов казалось ему простой болтовней; ему нужны были ценности для культуры в целом, законы, которые позволяли бы обосновывать и беречь культуру, а вокруг себя он видел только ораторов, которые рассуждали о пользе и недостатках существующих законов с точки зрения отдельных людей. По окончании пелопонесской войны он пережил навязанное Спартой господство т.н. 30 тиранов, этого авангарда аристократической партии (одним из них был его двоюродный брат Критий), а потом их падение и возврат демократии в несколько смягченной форме, той самой демократии, жертвой которой пал Сократ. Опыт, вынесенный им из всего этого, сводился к тому, что властители используют существующие законы для самих себя и для подавления внутренних противников. Ему стало ясно, что излечение физических и душевных болезней Афин возможно, только если начать с чистого листа. Участие в жизни этого государства казалось ему бессмысленным, единственной надеждой оставалась подготовка к созданию хорошего государства.

«В конце концов, я пришел к убеждению, что все нынешние государства, вместе и по отдельности, политически беспризорны, так как вся область законодательства находится в жалком состоянии и без граничащего с чудом мероприятия в сочетании со счастливым случаем совершенно безнадежна. И я вынужден вернуться к истинной философии, достоинство которой в том, что она является источником познания всего, что должно считаться воистину правильным как в общественной жизни, так и для отдельных людей» (7-е письмо).

Софистам он оставлял обсуждение действующих законов, их возникновения, изменения и использования, а сам он думал не столько об отдельных законах, сколько о законах всеобщих, законах вне времени. Путь его мысли был труден, так как он прокладывал его себе сам, в одиночку. На этом пути он сталкивался с запутанными вопросами о законах самого мышления и он вынужден был на них подолгу останавливаться: его целью оставалось хорошее, что для него означало способствующее добродетельной жизни государство. К концу своей жизни он уже больше не надеялся, что его идеи где-то будут осуществлены. Но он хотел сделать все, что может, снова и снова продумывал основы и законы роста хорошего государства. Может быть, когда-нибудь придет молодой, талантливый, философски образованный тиран, которому хватит силы сделать из эллинского племени по своему усмотрению образцовый народ в образцовом государстве. О таком молодом власти-

теле, вероятно, думал Платон, когда составлял свои последние проекты государства, после того, как преодолел разочарование из-за того, что его сицилийский друг Дион таким властителем не оказался.

Платон знал, что при демократии всегда встает особенно трудный вопрос о вождах. Чем демократичней государство, тем большие массы устремляются в его города, ораторов и софистов становится больше, чем государственных деятелей; меньше скупых на слова знатоков своего дела и все больше опасности того, что благородные люди уйдут из общественной жизни, как это сделал он сам. Вопросом о руководителях государства Платон занимался до самой смерти. Мы знаем, как он решил этот вопрос, и его решение нас, современных людей, каждый раз поначалу удивляет: Вождями должны быть философы. Но мы сразу же вспоминаем, что значило слово «философ» для древних греков, каким непосредственным смыслом оно наполнялось. Это для нас иностранное слово из трех слогов, которое что-то еще говорит лишь образованным людям, «Философией», друзей мудрости, Платон хотел видеть руководителями государства, мыслящих людей, которые по мере событий накапливают опыт, выявляют закономерности и учатся сами устанавливать законы. Для Платона философами были «те, кто жаждет увидеть истину» (Государство, 475). Он видел в них людей с такими задатками как «хорошая память, жажда учиться, правдивых, справедливых, смелых и сознательных» (Государство, 487). Ему казалось, что трусы и неблагородные люди не могут быть истинными философами (Государство, 486).

Платон хотел видеть вождями мудрецов, свободных от желаний, которые распирали софистов: ораторствовать, быть услышанными, стяжать аплодисменты, занять государственные посты. Он видел, что цель софистов — воспитать человека, способного болтать на любую тему. Платон же относился к образованию, как к любви. Он хотел воспитать гражданина государства, человека, который научился бы управлять, руководствуясь чувством справедливости, и быть управляемым. Справедливость, умеренность, мудрость, смелость — эти четыре добродетели именно в такой последовательности составляют суть платоновского государственного деятеля и философа (Законы, 630).

Воспитывать таких вождей — для Платона это была высшая цель воспитания. Но он знал также: необходим еще материал, из которого делаются вожди. Не из каждого можно «воспитать» вождя. Софисты уверяли, что таланту можно научить. Платон видел, что талант зависит от задатков человека или от задатков и воспитания. Таким образом, Платон объявляет себя сторонником учения о неравенстве людей, учения, которое начавшаяся в 1789 году эпоха публичных ораторов, людских

масс и «людей массы» (Ортега и Гассет) снова предала забвению под влиянием софиста Руссо.

Мы изложили основное содержание нашего анализа. Теперь дадим слово самому Платону.

Не следует ожидать, что Платон обладал столь же ясными представлениями о неравенстве людей, о наследственности и отборе, о значении наследственных задатков и их взаимодействии со средой, какими обладаем сегодня мы благодаря биологическим наукам, особенно науке о наследственности.

Платон говорит в «Государстве» (424): «Отличное воспитание и образование, осуществляемое непрерывно на базе определенных принципов, создает людей с отличными способностями, а эти люди, целиком пронизанные этим видом образования, будут еще способней прежних, как в иных отношениях, так и в плане продолжения рода».

Как видим, Платон не очень четко различал передаваемые по традиции ценности образования и наследственность как таковую. Похоже, он верил в наследование потомками приобретенных физических и духовных способностей, во всяком случае, выражался так, как современные биологи и биологически обученные педагоги выражаться уже не могут. Но пусть Платон не достиг принципиальной ясности в этих вопросах, во всех своих проектах воспитания и государства он опирался на свое знание людей и свой опыт и предъявлял такие требования, какие сегодня, после Гобино, Менделя и Гальтона, образуют ядро расово-гигиенического и расологического подхода. О «железном законе неравенства» (Стоддарт) он всегда помнил: «Хотя вы все, граждане нашего города, братья между собой, Бог, который вас создал, при рождении примешал в тех из вас, кто призван быть господами, золото, поэтому они самые высококачественные, в их помощников — серебро, а в земледельцев и прочих работников физического труда — железо и медь. Но поскольку вы все одного племени, может получиться так, хотя, как правило, ваши потомки подобны вам самим, что из золота возникнет серебряный потомок, а из серебра — золотой...».

«От правителей Божество требует... чтобы они ни о чем так не заботились, как о том, какие вещества примешиваются в души их потомков; и если кто-нибудь из ваших [правлящего слоя] потомков имеет примесь железа или меди, они не должны проявлять ни малейшего сочувствия, а указать ему, к какому сословию он принадлежит по своим задаткам, к классу ремесленников или земледельцев, и наоборот, если среди последних родится ребенок с примесью золота или серебра, ему должна быть оказана честь, он должен быть позже поднят в сословие стражей или помощников, так как, по предсказанию оракула, город гибнет

тогда, когда над ним властвуют железо или медь» (Государство, 415).

Смешение разных по своей наследственной ценности родов, что ведет к постепенной вульгаризации родов, призванных руководить государством, Платон называет главным злом для народа и государства: «Если же железо смешивается с серебром, а медь с золотом, нарушается однородность и равновесие, что всегда ведет к войне и вражде...» (Государство, 547).

Платон предлагает расслоение на сословия, соответствующее расслоению по наследственной одаренности. Нас удивляет, насколько четко видел он возможные различия в одаренности между родителями и детьми, менделирование наследственных задатков, как он хотел способствовать подъему талантливых людей всех сословий, но одновременно — словно кто-то, например, Хартнакке, сообщил ему результаты исследований нашего времени — он признавал в среднем более высокую одаренность высших, и в среднем меньшую одаренность низших сословий, но, помимо того, что он требовал облегчить подъем одаренных людей всех сословий, он также — об этом сегодня обычно забывают — выступал и за понижение положения неполноценных. Нас удивляет также, насколько ясно он осознавал, что не среда родительского дома и не обучение, а задатки имеют решающее значение. На примере игры на флейте он показывает, что тот, кто от природы лучше одарен способностью к игре на флейте, превзойдет того, кто лишен этого дара, даже если его окружает музыкальная атмосфера, он сын флейтиста и с детства учился играть на флейте (Протагор, 327).

Для Платона главное — благородство наследственных задатков, а не происхождение из известного аристократического рода. Он хорошо различал происхождение в общественном смысле и происхождение в смысле законов жизни. «Семеро богатых предков» или «список из 25 почтенных предков» (Тезтет. 174-175) не значили для него ничего по сравнению с благородством рождения, основанным на наследственных задатках. Талант такого человека он называет в «Менексене» (237) высшим благом, а это высшее благо основывается, опять-таки по Платону, на «происхождении от талантливых людей» («Менексен»).

Следует помнить, что во времена Платона знать Аттики, эвпатриды, эти роды, которые и в демократическую эпоху выдвигали из своих рядов большинство выдающихся людей Афин, уже вымирали и что эта аристократия нордического происхождения с начала истории Аттики смешивалась с другими племенами. Платон, если ему требовался новый правящий слой, должен был создать «новую аристократию», правящий слой из наследственно благороднейших людей всех сословий. Платоновское расслоение сословий по средней наследственной одарен-

ности в целом соответствует расслоению наших дней. В обоих случаях речь идет о расслоении поздней эпохи, в которую крестьянство после многовекового выделения наследственно одаренных элементов в высшие слои выглядит низшим сословием. В ранний период эллинской истории Платон, как и наблюдательный германец в ранний период германской истории посчитал бы крестьян правящим сословием. Из богатых крестьян нордической расы вышли аристократические роды эвпатридов, к которым принадлежал и Платон. В поздних Афинах после возвышения наиболее способных от благородных крестьян раннего периода эллинской истории остались лишь бедные мелкие крестьяне и арендаторы.

Но это лишь побочное наблюдение. Мы отвлеклись от исторических условий и осовременили общий пример трех сословий с золотыми, серебряными и железными наследственными задатками. Во всех проектах Платона описаны три слоя:

- 1) Сословие господ и учителей, изображающее разум (логос).
- 2) Военное сословие стражей или помощников, изображающее мужество и смелую энергию (тимос, андрейя).
- 3) Сословие кормильцев, изображающее страстные желания (эпитимия).

(Разум, мужество и желания у Платона это части души, которые в определенной смеси составляют каждую отдельную душу. Положение человека в иерархии сословий и отношения между сословиями определяются тем, какая из этих трех неравноценных частей души преобладает в человеке или сословии.)

Особое внимание Платон уделяет сословию стражей, этому избранному слою наследственно высокоодаренных людей, из которого постоянно должны выдвигаться самые одаренные. Беречь это сословие, ставить перед ним стимулирующие задачи, получить от него одаренное потомство, это для Платона всегда было первоочередным делом. Все его предложения об улучшении наследственности народа в целом исходят от сословия стражей и возвращаются к нему.

Но для всех сословий и для принадлежности каждого человека к одному из сословий необходимо свидетельство о наследственных задатках. Каждый должен знать, к чему он наиболее предрасположен по своим задаткам. Платон хочет «дать каждому определенную профессию, к которой он предназначен природой» (Государство, 423). Вспомним, что расолог и евгеник нашего времени Отто Амион предъявил точно такие же требования: «Высокоодаренный человек, даже если он увидел свет на самом дне общества, должен иметь возможность занять соответствующее место, даже в первых рядах общества, если нет никого, кто превосходит его по способностям. Рожденный в высших слоях должен

освободить свое место, если он не обладает способностями делать то, что требуется в интересах общества. Такова важнейшая социальная проблема, от правильного решения которой зависит не только внутреннее благосостояние народа, но и, в случае внешней угрозы, победы в борьбе за существование» (Общественный строй и его естественные основы. 2-е изд. 1896).

Так и в платоновском государстве каждый гражданин занимает свое место по способностям, каждый делает свое дело ради процветания целого (Государство, 423). Платон считал признаком демократии, что каждый вмешивается в чужое дело. Гёте в своем произведении «Бюргер-генерал» вкладывает в уста дворянина сходные рассуждения, только в шутилом тоне: «Любите детей, возделывайте землю и содержите в порядке дома... Пусть каждый начнет с себя, и у него окажется много дела. Пусть он воспользуется мирным временем, пусть создает для себя и для своих законные преимущества — это будет преимущество для всех!»

Пусть каждый занимается своим делом в соответствии со своими наследственными задатками. Исходя из этого требования, Платон не доверяет спросу и предложению на всякого рода «образование» в тогдашних Афинах, которые были учебным центром всей Греции. *Даже философом надо родиться; по Платону, это задача избранного меньшинства.*

«Нынешние неудачи философии и низкая оценка, которая ей дается, имеют свою причину в том, что оставлены без внимания требования к занятию ею».

Требования какого рода? Мы, современные люди, в подобных случаях думаем, прежде всего, о дипломах, экзаменах, подготовительных курсах и т.п. Иначе у Платона. Он продолжает свою фразу так: «...потому что не ублюдки должны заниматься ею, а люди чистой крови» (Государство. 535).

Пригодность для занятий философией это вопрос крови. Занятие ею — дело избранной группы. Иначе думать Платон не мог, так как под философией, которая входила у него в программу обучения руководящих кадров, он понимал «науку для свободных, воодушевленных только чистой истиной мужей» (Софист, 253). Для него обучение имело смысл лишь в том случае, если оно развивало задатки «людей благородных, со свободным образом мыслей» (Горгий, 485).

«Предпочтение должно отдаваться самым настойчивым и смелым юношам, желательно и самым красивым. Кроме того, кандидаты должны обладать не только благородным образом мыслей, но и теми природными дарованиями, которые соответствуют нашему способу обучения» (Государство, 535).

Так думал один из мудрейших людей, а после него многие философы меньшего масштаба стали распространять не выдерживающее критики учение, будто любому таланту можно научить, притом кого угодно.

Философией должны заниматься только люди чистой крови! Знал ли Платон то, о чем мы, расологи, сегодня только догадываемся; что в лице софистов власть над умами эллинов захватили люди переднеазиатской расы, тогда как нордическая душа, ранее господствовавшая в эллинском мире, умирала? Понимание этого могло лежать в основе этих слов Платона. Многое в его произведениях могло быть написано только человеком, знавшим по опыту, как разные расовые души действуют в одном народе и что самого глубокого понимания может достичь только человек одной с тобой крови. Вот еще признак того, что Платон имел такой опыт: если другие мыслители обращаются ко всем, к каждому, то Платон различает философию «для большой толпы» и для немногих благородных людей. Для последних — нравственность ради нравственности, для большой толпы — заповеди, они же правила разумного поведения ради благополучной жизни плюс представление о воздаянии за грехи на том свете, совершенно чуждое благородным людям. Таким образом, идея наследственного неравенства людей пронизывает все сочинения Платона.

Она последовательно пронизывает, прежде всего, его проекты государства, так как знание неравенства людей должно сразу же подвести законодателя к животрепещущему вопросу: Что должно сделать государство, чтобы больше размножались люди с высококачественными наследственными задатками? Поддержать отдельного способного человека — задача, гораздо более легкая для государства, чем такая его поддержка, которая позволила бы ему иметь больше детей! Поэтому цель Платона — не столько поддержка отдельных талантов, сколько увеличение числа высококачественных наследственных задатков. Не отдельный человек его цель, а поколение наследственно способных людей как основа его «хорошего государства».

«Они были хорошо сложены и любили красоту», — так представлял себе Платон, судя по отрывку из «Крития», написанного в старости, крестьян Афин в ранний период их истории: такими он хотел видеть и будущие поколения эллинов. Отсюда его забота о хорошем потомстве.

«Адеимант спрашивает Сократа: Уже давно мы с надеждой ждем, что ты заговоришь о том, каких детей рожать... ибо мы верим, что состояние государства во многом, если не во всем зависит от того, правильно это делается или нет» (Государство, 449).

Потомство людей и его качество важны для государства! Эти слова были сказаны более двух тысяч лет тому назад, но и сегодня еще на

Западе почти все: экономику, формы правления, воспитания и образования, партии, народное представительство, конференции, всевозможные «точки зрения» и методы воспитания и обучения считаются гораздо важнее, чем наследственные качества человеческого потомства! Повсюду царит «беспорядочное деторождение», которое Платон считал одним из самых больших зол для государства: «Беспорядочное смешение... несовместимо с благочестием в городе блаженных, либо правители должны его пресекать» (Государство, 458).

За исходную точку Платон берет животноводство.

«Сократ: Хочешь ты получить потомство ото всех или от лучших?»

Главкон: От лучших.

Сократ: От молодых, от старых или от тех, что в расцвете сил?

Главкон: От последних.»

Эти соображения переносятся на закономерности отбора для государства:

«Сократ: Согласно этому допущению, лучшие мужчины должны как можно чаще сожительствовать с лучшими женщинами, а худшие мужчины с худшими женщинами, наоборот, как можно реже. И детей первых надо возвышать, а детей вторых нет, чтобы стадо осталось на высоте» (Государство, 459).

Платон придумывал праздники, на которых самые талантливые и красивые мужчины и женщины могли знакомиться друг с другом, а власти должны были бы распределять среди созревшей для брака молодежи жребий, благодаря которым наследственно лучшие будто бы неумышленно сводились друг с другом. Детям от таких связей требуется тщательное воспитание, не то, что детям неполноценных.

«Те же, кто появился на свет с уродствами, должны скрываться в недоступном и неизвестном месте».

Главкон: «Только так род стражей может сохраниться в чистоте» (Государство, 460).

К этой мысли об очистке народа, особенно его правящих родов, Платон возвращается снова и снова: «Если пастух, который пасет крупный рогатый скот, лошадей и т.п. берет на себя уход за стадом, то его первой заботой будет произвести очистку, неизбежную при любом скоплении. И когда он отделит здоровых животных от больных, благородных от неблагородных, он соберет последних в отдельное стадо, а заботу о первых возьмет на себя сам. Ибо он скажет себе: Любая забота о теле и душе напрасна, если тварь испорчена от природы или её неверно растили, поэтому она перепортист здоровых членов стада, если не произвести основательную очистку» (Законы, 735).

Итак необходим отсев всех уродливых и больных детей, всех неполноценных. Такое же требование, только с горькой иронией и в

умышленно оскорбительном тоне высказал мыслитель, который по опыту знал, что его время не занимается вопросами отбора, — Шопенгауэр: «Если бы всех мерзавцев можно было кастрировать, всех дураков запирать в монастыри, обеспечивать целым гаремом людей благородного характера, а каждую умную девушку — умным мужчиной, то скоро выросло бы поколение, которое дало бы больше, чем эпоха Перикла» (Наследственность свойств). То, что у Шопенгауэра больше походит на озарение, было главной составной частью законодательства в государстве Платона. Был установлен определенный брачный возраст для мужчин и женщин. Специальные надзирательницы контролировали брачную жизнь и воспитание детей. Платон намечал на эту роль женщин, требуя одновременно равных политических прав для мужчин и женщин, хотя женщины устроены иначе и слабее мужчин. Наблюдать за семейной жизнью, считал он, лучше всего поручить женщинам.

Воспитание молодежи уже предусматривало правильный выбор супружеской пары в будущем с чувством ответственности перед родом и государством, в соответствии с идеалом физической и духовной красоты: «Молодожены должны заботиться о том, чтобы поставлять государству как можно больше красивых и способных детей» (Законы, 783).

Поэтому выбор супружеской пары не может зависеть от одних лишь симпатий отдельных людей. Необходимо знать, кто из какой семьи.

«Для заключения брака совершенно необходимо внести ясность, кого и из какой семьи берут в жены и кому отдают своего ребенка, ибо важнее всего приложить все силы, чтобы защитить себя от обмена в этих вещах. Этой серьезной цели должны служить и праздники, во время которых мальчики и девочки водят хороводы и имеют возможность видеть друг друга обнаженными» (Законы, 771-772).

Над этой идеей стоит подумать: человеческое тело в движении, когда его не скрывают легкие одежды, отражает и психический склад. Юноша и девушка приучаются судить об отдельном теле и заключенной в нем душе, руководствуясь идеей совершенства человека. Платон останавливается на этом, потому что все это кажется ему очень серьезным, он составляет множество инструкций для таких праздников. Платон заставляет высказывать свои мысли безымянного афинянина: «Когда юноша в возрасте 25 лет такой возможности найдет девушку по своему вкусу, которая, по его убеждению, годится для брака и рождения детей, он должен вступить в брак до 35 лет, но до этого научиться, как вести себя, чтобы сделать правильный выбор».

Афинянин: Мой сын намеревается заключить брак, который понимающие люди одобряют, люди которые посоветуют тебе не избегать

брака с бедной девушкой и не охотиться за богатой, словно это высшая цель, а, если в остальном все в равновесии, всегда отдавать предпочтение менее блестящей связи, поскольку такой союз станет благословением и для государства, и для породнившихся семей, так как уравновешенная равномерность в тысячу раз лучше для нравственного воспитания, чем необузданность. И юноша, который в какой-то степени знает себя, должен сказать себе, что он всегда слишком неуклюж и опрометчив, поэтому должен стремиться стать зятем особенно строгих родителей, тогда как при противоположных задатках можно породниться и с противоположным типом. И пусть девизом каждого брака будет то, что он заключается на благо государства, а не ради удовлетворения собственной похоти» (Законы, 773).

Платон, таким образом, предполагает, что потомство двух противоположных по отдельным психическим качествам людей, уравновесит их. Современная наука о наследственности не согласится с ним, в этом, хотя часть потомков, в зависимости от рецессивности или доминантности определенных наследственных задатков может достичь такого равновесия. Во всяком случае, современная наука поддерживает эти платоновские рекомендации юношам и девушкам. Расовая гигиена должна бороться с духом софистики, с индивидуализмом, против которых сражался и Платон. Смысл брака — не похоть отдельного лица, а образцовые дети, не простое продолжение рода, которое презирав Ницше, а повышение его качественного уровня — вот признак благородного брака.

В этой связи у Платона, который жил в позднюю эпоху и уже ее не понимал, возникло старое священное представление, которое в древности было известно любому народу индоевропейской языковой семьи и нордической расы: Сохранение рода — основа благочестия.

«Что касается вопроса о браке, то я приветствую этот призыв: стремиться к вечной жизни, оставив после себя детей и внуков, которые вместо умершего стали бы новыми служителями Божества» (Законы, 773).

Отсюда и законы против безбрачия, разводы бесплодных браков (Законы 784), налог на холостяков, неуважение к неженатым мужчинам. «Жениться надо в возрасте от 30 до 35 лет: кто этого не делает, подвергается штрафу и бесчестью» (Законы, 721, 774). Но, поскольку для хорошего государства в правильном браке важно все, снова и снова обдумываются помолвка, приданное, свадебные обряды. Государству претит неумеренность, разгул, особенно на свадебных праздниках.

«Предаваться винопитию вплоть до опьянения вообще неприлично... но совершенно недопустимо на таком серьезном празднике, как свадьба,

когда и у невесты, и у жениха есть все причины оставаться в полном обладании духа, так как наступает решающий поворотный момент их жизни; надо подумать о возможном плоде совокупления, так как зачинать его должны по возможности трезвые родители, а в какой день или в какую ночь это, по Божьей воле произойдет, неизвестно. И речь идет не только о духе, но и о теле, ибо зачатие невозможно, если тело, так сказать, разболтано. Оно должно занимать определенное положение, быть твердым и спокойным» (Законы, 775).

Эти слова зрелого, серьезного человека, которые мог бы повторить любой евгеник наших дней. Платон добавляет еще одно резюме, настолько все это для него важно: «Поэтому человек должен на протяжении всей своей жизни, но особенно в годы зачатия остерегаться, насколько это зависит от его воли, делать что-либо, руководствуясь наглостью и дерзостью, так как родитель неизбежно наложит свой отпечаток на тело и душу ребенка и результатом будет ухудшение породы» (Законы, 775).

И здесь опять отсутствует обязательное сегодня различие наследственных задатков и приобретенных за время индивидуальной жизни недостатков и болезней. Поэтому слова, которые можно понять как предостережение против вредных для зародыша веществ, болезней и образа жизни, может повторить и современный евгеник. Для Платона хорош тот образ жизни, который делает человека крепким и не вредит ему, как родителю. Нравственность Платона направлена на повышение уровня жизни, а не только на поддержание здоровья отдельного человека.

Платон хотел, чтобы в его государстве свободные не смешивались с несвободными. Напомним, что свободные эллины происходили от родов нордической расы, а рабы — от покоренного ненордического коренного населения Греции. И в позднюю эпоху Аристотель причислял свободных и эллинов, с одной стороны, рабов и варваров, с другой, к человеческим группам разного расового происхождения (Политейя, I, 23, II, 5). Дети от связей между свободными и несвободными относились в платоновском государстве к низшему сословию: «Если господин родит ребенка от рабыни или госпожа от своего раба и это станет общеизвестно, то надзирательницы за браками должны изгнать из страны ребенка госпожи вместе с рабом, а ребенка господина должны выслать за границу вместе с матерью судебные приставы» (Законы, 930).

Платон ищет и законодательные возможности такого оформления обычаев: «Пусть никто не осмелится коснуться кого-либо из числа благородных и свободных, кроме его законной жены, а любое осквернение семени и рождение ублюдка от наложницы запрещается» (Законы, 841).

Будущим мамам и законным детям благородных родителей в государстве Платона уделялось больше внимания, но забота никогда

не превращалась в изнеживание. Слабость при воспитании детей не допускалась.

«Я придерживаюсь мнения, что размягчение души маленьких детей вызывает у них дурное настроение, делает их строптивыми даже при самых малых требованиях (Законы, 791).

Никакой особой заботы о больных, особенно о наследственно больных. Здесь Платон не стесняется проявить жестокость. С дальновидной веселостью, как юноша, стоит он и в конце своего жизненного пути на стороне здоровой жизни: «Если плотник болен, он идет к врачу, и тот дает ему рвотное или слабительное, чтобы избавить его от болезни, или использует прижигание или прибегает к помощи ножа. Но если врач прописывает длительное лечение, накладывает компрессы на голову и т.п. больной прямо заявляет, что у него нет времени болеть и ему не нужен такой врач, который заставляет его заниматься только своей болезнью и забросить свое ремесло. И он распрощается с таким врачом, вернется к своему обычному образу жизни, будет заниматься своим ремеслом, но его тело уже не сможет выносить нагрузок, он умрет, и ничто больше не будет его беспокоить» (Государство, 406).

Платон отвергает всякое «искусственное лечение» (Государство, 407), к которому прибегают богачи. Если в городе много врачей и адвокатов, это плохой знак (Государство, 405). В наше время Лик в своей книге «Врач и его миссия» (9-е изд., 1934), но особенно в другой своей книге «Вред социального страхования и пути улучшения» (2-е изд., 1928) показал убедительные примеры «культивирования болезней». Платона пугали такие явления в аттическом народе, как Лика — в немецком народе. Платон был против того, чтобы болезни уделялось чрезмерное внимание, против помощи слабым, но он был и против культа тела, того, что сегодня выражается в увлечении спортом и приводит к накоплению сомнительных наследственных задатков. Зато военную подготовку необходимо проводить «и в холод, и в жару» (Законы, 829). Главное, к чему он стремится, это отбор (эклоге): отделение способных от неспособных. При этом он совершенно ясно понимал, что любое препятствие на пути того, что сегодня называют естественным отбором, вредит народу в целом: любая возня с неполноценными, чрезмерная забота о слабых, отмена испытаний, проведения которых требуют человеческая жизнь и среда. Платон за эти испытания, потому что они позволяют отделить способных от неспособных. Его взгляд всегда был обращен на целое, на будущие поколения, а не на отдельные случаи, его интересовали те, кто еще не родился. И этот взгляд Платона был безошибочен, как тот, что мы приписываем природе, когда воображаем ее в человеческом облике. Как писал о природе Теннисон:

Похоже, только тип ее заботит, отнюдь не человеческая жизнь.

Так же смотрел Платон на нас. В его «Законах» есть что-то от законов природы.

То, что с точки зрения физического и психического идеала совершенного человека кажется плохим, подлежит уничтожению — например, преступники. Милосердие к ним Платон считал гнусностью по отношению ко всему народу. Если человек «душевно от природы плох и неисправим» (Государство, 410), его надо убить. Стерилизация неполноценных и преступников, предусматриваемая сегодня законами США и Германии, была Платону неизвестна, он знал только смертную казнь и изгнание как средства очистки государства от неисправимых: «Лучшая чистка болезненна, как действие сильных лекарств. Строгие суды не останавливаются перед смертной казнью и изгнанием как крайней мерой, ибо законченных злодеев, тех, кто неисправим и может нанести наибольший вред государству, следует устранять силой» (Законы, 735).

А как быть с теми, кого законодатели считают неисправимыми, какую кару назначить им? Опыт показывает, что долгая жизнь таких людей сама по себе — зло, и что их изоляция от других людей дает двойную выгоду: во-первых, это предостерегающий пример для других, он запугивает преступников, а во-вторых, чтобы государство избавилось от таких преступников, законодатели обязательно должны карать за такие преступления смертью, иных возможностей нет» (Законы, 862, 957-958).

Смертная казнь как средство очистки рода и государства: такая установка соответствовала эллинскому мышлению, а также римскому и германскому. Римляне видели в преступнике монстра, от которого надо избавиться, германцы — завистника, от которого род очищается с помощью смертной казни. Фон Амира доказал, что смыслом смертной казни у германцев была очистка расы.

Подлость, которая жестоко каралась законами древних германцев, независимо от размеров нанесенного ею вреда, так она доказывала неполноценность и наличие дурных задатков. Платон одобрил бы эту меру. Люди с подобными задатками должны быть исключены из процесса размножения свободных людей.

«Тех же, кто погрузился в болото невежества и бессовестности, законодательство карает, переводя их в класс рабов» (Государственный деятель, 309).

Благодаря учету и контролю всех процессов человеческой жизни ради улучшения наследственности государство у Платона становится всеобъемлющим средством воспитания избранного ядра народа. Опишем вкратце, как он представлял себе суть и задачу государства. Экономика не была для него целью, достойной государства. Максимальное богат-

ство максимального числа людей — такую цель государство Платона преследовать не могло.

«Разумно мыслящий государственный деятель не будет стремиться сделать государство как можно больше и как можно богаче, копить золото и серебро и расширять предел своей власти. Большое богатство и добродетель несовместимы, по крайней мере, богатство в понимании, присущем толпе» (Законы, 742).

Платоновское государство боролось как с бедностью, так и с чрезмерным богатством (Государство, 421) — это подлинно эллинская идея, возникшая из духа, для которого самообладание, чувство меры (метрон, месотес) и разумность (софросюнс) были признаками благородного человека. В платоновском государстве был «запрет на накопление чрезмерного богатства» (Законы, 836) и этот запрет был продиктован отнюдь не чувством зависти, которое во времена Платона и позже постоянно стремилось разделить по закону большие богатства. Платон хотел с помощью этого запрета защитить молодежь от разлагающей роскоши. Целями государства должны быть не богатство, не власть, не завоевания, а свобода, единодушие и мудрость. Государство должно «быть свободным, благоразумным и единым» (Законы, 693).

Платон раздумывал, при какой форме государства быстрее всего можно осуществить идеалы свободы, единодушия и мудрости. Он думал об этом, как одновременно с ним и после него лучшие из эллинов, которые могли наблюдать любые формы. Эти формы государств называются греческими словами, которые стали для нас привычными (монархия, аристократия, олигархия, демократия, охлократия и т.д.).

«Сократ: Не ясно ли, что приказывать должны старшие, а младшие — повиноваться?

Главкон: Да.

Сократ: И самые опытные должны находиться среди них.

Главкон: Тоже верно.» (Государство, 412)

Согласно предсказанию оракула (мы его уже цитировали) государство погибнет, когда железо или медь будут властвовать над золотом. В доме родители должны командовать своими детьми, в государстве «благородные» властвовать над «неблагородными», старшие — над младшими (Законы, 690). Как мы уже видели, для Платона «благородные» и «неблагородные» это не сословные термины. Должны властвовать благородные по своим наследственным задаткам, независимо от сословного происхождения, когда достигнут зрелого возраста. Толпе нужны приятные законы, она похожа на тех, кто любит физические упражнения, не требующие напряжения (Законы, 684), но законодатели должны думать обо всех, а не только о том, чтобы доставить

удовольствие толпе. Они должны стремиться понять высшее благо и уплотнить его в своем государстве.

Такой порядок, думал, Платон, скорее всего, обеспечит конституционная монархия (бастея) (Государство, 543, 576, 587); по крайней мере, по сравнению с другими формами это наименьшее зло. Больше всего Платон ожидал от самодостаточного крестьянского государства, которое живет в мире, потому что во всем соблюдает меру. Афины вели гибельную военную политику безмерной демократии против аристократической Спарты. Платоновское государство неагрессивно. Если государство сильно, его оставят в покое, если же оно слабо, его быстро втянут в войну. «Учиться воевать надо в мирное время, а не на войне» (Законы, 829). Поэтому необходимы военные упражнения всех граждан минимум один день в месяц. Высшая цель внутригосударственного законодательства — «арете», добродетель (Законы, 963).

Подготовить создание такого государства, а позже сохранить его — дело правильного воспитания. Поэтому воспитание молодежи — одна из важнейших задач государства (Законы, 766).

Мы уже знаем, что Платон ставил наследственность выше влияния воспитания. Встает вопрос, каким образом он собирался улучшать путем воспитания благородных людей. Но для воспитания, как и для отбора, необходим образец, в данном случае — образец совершенного человека эллинского типа. Платон, будучи убежден в неравенстве людей, знал, что мало кто может приблизиться к этому образцу. Но, опираясь на свое учение об идеях, он верил, что благородная молодежь, как только она созреет до способности к суждениям, испытает возвышающие ее переживания в диапазоне между реальностью и идеями. Участие явлений — в том числе человеческих тел и душ — в идеях и воспоминаниях души о вневременных идеях он приводил как примеры того, как можно понимать явления и идеи во взаимной связи. Он надеялся, что его поймет именно благородная молодежь, та молодежь, в душах которой он хотел своим учением пробудить воспоминания о прообразах благородного человечества. Он верил, что найдет хотя бы немногих, кто способен воспринять требование приближения к идеалу совершенного эллина как призыв к самим себе: такие достойны хорошего воспитания. В такой молодежи он надеялся пробудить и усилить знание принципов управления хорошим государством (Государственный деятель, 297). Эта молодежь должна была научиться ценить меру, красоту и истину (Филеб, 64), а также благоразумие и смелость (Государство, 410), т.е. те качества, которые Платон считал признаками образцовой человеческой жизни... Любовь для этих молодых людей должна была означать «стыд совершить подлость и почитание прекрасного» (Пир,

178). Платон надеялся, что эта избранная и так воспитанная молодежь сможет и правильно выбирать супружеские пары.

Физический и психический идеал сильного и прекрасного человека — на него должно быть ориентировано обучение. Необходимо воспитывать чувство меры, благородство в поведении, чувствах, речах и действиях, ясность мышления. Это своего рода эстетическое воспитание, как у Шиллера в его «Письмах об эстетическом воспитании человека». И Шиллер хотел видеть человека цельным, хотел, чтобы благородный человек развивался свободно, чтобы он не ограничивался узким кругом добродетелей. Он был убежден: «На моральную жизнь сильное и чистое чувство красоты оказывает самое благоприятное влияние» (Соч. т. X, с.415). Но над Шиллером, вследствие его западного воспитания, все еще довлела средневековая церковь и внецерковные последствия ее влияния, поэтому он не мог вновь обрести эллинское равновесие тела и души. Человеческий идеал Шиллера нельзя назвать физически-психическим, каким был идеал Платона.

Для эллинов душа и тело были неразрывно связаны. Таков дух нордической расы. Средневековая церковь учила людей Запада, что тело греховно. Это дух переднеазиатской расы.

Платон эллин, хотя у него уже не вполне сохранялось физически-психическое равновесие настоящего эллина, все же понимал взаимодействие тела и души в духе ранних эллинов. Он мог считать благородным лишь такого человека, осанка и движение тела которого отражали воспитание, повлиявшее на хорошую породу и возвышенный ум. Физические и психические черты высокой, стройной, узколицей и светлой расы столь же присущи идеям Платона о рождении, воспитании и государстве, как и великим скульптурным произведениям эллинского искусства. Платон в своих произведениях приводит и взгляды благородного человека на хорошие породы лошадей и собак. Он знал, как и все эллины, что хорошую породу в человеке нужно воспитывать как со стороны тела, так и со стороны души. Есть физические упражнения «ради души» (Государство, 410) и упражнения ума, пробуждающие чувство благородной телесности.

На Западе только при воспитании молодежи английского высшего слоя сознательно или бессознательно применяется такая методика, в Германии — только в отдельных случаях, в средних и высших слоях. Отложения средневекового церковного духа все еще лежат тяжелым грузом на германском духе, а ведь мог бы многого достичь, если бы развивался свободно, потому что он ближе всего к эллинскому.

От «подражающее» благородному поведению тела Платон ожидал облагораживающего влияния на душу. Кант однажды проверил эту

идею. Угрюмая служанка, которую попросили вести себя приветливо, в итоге сделалась привлекательной. Платон был убежден: «Неблагородное поведение и отсутствие меры и уравновешенности сочетаются со злословием и бессердечием, а противоположные качества — с противоположными, например, благоразумный образ мыслей и подражание ему» (Государство, 401).

Из этого убеждения Платона следовало, что в его государстве должно было находиться под контролем все образцовое в физическом и психическом плане, прежде всего, искусства, те, которые позволяют непосредственно видеть, какое впечатление производит на молодого человека произведение искусства, или такие, как музыка, песня, стихи — они колеблют струны человеческой души и влияют на того, кто их слушает. Платон понимал, какие опасные для добродетельной жизни образы может создавать искусство, поэтому он, сам художник, требовал государственного надзора над творцами: «Тем самым мы помешаем им изображать безнравственное, низкое и уродливое как на картинах, изображающих живые существа, так и в архитектуре и в других произведения искусства... Тот, кто не захочет следовать этим правилам, не сможет заниматься у нас искусством... На картинах, как и на лугах, могут вырастать сорняки, если их не выпалывать, их будет становиться все больше, и незаметно они нанесут большой вред душам. Нет, нам нужны такие мастера, которые при благоприятных условиях могут выразить суть прекрасного, чтобы наша молодежь, живущая в здоровой обстановке, получала положительные стимулы и с этой стороны» (Государство, 401).

Избранные роды, помещенные в благоприятно влияющую на их задатки духовную и нравственную среду: здесь идеи Платона об улучшении породы смыкаются с его идеями о воспитании.

Прежде всего, музыку — у эллинов она включала в себя также танцы и часть поэзии — необходимо было поставить под государственный надзор, так как за обольстительным воздействием, которое она могла оказывать, могли скрываться разлагающие образцы человеческого поведения. Художник Платон не боялся такого надзора; свобода искусства должна быть ограничена в пользу того, что выше всех искусств, что для Платона было предпосылкой любого великого искусства: в пользу здоровой, нравственной жизни.

Толпа думает, что музыка создана для наслаждения. «Но это совершенно невыносимое, даже дерзкое утверждение» (Законы, 655). Музыка должна очищать вкус и призывать к благородному поведению. Никакого «искусства для искусства»: искусство должно способствовать возвышению человека. Государство это тоже произведение искусства

(Законы, 817), и Платон без колебания ставит его выше прочих искусств. Так надо проверять произведения композиторов, желающих исполнять их в его государстве: «Вы, отпрыски соблазнительно мягких муз! Мы будем сначала передавать ваши звуки властям для сравнения с нашими, и если ваши окажутся равноценными или даже лучше наших, мы разрешим вам их исполнять, если же нет, мои дорогие, то для нас это будет невозможным» (Законы, 817).

Что означает здесь «равноценные» или «лучше»? Только одно: обладают такой же или большей ценностью для сохранения добродетельной жизни. Это было выражением того, что можно назвать «Биологической эстетикой»: для наших современных философов и эстетиков это «вздор». Но Платон, великий Платон, согласился бы, чтобы его так называли.

Художник наших дней, Шульце-Наумбург, в своей книге «Искусство и раса» снова поставил вопрос об образцах искусства и ценности искусства для возвышения человека. Он пришел к выводу, что и сегодня наблюдается то, о чем говорил Платон: «Безнравственное, низкое и уродливое в картинах, изображающих живые существа, в архитектуре и в других произведениях искусства».

Платон верно подметил: именно искусство больше всего влияет на поведение людей. Именно в этом внимании к поведению, к его стилю проявляет себя Платон-художник, но художник, который был цельным человеком. Но еще больше эта его сторона проявляется во взгляде на расовое начало в человеке. Как только в народе — а народы это всегда расовые смеси — обращают внимание на поведение людей, на их «стиль», сознательно или бессознательно обращают внимание на расовую принадлежность. Как только человек вознамерится дать образец для своего народа, он выберет в расовой смеси своего народа определенные телесные формы и соответствующую им манеру поведения. Обычно он может выбрать лишь тот из представленных в его народе смешанных типов, который в жизни и в искусстве, в истории и современности будет воспринят каждым здоровым человеком как благородный тип.

На благородный тип ориентирована вся платоновская система воспитания. Платон считал, что египтяне предписывали своим художникам и скульпторам, какие формы и позы тела следует изображать, как образцовые, а какие не следует. Похоже, он был прав. Образцовыми египтянам казались формы и движения эфиопской (хамитской) расы, самой благородной, творческой и руководящей в египетской расовой смеси. Об этом свидетельствует доисторический период Египта и многие египетские скульптуры. В любом случае, в Египте было расово обусловленное поведение, которое считалось образцовым, «красивым».

«Уже с древнейших времен египтянам было известно мудрое правило... молодежь в государстве надо приучать к красивым позам тела и к красивым мелодиям» (Законы, 656).

Без колебаний доводит Платон эту мысль об оздоровляющих образцах до решающих для учения о прекрасном выводов: «Общезначимо следующее: все положения тела и все мелодии, без исключения, выражают психические и физические особенности, непосредственно или косвенно, путем имитации; если эти особенности положительные, они прекрасны, если же выражаются отрицательные особенности, то нет» (Законы, 655).

«Красивое» и «мерзкое» при изображении тела в искусстве оценивается в зависимости от того, дает ли оно стимулы к возвышению жизни. Это и можно назвать биологической эстетикой. Почти все философы побоялись бы вводить в свое учение о прекрасном биологические критерии, но Платон никогда не был пугливым мыслителем.

На протяжении истории человеческого духа высказывалось много правильных идей; идеи, которые заключали в себе нечто расцветающее встречались редко; еще реже их продумывали и развивали. Эллинам удалось сформулировать такие расцветающие идеи, что знание прекрасного и доброго долго еще означало не конец человечества, а только его начало: речь шла о воплощении прекрасного и доброго в человеческом роде. Прекрасное и доброе осуществляются только тогда, когда их воплощение — перед глазами. Эта цветущая мысль выражена в греческом слове «калокагатиа» (красота + доброта). Это не только идея индивидуального поведения. Это идея отбора, который один только и может воплотить прекрасное и доброе.

Выше мы сравнивали платоновское воспитание с «эстетическим воспитанием» Шиллера. Теперь нам кажется, что платоновское воспитание мы называли неправильно. Хотя он действительно использует эстетические средства, по сути это биологическое воспитание, хотя бы потому, что само учение Платона о прекрасном основано на законах жизни. Шиллер заходил так далеко, что заявлял: «Руководствоваться чувством красоты или художественным чувством — не что иное, как стремление сделать все цельным, довести до совершенства. Главная идея в том, что человек, в котором однажды проснулось чувство красоты, гармонии и равновесия и стало в нем господствующим, не будет знать покоя, пока не объединит все вокруг себя, пока не сделает все обломки целыми, пока не исправит все недостатки... пока не приблизит все формы вокруг себя к совершенным» (Ионас. Письма Шиллера, т. II № 393). Так далеко зашел Шиллер. Платон пошел дальше и осознал, что дефектное, фрагментарное, если речь идет о физических и психических качествах человека, может исчезнуть

только вследствие ликвидации, бездетности наследственно-дефективных, что красота. Гармония и равновесие души и тела достигаются только путем отбора по воплощенным образцам и многодетности благородных. Шиллер надеялся, что красота и добро будут плодами воспитания, а Платон знал, что красивое и доброе может родиться только от красивого и доброго. «Чувство красоты, гармонии и равновесия», которое хотел пробудить Шиллер, — хорошее чувство, но Шиллер кончает на этом чувстве и его проявлениях в индивидуальной жизни, Платон же взывает к нему, чтобы им руководствовались и при выборе супружеской пары.

Только благодаря воплощению своих ценностей в человеке культура народа приближается к своей цели. Сегодня много говорят и пишут об играх, танцах и физкультуре, часто в духе софистов, реже в платоновском. О том, что игры, танцы и физкультура имеют смысл лишь в том случае, если они способствуют воплощению благородного типа, обычно умалчивают.

«Калой-Кагатой» — высшее, что может воплотить народ, прекрасная игра для зрителей, как говорил Платон.

«Когда все хорошие душевные качества и соответствующие им и гармонирующие с ними внешние явления сочетаются, словно отлитые из одного куска, тот, кто может видеть, наблюдает прекраснейшую игру» (Государство, 402).

Способный человек чистой крови — это он «красив и добр» (колос кагатос). Недавно Л.Ф. Клаусс в книжке «Чужая красота» (1927) совсем как Платон высказывался о сути физической красоты. И в своих книгах по феноменологической расовой психологии Клаусс затрагивал вопросы, интересные тем, кто в рамках многообразной расовой смеси (а таковыми, с расологической точки зрения, являются все западные народы) постоянно встречал людей, принадлежавших по внешнему облику к одному расовому типу, а по психическому складу — к другому. Подобно Платону, Клаусс хотел бы определить суть человеческой физической красоты как совпадение расовых черт человеческого тела (как поля выражения души) с расовыми чертами руководящей этим телом души. При таком совпадении перед нами будет калос-кагатос Платона.

Такого чистокровного воспитателя воспитанник должен уважать, любить и подражать ему. Так у Платона соединяются идеи отбора и воспитания. Если воспитатель не принадлежит к чистому типу, а имеет физические дефекты, воспитанник не должен от него отворачиваться, в отличие от того случая, если воспитатель с психическими дефектами. Первое условие для образцового воспитателя — красивая душа, второе — красивое тело. То и другое вместе — почти идеал.

Платоновское воспитание, несомненно, имело своей целью выявить, какие люди могут в наибольшей степени приблизиться к идеалу, а какие нет. Первых потом как отдельных людей и как носителей наследственности следует продвигать, назначать на руководящие посты в государстве, позволить иметь большие семьи, а вторые должны быть подчиненными и иметь мало детей. Об этом говорится без боязни задеть чьи-то чувства, а лица, наследственно неполноценные, как показывает опыт, как раз более чувствительны, чем полноценные.

«Чужеземец: Поясни нам, пожалуйста, еще кое-что.

Сократ Младший: Что именно?

Чужеземец: Возьмем предмет, при изготовлении которого используются разные искусства. Можно ли составить его из бесформенных кусков годных и негодных материалов или каждое искусство отбрасывает негодное и использует только годное, чтобы соединить в одно целое частично однородный, частично разнородный материал?

Сократ Мл.: Разумеется, имеет место второе.

Чужеземец: Значит, и действительно согласное с природой государственное искусство никогда не создает государство из хороших и плохих людей. Сначала надо будет испытать детей с помощью детских игр, после этого отобрать тех, кто способен к обучению, и направить усилия к этой цели, сосредоточив в своих руках управление и наблюдение, подобно тому, как в ткацком деле чесальщики и другие ремесленники, которые готовят материал для плетения тканей, делают это под контролем мастеров, дающих указания.

Сократ Мл.: Разумеется.

Чужеземец: Точно таким же образом, как мне кажется, государство должно брать на себя высшее руководство, осуществлять свою власть. Закон не должен разрешать воспитателям заставлять воспитанников делать какие-то иные упражнения, кроме тех, которые способствуют формированию благородной души, в чем суть государственного искусства: это должно быть ориентиром воспитания. А тех, кто окажется неспособным к усвоению добродетелей, и проявит склонность к безбожью, дерзости и несправедливости, надо карать смертью, изгнанием и лишением имущества и гражданских прав.

Сократ Мл.: Мы слышали о таком.

Чужеземец: а тех, кто погряз в болоте невежества и бесчестности, унижают тем, что переводят их в класс рабов.

Сократ Мл.: Очень правильно.

Чужеземец: Что же касается остальных, чьи задатки служат достаточной гарантией того, что они при должном воспитании обретут благородные качества и их можно будет смешивать между собой, то

надо постараться часть из них, смелых и твердых, использовать как основу ткацкого станка, а других, более скромных, сплести в ткань.

Сократ Мл.: Каким образом?

Чужеземец: Сначала связать бессмертную часть их душ божественными узами, в соответствии с родством, а потом смертную часть — человеческими узами» (Государственный деятель, 308-309).

Таким образом, воспитание должно выявить часть народа, способную по своим наследственным задаткам быть руководящим слоем. Этот слой составляется из двух типов благородных людей, более смелых и более скромных. Они могут заключать браки между собой и их потомство будет наилучшим, так как сочетание благоразумия и храбрости представлялось Платону признаком «правильно ориентированной души» (Государство, 410).

Идеи Платона об отборе и воспитании можно понять как стремление к идеалу совершенного человека и к познанию возможностей осуществления этого идеала в государстве. Если мы зададим себе вопрос, каким образом и в каком месте эти идеи связаны с философией Платона в целом, то окажется (таково мое мнение), что сам Платон никогда не высказывался на эту тему более точно и систематически. С возрастом он все меньше становился «систематиком» и все больше мудрецом. Его «Законы» — его самое мудрое, но не «философское» произведение. Поэтому они ставят в тупик многих профессоров философии. Но если Платон с возрастом все небрежней относился к связям между идеями и все внимательней занимался отношениями между людьми, то я могу, хотя он этого и не высказывал, вывести его идеи об отборе и воспитании из его понимания сущности добродетели.

Для Платона — и не только для него, а для каждого настоящего эллина, а не для усвоившего греческий язык представителя низшего слоя древней Греции — для Платона, как и для Пифагора, у которого Платон многому научился, добродетель это порядок, нравственный порядок, упорядоченные убеждения, находящиеся в гармонии с мировым порядком. Добродетель это гармония — так учил еще Пифагор. В «Горгии» (506) Платон говорил, что добродетель основывается на определенном порядке и регулярности, благоустроенная душа — нравственная, а беспорядочная — безнравственная. В «Гори» (507) говорится также, что общество, дружба, порядок, сознание и справедливость соединяют небо и землю, людей и богов. «И поэтому Вселенную называют Космосом». Добродетель означала для настоящего эллина равновесие души в соответствии с мировым порядком, законами природы, Космосом.

Эллинская идея Космоса предстает здесь перед нами не как эллинская, а как индоевропейская. Первым ее выявил как таковую правовед

Б.В. Лейст. Этот разумный мировой порядок — «рита» индийцев, «урто» или «аша» персов, «рацио» римлян и Мидгард германцев заключают то же содержание, что и греческая идея Космоса — слово «космос» можно перевести как «порядок».

Добродетель для эллинов это был порядок, приведение своего внутреннего мира в гармонию с миром в целом, с Космосом. Эллин осознавал себя человеком, который должен создавать ценности в божественной природе, а средневековая церковь учила, что человек может создавать ценности только против природы, с точки зрения церкви, безбожной, низкой, влекущей к греху. Святым для средневековой церкви был тот, кто отрекался от природы, а эллины считали благородным того, кого природа учила красоте и добру. Ответственности за сохранение благородного начала в человеческой жизни, которая лежала на физически и духовно благородных людях, выражалась в том, что эллины, по свидетельству Гомера, почитали отдельных живущих среди них людей как «божественных» или «богоравных». Они были достаточно богаты, чтобы давать благородному человеку то, что принадлежит Богу.

Это благочестивое отношение к миру, восприятие этого мира как священного или «утверждение этого мира как благородного» (Кюнаст) — как бы мы ни называли облагораживающую природу религиозность настоящих греков — она обуславливала и эллинское равновесие между телом и душой, и почитание тела и требование воплощения прекрасного и доброго в грядущих поколениях. Идея Космоса должна была непосредственно и произвольно подводить человека к идее отбора, и Платон, как эллин, не считал необходимым давать этой идее «систематическое обоснование». Если человек ценит физические и психические наследственные задатки, расу и наследственные способности, значит, он чтит божественный мировой порядок. Мы не ошибемся, если увидим в этом ядро платоновской идеи отбора и будем понимать эту идею как выражение религиозности Платона. Он сам говорил, что беспорядочное смешение несовместимо с благочестием в городе блаженных.

В заключение порассуждаем о том, какое всё это имеет значение для нас, современных людей. Я полагаю, что сегодня, когда расовая гигиена и расология открыли перед нами новые пути, многие представители этих наук могут сказать об этой части учения Платона то же, что сказал Макс Вундт в начале своей книги «Жизнь и творчество Платона» (1914): «Ни о каком прошлом не говорит тот, кто вспоминает сегодня Платона». Тот, кто занимается вопросами наследственного здоровья и расы и испугался бы, представив себе, как выглядели бы тела большинства наших сограждан, если бы они прошли нагишом по городу, тот поймет идеи Платона об отборе и воспитании. Все требо-

вания Платона остаются действительными и для нас. Но мы не будем осуществлять их с помощью средств и мер, предложенных Платоном. Платон слишком ограничивал свободу личности в интересах народа в целом. Современная расовая гигиена не думает об уничтожении больных и уродливых детей, об отказе в помощи инвалидам, больным и слабым или о смертной казни за не очень тяжелые преступления. Помощь надо оказывать всем, кто в ней нуждается, но право иметь детей, особенно много детей можно предоставлять не каждому. Стерилизация, т.е. мера, которая позволяет наследственно неполноценным всех сословий совокупляться, сколько угодно, но лишает их возможности иметь потомство, предусматривается законом, но одновременно закон должен предусмотреть меры для увеличения числа наследственно высококачественных задатков за счет большего числа детей у наследственно высококачественных людей всех сословий.

Я упомянул об этом лишь походя. После всего вышесказанного, главным для меня является следующее. Принципиально важно, чтобы потомки поняли, что Платон, один из самых универсальных и глубоких мыслителей всех времен, осознал значение отбора, что отбор был для него важнее, чем воспитание, что он ясно видел неравенство людей и хотел построить на этом свое государство. Обо всем этом говорилось в учении Платона, но снова и снова предавалось забвению. Снова и снова возникала идея софистов, что добродетели можно научить, хотя Платон доказывал, что она основывается на врожденных, наследственных задатках. Идеи софистов снова окутали Запад тьмой со времен Руссо и французской революции. В вопросах воспитания людей и народов воцарился «гнусный оптимизм», говоря словами Шопенгауэра, философа, который, как и многие глубокие мыслители, подчеркивал решающее значение наследственных задатков.

Мы знаем, что «Очерк о неравенстве человеческих рас» Гобино (1853-55). «Наследственный гений» Гальтона (1869) и опыты Менделя на растениях в 60-х годах XIX века произвели переворот в духовной жизни Запада, нанесли контрудар по софисту Руссо и по предшественникам. Но мы знаем также, что толпе имена Гобино, Гальтона, Менделя, Лапужа говорят столь же мало, как и имя Платона. Однако, толпой всегда руководит меньшинство, и сегодня во всех идеологических и политических лагерях есть люди, которые знают, что такое наследственность и отбор.

Их немного. Возникают все новые планы, как усовершенствовать людей только путем воспитания. Тела можно сделать красивыми и сильными с помощью физических упражнений, души — с помощью образования. Люди продолжали верить, вопреки Гальтону и Менделю,

в наследование приобретенных физических и духовных способностей. Прогресс человечества связывался с постоянным улучшением образования. Из поколения в поколение человечество будет становиться все совершенней. Есть люди, которые восхищаются спортивными командами: какие пропорции, какую стройность, какой смелый профиль, какие упругие движения приобретаются благодаря спорту. Им не приходит в голову мысль об отборе, пока они не увидят нагишом тысячи зрителей спортивных состязаний. А если бы они знали еще и психические качества своего окружения?

Когда представителям учения о решающей роли воспитания бросают упрек, что при современном охвате образованием и воспитанием человечества или, по крайней мере, его западной части, результат получился такой жалкий, что Шопенгауэр назвал «фабричным товаром природы» множества во всех народах и слоях людей массы, фанатики образования ответят, что всему виной неверные принципы воспитания. Одинаковое всеобщее образование нашего времени создает совершенных людей. В 1928 г. Эррио, французский министр просвещения, заявил, что благодаря «единой школе» все граждане Франции, не только северные и южные французы, но и иммигранты — поляки, армяне, выходцы из Северной Африки и Восточной Азии, станут добродетельными французами.

Среди работников образования, к сожалению, много таких, которые страстно и нетерпимо защищают мнения софистов против Платона, даже сегодня, после Гальтона и Менделя. Видный представитель биологической педагогики, который значительно продвинул эту науку своими исследованиями, Вильгельм Хартнакке пишет в своей брошюре «Органическая школьная система» (1926): «Я слышал однажды, как один ведущий школьный реформатор в своем докладе страстно призывал не допускать высказываний о неодинаковой одаренности людей разных слоев. Я же считаю, об этом не только можно, но и нужно говорить... Мы должны преодолеть владеющие умами многих наших соплеменников, будто вся жизнь государства и общества может строиться теоретически на механическом равенстве отдельных людей. Часто создается впечатление, будто организовано раздувается завить, поэтому так много вождей и соблазнительей групп и масс (среди вождей масс мало честных идеалистов), которые искажают любой непредвзятый взгляд на реальность... Мы пойдем дальше, если заменим лозунг «Каждому одинаковое» на «Каждому своё».

Это было требование Платона. Зная законы жизни, чего можно ожидать от системы обучения, которая исходит из идеи равенства всех людей и думает, будто добродетели можно научить? Легкомысленные гипотезы всегда приносят только несчастья.

Глубокое знание людей хранило великого Платона от такого легкомыслия, как врожденное знание людей и опыт хранили Фридриха Великого от «мерзкого оптимизма». Кант рассказывает в своей «Антропологии в прагматическом плане» такую историю: «Фридрих II спросил однажды великолепного Зульцера, которого он ценил по заслугам и назначил директором школьных учреждений в Силезии, как у него дела. Зульцер ответил: «С тех пор, как был взят на вооружение принцип (Руссо), что человек от природы добр, дела пошли лучше». «О, мой дорогой Зульцер! — сказал король. — Вы недостаточно хорошо знаете эту проклятую расу, к которой мы принадлежим». Кант, который это рассказал, говорил об отношении наследственных задатков к воспитанию, что «врожденный» характер заключается в смешанной крови человека, а все приобретенное и искусственное — только следствие этого» (Антропология в прагматическом плане, 1798). Шекспир, Гете, Шопенгауэр и другие великие идеалисты думали так же, как Кант и Фридрих Великий.

Мы не будем подробно доказывать, почему Фридрих Великий и Платон правы, и Зульцер нет. Выступления против Платона продолжают даже после Гобино, Гальтона и Менделя. Желательно лишь одно: чтобы усердие и педагогические таланты современных и будущих зульцеров сочетались со знанием биологических законов. Ленц в своих «Биологических основах воспитания» (2-е изд., 1927) дал ориентиры в этом направлении. Следует стремиться к тому, чтобы система образования, которая ставит под сомнение наследственные различия людей и в то же время сама старается отделить способных людей от неспособных, делала это по плану Платона. И так же, как Платон, мы, знатоки биологии, хотим создать такую систему образования, чтобы наследственно способные люди всех сословий имели больше детей, а наследственно неспособные — меньше.

Мы стремимся создать культуру, которая способствовала бы улучшению человека путем отбора, и хорошо, что у нас был такой предшественник, как Платон. Мы постоянно слышим от тех, кто верит в равенство всех людей и решающую роль воспитания, обвинения в «материализме» в адрес тех, кто делает упор на наследственности...

Нас подозревают в «материализме», когда мы говорим об отборе, о выведении пород. Говорят, мы тем самым уподобляем людей животным. Мы будто бы хотим перенести на людей законы животноводства. Мы «материалисты» и хотим превратить государство в «конский завод».

Остановимся на один момент на этом упреке. Разве не дух средневековой церкви настолько принизил животных, что ни при каком анализе их нельзя сравнивать с людьми? Для человека характерно, что в нем

есть священная душа, которая стремится улететь из несвященного, «животного» тела. В противовес этому мы ориентируемся на древних германцев и эллинов, которые видели в животных столько же «человеческого», сколько средневековая церковь в человеке — «животного». Каким чистым (в германском и эллинской восприятии) взглядом смотрели на животных Рубенс, Поттер, ванн де Вельде, Лильефорс. Вспомним, что говорил Фауст сам себе перед входом в пещеру:

Ты ряд живых существ провёл передо мной

И научил меня в них братьев узнавать,

В кустарнике, в глубинах вод и в небе.

Было бы неверно говорить, что люди должны так смотреть на животных, тем более, что для нас люди — части божественного мирового порядка. Скажем только: древние германцы и эллины так смотрели на человека, животных и Вселенную.

Но церковный взгляд на «животное» принадлежит прошлому. Пусть нас не вводит в заблуждение ложное сравнение заботы о здоровой наследственности с методами «животноводства». Платон придал греческому слову «идея» его философский смысл, он вообще стал основателем идеализма и всю жизнь стремился понять суть идей и их иерархию, а в итоге приписал царству идей значение высшего — и этот же самый Платон, как идеалист, должен был обдумывать идею отбора.

Переводчик «Государства» Апелът правильно догадался: «Платон не мог вполне довольствоваться естественным отбором; как настоящий идеалист, он решительно выступал за искусственный». Мы не называли бы цель Платона «искусственным отбором». Целью воспитания по Платону было пробудить у молодежи избирательный взгляд на тело и душу человека, чтобы эта благородная молодежь по зову природы, лучшего в своей наследственной сути выбирала благородное. Можно сказать: Платон, как настоящий идеалист, требует регулирования отбора согласно раскрывающимся в законах природы идеям. Это суть: не беспорядочное, безыдейное смешение, а идейный отбор, идейный выбор супружеской пары с ориентацией на физические и психические образцы совершенного человека чистой расы. Такой выбор супружеской пары — выражение добродетели, обеспечивающей гармонию нравственного порядка с Космосом. Мы, как Платон, выдвигаем идею отбора как идеалисты. Когда Шиллер с гордостью писал Гумбольдту: «В конце концов, мы оба идеалисты, и стыдились бы, если бы стали повторять за другими, что вещи формируют нас, а не мы вещи» (Ионас. Письма Шиллера, т. VII, № 2042), то он думал при этом об оформлении среды и об управлении людьми посредством идейного воспитания. Платон подумал бы при этом также о направлении отбора и о том, как его

определяют идеи. Только те законодатели, говоря словами Ницше, могут мять руками столетия, как воск, которые определяют направление отбора.

Профессора философии редко ссылаются на идеи Платона о наследственности и отборе, многие из них, сознательно или бессознательно, придерживаются мнения софистов, что добродетели можно научить; многие из них, более чем 2000 лет спустя после Платона, маниакально верят, что человечество можно усовершенствовать путем образования. Эта маниакальная вера — профессиональная болезнь многих учителей, ей не подвержены лишь те, кто понимает значение Платона, Канта и Шопенгауэра. Виндельбанд сетовал, что Платон к концу своей жизни не хотел больше для своего народа ничего более высокого, кроме того, чтобы все эллины стали благочестивыми крестьянами. Виндельбанд просмотрел в «Государстве» Платона высокую оценку высшего образования. Платон к концу жизни, может быть, меньше стал «философом», зато больше мудрецом. Он пережил век софистов, который сам себе приписывал достижение невероятного процесса, который заключался в том, что при увеличении числа неполноценных наследственных задатков в народе появляются всевозможные формы образования и даже всеобщего. Не без основания Платон говорил, что в Спарте, враждебной образованию Спарте, как считали «просвещенные» афиняне, больше философов, чем в Афинах: он имел в виду мудрость, больше связанную с законами жизни. Он думал о законах Ликурга с их идеями отбора и о немногословном благородстве спартанцев.

Насколько мне известно, среди авторов, писавших об учении Платона, только Константин Риттер в своей книге «Платон» (т. II, 1923, с.613) и Андреэ в его издании «Государства» (1925) обратили внимание на идею отбора как ядро учения Платона. Андреэ пишет: «Значение, которое имеют для государства Платона кровь, чистая раса, обычно не учитываются. Платона охотно изображают догматичным и фанатичным педагогом, который ожидал спасения от одного лишь воспитания... О том, насколько Платон разбирался в этих вопросах, лучше, чем почти все современные практические и теоретические политики, свидетельствует уже такой внешний признак: о воспитании и о расовом вопросе он говорит в двух разных проектах «Государства».

Мы подошли к концу нашего анализа и резюмируем, пусть на языке нашего времени, а не на языке Платона, о чем шла речь: об отборе, с одной стороны, и о воспитании, с другой, и об их взаимосвязи.

Благодаря отбору, т.е. отделению наследственно ценных людей всех сословий от наследственно неполноценных людей всех сословий образуется и благодаря большому числу детей у наследственно ценных

людей растет ядро народа, состоящее из наследственно высококачественных людей. Но на одном таком отборе еще нельзя построить хорошее государство. Необходимо и воспитание: этого требуют и все представители современной расовой гигиены, хотя их взгляды неверно понимают и относятся к ним с подозрением.

Но что должно дать воспитание? Отобранным людям с высококачественными наследственными задатками оно должно дать ориентацию, необходимую для народа и государства. На одном отборе нельзя построить хорошее государство ибо «человек состоит не только из врожденного, но и из благоприобретенного», — как сказал Гёте (Максимы и размышления), который всегда отводил решающую роль наследственному, врожденному.

Каков же был смысл требования Платона «оставить после себя детей и внуков»? Чтобы они «вместо вас стали новыми служителями Божества». Прекрасней и благочестивей никогда не соединялись вместе отбор и воспитание. И носителям лучших наследственных задатков в народе требуется общая ориентация, продолжение традиции и наглядное изучение образцов, взятых из истории в соответствии с законами жизни.

Такое воспитание в свою очередь служит отделению благородных от неблагородных, как и вся культура должна способствовать отбору и размножению наследственно ценных людей. И отбор, и воспитание в их взаимодействии должны быть подчинены образу совершенного человека: это ядро платоновской идеи государства. Такого государства и такой культуры не будет, как до сих пор было с большинством культур, если лучшие роды угаснут из-за малого числа детей. Смысл государства — в сохранении и приумножении благородного наследия.

Насколько образован народ, зависит от того, насколько ценности его образования воплощены в людях. Разве не Платон в первый и единственный раз поставил вопрос о культуре таким всеобъемлющим и единственно правильным образом?

После Платона хорошим государством может называться лишь то государство, которое охраняет границы, законы, образование и благосостояние, но одновременно со всем этим является хранителем полноценной жизни и заботится о ее приумножении.

УРБАНИЗАЦИЯ И ЕЕ ОПАСНОСТИ ДЛЯ НАРОДА И ГОСУДАРСТВА

С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ БИОЛОГИИ И СОЦИОЛОГИИ

Лейпциг-Берлин, 1934. Издатель и печатник — В.Г. Тойбнер.

Ганс Ф.К. Гюнтер

Данная работа написана на основе лекции «Биологические процессы эмиграции в Северную Америку и американские законы об эмиграции», прочитанной мною во время летнего семестра 1933 г. Тогда для меня стали ясными глубокие связи между германской свободой и демократией, с одной стороны, и нордической расой и крестьянством, с другой, между политическим равенством и равенством избранных в их благородстве, между урбанизацией и расовыми изменениями, с одной стороны, и искажением германского понятия свободы и равенства, с другой, между урбанизацией и разложением народа и, наконец, между возвращением к сельской жизни и возможностями обновления народа. Пусть эти идеи будут моим вкладом в обновление немецкой нации.

Ганс Ф.К. Гюнтер. Иена, апрель 1934.

Как изменяются жизненные процессы и групповая жизнь, если от 30 до 40 и более процентов народа живет в городах, и городской дух пронизывает даже крестьянские общины? Ниже мы займемся обсуждением этих вопросов.

Начнем с исторических данных: во времена «Германии» Тацита (90 г. н.э.) предки немцев были исключительно крестьянами. «Народ» состоял из владеющих землей отцов семейств свободного происхождения и их семей. Только несвободные не имели земли или имели ее очень мало, но они не причислялись к народу и в расовом отношении рассматривались как группа, отличная от свободных. Молодые холостяки из свободных родов не имели двора, а жили на небольших, огороженных участках земли, но их было мало, так как по индоевропейским и германским понятиям молодой мужчина, не состоящий в браке, считался неполноценным. Все эти люди, свободные и несвободные, отцы семейств и холостяки были земледельцами. И когда германцы познакомились с отвоёванными у римлян городами, они с презрением относились к городской цивилизации и с равнодушием к ее распаду, оставляли города неполноценным торгашам, рабам, вольноотпущенникам и потомкам рим-

ских провинциалов, а сами жили вокруг них, согласно привычкам своей расы, родовыми поселениями в разбросанных отдельных дворах. «Они живут сами по себе и раздельно», — так пишет Тацит и подчеркивает: «Они вообще знать не хотят о замкнутых поселениях». Он, похоже, даже уловил кое-что из психической сущности нордической расы, в частности, стремление сохранять определенную дистанцию между людьми и потребность в одиночестве и свободном пространстве вокруг себя.

Всё германское население на территории нынешней Германской империи в начале существования Римской империи Шмоллер (в 1901 году) оценивал в 2-3 миллиона.

Позже начался процесс урбанизации немецкого народа. Жизнь в римских городах стала привычной, в города устремились расово неполноценные рабы в надежде получить свободу, а когда первые германские императоры начали строить свои крепости, они стали заселять их свободными крестьянами. С этого начиналось, а к 1910 году процесс зашел настолько далеко, что 60% немцев уже жили в городах и лишь 40% — в сельской местности. Войтинский приводит следующие цифры по Германской империи:

	<u>Жители городов с населением свыше 2000 человек</u>	<u>Сельское население</u>
1871	36,1%	63,9%
1880	41,4%	58,6%
1890	47%	53%
1900	54,3%	45,7%
1910	60%	40%

За 40 лет между 1870 и 1910 годами городское население в Германии увеличилось на 163%, сельское уменьшилось на 1%. В этот период и в Германии во всех проявлениях государственной и общественной жизни сказались последствия урбанизации. При переписи 1933 г. оказалось, что каждый третий немец живет в большом городе (в 1870 г. каждый 20-й).

В Великобритании уже в 1851 г. городское население составляло 50,1%, сельское — 49,9%.

Во Франции и сегодня дела в этом плане обстоят лучше — почему «лучше», будет показано потом. В 1920 г. ее городское население составляло 46,7%, сельское — 53,3%.

Наиболее урбанизированными странами сегодня можно считать: США, в еще большей мере Австрию, в еще большей мере — Германскую империю, в наибольшей степени — Шотландию, Англию и Уэльс. В меньшей степени урбанизированы: Франция, еще меньше Дания, еще

меньше или в такой же степени Швеция, Норвегия и Ирландия. Еще не урбанизирована Россия, потому что западноевропейский урбанизированный дух противен большевистским чиновникам.

«Урбанизированным» можно считать народ, если в его составе 30-40% горожан; более четкую границу провести нельзя, как нельзя сделать для каждого народа без учета его расовых особенностей. Я не проводил бы границу на уровне 50%, так как городской дух имеет большой перевес над сельским благодаря прессе, парламентам, правительствам, орудиям власти, образовательным учреждениям, радио и т.д. Кроме того, в сельской местности периодически или постепенно живут влиятельные семьи с городским ощущением жизни. В вышеупомянутых переписях жители сельских местностей, не являющиеся крестьянами, всё равно относятся к сельскому населению. И, наоборот, отдельные семьи с крестьянским ощущением жизни, которые живут в городах, не оказывают никакого влияния на общий дух города.

Наконец, городской дух преобладает, потому что он исходит от групп населения, в среднем более одаренных, чем группы сельского населения. Столетиями наиболее энергичные, одаренные и целеустремленные люди уходили из сел в города. Факт в среде более высокой одаренности многих городских групп по сравнению с сельскими, вероятно, был бы еще заметней выявлен соответствующими исследованиями, если бы при них не учитывались городские потомки мало одаренных людей, лентяев и преступников, которых заносит в города людские потоки. При расчете средних величин мало одаренные горожане настолько сильно тянут вниз общие показатели, что часто получается, будто городские жители по одаренности почти или совсем не превосходят сельских. Вопрос, каким образом и в каких направлениях используются таланты в городе и в селе, будет рассмотрен позже, а пока мы подчеркнем лишь тот факт, что преобладанию городского духа над сельским способствует скопление в городах одаренных людей.

Но, при всем этом, граница начинающейся урбанизации народа проходит не на уровне 50%. Я предлагаю провести ее, в зависимости от психических задатков конкретной популяции, примерно на уровне 30-40% горожан.

Прилагаем обзор степени урбанизации в аспекте самостоятельности.

Из всего населения Германской империи в 1925 году

имели самостоятельный заработок 51,29%

из них в сельском хозяйстве 15,64%.

В США в 1920 г. пропорция была соответственно 39,37% и 10,31%.

Самостоятельное сельское население (крестьяне, помещики и т.п.) составляло в 1925 г. в Германии всего 7,97%, в США — 8,56%. Таким

образом, если применить древнегерманское мнение, что только самостоятельный землевладелец, благородный крестьянин может быть полноценным гражданином, к нашему нынешнему государству, то лишь 8% (округленно) граждан Германии могут претендовать на участие в управлении государством. То, что можно назвать германской демократией — и немец в определенном смысле «прирожденный демократ», основывалось на свободе и равенстве свободных землевладельцев, и «свобода и равенство» в их понимании крестьянской аристократией представляют собой характерно германские и индоевропейские ценности. Перед государством урбанизированного немецкого народа следует поставить вопрос: Применимы ли принципы свободы и равенства крестьянской аристократии к государству, где всего 8% населения составляют свободные землевладельцы?

Должен прозвучать и вопрос о форме государства, который накладывает германский отпечаток на народ и государство, когда мы обсуждаем процесс урбанизации. С точки зрения германского понимания жизни и государства было вполне последовательно, что при основании США — тогда на удивление германского государственного образования, под руководством истинно германского аристократа Вашингтона — в штате Массачусетс лишь 16% населения, а в городе Филадельфия лишь 2%, т.е. только свободные землевладельцы, имели избирательное право... Даже в 1790 г. из 14000 мужского населения города Нью-Йорка лишь 1303 человека обладали правом голоса. Это были полноправные граждане, обладавшие достаточной собственностью, чтобы принимать участие в выборах губернатора. Безземельный горожанин, даже богатый, по гражданским понятиям, не мог быть полноценным гражданином.

И в средневековых немецких городах полноправными гражданами были только владельцы земельных участков и домов. В Англии привилегии землевладельцев были отменены лишь в 1832 г. Тогда было изменено избирательное право, ликвидированы т.н. «гнилые местечки». До 1832 г. растущие промышленные города, такие как Лидс, Брэдфорд, Манчестер, Бирмингем и Шеффилд не могли отправлять своих представителей в парламент, а малонаселенные сельские округа могли. Упорное цепляние за эту устаревшую систему избирательных округов приписывали эгоизму английской аристократии, который сказывался на всей государственной жизни Англии, но сегодня следует признать, что в этой системе продолжал жить древний германский дух, который, как у всех индоевропейцев, всегда был связан с «кровью и почвой» и отличался недоверием ко всем группам безземельных людей, тем более сильного, чем богаче эти группы были.

Безземельные горожане не могли быть полноценными гражданами. Они не могли пользоваться германской свободой, потому что в германском и индоевропейском смысле свободным мог считаться лишь тот, кто независимо и самостоятельно, дистанцируясь от остальных людей, жил на своем наследственном дворе... Только он мог быть в германском смысле свободным, и эти свободные люди были в германском смысле слова равны между собой: таково ядро германской идее «свободы и равенства» и только эта свобода и равенство делали возможной характерно германскую демократию. Суть германской свободы хорошо определил граф фон Шверин: «Уверенным в себе, своевольным и привыкшим властвовать предстает перед нами германец в рассказах античных авторов, в своих сагах и песнях, а не в виде человека, который вырос и сформировался в цепях. Таким изображали его и римские художники. Из пергамента и мрамора возникает образ несломленной свободы; в каждой линии тела, в каждом порыве духа отражается властное чувство свободы. Не обязательно вспоминать о гордых посланцах с Трояновой колонны: даже закованный в цепи германец, над которым уже занесен меч палача, рассказывает нам о германском чувстве свободы под искусным рубцом скульптора». Понятно, что для осуществления германской свободы и демократии нужна не только свободная крестьянская собственность в вышеописанном смысле, нужно и расовое наследие сознательно отобранных родов из материала расы господ, нордической расы. Отобранные при тщательном выборе супружеских пар на протяжении поколений наследственные задатки и свободное владение землей вместе образуют необходимую основу германской демократии.

Безземельный горожанин мог быть богатым. По изначальному индоевропейскому пониманию он не относится к числу свободных и равных и не может быть полноправным гражданином. В Риме многие плебеи были богаче, чем патриций Цинциннат, который сам обрабатывал свой маленький участок, но однажды, когда возникла угроза государству, был приглашен стать полководцем-диктатором. Но Цинциннат принадлежал к свободным и равным между собой потомкам индоевропейцев-италиков, к уважающему «кровь и почву» патрициату латинского племени италиков и был передовым бойцом патрициев в борьбе против плебеев, настоящим представителем индоевропейской крестьянской аристократии и индоевропейской концепции, согласно которой полноправным гражданином может быть только землевладелец.

В США только в 60-х годах XIX века взрослые мужчины получили избирательное право. Но тогда, при президенте Линкольне, 80% американцев жили в сельской местности, т.е. в таких жизненных условиях,

которые допускали демократию в германском смысле, в понимании крестьянской аристократии.

Совсем иначе обстоит дело при урбанизации. Городские массы, как правило, подпадают под влияние духа, прямо противоположного образу мыслей крестьянской аристократии и стремящегося стереть германский отпечаток с каждого государства. Городской массовый дух порождает не «власть народа», а «власть массы», что всегда ведет к распаду народа. В США в период образования государства рядом с рассудительным и, в принципе, аристократически мыслящим Вашингтоном находился беспокойный и односторонне упрямый представитель мира просветительно-демократических идей Джефферсон, горячий поклонник Французской революции. Но и Джефферсон видел в демократии государство свободы и равенства всех свободных крестьян, т.е. понимал демократию в германском смысле. При всем его мышлении школьного учителя, что порой мешало ему понимать действительность, Джефферсон ясно осознавал опасность городских масс для государства. В его времена, в тогдашней Северной Америке, в небольших городах, население которых составляло 5% всего населения, еще не было возможности образования городских масс. Но Джефферсон написал пророческие слова: «Поскольку у нас много земли для обработки, для нас нежелательно иметь граждан, которые стояли бы у станка или крутили шпиндель... Фабричная работа пусть остается в мастерских Европы... Массы (тов) дают здоровому государству столько же, сколько язвы добавляют силы здоровому человеческому телу».

Джефферсон осознавал, что демократия лишь до тех пор может быть разумной и способствовать прогрессу, пока народ в преобладающем большинстве состоит из самостоятельных крестьян — это значит, что и представления Джефферсона о демократии в основном еще совпадали с характерными чертами германской демократии, демократии свободных крестьян. В 1890 г. все свободные земли в США были заселены, и этот год стал началом конца американской «демократии свободной земли», которая была столь характерной для истории США до 1900 года, до которого эта демократия еще сохраняла основные черты германской демократии. Позже в США более быстрыми темпами, чем в других германоязычных странах, начала внедряться демократия городских масс. Вследствие этого в скором будущем и урбанизированные США могут оказаться перед выбором двух возможностей: марксистской или англосаксонской национальной диктатуры. У урбанизированных народов других государственных возможностей нет.

Теперь займемся вопросом, почему урбанизация вызывает описанные изменения в составе и ориентации народов. У этих изменений есть

причины, одними из которых должна заниматься биология, другими — социология. Я начну с первых.

Урбанизация всегда влечет за собой вымирание ценных городских семей. Это первым подчеркнул Георг Хансен в своей полной ценных наблюдений книге «Три ступени популяции»: за два-три поколения городская семья вымирает. Хансен и другие исследователи проследили появление и исчезновение семейных фамилий в городах и сделали свои выводы на этом основании. Могут возразить, что исчезновение фамилии может указывать лишь на вымирание ее мужских носителей, и наследственные задатки рода продолжают жить в дочерях и внуках, которые выходят замуж, меняют фамилии и рожают детей. Кроме того, исчезновение фамилии из документов в отдельных случаях может означать отъезд семьи или ее погружение в «безымянный слой» городского населения. Но эти процессы лишь делают более долгим обычно наблюдаемое вымирание городских семей. Дочери попадают в другие городские семьи, и они тоже вымирают, хотя и не так быстро, как полагал Хансен. Есть городские семьи, которые сохраняются веками и остаются сравнительно многодетными, но это исключения из общего правила. Хансен дал наглядную иллюстрацию к своим выводам: «Если бы сегодня все наши крестьяне стали неграми, не меня остальных своих качеств, то через несколько поколений и наши города были бы населены неграми».

Поучителен пример города Регенсбург. Сегодня это католический город, а в эпоху Реформации он был лютеранским. Состав населения этого города постепенно менялся за счет притока жителей из ближних, а потом и из более дальних сельских местностей.

Хансен делал свои выводы исходя из условий той эпохи, когда плохое гигиеническое состояние городов приводило к высокой смертности городского населения, особенно его низших слоев (на то, что сельская жизнь более здоровая, указывали Гесиод, Платон, Аристотель, Ксенофонт, Вергилий, Варрон, Катон, Калумелла, Плиний, Тацит, Ибн-Халдун и почти все великие мыслители древней Греции и Рима и средневекового арабского и западного мира). Сегодня, когда условия жизни в городах стали более здоровыми, чем в деревнях, вымирание городского населения вызывается, главным образом, контрацептивными мерами, особенно в средних и высших слоях, а также бездетностью вследствие распространенности венерических заболеваний. Вымирание городов продолжается, меняются лишь его причины. Опасность распада народов вследствие вымирания ценных городских семей сохраняется и даже усиливается, как подчеркивают новейшие исследователи.

Из деревни постоянно движется поток, с одной стороны, энергичных, стремящихся занять руководящие посты людей, а с другой — лен-

тяев и преступников. Отсюда большой диапазон колебаний физических и психических черт, талантов, достоинств и пороков среди городского населения и меньший среди сельского. Вливающийся в города поток талантливых людей поднимается в верхние слои и при этом у них уменьшается число детей: орава детей помешала бы карьере этих людей. А поток неполноценных погружается в глубины городской толпы, где число детей не ограничивают, а их слабые дети, вымирание которых повышало показатели смертности в городах, сегодня сохраняются благодаря «социальному обеспечению». В современной Германской империи предусмотренная законом стерилизация наследственно неполноценных людей всех сословий позволила ограничить умножение таких наследственных задатков.

Опасность того, что города — вероятно, с момента своего возникновения — губят ценные наследственные задатки (раньше из-за общей высокой смертности в нездоровых городах, сегодня из-за бедности карьеристов), в то время как о неполноценных наследственных задатках проявляется все большая забота, эта опасность усилилась, прежде всего, с XIX века. Только в XIX веке носителям неполноценных наследственных задатков дали так много возможностей создавать семьи, а с последней трети XIX века стали принимать меры к снижению детской смертности, которая раньше постоянно способствовала очистке наряда от неполноценных наследственных задатков.

Еще совсем недавно от городов ожидали больших преимуществ для народа в целом. Еще Бюхер говорил о «социальном отборе», который отличает большие города, «отборе, благодаря которому они соединяют в себе всё высшее, что имеет нация в духовном и экономическом плане». Жизнь в больших городах «развязала неслыханные силы нации в области техники, науки, искусства, социального благосостояния». Здесь отсеиваются люди на пути в большой город и на пути в высшие слои смешиваются с отбором; слово «отбор» следует использовать лишь в тех случаях, когда одновременно в анализ включается и число потомков у каким-то образом отобранных людей. Если оценить влияние урбанизации таким образом, т.е. с учетом отбора, то большой город, хотя и развязывает отдельные силы, одновременно убивает наследственные задатки носителей этих сил. Это «развязывание неслыханных сил может длиться лишь до тех пор, пока наследственно талантливые люди еще уезжают из деревень в города. Но это вычерпывание городами наследственно талантливых людей из деревни когда-нибудь кончится, и этот конец в урбанизированных частях США, похоже, уже достигнут. Мак-Кин Кателл установил, что пропорциональное число великих людей в больших городах США с 1900 по 1910 год значительно уменьшилось.

До индустриализации и урбанизации во многих теперь затронутых этими процессами странах всегда было много неженатых мужчин и незамужних женщин. Требовались разрешения на брак от цехов, от землевладельцев, от властей, что ограничивало число браков. Обычно вступать в брак мог лишь тот, кто мог прокормить семью, а для этого требовался минимальный доход, которого до XIX века многие не имели, потому что для любой деятельности в крестьянско-ремесленную эпоху требовалось владение мастерством, хотя бы в малом. Тот, у кого не было силы воли и таланта, здоровья и способности к сопротивлению, оставался крепостным или подмастерьем, оставался одиноким. Внебрачные дети таких людей, при отсутствии социального обеспечения, если они не обладали крепким здоровьем, погибали. Смертность грудных детей до последнего времени была велика, особенно в низших слоях и среди внебрачных детей.

И вот в городах возникает промышленность или предприятия образуют города из окружающих поселков. Промышленность сулила работу тем, кто раньше из-за бесталанности, слабоволия или болезненности не находил себе применения, сулила работу наследственно неполноценным. На фабриках выполнялись такие операции, которые не требовали ни здоровья, ни ума. Получили возможность зарабатывать те, кого в деревне в крестьянско-ремесленную эпоху вообще за людей не считали.

Промышленность направляла общество на путь «наименьшего биологического сопротивления» при наборе рабочих на фабрики: с профсоюзной стороны это подчеркнул К.Ф. Мюллер. По словам Херкнера, первоначально на физические работы нанимали крестьянских сыновей, лишенных наследства, людей, не принятых в цехи, потому что они не прошли приемные испытания, подростков внебрачных детей и подкидышей, нищих, бродяг, обитателей приютов, а также потомков лиц не немецкого происхождения.

Из групп таких людей в начале XIX века образовался промышленный пролетариат, из потомков тех, кто раньше не был в состоянии создать семью. Их потомки образуют современный городской пролетариат, если мы будем понимать под этим слой с расплывчатыми границами, находящийся ниже класса квалифицированных рабочих. Ядро этого класса возникло благодаря тому, что с развитием капитализма начали исчезать рабочие места, которые занимали люди вышеописанных типов. Теперь на фабрики шли сыновья ремесленников, чьи изделия не могли конкурировать с массовой продукцией промышленности. Что же касается крестьянских сыновей, оставшихся без наследства, то они большей частью шли не в промышленность, а уезжали в эмиграцию, чтобы на новых землях снова заняться крестьянским трудом.

С появлением в XIX веке городских учений о свободе — они вместе с идейным лицом Французской революции в 1789 г. одержали верх над органическими воззрениями крестьянско-ремесленной эпохи — с появлением этих учений о свободе, которые имели совсем иное значение, чем свобода и равенство в понимании германской крестьянской аристократии, начали постепенно отменяться и старые законы о разрешении на брак и на проживание, о постоянном месте жительства и гражданских правах. Даже никому не известные пришельцы получали гражданские права и право заниматься ремеслом и торговлей, прежде всего в городах.

Люди какого типа скопились в результате этого в городах? Об этом Эккерман говорил Гёте 12 марта 1828 г.: «Я вспоминаю также, что во времена Наполеона я видел среди французской пехоты один батальон, состоявший сплошь из парижан: все это были такие хилые, маленькие люди, что было непонятно, что они вообще могут делать на войне». Эккерман противопоставляет этим французским горожанам группу шотландских крестьянских сыновей, явно нордической расы, которых он видел в войсках Веллингтона: «Все сильные, свежие, ловкие, словно Господь их только что сотворил. Все они держатся свободно, веселы и так легко шагают, поднимая свои сильные голые икры, словно для них не было никакого первородного греха и отцы их не страдали никакими недугами».

В своей книге «Что я пережил» ставший преподавателем немецкой высшей школы норвежец Хенрик Стеффенс рассказывает, как изменилось население города Галле после распространения гражданских прав на тех людей, которые в XVIII веке, до вторжения негерманских идей «свободы и равенства» были исключены из немецкого народа и должны были жить отдельно от законных немецких семей: «Галле уже при пруссаках не был преуспевающим городом. Благодаря той легкости, с которой здесь, особенно в пригородах, можно получить право гражданства, хотя число жителей и выросло, но в невыгодную для города сторону. Сюда набились бродяги и праздный сброд. Ужас охватывает при виде массы людей в пригороде Ноймаркт или на улицах Штрохофа».

Еще до вторжения промышленности в городах для бесталанных людей и всякого сброда было много возможностей зарабатывать деньги, попрошайничать, заниматься мошенничеством больше, чем в деревнях, а промышленность позволила этим людям создавать семьи и включать своих детей в производственный процесс.

Были одиночки, которые уже в начале XIX века предвидели последствия неограниченного размножения всех людей, последствия, которые представлялись им тем более ужасными, что с появлением новых идей о свободе заговорили и о свободной продаже земли и принудительном

разделе наследственных участков. Мысли о приросте населения и его последствиях носились в воздухе. В 1798 г. вышла книга Мальтуса «An Essay of the Principles of Population». В Германии Венгольд попытался в 1828 г. описать будущее в своей брошюре «О человеческой нищете вследствие злоупотребления деторождением». Когда люди стали бездумно создавать семьи, получили «право на труд», когда пали цеховые барьеры и раздел крестьянских участков породил пауперизм, возникла опасность появления «класса нищих», бунта «низших слоев против существующего порядка» и массовой безработицы.

Цехи проводили отбор своих подмастерьев и учеников и делали мастерами, позволяли им создавать семьи, лишь тем, кто лучше всех знал ремесло, проявил прилежание и искусство. Так происходил отбор семей ремесленников; размножались самые способные представители сословия. Новые учения о свободе отказались от отбора. «Альгемайнер Анцейгер дер Дойчен», № 102, от 18 марта 1807 г. поднял вопрос о евгенике: «возможно ли облагораживание человека путем регулирования его размножения?» Но урбанизованная Германия, как и другие урбанизованные европейские страны, совершенно забыли об отборе и пустили размножение на самотек, пока после мировой войны не стало ясно, что западные государства превысили нормы неуправляемого роста населения, прежде всего за счет размножения наследственно неполноценных элементов среди урбанизованных масс.

Брентано доказал для различных урбанизованных промышленных стран Европы, может быть, общее правило, что в XIX веке развитие промышленности сначала сопровождалось ростом числа браков, особенно в низших слоях. Только к концу XIX века в наиболее урбанизованной Англии началось снижение числа браков и рождаемости и среди рабочих. Рабочие растущих промышленных городов начала XIX века, в отличие от цеховых подмастерий, не должны были обладать определенной суммой, чтобы создать семью. В XIX веке действовало правило: «Чем меньше капитала нужно сословию для создания своего очага, тем быстрее оно размножается». (Рошер, «Политики», 1908.)

Направленные против беспорядочного размножения законы, которые с разными вариациями пытаются выдавать разрешение на брак лишь тем людям, которые гарантируют, что могут содержать растущую семью без помощи государства, законы, которые в ряде немецких земель действовали до 1870 года, Отменяются в соответствии с либеральными теориями свободы, имеющими мало общего с германской концепцией свободы и равенства всех свободных крестьян.

Последствия создания семей и рождения детей теми, кого промышленность, следуя «линии наименьшего биологического сопротивления»,

набирала на свои фабрики, т.е. людей, которые в крестьянско-ремесленную эпоху оставались холостыми, были быстро замечены. Карл Маркс в своем «Капитале» попытался собрать доказательства того, что в промышленных областях Англии рабочее население с каждым поколением становится меньше ростом. В 1828 г. один прусский генерал обратил внимание короля Пруссии на то, что промышленная Рейнская область больше не поставляет в достаточном количестве людей, годных к воинской службе.

Маркс и пролетарский социализм приписывают малый рост рабочих нищенским условиям существования, а высокий рост высших сословий тому, что они хорошо питаются и живут в лучших условиях. Но как объяснить высокий рост кроманьонцев эпохи палеолита в трудных условиях ледникового периода? Как объяснить высокий рост исландцев, которые до XIX века жили в очень бедной среде? Как объяснить высокий рост бедных и живущих в угнетающей среде огнеземельцев?

Уменьшение роста фабричных рабочих в XIX веке тогдашние ученые, если бы они обладали современными данными о наследственности, в частности, знали бы результаты исследований близнецов, могли бы объяснить двумя причинами:

1. Процессами отбора: на фабрики приходили жалкие люди, которые теперь могли создавать семьи, что раньше в таких масштабах было невозможно.

2. Нищета в тогдашних рабочих кварталах, детский и женский труд, явления, которые сегодня нас возмущают, относятся к началу промышленной эры. Многие люди фенотипически отставали от своих генотипических возможностей.

Но современные исследования близнецов показали, что при всех подобных процессах одного влияния среды для объяснения недостаточно; главную роль играют наследственные задатки и отбор. Барон фон Фершюр попытался определить, как соотносятся влияния среды и наследственности. Влияния на вес тела как 1:2, на рост — как 1:10,4, на объем груди — как 1:2,4, на длину головы — как 1:5,6. Основной процесс при таких изменениях населения, как в приведенных выше примерах, относящихся к началу XIX века, это изменения в составе наследственных задатков урбанизированного населения, изменения, которые тем сильнее, чем больше индустриализация способствует урбанизации. Если до индустриализации урбанизация губила городские наследственный линии из-за высокой смертности в городах, то уничтожались и ценные наследственные задатки народа, так как массы всегда паразитируют на духе, изобретательстве и руководящих способностях немногих высокоодаренных родов, так что индустриализация ускорила эти процессы,

что усугубилось ускоренным размножением людей с неполноценными наследственными задатками.

Сколь мало значит улучшение среды, на которое со второй половины XIX века были брошены все средства науки и государства по сравнению с описанными процессами отбора, указывает следующее. В XIX веке и начале XX века дошло до того, что города благодаря гигиене стали даже более здоровыми местами жизни, чем деревня. Кроме того, в городах каждый талантливый ребенок имеет разнообразные возможности получить образование. Государственная система образования сегодня частым гребнем прочесывает все сословия в поисках талантов.

Но именно этим западные государства постоянно отбирают у низших сословий их таланты. Эти таланты поднимают на высокие посты, и они попадают в малодетные слои. Талантливый столяр, который в своем деле мог бы стать образцом, после того, как его «открывают», попадает в художественно-промышленную школу и получает диплом. Часто талант его после этого перестает развиваться, зато развиваются претензии, он не хочет оставаться в сословии своего отца, поднимается выше и заключает бездетный брак.

Следствие такой государственной поддержки — обеднение низших слоев такими людьми, которые могли бы стать их руководителями и благодаря своей многочисленности повысили бы уважение к этим слоям.

Высокоодаренные люди редко выдвигались из рабочей среды; это приписывали слиянию подавляющих условий жизни. Но наследственные задатки на протяжении нескольких поколений могут пробиваться через эти условия, что показывают примеры Фарадея, Гейббеля и Дитриха Шефера. Низший слой и гнетущие условия жизни не мешают с задатками на уровне выше среднего возвыситься, если только ее мужские представители всегда будут выбирать таких же наследственно талантливых жен. Многие великие люди имеют дедов и прадедов из низших сословий. Эти сословия вносят, по Оствальду, «лишь исчезающее малый непосредственный вклад в класс великих ученых. Зато их косвенный вклад в том смысле, что деды или прадеды великих людей были родом из этих кругов, весьма значителен».

В XIX веке, когда государственная система образования в урбанизированных странах Запада всё больше развивалась, а условия жизни улучшались, именно в этот период в наиболее урбанизированных странах с наиболее развитой промышленностью уменьшилось число высокоодаренных людей из низших сословий.

В первой четверти XIX века из великих людей Англии 7,2% происходили из рабочих, хотя это сословие составляло 84% всего населения. Во второй четверти XIX века оно выдвинуло всего 4,2% великих людей.

Не вопреки улучшению условий и заботе властей, а именно благодаря этой заботе народы беднеют ценными наследственными задатками в условиях урбанизации. Командование армии не урбанизированной императорской России до 1914 года предъявляло более высокие требования к пригодности к воинской службе, чем в странах Центральной и Западной Европы, но процент ограниченно годных или негодных в России был меньше, чем в Германии, Франции и Англии. Именно в эпоху великого «прогресса» и всеобъемлющего улучшения условий жизни, особенно городской, т.е. между 1903 и 1913 годами, в Германской империи было отмечено увеличение числа негодных к воинской службе, особенно среди городского населения. Вопрос в отношении среды и наследственных задатков сельских и урбанизированных областей выяснился благодаря тому факту, что (согласно Классену, 1909) между 1902 и 1907 годами Восточная Пруссия при 14-часовом рабочем дне и средней годовой зарплате 700-800 марок поставляла больше годных к воинской службе, чем Юго-Западная Германия при 10-часовом рабочем дне и годовой зарплате 1200-1500 марок. «Годность к воинской службе образно пропорциональна социальному положению» (Классен), если сравнивать преимущественно сельские с урбанизированными областями.

Вследствие урбанизации и ее воздействия на отбор в Северной Америке и в Европе в XIX веке возникли массы больших городов, массы людей, уже не способных к сельской жизни. Многие немцы уже не могут заниматься таким трудом, как сбор урожая: это одна из причин привлечения многочисленных сезонных рабочих из менее урбанизированной Польши.

С появлением человеческих масс в городах начинается влияние массовой души на общество и государство, массовой души, которая отпраздновала свой первый духовный и государственный прорыв в 1789 году. «Психология толпы» знаменитого француза Гюстава Лебона лучше всего описывает процесс образования масс и массовую душу. Без бессознательного или сознательного учета массовой души сегодня немыслимо никакое государственно-духовное движение. Задача государства германского типа с учетом всех законов массовой души постепенно преодолеть начавшуюся в 1789 году эпоху массовой души. Одно из условий этого преодоления — деурбанизация.

Урбанизация германоязычных народов в Северной Америке и в Европе в XIX веке шла столь быстрыми темпами, что большинство людей, даже государственные деятели и правоведы, не заметили, как германские представления о свободе и равенстве, возникшие из ощущения жизни германского свободного крестьянства, стали постепенно терять свой смысл в урбанизированных странах. Из связанной с законами жизни

демократии крестьянской аристократии возникла противоречащая законам жизни и ведущая к разложению и распаду «демократия» городских масс и денежных мешков... Слова «свобода» и «равенство» продолжают звучать и еще действуют своим традиционно-германским звучанием на многих людей германской культуры, но их содержание урбанизировалось настолько основательно, что «свобода» означает свободу городских масс и денежных мешков, а «равенство» — отрицание пролетариатом любой ценности, возвышающей жизнь. Аристократическая свобода превратилась в охлократию.

Государственные деятели и правоведы XIX века думали, что форма правления будет тем «свободней», чем более городским и «просвещенным» будет население. Верно обратное: чем меньше крестьянского и аристократического в образе жизни и сознании германского народа, тем больше он нуждается в диктаторе. Чем сильнее в народе восприятие массы, тем меньше подходят ему германская свобода и равенство. Великий Гобино признал это верным для Франции, которая первоначально была государством германского типа, и сказал это в 70-х годах XIX: «Я искренне люблю абсолютную власть, а не французский народ». Франция медленно приближается к концу своей демократии; во-первых, потому что она менее урбанизированная страна, а во-вторых, потому что по расово-психологическим причинам романо-язычные народы, вероятно, больше способны выносить городской дух, чем германоязычные. Нордическая раса, которая сильнее представлена в германоязычных народах, это раса хуторов и физического и психического дистанцирования одних людей от других, раса свободных крестьян с родовым мышлением, душевное здоровье которой гораздо быстрее портится от урбанизации, чем душевное здоровье альпийской, средиземноморской или восточно-балтийской расы...

...Германские свобода и равенство могут осуществиться только в максимально деурбанизированной стране, по крайней мере в народе с деурбанизированным образом мыслей, в народе, который с помощью евгенических мер через несколько поколений снова сделает крестьянство первым сословием, и по его наследственным задаткам.

Массы безземельных и массы людей с урбанизированным жизнеощущением, независимо от того, бедны они или богаты, опасны для любого государства германского типа. С романо-язычными народами, такими как итальянцы и французы, как уже говорилось, дело обстоит иначе.

Урбанизация с биологической точки зрения опасна, потому что она губит семьи с ценными наследственными задатками и позволяет размножаться неполноценным семьям. С социологической точки зрения

она опасна, потому что даже людям с лучшими наследственными задатками в городах грозит опасность отрыва от корней, суть чего в том, что человеческий дух отрывается от жизненной основы человеческого рода, что человек живет наперекор тем жизненным силам, которые сделали его человеком, а отдельные человеческие расы наделили особыми наследственными способностями.

Таким образом, встал вопрос о жизненных основах человеческого рода. Его выяснению должны послужить следующие соображения.

Человек имеет «дух», «разум», с помощью которого он создает, накапливает и передает потомкам то, что называется культурой. У животного нет разума, оно может передать потомкам только свои наследственные задатки. Ничего накопленного, передаваемого из поколения в поколение в данном случае нет. Каждое молодое животное начинает с начала.

Человек не только приспосабливается к среде, как животное, но и покоряет ее посредством обдуманых, целенаправленных действий. Отношения животного со средой определяются инстинктами, выработанными в процессе отбора на протяжении эпох и наследственно закрепленными. Человек разумно накапливает и передает свой опыт покорения среды. Можно сказать, что человек дальше, чем животное, может отойти от своей среды, от природы. Но ему грозит опасность оторваться от корней, опасность, которую на свой манер пытался описать Руссо, но суть которой была осознана только в течение XIX века.

Развитие человеческого мозга было связано с переходом его предков к прямохождению. Человека можно назвать существом, ориентированным на развитие духа. Удачно или неудачно создала природа такое существо, другой вопрос. Еврейско-христианское вероучение считает этот вопрос решенным: человек — господин и венец всех творений. Индоевропейская концепция ближе к естественнонаучной, так как калокагатия или *humanitas* поднимется как целевая установка: особенности процесса отбора, результатом которого является человек, позволяет человеку претендовать на то, что он своей жизнью для себя и выбором супружеской пары для своего рода приблизится к полноценной человечности (*humanitas*), которая согласно индоевропейской концепции является смыслом существования человечества.

С точки зрения естественных наук вопрос о становлении человека как процесс совершенствования гораздо сложнее, что явствует из того, что Жоффруа Сент-Илер всерьез, а Карл Эрнст фон Бэр в шутку рассуждали о том, что среди живых существ наиболее совершенны не млекопитающие, а птицы. Таким образом, очерчивается весь круг во-

просов о совершенствовании и совершенстве — достаточно указать на работы Франца и Плате.

Что касается человеческого рода, что, по-моему, дела с ним обстоят не так удовлетворительно, как утверждает Франц. Тому принципиально новому, что означает развитие человеческого духа, можно противопоставить высказывание Мефистофеля о сути человека из первой части гётевского «Фауста».

А человек? Он бы получше жил,
Когда б ему ты в душу не вложил
Ту искру, что он разумом зовет,
Но всех зверей по зверству превзойдет.

Мефистофель преувеличивает, утверждая, будто человек использует свой разум только таким способом; он использовал его и таким способом в эпоху отхода от ценностей совершенной человечности и в эпоху большевизма, но это не доказательство. Можно, конечно, считать эволюцию, в результате которой появился *Homo sapiens*, попыткой, которую природа лучше бы не предпринимала. Столь мрачный взгляд может появиться, если проследить развитие Запада после 1789 года, особенно с середины XIX века: бурный технический прогресс стал возможным благодаря передаче человеческим разумом накопленного опыта, но, с другой стороны, заметно увеличилось число неполноценных наследственных задатков, что проявляется в ужасной вульгаризации культуры.

Куда приведут нас наш дух и способность накапливать культурные достижения? Были ведь такие примеры, как гомеровская Греция и Германия Тацита.

Именно разум позволяет человеку ускоренными темпами совершенствоваться и самому по мере технического развития достигать прогресса с помощью технических методов и накопленных знаний, но одновременно наблюдается регресс наследственных качеств. Часто именно технический прогресс становится средством сохранения и умножения неполноценных наследственных задатков, средством предотвращения естественного уничтожения неполноценных, недочеловеческих наследственных задатков.

Каждому шагу технического прогресса, каждому достижению должно соответствовать повышение среднего наследственного качества «прогрессирующих» народов. Разум не должен становиться опасным и вредным. Люди в большинстве своем душевно не доросли до своего технического прогресса, а массы больших городов вообще утратили способность воспринимать плоды просвещения. Со стороны наследственных задатков массы западных народов далеко отстали от собственной культуры. Эти массы, состоящие из людей всех сословий, все больше

воспринимают культуру как бремя, — на это указывал еще Руссо, а сегодня это подчеркивает Стоддарт в своей книге «Бунт против цивилизации. Угроза недочеловека».

Культура всё больше тяготит народы. Массы воспринимают культуру как груз, который надо сбросить, потому что они до нее не выросли. Поэтому пролетарская вульгаризация воспринимается как облегчение. Это показала Французская революция, хотя мыслители, которые идейно ее готовили, думали о повышении уровня человеческой культуры. В 1789 году победил дух «массы», которая воспринимает культуру как бремя, и так будет продолжаться до тех пор, пока этот дух не будет вытеснен духом иного типа. Многочисленные представители западных народов, по своим наследственным задаткам враждебные культуре, поднимают волны ненависти ко всякому образованию, ко всем образованным и к тем, кто выглядит образованными. Эта ненависть, которая поднимается снизу, отлична от отвержения сверху духа «интеллектуалов», т.е. оторванных от корней горожан типа «порочных гениев», о которых речь пойдет ниже. О том, сколь велика власть таких настроений, господствовавших столетиями, свидетельствует тот факт, что и в национал-социалистической Германии наблюдается ненависть к образованным людям, «большеголовым», как их называют... которая пытается напяливать на себя национал-социалистические одеяния. Это будет длиться еще долго, пока избранные народы Запада не преодолеют последствия того прорыва урбанизации и урбанизированных масс, который принес с собой 1789 год. Для их преодоления необходимы деурбанизация народов и создание «новой аристократии крови и почвы» (Дарре).

Возможность передачи достижений культуры — именно то, что невозможно для животных — позволяет в пределах рода человеческого передавать эти достижения и группам людей, которые сами до них не дошли. Сегодня мы видим негра за рулем автомобиля и индейцев, слушающих радио. Сегодня негр может жить в Стокгольме. Такие возможности возникли сегодня благодаря тому, что люди или особо одаренные группы людей сумели создать искусственную среду. Стал возможным отрыв духа от жизненных основ, на которых особые условия отбора привели к появлению особого типа.

В «прогрессе» всегда принимают участие как паразиты, и те, кто по своим наследственным задаткам неспособен двигать прогресс. Возможность передачи достижений культуры именно между наиболее одаренными группами человечества и породила столь большой диапазон колебаний от бездарности и неспособности, качеств, которые в т.н. диких племенах постоянно подавляются, до высшей степени

одаренности. Лапуж различал в западных народах группы творческих людей (инициаторов) — несколько сот человек, высокоодаренных людей — несколько сот тысяч, людей, одаренных в разной степени, — их миллионы, и людей, которым образование и воспитание ничего не даст, — их тоже миллионы. Передача достижений культуры позволяет на Западе миллионам паразитов жить за счет немногих творческих и высокоодаренных людей.

Понятно, что такой подход односторонен и потому недостаточен. Но сегодня, после того как XIX век делал упор на массу, а вожди рассматривались только как ее представители, настало время сделать односторонний упор на биологическом подходе... Всё великое было создано благодаря ценности личности; эта ценность отрицалась парламентско-демократической системой в угоду «непригодному понятию массы». Новое становление народа должно изменить направление этого процесса.

Благодаря передаче достижений культуры сегодня стало возможным возникновение нового варварства, варварства цивилизованных масс больших городов, в которые внесли свой вклад все урбанизированные сословия: наследственные качества этих групп людей гораздо ниже уровня унаследованной ими культуры. У нас крупные спекулянты летают на самолетах, которые они не изобрели и которыми не могут управлять. У нас обыватели купаются в бассейнах под электрическим солнцем, зная об электричестве лишь по счетам за него. За счет ума изобретателей живут паразиты. В животном мире такое невозможно.

Животное это всегда нечто цельное, совершенное, а человек с его «духом» — существо сомнительное. Правда, при таком подходе нельзя упускать из вида, что только человеческий дух, пусть даже дух меньшинства, вообще может видеть в вещах совершенство, смотреть на них в этом аспекте. Насколько трудно правильно истолковать понятие «совершенства» применительно к животному миру, показывают вышеупомянутые работы Франца и Плате.

Чтобы человечество не вызывало печальных мыслей, вроде тех, что изложены выше, необходимо, чтобы техническому прогрессу соответствовал прогресс в развитии человека, чтобы народы, вплоть до своих самых неполноценных семей, были наследственно способны не только паразитировать на умах других, но и сами имели в здоровом теле достаточно духа, чтобы не нарушать мировое равновесие. Каждому прогрессу внешних средств должен соответствовать прогресс в духовном освоении среды, который для народа в дальней перспективе возможен лишь вследствие отбора на протяжении поколений, а не воспитания и образования, потому что они означают лишь накопление знаний, но не

улучшение задатков. О том, что средняя одаренность западных народов сильно снизится, если культура будет оставаться на прежнем уровне и не будет повышаться, писал еще Гальтон.

Духовное освоение среды, которое дает лишь то, что у римлян во времена аристократической республики называлось *humanitas* (человеческая цельность), несомненно, не улучшилось со времен Заратустры или Платона. Мышление государственных деятелей, несомненно, не улучшилось со времен великих фараонов или персидских царей, римской аристократической республики или Филиппа Македонского. И так во всех областях: накопленное технических знаний, но не увеличение духовной силы. Сила духовного освоения среды с целью совершенствования человека в XIX веке на Западе уменьшилась, что понятно, потому что по окончании крестьянско-ремесленной эпохи забыли об отборе.

Так что совершенствование человека может отставать от достижений цивилизации. Это означает, что хваленый «прогресс» большей частью лишь видимость прогресса, вызывающая деградацию человека. Особенно часто это происходит в городской среде, и в городах позже всех понимают, что прогресс — одна видимость.

Животное каждый раз заново осваивает свою среду. Каждое молодое животное должно доказать, что оно хороший представитель своего вида. Иногда помогает и родительское воспитание, но главное — развитие наследственных задатков и в конечном счете — «приспособление». Кроме наследственных задатков, родители потомкам ничего не передают.

У людей ставка на развитие ума может привести к тому, что физически слабые и душевно раздвоенные представители человечества слетятся в мир, где, несмотря на космический холод, построен «отель с центральным отоплением». Люди лучшего типа — летчики, но и они могут быть грубыми людьми. Животные лучше выражают идею своего вида, чем человек в мечтах о полете на Луну. Сегодня мы на Западе лучше представляем себе, для чего существуют лошади или собаки, но не знаем, в чем смысл существования человечества. Многие представители западных народов представляют себе «человеческое достоинство», к которому часто взывали во времена Канта и Шиллера, только физически, но убеждены ли они духовно в этом достоинстве?

Животное должно оставаться в той среде, которая ему отведена. Вид не выходит из этого состояния приспособления, потому что отклонение от него чревато вымиранием. Человек же может духовно сильно отдалиться от своей естественной среды.

Эта опасность особенно велика в городах. Это самая большая из опасностей урбанизации, потому что она вызывает разложение и вымирание семей, которые могли бы прожить в городских условиях

и дольше. Для городов характерна погоня за прогрессом, причем не проверяется, нужен ли этот прогресс для народа и государства и что он означает для отбора.

В деревне дух никогда так далеко не отходит от жизненных основ человеческого рода, от природных реалий. Для человека как вида естественна сельская жизнь — тысячелетия такой жизни и создали человека. Город же влияет на него плохо, урбанизированные роды постоянно вымирают. У нас почти нет родов, которым отбор помог бы выжить в городских условиях. Городская среда благоприятно влияет только на часть западных еврейских семей (что в результате этого влияния накапливаются положительные психические черты, не подтверждают те, кто наблюдал неевропейские расовые компоненты, входящие в состав еврейства, в среде других восточных народов при не городских условиях отбора).

Хотя на Западе города существовали с римских времен, а в Германии немцы живут в городах уже 1000 лет, этот «прогресс» не влиял на развитие человека на Западе, пока люди на протяжении многих поколений правильно понимали значение отбора. И следует помнить, что среди немцев до 1800 г. преобладало крестьянство.

Идею, что люди еще не привыкли к городской среде, потому что города «сравнительно молодое явление в истории человечества», и что особенно «современный промышленный город» непригоден для жизни людей, высказывает и Сорокин, но он толкует ее в совершенно неприемлемом ламаркистском духе. Он воображает, будто отдельные люди, приобретая городские инстинкты, могут постепенно приспособиться к городу. Я подхожу к этому вопросу с позиций дарвинизма. Есть возможность приспособления отдельных людей к городской жизни, но это приспособление не будет передаваться по наследству. Наследоваться могут только задатки приспособления к городским условиям, но этих задатков мало, как утверждают француз Ле Плей (1806-92) и немец В.Г. Риль (1823-97). Длительное приспособление группы людей к городу может идти только по пути отбора, т.е. число детей и людей с лучшими задатками приспособления к городской жизни должно быть выше среднего. Но именно такие люди, как правило, меньше всего хотят размножаться...

Деревня с ее крестьянским или сельско-ремесленным образом жизни поэтому является по-прежнему именно той средой, которая наиболее благоприятна для развития наследственных задатков большинства людей. Многие урбанизированные люди с их извращенным городом инстинктами не смогут найти себе места и в деревне. Как носители наследственности и эти горожане не приспособлены к городскому миру, о чем свидетельствует вымирание городских родов.

В деревне дух не оторвется от естественной среды, благоприятной для наследственных задатков. Эти выводы биологии должны учитывать и социологи, и руководители государства. Каждое «прогрессивное» предложение может быть в деревне немногими людьми и за короткое время проверено на пригодность. В деревне быстро выясняется, будет ли новое способствовать процветанию целого или нет. Но «процветание» в деревне означает не только то, что выражается в денежных ценностях; там, где сельское восприятие жизни еще не разложено городом, процветание означает ценности роста: больше земли и пастбищ, домашних животных, членов семьи и подворья. Сельские жители хорошо чувствуют чрезмерную напряженность горожан, утрату ими корней; всё подвергается проверке и отбирается лучшее с точки зрения роста полей и лесов, домов и хлевов, роста семьи. В деревне, как правило, больше уважают того новатора, который проверяет свою новинку с точки зрения ценностей роста. Таких людей деревенские общины считают «лучшими», а для городских масс «лучшие» те, кто умеет проникнуть в душу массы и обладает красноречием. Деревня оценивает людей по германским аристократическим масштабам, что для большинства горожан уже невозможно.

Любой человек столкнется в деревне с частями среды, которые находятся под надзором большинства или правящего меньшинства членов общины, и должен будет думать о процветании этой среды. Как правило, подобным образом в спокойные времена любая бессмыслица быстро распознается здесь как бессмыслица. В соответствии с основными воззрениями данной работы дух оценивается негативно, если он не способствует повышению уровня жизни человека и всей жизни, которая его окружает, настолько, что можно будет говорить о «Великом здоровье» (Ницше).

Массовый дух может продержаться в сельской местности лишь пару часов, в беспокойные времена — пару дней, но не недели и месяцы, потому что местный образ жизни исключает превращение людей в толпу. Массовый дух может не быть для романоязычных народов таким злом, как для германоязычных, — итальянский фашизм напоминает скорее времена Римской империи, начавшиеся с Юлия Цезаря, с их урбанизированным жизнеощущением и такими же массами, как во времена республики, с еще индоевропейскими взглядами крестьянской аристократии. Но массовый дух остается злом для всех западных народов, для всех, кто знает его суть и законы по книге Лебона «Психология толпы», и особенно для тех, кто наблюдал массовый дух в его «американизированном» варианте; в этом виде он сегодня все больше захватывает Северную Америку и Европу.

Массовый дух в сельской местности держится недолго, потому что там нет подстрекателей, которые могут превратить безобидных и законопослушных людей в «массу» (в психологическом смысле), или такие подстрекатели не удерживаются в сельской жизни, потому что их ум не направлен на процветание целого. В деревне всё основано больше на убеждении, чем на уговаривании. «Крестьянское население гораздо менее болтливо и у него нет нужды постоянно выслушивать публичные речи; оно редко говорит о вещах, которые не знает, и поэтому совокупность их оценок отличается большей доброкачественностью и меткостью, чем совокупность оценок городского населения» (Сорокин-Циммерман. Принципы сельской и городской социологии, 1929). Один из участников «Пира семи мудрецов» Плутарх говорит, что лучше всего то государство, «где больше всего законов и меньше всего ораторов». О преимущественно крестьянском народе можно скорее сказать, что он живет в хорошем государстве, чем о преимущественно городском. В лучших сельских местностях Германии еще сохранилось кое-что от жизнеощущения германских свободных крестьян, образ жизни и нордическое расовое наследие которых — соблюдение физической и духовной дистанции между людьми — преградит путь губительному массовому духу.

Совсем иная ситуация в городах: там человеческий дух может сильно оторваться от жизненных основ рода человеческого, причем вредные последствия этого могут проявиться не сразу или человек не сразу их осознает. Руководствуясь своим умом, человек создал для себя (и своих домашних животных) искусственную среду внутри естественной. Многие в человеческом роде и особенно в его отдельных расах объясняется лишь тем, что человек довел самого себя до уровня домашнего животного. Создание искусственной среды лучше всего удалось человеку в городах с помощью средств использования и изменения среды. Именно в городах происходит самоодомашнивание человека, отсюда более частые мутации, большей частью вредные. Всякое одомашнивание связано с определенными опасностями для инстинктов, в частности, с опасностью их неестественного искажения. Поэтому у многих горожан инстинкты слабей, чем у сельских жителей.

В городах многие люди уже не замечают, полезны или вредны новые идеи, меры, формы государства и общества для их группы, тем более полезны ли они для процветания народа в целом. Полагали, что урбанизация у отдельных групп людей значительно повысит их среднюю способность к суждению при сохранении естественных инстинктов. Но ожидаемое повышение не произошло, и инстинкты перестали быть вполне «естественными». Приток умных и энергичных людей не при-

вел в городах к повышению средней способности к суждению, так как эти пришельцы ограничивали число детей, чтобы пробиться в высшие слои. Способность к суждению, наоборот, уменьшилась, и, несмотря на приток талантов, постоянно увеличивается число неполноценных наследственных задатков. В городах множатся возможности образования для всех, но если средняя способность к суждению остается на том же уровне или снижается, возникает такое опасное явление, как полуобразованность. Для каждого человека и каждой группы людей есть предел познаний, их избыток становится злом. Многих людей в городах образование уродует. И неучи, и переучившиеся это городские отклонения от естественных инстинктов. В городе развивается тип людей «шатких и непостоянных, без определенных склонностей, ведущих нездоровый образ жизни, неспособных к длительным усилиям» (Сокрокин-Циммерман).

Как только определенные события превращают городское население в «массы» (в психологическом смысле) — законы образования подобных масс описал Лебон — это вызывает представления, пожелания, порывы и действия, которые, хотя и могут быть выгодными или приятными для образующейся массы или отдельных людей в ней, то вредными для народа в целом, для сохранения государства и для отбора. В каком-то городе под влиянием расчетливых краснобаев или психопатов соблазнительные представления могут превратиться в идеалы для необузданных и безрассудных людей, а потом образованные истерики и истерички увлекут и остальных граждан. Распространяемые таким образом идеалы становятся предпосылками для образования масс из множества разрозненных людей. В кофейных заведениях составляются «конституции», которые находят своих приверженцев: вспомним хотя бы времена Эйснера и Ландауэра в Баварии и о том «духе», который исходил в Берлине и Мюнхене из литературных кабаков. Городские массы могут годами придерживаться таких представлений, не задумываясь об их вреде для народа в целом и для отбора.

Этот новый (или выдаваемый за новый) дух в селе можно проверить на предмет полезности для процветания, для роста; в городе этого сделать нельзя, потому что там на множество людей приходится лишь какая-нибудь парочка одаренных с еще естественными инстинктами, т.е. таких людей, восприятие и дух которых естественны для человеческого рода. Именно поэтому народы Запада обязаны своими самыми выдающимися государственными деятелями биологически отборным и испытанным на примерах отдельных людей сельским родам, и эти государственные деятели выбирали своих лучших советников из таких же родов.

Всё это вовсе не значит, что высшие ступени человеческой духовной жизни сомнительны сами по себе или что каждый горожанин духовно урбанизирован, что каждый человек умственного труда удаляется ото всего естественного и отрывается от своих корней. Это не значит также, что ненависть пролетариев, т.е. людей, отрицающих все ценности вообще, людей опять-таки урбанизированных, к интеллигенции в какой-то мере оправдана. Речь идет лишь о том, что для каждой группы людей и для каждого отдельного человека есть своя ступень духовного развития: если они поднимаются выше, это действует на них разлагающе и отрывает их от корней. Эту истину неоднократно подчеркивал недавно умерший поэт Пауль Эрнст и подкреплял ее примерами.

Чем выше духовная ступень, на которую взбирается человек, тем глубже должен он укорениться в природе. Примерами могут служить Гомер, Шекспир, Бах, Моцарт, Гете, Иеремия Готтхельф и Готфрид Келлер, равно как и Платон, Дюрер, Вашингтон и Бисмарк, а более уточненным и спокойным образом — Гельдерлин и Шелли. Огромная притягательность религиозных форм в ареале народов, говорящих на индоевропейских языках, заключается в том, что они при всем своем устремлении в беспредельное своей посюсторонней религиозности глубоко уходят своими корнями в природу. Сорокин и Циммерман указывают, что великие поэтические творения, в которых выразился дух целых народов, все одновременно полны деревенского духа, даже когда описывают не деревенские вещи: в Индии это Веды и Махабхарата, в Китае — великие классические произведения китайской литературы, в Вавилоне — поэма о Гильгамеше, лучше всего известный нам Ветхий Завет, произведения Гомера, Эдда, англо-саксонские сказания о короле Артуре, финская Калевала, немецкая Песнь о Нибеллунгах, повествовательная поэзия славяноязычных народов, сказки Тысячи и одной ночи. Великая литература, великое искусство, великая духовная жизнь народов длятся лишь до тех пор, пока эти народы еще остаются преимущественно крестьянскими.

Таким образом, урбанизация означает, с биологической точки зрения, ускоренное вымирание наследственно-ценных семей, а с социологической — опасность отрыва от корней многих людей в результате развития технических и интеллектуальных сил, ценность которых для процветания целого этими людьми уже не может быть проверена. Следует учитывать не только те вредные влияния городской жизни на здоровье, продолжительность жизни, нравственность и размножение отдельных людей и групп, о чем писал Гаттино, но и говорить вместе с Бенжамином о «болезни цивилизации», которая в Германской империи зашла настолько далеко, что по словам Филлингора, которого цитирует Бенжамин, деся-

тая часть молодежи больших городов страдает расстройствами нервной системы и психическими расстройствами — это результат отбора в городах и непосредственного вреда, который наносит отдельному человеку неподходящая для него городская среда.

Каждый человек, который не опирается на свой дом и семью, — человек сомнительных духовных качеств. Но этот тип распространяется в городах и постоянно будет в них возникать. Только в городах возможно появление таких фигур, которые на Западе в XIX веке появлялись с пугающей частотой. Стоддарт называет их «порочными гениями». В Германии ряд этих фигур начался с тех, кто известен в истории литературы под именем «молодой Германии», чье разлагающее влияние удачно охарактеризовал Трейчке в своей книге «Германская история XIX века», в главе «Гейне и Молодая Германия». Томас Манн называет их современных наследников «цивилизованными литераторами» (сам он, к сожалению, не очень отмежевывается от них, как мог бы по своим задаткам)...

Для народа такие дарования только вредны. Лучше пусть он читает произведения честных людей, хотя и посредственных по уровню дарования. Сравнительно много порочных гениев вышло из среды еврейства, этой наиболее урбанизированной группы Запада, а также из числа полтинников. В последнем случае появление подобных фигур часто объясняется особенностями отбора при смешанных браках, а также возможностью «обогащения бастардов» в первом поколении после скрещивания. Обычно речь идет о блестящих дарованиях в сочетании с распадом волевой сферы.

В сельской среде такие фигуры невозможны, они быстро стали бы посмешищем. В сельской среде вокруг них никогда не соберутся массы. В народе, в котором преобладает крестьянство, все отношения прозрачны, в урбанизированной среде эта прозрачность теряется. Только в высшей степени одаренные люди с очень прочными корнями могут еще что-то разглядеть. Блестящие дарования лиц, оторванных от корней, играющих роли «народных вождей», наносят огромный вред, когда подобным лицам позволяют беспрепятственно составлять «свободные» конституции.

Поэтому демократические порядки, естественные для крестьянского народа преимущественно нордической расы, с аристократическим сознанием, при урбанизации должны всё больше отходить на задний план, а при расовом смешении — тем более когда процент нордической расы становится всё меньше. Правительство может быть тем демократичней, тем свободней (в том смысле, какой придавало этому слову германское свободное крестьянство), чем аристократичней народ мыслит и чем более крестьянским является его образ жизни. Чем урбанизированней народ, тем больше он понимает под «демократией» нечто враждебное

крестьянству и аристократии, нечто разлагающее, массовое, вплоть до отрицания всех ценностей и всего идеального. Великий Гобино предвидел это развитие и его неизбежные последствия для его народа еще в 70-х годах XIX века.

Демократия рассчитана на людей, свободных и равных от рождения, с крестьянским жизнеощущением, ведущих самостоятельную деятельность. На народы с сильным ядром нордической расы — тогда она будет государственной формой восходящей народной жизни. Примеры из прошлого — порядки германского благородного крестьянства, спартиатов, которые называли друг друга «гомойой» (равные), патрициев, а позже нобилей республиканского Рима: в этих общинах свобода и равенство действительно были осуществлены в такой степени, в какой это только возможно для групп людей. С урбанизацией сразу же началась дифференциация и как ее следствие — похороны свободы, которая для народов германского типа была связана с равенством по расе, по крестьянскому состоянию и по аристократическому сознанию

Приток населения из сёл в города нес с собой «недочеловеков» (Стоддард), преступников и лодырей, но также высокоодаренных людей. Население становилось неравным. То, что Маккензи говорит о здоровье и трудоспособности. Можно сказать обо всех человеческих качествах в больших городах. «Лондон по мастерству превосходит сельские местности, но люди в Лондоне хуже, чем в других местах». В городах неравенство установилось и в экономической жизни: одни очень бедны, другие очень богаты. И те, и другие, как подчеркивал еще Платон, представляют собой опасность для государства. Но как бедность, так и богатство выглядят в городской жизни гораздо привлекательней, чем в сельской. Так исчезают основы народной демократии и становится больше шансов для появления демократии распада. К тому же большие города притягивают людей иных племен и рас, особенно торгашей, которые в итоге превращают любой большой город в «клоаку народов», как называли Рим во времена Империи.

Поэтому сегодня и в США с их демократическими традициями, которые первоначально соответствовали духу лучших представителей германского крестьянства, задают тревожный вопрос: «Безопасна ли Америка для демократии?» — так называется книга психолога Мак Дугалла, изданная в 1921 году. Перевести этот вопрос можно так: Может ли современная (урбанизированная и затопляемая чужаками) Северная Америка сохранять демократическую форму правления? Лучшие люди ясно видят, что «свобода» и «равенство» для городских масс, в большинстве своем негерманского происхождения, означают нечто иное, чем для основателей государства или для смелых защитников границ, которые,

хотя и были бедны, отвергали государственную помощь, потому что она оскорбляла их чувство свободы.

У нас известно, что демократия для народа со структурой общества, наследственным здоровьем и расовыми качествами и степенью урбанизации, как у немецкого народа и западных народов вообще, не может быть подходящей формой правления. Известно также, что только деурбанизация, возвращение в деревню и образование новой аристократии, воспитание аристократических, т.е. возвышающих жизнь ценностей снова вернут немецкому народу содержание и облик германской государственности... Отсюда целевая установка книги Дарре «Новая аристократия крови и почвы».

Всем тем, кто виновен в денордизации, т.е. исчезновении нордического расового типа, в вырождении, т.е. увеличении числа неполноценных наследственных задатков, в урбанизации, в пролетарской ненависти ко всем ценностям и ко всему человечески идеальному, порочным гениям и подстрекаемой или «большой массе» с ее «малым пониманием» и «большой забывчивостью», всем врагам немецкого народа национальное мировоззрение объявляет войну.

К подготовительному этапу относится деурбанизация образа жизни немецкого народа и его сознания. Даже городской житель может мыслить по сельскому и многих горожан следует обучить этому. Целевые установки Бургдёрфера и Рутке указывают нужное направление. Понятно, что немецкий народ никогда больше не сможет снова стать чисто крестьянским народом. Понятно также, что имеются в виду не все крестьянские семьи всех сельских областей Германии с их наследственными задатками, если речь идет об обновлении на основе «крови и почвы». С помощью евгеники государство хочет только заложить основы наследственных задатков в селе и в городе, на которых будут заново строиться народ и государство. Поэтому государство начало проводить политику расовой гигиены, увеличения числа высококачественных наследственных задатков во всех сословиях и приостановки размножения наследственно неполноценных во всех сословиях.

Но даже если никто не может думать о том, чтобы снова сделать из немецкого народа народ с сильным преобладанием крестьянства, если никто не рассматривает современное немецкое крестьянство уже сегодня как основу наследственных задатков, нужных для обновления всего народа, то ориентиром для немецкого будущего может быть только образ крестьянина, а целевая установка вроде «Рабочего» Эрнста Юнгера это уже вчерашний день по сравнению с органическим духом обновляемой Германии. Нельзя делать добродетель из нужды эпохи техники и промышленности и пытаться приспособиться к вере в «прогресс». Мы не

выносим приговор немецкой промышленности или немецкому рабочему классу, а только представляем себе обновление народа как процесс отбора, строительства домов, укоренения семей, как вопрос «крови и почвы», а при таком подходе нельзя мыслить обновление народа рационально и планоно, не в символах городского механического мира рабочего, а только в символах сельского, крестьянского мира, мира роста. Рабочий столь же мало как бургер или богатый городской финансист живет в такой обстановке, которая только и допускает полную германскую свободу; он столь же мало как высокооплачиваемый чиновник в своем роскошном кабинете или крупный фабрикант похож на свободного крестьянина, тогда как обеспечивающий себя мелкий крестьянин на своем наследственном дворе может претендовать на эту роль. Только на свободном крестьянстве и его повседневной работе может быть основано государство германского типа. Мы, горожане, поняли это в последний момент...

Отсюда задача деурбанизации.

Эта задача включает в себя не только спасение крестьянского сословия, поселение наследственно ценных семей на земле, перенос фабрик с их рабочими в сельские местности и т.д. В эту задачу входит и попытка деурбанизации человеческого сознания. Сегодня городской дух разлагает сельское жизнеощущение в самых отдаленных деревнях. По автострадам ездят хорошо платящие инородцы, проводящие свой «уик-энд» неженатые пары и бездетные, а потому свободные от забот семейные пары; газеты и радио сообщают обо всем самом новом, что дают города, и на этом фоне крестьянство выглядит отсталым.

Поэтому сельский дух люди, которые далеко видят, должны культивировать в городах как национальное сознание и распространять с помощью прессы и радио. Речь идет о деурбанизации жизнеощущения всех немцев, в том числе и живущих в городах. Пример молодежного движения показывает, что это возможно. Перед немецкой молодежью, особенно городской, стоит особая задача.

Лишь немногие до сих пор осознали, насколько урбанизирован дух современности. Намерения его распространителей могут быть благими, как и намерения строителей автострад. В XIX веке французские писатели стали делать ареной своих рассказов и пьес Париж. Ориентация на столицу — черта всех романоязычных народов. Как только древние писатели начали восхвалять Рим как город, началась Римская империя, эпоха «умирающей жизни».

Весной 1934 г. газеты сообщили о визите обербургомистра Берлина к Муссолини, который сказал, что за столицей народа надо особенно ухаживать, чтобы показать этот народ во всем блеске. Будем надеяться, что берлинский обербургомистр лишь из вежливости соглашался с этими

словами, потому что германцы никогда не придавали большого значения городам. Великая Эллада зашаталась, когда во времена т.н. первого тирана земля потеряла свое значение, а столицам начали придавать блеск. Оздоровление Германии начнется, когда города в сознании народа потеряют свою завышенную ценность. Это было выражением германского духа, что основатель США умышленно перенес в 1800 г. столицу из большого города Филадельфии в маленький поселок Вашингтон.

Итак, деурбанизация духа — первая задача. Колонизация — следующая мера оздоровления. Германская империя была первым государством, которое поняло, что колонизация без отбора поселенцев в дальней перспективе бессмысленна, отсюда планы поселения в сельских местностях отборных, наследственно ценных семей. Завтра горожане смогут иметь такой же набор наследственных задатков, какой сегодня имеют сельские жители. Но в связи с вымиранием городов, возрождение возможно только в селе. Даже творческие дарования, которые нужны народу, появляются в результате накопления наследственных признаков при правильном выборе супружеских пар на протяжении нескольких поколений только в сельских местностях. Сравнительно небольшое число талантливых выходцев из низших слоев, что показывает пример Англии, это не горожане, а пришельцы из деревень. Для наследственных задатков благоприятна только сельская жизнь.

Германское руководство стремится ограничить безработицу и пробудить в рабочих чувство сословной чести. Гобино называл массы безработных «зародышем болезни в народном теле большого города». К счастью, руководство Германской империи понимает, что кульминация развития европейской промышленности пройдена, что снижение экспорта во всех европейских промышленных странах это не только преходящий результат «мирового кризиса», но и стабильное следствие того, что заморские страны быстрыми темпами развивают свою промышленность. Скоро Европа им будет не нужна. Министр Дарре не раз подтверждал это на цифрах. Отсюда планы переселения в деревни групп городских рабочих с целью ограничения безработицы.

Особые виды промышленности, где наиболее проявляется немецкий дух изобретательства, который, правда, нуждается, в деревенской подпитке, и многие предприятия, удовлетворяющие нужды самого немецкого населения, должны остаться со своими кадрами, ядро которых зависит от постоянного притока ценных наследственных задатков. Отсюда забота государства о возбуждении у рабочих чувства сословной чести, т.е. аристократического духа. Пролетарский социализм воспитывает в рабочих ненависть к любому идеалу способного, благородного и прекрасного человека, ненависть к любой ценности вообще... Это особенно

ярко изложил Зомбарт в своей книге «Пролетарский социализм» (1924). Устранение всех вещей, вызывающих зависть и подозрения у завистливых людей, — суть пролетарско-социалистического учения о государстве.

Национал-социализм стремится к тому, чтобы и рабочие признали аристократические ценности; без этого признания народ германского типа немислим. Целевая установка «социал-аристократия», которая исходит от Аммона и Александра Тилле, сегодня стала понятной. Поэтому в будущей Германии все рабочие, как сегодня лучших английских рабочих, будут признавать идеал «джентльмена». Признание этого идеала — главная причина того, что в урбанизированной Англии нет завистливого массового духа и не имеет успеха пролетарский социализм... В этой черте проявляется нордическая душа британского рабочего класса. В Германии путь пролетарскому социализму прокладывала всё большая вульгаризация немецкого рабочего класса, развитие в нем чувства зависти и разложения волевых качеств нордической расы...

Национал-социализм отворачивается от массового духа уходящей эпохи. Бросающаяся из одной крайности в другую масса должна снова стать народом. Одновременно воскреснет и дух нордических германцев, который всегда отрицается там, где возникает дух массы. Не масса, а личность — такова целевая установка, причем личность в нордическом, германском и немецком смысле, всегда обладает сознанием свободного крестьянина и утверждает себя и в городских условиях жизни во всех условиях.

Если германское государство пытается медленно отойти от массового духа XIX века — такие процессы могут быть только медленными, — это не значит, что германское государство обращается «против масс». Тот, кто так думает, не знает законы массовой души. Скопления людей это еще не массы в психологическом смысле. Под влиянием представлений и процессов, описанных Лебоном, множество людей, большей частью разумных, может превратиться в слепые массы, а эти слепые массы в зависимости от обстоятельств могут вести себя и безобидно, но большей частью склонны к разрушению. Задача государства из различных возможностей массового духа дать проявиться лишь тем немногим, которые идут всем на пользу: в этом искусство управления государством. Государство с германской волей может разделить массы на группы, притом не механически, а органически, в зависимости от ландшафтов и традиций. Так осуществляется процесс нового становления народа, самая главная национальная задача.

Таким образом, идея «народа» берет верх над идеей «массы» XIX века, равно как национальная идея наследственного неравенства людей и человеческих групп (Гобино, Лапуж, Аммон, Гальтон, Мендель) берет

верх над пролетарским стремлением к отрицающему ценности равенству. Идеям среды и массы противостоят идеи наследственности и отбора в духе Дарре. Со всем этим из государства, которое до 1933 г. было «великой организацией всех завистливых чувств» (Хартнакке), возникает государство, в котором в отличие от всех западных государств XIX века господствует не слепая зависть неполноценных, а стремление к образцовым человеческим ценностям. Еще долго и в Германии по сотням подземных ходов будет ползать зависть наследственно неполноценных из всех сословий и тех, кто отрицает ценности, имея вещи, которые можно купить; еще долго все те, в ком XIX век раздул чувство зависти, будут вредить, маскируясь в современные одеяния, но курс взят на признание ценностей, которые нас возвышают.

Но возвышают в государстве с германской нравственной волей только жизненные ценности включающего себя в мировой порядок свободного крестьянства.

ВЫБОР СУПРУЖЕСКОЙ ПАРЫ ДЛЯ СЧАСТЬЯ В БРАКЕ И УЛУЧШЕНИЯ НАСЛЕДСТВЕННОСТИ

Ю.Ф. Леманс Ферлаг, Мюнхен . 1941 г.

Введение. Неправильный выбор супружеских пар как одна из главных причин распада браков в наше время

В годы после Первой мировой войны книжный рынок был переполнен книгами, которые описывали разрушение брачной жизни у западных народов и либо указывали средство спасения брака и семьи на Западе, либо предрекали конец существующей формы брака и семьи. Могло показаться, будто в Германии, Франции и Англии, а также в США вдруг поняли, что с браком и семьей что-то неладно и либо они не соответствуют требованиям «нового» времени, либо вообще устарели. Если американцы Г. Гамильтон и К. Макгован еще задаются вопросом, что именно неладно с браком, то их соотечественник В. Калвертон уже пишет о «банкротстве» брака, а английский этнограф Р. Бриффолт в предисловии к книге Калвертона предрекает переход западного брака к матриархальным, более рыхлым формам. Следует отметить, что брак и семья стали считаться «проблемой» не только после Первой мировой войны. В 1893 г. когда «либеральный» порядок буржуазного мира еще казался незыблемым, итальянец П. Мантегацца писал: «Брак в его нынешнем виде является неудачной формой и требует радикальных изменений». Накануне войны, в 1913 г. барон фон Паунгартен выпустил сборник статей «Проблема брака в наше время», который свидетельствует о том, что эта проблема стояла уже тогда. Накануне войны еврейские писатели и писательницы вещали о «сексуальном кризисе», а марксисты, радикальные феминистки и разного рода «исправители мира» не только описывали крах «буржуазного брака», но и приветствовали этот крах во имя «освобождения человечества» и построения «общества будущего». Возникали группы, которые проповедовали «новую этику» и «новую сексуальную мораль».

Мировая война прервала эти дискуссии. Но вернувшиеся с войны солдаты обнаружили, что их жены им изменяли; другие вернулись с

венерическими болезнями; тысячи скоропалительных браков, заключенных после войны, распались, когда безработица, жилищный кризис, лихорадочная погоня за удовольствиями стали разрушать общество, и для одних свой дом и семья стали недостижимой целью, а для других пережитком. В результате за 15 лет, прошедших после войны, появилась огромная литература о браке и семье. В Англии принялись оживленно обсуждать вопросы, о которых в викторианскую эпоху не было принято говорить вслух. Правда, английские авторы не внесли заслуживающих внимания предложений относительно исправления общественных пороков, зато в США вышел ряд серьезных работ о смысле, ценности, кризисе и обновлении брака и семьи. Ни в одной европейской стране нет такой работы по истории семьи, как «Социальная история Американской семьи» А. Кэлхауна (3 тома, 1917-19)

Когда после мировой войны упадок нравственности и распад семьи стали явными, причем распад этот продолжается до сих пор и продлится еще многие годы, если не десятилетия, запестрели такие рубрики как «кризис брака», «кризис добродетели», «сексуальный кризис» и даже «сексуальная катастрофа». Врачи и судьи заговорили об «эпидемии абортов». Снижение рождаемости, которое началось в Германии в 80-х годах XIX века, после войны приняло форму резкого спада. Число разводов в этот период возросло настолько, что заговорили о «половодье разводов». В настоящее время больше всего разводов в США, за ними следуют Германия (с Австрией), Дания, Эстония, Латвия, Швейцария и Венгрия. В 1935-37 годах в Германии снова резко увеличилась частота разводов.

Одни рекомендовали в качестве противовеса открытый переход к свободной любви, к «дружбе», вошедшей в моду со времен мировой войны, и законодательную отмену всего, что еще оставалось от семьи и брака. Другие считали, что брак и семью можно спасти путем обучения «гигиене половой жизни» на практике. Некоторые ожидали, что «дружеские», «пробные» или «временные» браки сделают более чистой половую жизнь молодежи, нуждающейся в удовлетворении половой потребности, и вновь укрепят брак и семью. Подобные идеи внесли путаницу во все представления о половой жизни, браке и семье, которую нескоро удастся распутать.

Авторы многих книг на эту тему исходили из того, что брак и семья распались, поэтому лучше всего устранить то, что от них еще осталось. Эти авторы указывали на многие примеры несчастливых браков, но не замечали, что есть много и счастливых. Торстен Болин сообщает, что по данным опроса, проведенного в 1930 г. одной шведской газетой среди врачей и чиновников, ведающих разводами, более половины всех браков, заключенных в Швеции, следует считать несчастливыми. Один

чиновник из Стокгольма сказал Болину, что в кругу своих знакомых он не знает ни одного счастливого брака. Болин возразил, что его собственный опыт говорит об обратном. Распад семьи в Стокгольме и других шведских городах еще не является свидетельством распада шведской семьи вообще. Ситуация в больших городах имеет свою специфику.

В своих лекциях о половой жизни, выборе супружеской пары и семье я стараюсь покончить с путаницей в этих вопросах, опираясь на идеи наследственности, отбора и улучшения породы. При этом я сознаю, насколько влияние современности и экономических условий угрожает семейной жизни и как трудно будет заложить основы нового порядка в половой жизни и семье. Причин современного распада семьи и несчастных браков так много, что никто не может предложить панацею для излечения всех недугов. Но у меня создалось впечатление, что одна из главных причин неудачи многих браков это неправильный выбор супружеской пары. Было бы больше удовлетворительных или счастливых браков, если бы двое, выбирая друг друга в супруги, действительно подходили друг другу, дополняли друг друга, могли осчастливить друг друга. Несчастье в браке, в значительной мере, — результат неправильного выбора, следствие встречи двух людей разного пола, из которых либо один вообще непригоден к браку, либо не может осчастливить своего избранника или избранницу. Не брак как таковой, а неправильный выбор делает многие браки несчастными. Это вытекает из анализа всех вопросов, связанных с разводами. Из частоты разводов в западных странах нельзя делать вывод о порочности брака как института.

Разводы

Вопрос о том, легко или нет добиться развода в случае неудачного брака, не вносит такой ясности, как рекомендации по правильному выбору супружеской пары с целью увеличения числа устойчивых и счастливых браков, для которых необходима более прочная основа. Это признает и Полноу («Развод и повторный брак с эвгенической точки зрения», «Social Forces», т. 12, 1933-34г.): для укрепления семейного духа и браков не так много следует ожидать от изменения законов о разводе, как от воспитательной подготовки молодежи к браку; молодых людей нужно учить правильно выбирать пару и поставить законодательные преграды на пути скороспелых браков.

Статистика разводов и повторных браков разведенных в разных странах позволяет сделать вывод, что большинство разведенных, исходя из собственного печального опыта не приходит к мысли, что они сами

непригодны для брака, а приписывают свою неудачу неправильному выбору. В Англии 60 % разведенных вступают в повторный брак, в США 50 %. В числе не вступивших в повторный брак могут быть и люди преклонного возраста или не нашедшие достойного партнера. Среди лиц, вступивших в повторный брак, преобладают мужчины, потому что у разведенных женщин среднего возраста меньше шансов. Попно сообщает, что из 1000 людей, вступивших в повторный брак, две трети, по оценке их знакомых, живут счастливо.

Меньшинство разведенных развелись не потому, что сделали неправильный выбор, а потому что сами непригодны к браку. Попно справедливо указывает, что группа разведенных по своей средней наследственной ценности ниже группы счастливых в браке: у них больше психических недостатков, меньше средняя продолжительность жизни, чаще бесплодие. Многие из разведенных сомнительны сами по себе, хотя они и ищут причину в неправильном выборе. Если больше всего разведенных среди актеров и музыкантов, то следует предположить, что в этой профессиональной группе больше, чем в других, людей, непригодных к браку. Если же речь идет о частых разводах молодых пар, то здесь главной причиной будет поспешный, неправильный выбор...

... В США на браки, распавшиеся в первые пять лет супружеской жизни, приходится 43,3 % всех разводов. Наиболее часты разводы на четвертый год. Главная причина и в этом случае — поспешный, неправильный выбор. Этим объясняются и «волны разводов», регулярно следующие за «волнами браков» в начале и по окончании войны, а также после глубокого экономического кризиса. Отсюда следует заключить, что часто наблюдаемые у западных народов «брачные кризисы», частота несчастливых браков и частота разводов объясняются не недостатками института брака и законов о браке и не увеличением числа людей, непригодных к браку, а неправильным выбором супружеских пар. Поэтому важно поставить вопрос об условиях правильного выбора, т.е. такого выбора, который обеспечивает счастливый брак и улучшение породы.

Выбор супружеских пар как процесс отбора

Этот вопрос можно рассматривать в двух основных планах. Один из них касается самих супругов, другой — их возможного потомства. Я начну с отдельных людей, как таковых, а потом перейду к проблемам наследственности, размножения и отбора. При этом одну сторону нельзя четко отделить от другой.

Начнем с того, что евгеника, именно потому, что для нее желательны счастливые браки наследственно полноценных людей, уделяет много

внимания тому, чтобы вступающие в брак не только хорошо подходили друг к другу как носители наследственности и могли породить хорошее потомство, но и тому, чтобы их уникальные, индивидуальные качества хорошо дополняли друг друга и счастливо сочетались. Поэтому для евгеники желательно, чтобы такие люди считали свой брак высшим благом и чтобы таких браков было как можно больше.

Направление отбора в народе определяется 1) выбором супружеских пар 2) чистотой детей от заключенных браков. Таким образом, выбор супружеских пар означает для народа гораздо больше, чем полагает большинство людей. Этот выбор — решающий шаг для будущего народа. Это подчеркивал английский естествоиспытатель А. Уоллес, современник и единомышленник Дарвина, в 1894 г. в статье «Прогресс человечества». Уоллес требовал, чтобы самые широкие круги научились осознавать свою ответственность за свои браки.

В моей книге «Формы и предыстория брака» (1940) я показал на разных примерах, что и в прошлом, и в наше время многие народы и племена осознавали важность выбора супружеских пар для улучшения породы. Такое сознание было особенно присуще индоевропейцам бронзового и железного века. У них выбор супружеских пар служил цели сохранения способных, благородных и красивых родов. Имелись соответствующие образцы для отбора. Сохранение рода символизировали вечный огонь очага, почитание Гестии у эллинов, Весты у римлян, культ домашнего очага у германцев.

Уже с обычаями сватовства у многих народов, часто бессознательно, а часто сознательно связан элемент отбора. Взаимные подарки показывают силу, смелость и искусность их изготовителей и изготовительниц, позволяют оценить качества хозяйки и хозяина дома. Во многих племенах Земли девушка, к которой сватаются, ждет от своего жениха проявления мужества и военной доблести. Как правило, лучшие девушки выбирают среди женихов самых смелых, искусных и красивых, хороших защитников и кормильцев, искусных охотников, рыбаков и тружеников. Поскольку женихи выбирают девушек по тем критериям, менее способным юношам достаются менее способные девушки. У многих первобытных народов такой выбор супружеских пар служит улучшению породы. Так благодаря отбору исторические народы древности и средневековья создавали высшие цивилизации, а позже, когда среди них возобладали наследственно-неполноценные элементы, это неизбежно приводило к упадку и краху. Одновременно идеал для отбора этих народов, образ способного, благородного и красивого человека, который определял выбор супружеских пар, позже поблек, и кончилось тем, что не стало никакого идеала.

Выбор супружеской пары по идеальным качествам

И среди народов западной цивилизации существуют более или менее четкие представления о качествах предпочтительных мужчин и женщин, по крайней мере среди крестьян отдельных местностей и частично — в средних и высших слоях. Для достаточно многих людей желательно то сочетание, которое снова рекомендовал Гальтон: здоровый дух в здоровом теле. Гальтон при этом подчеркивал, что одностороннее укрепление духовных сил за счет физических или физических за счет духовных обычно пагубно для тех и других. Если в начале XIX века больше внимания уделяли духу и пренебрегали телом, то с начала XX века распространившееся из Англии увлечение спортом привело к пренебрежению духом и при выборе супружеских пар. По ясности и честности мышления XX век не сравнится с XVIII.

Полноу в книге «Современный брак» (1929) приводит примеры того, как американские студенты обоих полов представляют себе будущего мужа или будущую жену. Из 250 опрошенных студентов 98 % хотели вступить в брак. Они называли такие качества, как порядочность, здоровье, определенные черты характера, определенный уровень воспитания и образования, природный ум, привязанность к семье, вера (в смысле принадлежности к определенной религии), способность вести домашнее хозяйство, честность, красота, надежность, способности к изобразительным искусствам и музыке, общие духовные интересы, деловые качества, благосостояние, любовь к спорту, общественное положение, отношение к женскому вопросу.

Этот перечень начинается с наиболее часто встречающихся пожеланий, из которых видно, что большее значение придается врожденным, а не приобретенным качествам. В целом это совпадает с идеалами евгеники. Вопрос об отношении к женскому вопросу объясняется особенностями феминистского движения в США.

Опрос читателей одного физкультурного журнала дал следующий перечень качеств идеальной жены: здоровье 23 %, привлекательная внешность 14 %, способность вести хозяйство 12 %, определенные черты характера 11 %, материнские качества 11 %, изворотливость 7 %, прочие качества 5 %. В этом случае представления менее ясные, чем у студентов, о которых говорилось выше.

Студентам Нью-Йоркского университета задали вопрос, какой они хотели бы видеть будущую жену: здоровой, красивой или богатой? Здоровой ответили 48 %, красивой 15 %, богатой — 12 %. И в этом случае предпочтение было отдано врожденным качествам. Спрашивать о здоровье отдельно от красоты не совсем целесообразно, так как с точки

зрения евгеники многое из того, что воспринимается как физическая красота, является признаком здоровья.

Согласно опросу американского журнала «Physical Health» девушки из разных слоев предпочитают такие качества будущего супруга: здоровье 20 %, определенный уровень благосостояния 19 %, отцовские качества 18 %, красивая внешность 11 %, определенные черты характера 8 %, определенный уровень образования 8 %, способность к ведению домашнего хозяйства 7 %, богатство 6 %, умение хорошо одеваться 3 %.

Группа американских студенток при подобном опросе ставила на первые места такие качества как нравственная чистота, честность, здоровье, прирожденные способности, образование, трезвость, религиозность и привязанность к семье.

Роберт Хэнс спрашивал студентов и студенток Пенсильванского университета о желательных качествах будущих жен и мужей. При этом оказалось, что студентки имеют более четкие представления на этот счет, нежели студенты, вероятно, потому что они созревают раньше и больше думают о браке. Студент 23 лет как правило менее развит, чем студентка того же возраста. Студентки чаще всего называют желательными качествами здоровье, о котором можно судить по физическим чертам, чистоту и происхождение предков из того же народа. Далее следуют: утонченность, великодушие, одаренность и понимание женской сути. Реже принимается во внимание вероисповедание, но этот вопрос частично содержится в вопросе о предках, так как, например, ирландцы и их потомки большей частью католики, а англосаксы, северные немцы и скандинавы и их потомки большей частью протестанты. Примечательно, что многие студентки, но ни один студент, назвали чувство юмора. Эти девушки правильно понимают, что чувство юмора помогает переносить жизненные невзгоды.

Ответы студентов отличаются от ответов студенток только меньшей ясностью. Выделяются такие качества как здравый рассудок, умение вести хозяйство и хорошо готовить. Студенты-евреи стараются избегать смешанных браков; для прочих студентов желательно одинаковое вероисповедание.

Идеалы американских студентов и студенток в целом совпадают с идеалами евгеники. Если бы браки заключались в соответствии с этими идеалами, было бы меньше браков, к которым можно было бы предъявить претензии с точки зрения теории наследственности. Идеалы молодых лет позже часто вытесняются видами на большое приданое или забываются под влиянием полового влечения, и молодой человек запутывается в сетях, которых он при здравом размышлении смог бы избежать. Наиболее частый случай отказа от идеала это брак по рас-

чету. В Европе тенденция к таким бракам сильнее в тех областях, где меньше представлена нордическая раса. Но я не считаю, что следует упразднить обычай давать приданое. Это позволяет молодому человеку без средств, но со здоровой наследственностью создать семью.

С точки зрения евгеники желательно, чтобы молодые люди обоих полов еще в возрасте неопределенных мечтаний выработали идеал для брачного выбора. С той же точки зрения желательно, чтобы этот идеал становился все более определенным, чтобы, когда настанет время выбора, можно было руководствоваться им и категорически отвергать сомнительные кандидатуры. Взгляд должен быть обращен только на людей здоровых и как индивидуальности, и как носители наследственности. Такой идеал нужно своевременно пробудить у молодежи, ибо, если молодой человек уже влюбился, доводы теории наследственности на него не действуют.

Поэтому, чтобы заложить основы национального жизнеустройства, необходимо создать идеал способного, благородного и красивого человека, идеал, который будет определять направление отбора, по крайней мере, для семей, обладающих чувством самоуважения и стремящихся к улучшению породы. Национальное государство не должно оставлять выбор супружеских пар лучшими представителями нашей молодежи на волю случая, меняющихся настроений и страстей юности, а должно попытаться направить этот выбор в верном направлении. Разумеется, молодым людям нельзя предписывать, кого им любить, но тщательно продуманная система воспитания может помочь лучшим представителям нашей молодежи понять, кого им не следует любить, понять, что для них брак с теми, кто ниже их, будет позором и падением, падением не с сословного, имущественного или образовательного уровня, а с уровня их наследственных качеств.

Часть 1

Выбор супружеской пары для счастья в браке

Брачный возраст

Руководство по правильному выбору супружеской пары должно начинаться с вопроса о брачном возрасте и допустимой разнице в возрасте

между супругами. Многие трудности при этом выборе объясняются тем, что люди европеоидной расы раньше созревают в половом отношении, чем в духовном. Европейские юноши приобретают способность к размножению уже в 14-16 лет, девушки — в 13-15. Европейские девушки уже к 16-17, а юноши к 19 годам уже созревают к брачной жизни физически, но не духовно. В духовном плане страдают как раз более одаренные люди, в той мере, в какой они созревают позже. В Германии девушкам можно по закону вступать в брак в 16 лет, юношам — в 21 год. Похоже, этот закон больше ориентирован на раньше созревающие расы Европы, для одаренной молодежи позже созревающих рас этот порог слишком низок. В годы после мировой войны было заключено много скороспелых браков между духовно незрелыми людьми, что повлекло за собой впоследствии волну разводов.

Таким образом, хотя евгеника высказывается за ранние браки наследственно высококачественной молодежи, здесь есть некий предел. В духовном плане девушки созревают не раньше 23-24 лет, а юноши — 26-27. При этом следует помнить, что для молодой девушки ранний брак означает, как правило, более тщательный выбор между женихами, так как чем девушка моложе, тем больше у нее возможностей выбора, а с годами этих возможностей станет меньше. Кроме того, молодые женщины, рано вышедшие замуж, легче рожают, число выкидышей у них меньше. И, конечно, чем позже брак, тем меньше детей. При всем при этом наследственно неполноценные преобладают по темпам рождаемости, и даже если евгенические меры государства закроют для них десять путей, они найдут для себя сто лазеек.

Желательно, чтобы наследственно ценные люди женились в возрасте, когда они приближаются к полной духовной зрелости. Я не говорю, достигают ее, а приближаются к ней. Слишком ранний брак опасен именно для более ценных людей, но для них опасен и брак после достижения этой зрелости. Люди к тому времени обретают устойчивые привычки и становятся закоренелыми холостяками или, по крайней мере, менее пригодными к сосуществованию с другими людьми. Поэтому в брак нужно вступать до того момента, после которого человек превращается в неисправимого холостяка, т.е. тогда, когда еще не потеряна способность приспособливаться.

Все эти трудности возникают только у людей с богатой духовной жизнью. Большинство «без проблем» следует своим необузданным инстинктам и желаниям, вступает в брак с кем попало и рождает детей раньше, чем те, кто принадлежит к более ценному меньшинству, делают свой выбор.

Разница в возрасте между мужем и женой

Жена должна быть моложе мужа. Но есть опасность ошибки на несколько лет при выборе пары, потому что молодые люди обоих полов испытывают мимолетные увлечения более старшими людьми другого пола. Многих молодых людей 21 года привлекают женщины бальзаковского возраста, а многих молодых девушек — «мужчины с висками, начинающими седеть». Если за такими увлечениями следуют браки, то через несколько лет после их заключения тот, кто моложе, начнет об этом жалеть.

Говорят, муж и жена должны быть одного возраста. Другое мнение — жена должна быть моложе мужа на 10 лет. Мне кажется более правильной таблица соотношений, которую дает Гуго Зелльгейм:

17 1/2	—	22 1/2	
21		—	27
24 1/2	—	31 1/2	
28		—	35
37 1/2	—	49 1/2	
42		—	54
45 1/2	—	58 1/2	
49		—	63

К. Штрац, занимаясь вопросом о разнице в возрасте между желающими вступить в брак, советовал учитывать, что на подъеме жизни женщина опережает мужчину на 2-4 года, но и склон жизни у нее наступает на 10-15 лет раньше. Однако число прожитых лет не столь важно, как индивидуальный возраст каждого человека, обусловленный его наследственными задатками. Один человек в 50 лет уже стар, а другой еще не стар и в 60; женщины одной расы в 35 лет еще молоды, а женщины другой к этому времени уже стары. Бросается в глаза сохранение молодости женщинами нордической расы, которые часто в возрасте 50-60 лет выглядят такими же «свежими», как женщины других рас в возрасте 35-40 лет.

Молодость и старость человека это этапы его жизни с колебаниями порядка нескольких лет. Поэтому при определении брачного возраста всегда приходится исходить из средних цифр.

Случаи явного несовпадения возрастов супругов довольно редки. Обычно если 25-летний молодой человек женится на 40-летней женщине, то он либо зарится на ее деньги, либо у него извращенные наклонности, либо этот брак распадется, как только этот молодой человек начнет проявлять понятную симпатию к молодой девушке. То, что такие браки остаются бездетными, только на пользу

генофонду народа, потому что у большинства таких молодых людей налицо признаки вырождения.

Психоаналитики обращают внимание на то, что молодые люди, слишком привязанные к своим матерям, часто женятся на женщинах, слишком старых для них. Представление о женщине смешивается у них с представлением о матери. Так же молодые девушки, слишком привязанные к своим отцам и считающие их за образец или девушки, отцы которых, наоборот, были слабыми людьми и не отвечали представлениям об отце, выходят замуж за старых людей. Но эти отклонения объясняются не столько влиянием среды, сколько наследственными задатками.

Прослойка и сословие

Следует ли заключать браки в пределах своего сословия или вне его? В среднем, наследственная ценность сословий тем выше, чем выше сословие, но на уровне семей, а не отдельных лиц. Так что при выборе супружеских пар вопрос о сословии тоже небезразличен. С точки зрения теории наследственности различия между сословиями не столь важны, как раньше думала знать, но они важнее, чем полагают либералы и социалисты.

Если человек среднего или высшего сословия заключает брак на том же уровне, причем выбирает жену или мужа не из семьи какого-нибудь нувориша, а из семьи, принадлежащей к данному сословию на протяжении нескольких поколений, то высокий уровень будет сохранен. Дети же нуворишей отличаются тем, что они выбирают, руководствуясь часто слепой страстью, людей с меньшей наследственной ценностью, поэтому их предки обычно опускаются на ту же ступень, с которой начинал свое восхождение преуспевший дед. Лучшее свидетельство наследственной доброкачественности семьи — ее постепенное возвышение. Сделать вывод об особой наследственной одаренности семьи можно в том случае, если ее многочисленные дети умеют утвердить себя, ставя перед собой такие цели, для достижения которых нужно не только богатство, но и талант.

При выборе супружеской пары важно учитывать благосостояние семьи, из которой происходит жених или невеста, причем опять-таки благосостояние на протяжении нескольких поколений. Если это семья нувориша, его успех может объясняться его отвратительными качествами. Благосостояние, достигнутое далекими предками семьи, свидетельствует о наличии хороших наследственных задатков. Это не значит,

что нужно чтить благосостояние или богатство как таковое — это лишь признаки определенных наследственных задатков семьи.

Пролетарский социализм, возникший из теории среды XIX века, учит, что благосостояние семьи ничего не значит, и даже видит в нем нечто скверное. Те, кто так считает и воюет против капитализма, это в отдельных случаях мечтатели, стремящиеся улучшить мир, но в большинстве случаев — неудавшиеся капиталисты, антикапиталисты не из любви к народу, а из зависти к тем, кто умеет делать деньги. Будь у них самих деньги, они построили бы еще худший капитализм.

Таким образом, благосостояние и сословие значат при выборе супружеской пары больше, чем полагают либералы, социалисты и авторы многих романов, сочувствующие таким парам, браку которых мешает более богатая семья. Эти вопросы нужно решать с точки зрения наследственной ценности двух семей.

Выбор пары из низшего сословия допустим в том случае, если невеста или жених происходят из семьи, все члены которой являются исключением в своей среде благодаря своим особым талантам. Поскольку низшие слои многочисленны, такие исключения нередки. Если у всех членов семьи из низшего сословия есть хорошие задатки, эта семья близка к идеалу для отбора, и выбор невесты или жениха из такой семьи никогда не будет мезальянсом. Мезальянс это когда молодой человек из наследственно ценной, независимо от сословия, семьи женится на дочке богача, семья которого далека от того, чтобы быть образцом для отбора.

Принц фон Изенбург исследовал проблему выбора супружеских пар в высших слоях, прежде всего, среди знати. Он установил, что мужчины из этих слоев в большинстве женились на женщинах ниже себя по рангу, поэтому в родословных по женской линии больше пробелов, чем по мужской, начало этих родословных теряется во тьме истории. Эта особенность объясняется тем, что женщины из высших слоев редко выходили замуж за людей ниже себя, предпочитая оставаться одиночками.

Сведения о графских семьях за 1870 г. говорят о том, что 25 % графских дочерей оставались незамужними, а в Южной Германии, где многие дочери из знатных католических семей уходили в монастыри, — 32 %. В Северной Германии 11,2 % графов женились на женщинах из буржуазной среды, и лишь 5,8 % графских дочерей выходили замуж за мужчин из этой среды. Цифры по Южной Германии соответственно 16,5 и 9,4 %.

Сословное происхождение — фактор, который приходится учитывать наряду с евгеническими и расовыми аспектами. Брак девушки из выс-

шего сословия с мужчиной, стоящим ниже на общественной лестнице, редко бывает счастливым. Многие девушки, которые заключают такие браки, отличаются странностями, чрезмерной чувственностью и необузданностью. Им нравятся brutальные, мускулистые мужчины из низов.

Но если разница в сословном уровне невелика, шансов на счастливый брак больше. Эту разницу легче преодолеть женщине, чем мужчине, потому что только женщина может возвысить своего супруга до себя.

Женщины из низов, выходящие замуж за мужчин из высших сословий, легче приспосабливаются к новому для них кругу, осваиваются в нем, становятся утонченными. Создается впечатление, что они были словно рождены для такой жизни. Особенно это характерно для женщин, у которых преобладает нордическая кровь. Мужчинам такое приспособление удастся гораздо реже. Привыкнув к узкому, ограниченному, «буржуазному» образу жизни, они с трудом расстанутся с этой привычкой, чувствуют себя внутренне неуверенными. Даже женщинам из высших слоев не удастся в должной мере «отесать» таких мужчин, тогда как многие женщины нордической расы сами осваивают науку, как нужно вести себя в высшем обществе, к которому они первоначально не принадлежали. Девушки из высших слоев должны учитывать указанные выше особенности мужчин, занимающих более низкое, чем они, положение в обществе, прежде чем выходить за них замуж. Как правило, женщины всех сословий лучше умеют устраивать повседневную жизнь. В период революции 1848 г. мужчины-радикалы хотели сделать все сословия одинаково посредственными, а женщины — благородными. У женщин, как правило, больше возвышающей силы.

Все эти вещи значат в повседневной жизни больше, чем обычно полагают, и гораздо больше, чем думает молодежь. Можно считать сословные предрассудки пережитком прошлого и смеяться над ними, но они останутся даже в бесклассовом обществе, потому что многое из того, что облечено в форму сословных различий, является на самом деле выражением наследственной способности чувствовать. Это доказывают наблюдения над сиротами павших на войне солдат и офицеров. Эти дети воспитывались в одном приюте, в совершенно одинаковых условиях, не зная о своих предках, но у них проявлялись черты характера, свойственные именно той прослойке, из которой они происходили.

Часть людей, в зависимости от своих наследственных задатков, живет стадными чувствами. Для этой части людей главное — влияние среды, задача государства, с их точки зрения, — улучшать эту среду. Другая часть людей, с другими наследственными задатками, отличается аристократизмом мышления, делает упор на неравенство людей и на наследственность. Этот образ мыслей имеет мало общего с обладанием собственностью,

есть бедные «благородные люди» (Ибсен, «Росмерсхольм») и богачи с пролетарским мышлением. Есть наследственная сила и широта мышления, наследственная предприимчивость, которые позволяют пробиться даже в неблагоприятных условиях, и эти качества чаще встречаются в высших сословиях, потому что эти сословия состоят из потомков людей, обладавших такими качествами. Семьи, склонные к стадному мышлению, будут опускаться, семьи с благородным мышлением — подниматься, даже если они принадлежат к низам. Этими правилами отбора объясняется и распределение характерных черт среди упомянутых приютских сирот несмотря на одинаковую среду, в зависимости от сословного происхождения. Поппоу тоже подчеркивал, что положение человека это не только внешнее качество. Положение семьи еще больше, чем положение отдельного человека, свидетельствует о наследственных задатках и еще меньше является чем-то внешним или случайным.

Так что вопрос о сословном происхождении это не праздный вопрос, он затрагивает коренную проблему наследственных качеств и должен подниматься при выборе супружеской пары, потому что с этой стороны может исходить угроза браку и потому что молодежь должна учиться видеть в уровне жизни семьи признак наследственных свойств.

Брак всегда означает вхождение в другую семью. Две семьи рождаются между собой. Что это значит, хорошо знают крестьяне, а городские люди об этом больше не думают. Многие браки, которые могли бы стать счастливыми, распались из-за трений между семьями. При браках между представителями разных сословий число возможных трудностей увеличивается еще больше. Когда молодой человек женится на девушке низшего сословия, то лучше, если это служанка, чем работница с фабрики. У работниц свой менталитет: у них есть законное время отдыха, и в это время они «свободны» и им «никто не указ».

Биологический уровень и природное равенство

Здесь речь пойдет о собственной ценности отдельной личности и природном равенстве двух личностей, не обязательно тех, которые хотят вступить в брак. Качества отдельного человека относятся к качеству его задатков как фенотип к генотипу. Человек может иметь большую ценность как отдельная личность, но быть неполноценным как носитель наследственности. Взаимосвязи между биологическим уровнем отдельной личности и уровнем сословия менее ясны.

Подъем семьи на более высокий уровень зависит не только от силы воли и ума ее членов, но и от их честности и широты натуры.

Упадок семьи вызывают не только слабование, болезненность и бездарность, но также бесчестность и бездушие. Для возвышения отдельного человека, который хочет занять определенное положение, сила воли и ума, конечно, важнее нравственных качеств. Но, поскольку сословия создавались семьями, возвышавшимися постепенно, а не внезапно (семьи внезапно возвысившихся охотников за успехом обычно снова опускаются), можно сделать вывод, что биологический уровень членов сословия тем выше, чем выше сословие.

Поскольку этот высокий уровень встречается в отдельных сословиях с разной частотой, но ни в одной не отсутствует совершенно, можно дать совет заключать браки с равными по рождению. Хороший брак это всегда такой брак, в котором качества одного человека дополняются качествами другого. Но хорошо дополнять друг друга могут только равные по рождению. Об этом говорит граф Кейзерлинг. Он предостерегает от того, чтобы видеть такое взаимное дополнение в «общности интересов». Я пока скажу лишь, что взаимное дополнение в счастливом браке исходит из глубоких слоев души, а не означает живое участие одного из супругов в деятельности другого. Из этих глубинных слоев исходят и душевные силы. Вероятно, граф Кейзерлинг прав, когда он утверждает, что немецкие мужчины не задаются этим вопросом. Образованные немцы чаще ставят вопрос о приобретенных знаниях. Мезальянсы случаются в Германии среди образованных сословий чаще, чем полагают. Чаще это происходит с мужчинами. Девушки во многих случаях предпочитают оставаться одинокими.

Мужчины же женятся на неровне столь часто, что, знакомясь с достойным человеком, всегда боишься познакомиться с его женой, вспоминая слова Ницше из «Заратустры»: «Достойным казался мне этот человек и созревшим для смысла Земли; но когда я увидел его жену, Земля показалась мне сумасшедшим домом».

Нынешняя немецкая молодежь должна отказываться в уважении тем, кто женится на неровне. Правильный выбор супружеских пар — одна из ее главных задач. Юноши должны иметь представление о настоящей хозяйке дома, женщине, которая создает атмосферу в доме и правильно воспитывает детей.

Юношам следует выполнить и старую мудрость: молодой человек должен сначала увидеть мать девушки, на которой собирается жениться. Дочери и в самом деле с годами по многим физическим и психическим признакам все больше становятся похожими на своих матерей. Если бы юноши чаще вспоминали об этом, можно было бы избежать многих несчастливых браков. Если, например, юноше нравится стройная девушка, а у нее тучная мать, это должно послужить для

него предостережением, если только у девушки не преобладают черты, переданные по отцовской линии. Бывает и наоборот: полные девушки с годами худеют, как и их матери. Кроме того, по детям, по плодам материнского воспитания, можно судить о том, что представляет собой мать. То же относится и к отцам, но не учитывать качества матери при выборе супружеской пары опасней, чем не учитывать качества отца. В большинстве случаев матери имеют больше общих задатков с дочерьми и сыновьями, чем отцы.

Значение физической красоты с точки зрения законов жизни

Посмотрим теперь на физическую красоту с биологической точки зрения и укажем на ее значение для выбора супружеской пары. Враждебно к физической красоте относятся два мировоззрения: одно из них берет свое начало от восточного учения, разделяющего тело и душу, связанный с потусторонними ценностями «дух» и влекущую к греху «плоть». Согласно этому учению, красота человеческого тела не более чем мираж, сотворенный Дьяволом. Второе мировоззрение восходит к различным «идеалистическим» философиям, для которых достоин уважения только «дух» как нечто внутреннее и нематериальное, а тело, как нечто внешнее и преходящее, не имеет значения. В этих философских учениях продолжает жить восточный разрыв между телом и душой, хотя уже не в церковной трактовке. Оба эти учения оказали отрицательное влияние на эволюцию, потому что отвергли образ способного, благородного и красивого человека как идеал для отбора. Народам, говорящим на индоевропейских языках, до внедрения восточного христианства было свойственно чувство красоты человеческого тела, равно как и красоты животных, особенно коней и собак. Так как для этих народов тело и душа были единым целым, они не считали животных «неодушевленными» тварями, бесконечно далекими от человека. Ярче всего это чувство проявилось у древних греков.

Будущее немецкого народа зависит от того, удастся ли немецкой молодежи выработать немецкий аналог эллинской «калокагатии», единства красоты и моральных качеств, и ориентироваться на этот идеал в личной жизни и при выборе супружеских пар.

При этом выборе важна и духовная, и физическая сторона. Обращать внимание на физическую красоту особенно важно для юношей, так как оценка женской красоты это не то, чему учат поэзия и изобразительные искусства, а то, что присуще расам господ во всех частях Земли как

наследственный инстинкт, который изначально способствовал возвышению этих рас. Можно даже сказать, что кровь благородной расы часто выражается в той радости, которую человек испытывает при виде красивых людей и животных. Можно также сказать, что людей, для которых эта красота безразлична, следует избегать при выборе супружеской пары. Если мужчина ценит в женщине красоту, он следует инстинктам, унаследованным от высших рас.

Посмотрим теперь на физическую красоту с биологической точки зрения. Такой подход был уже у Дарвина в «Происхождении человека», а также у Г. Спенсера. Я изложил его в лекциях, прочитанных мною в Высшей школе искусств в Веймаре (зимний семестр 1930-31 гг.).

То, что в народе считается «красивым», это идеализированный облик представителей самых выдающихся родов на протяжении ряда поколений среди народа довольно чистой расы или, по крайней мере, его руководящего слоя, сохранившего относительную чистоту расы. Спенсер указывает на то, что у чистой расы внешний облик человека совпадает с его внутренней сущностью. Различие между ними — результат скрещивания рас, хотя есть расы, которым такое различие свойственно изначально (пример — передне-азиатская раса). Первоначальная связь облика представителей выдающихся родов с представлениями народа о красоте ослабляется при скрещивании рас, потому что у каждой расы свой идеал красоты. У господствующих рас красота тела была признаком благородства рода. Упомянутая связь ослабляется еще и потому, что в результате скрещивания духовные черты господствующей расы могут начать ассоциироваться с физическими чертами подчиненной расы, которые многим не нравятся. Даже большая часть подчиненной расы заимствует свой идеал красоты у господствующего слоя. Возможен и такой результат скрещивания, что у человека с «благородной» внешностью проявятся совсем не благородные духовные качества. Но наследственные инстинкты воспринимают сочетание благородных духовных качеств с неблагородной внешностью как исключение из правила. Так в древней Греции смотрели на Сократа.

Противоречие духовных и физических черт, как у Сократа, яркий пример того, что в подсознании большинства людей и в более поздние времена физическая красота и моральные качества оставались связанными друг с другом более тесно, чем в сознательных оценках этих людей. Спенсер оспаривает широко распространенное мнение, будто физическая красота и моральные качества не имеют друг с другом ничего общего. Спенсер отмечает, исходя из своего опыта, что именно те люди, которые отрицают эту взаимосвязь, всегда удивляются, когда человек с благородной внешностью поступает неблагородно. Но даже

в современной Европе, где продолжается скрещивание различных европейских рас между собой и усиливается влияние внеевропейских, есть еще много людей, у которых нелегко отделить внешний облик от морального. И даже те, кто отрицает связь между внешним обликом и моральными качествами, признают, что, хотя встречаются благородные люди с отвратительной внешностью, таких немного, и, хотя встречаются красивые, но аморальные люди, таких тоже немного. И эти отрицатели тоже хотели бы, чтобы их дети выбрали себе супружеские пары с приятной внешностью, а не только умных и порядочных.

Для большинства людей связь между уродливостью физических черт и болезненностью или порочностью более ясна, чем связь между красотой тела и моральными качествами. По оценке психиатра Эрнста Кречмера, «там, где мы встречаем скопление самых тяжелых форм психического вырождения, мы встречаем одновременно и самое большое скопление наследственных физических уродств». Вырождение чаще наблюдается в расово-смешанных семьях, а члены таких семей кажутся «безобразными» представителям каждой чистой расы, а многое из того, что они считают «безобразным» можно рассматривать как симптом болезненных задатков. Ощущение «безобразного» во многих случаях — результат действия инстинкта, который предостерегает о возможном наличии болезней или психических отклонений. Неверно, что красота это качество одной лишь внешности, — это качество всего организма. Люди сторонятся от физических уродов не из предрассудков или эстетической утонченности, а следуя здоровым инстинктам. Красота — важное свидетельство здоровья. Кроме того, как я уже говорил, идеалом красоты служили представители господствующей прослойки. В Центральной и Северо-Западной Европе прекрасными считаются такие физические и духовные черты, которые ближе всего к чертам нордической расы. В Германии вплоть до XVIII века красивым называли только человека с преобладанием нордических черт. До сих пор от бездетных супругов поступает больше заявок на усыновление светловолосых и голубоглазых детей, чем можно удовлетворить. Такого спроса на детей восточно-балтийской расы нет: они тоже светловолосые и голубоглазые, но остальные их черты отталкивают, а именно черты, которые наиболее удалены от признаков нордической расы. В Англии такими чертами «низшей расы» (по Спенсеру) считаются выступающие челюсти, широкие скулы, убегающий назад лоб, широкий нос.

Мою теорию о происхождении идеала красоты разделяет и граф Кейзерлинг. По его словам, красота тела отождествлялась с совершенством расы, и во времена, когда люди руководствовались инстинктом, супружескую пару выбирали за красоту, заключались счастливые браки

и рождалось здоровое потомство. «Для инстинкта дух и тело едины». Но эти правила действительны только для расово однородных народов. Однако и в современной Европе красивый человек, в котором мало осталось от духовной сущности высшей расы, обладает наследственной ценностью.

Пробуждение и воспитание чувства красоты

В Германии это чувство развито меньше, чем в других странах, что сказывается на выборе супружеских пар, который порой бывает ужасным. У германской молодежи нужно пробудить чувство красоты человеческого тела как признака здоровой наследственности. Этому лучше всего способствуют физические упражнения, но такие, как в греческих гимназиях и палестрах, а не как в римском цирке. Увлечение спортом в нынешней Европе часто свидетельствует скорее о недостатке чувства красоты человеческого тела. Есть виды спорта, весьма далекие от греческой «калакагатии». Для возрождения немецкого народа нам нужно учение о теле и духе как о целом. Вспомним слова Ювенала: «В здоровом теле — здоровый дух». Нам нужно избавиться не только от средневекового учения о греховности плоти, но и от такого спорта, при котором накачиваются мускулы, но не развивается дух. Гальтон не зря говорил о теле и духе, что пренебрежение одним означает вырождение того и другого.

При пробуждении чувства физической красоты важно научить понимать эту красоту как выражение здоровья и душевных качеств. Так можно и избежать опасности принять мнимую, пустую красоту за подлинную. Важна красота не только черт лица, но и всего тела. Евгеников радуется, что сегодня молодежь обоих полов может совершать совместные прогулки, купаться и играть на пляже, когда можно видеть красоту всего тела в движении. Движение больше говорит о душевных задатках человека, чем состояние покоя.

Многих несчастных браков можно было бы избежать, если бы он или она обращали больше внимания на свободные движения другого человека во время совместных прогулок на свежем воздухе в легких одеждах или хотя бы на походку другого человека при встрече. Опытному наблюдателю походка человека много говорит о его сути, даже о его меняющемся самочувствии и настроении. Если в походке обращает на себя внимание какая-то характерная особенность, это служит предупреждением для инстинкта, который разбирается в таких делах лучше, чем разум. То же относится и к другим свойствам, как к отдельным

физическим чертам, так и к отдельным движениям человека. То, что воспринимается как нечто неладное, должно рассматриваться как предостережение. Ницше однажды сказал: «Больше разума в твоём теле, чем в твоей высшей мудрости». Нужно следовать только советам своего тела и советам наблюдений за телом другого человека. Ощущения, испытываемые при таких наблюдениях больше телом, чем разумом, более глубоки и надёжны, чем мысленная оценка. Поэтому нужно учиться понимать смысл таких ощущений. Правда, нельзя забывать о том, что многие люди, особенно городские, либо утратили способность видеть в физических чертах признаки душевного своеобразия, либо настолько одурманены «современной жизнью», что их нельзя даже этому научить.

Тем же молодым людям, которые ещё поддаются обучению, нужно объяснить, что походка человека, движения его бедер, плеч, рук и шеи многое говорят о сути этого человека. Так даже небольшая примесь внеевропейских рас у евреев, незаметная, когда фигура и лицо неподвижны, часто проявляется при движениях, особенно при движениях плеч, и мимике, особенно при смехе, а также при расслаблении от усталости. При выборе супружеской пары очень важно увидеть человека, когда он устал. В этом состоянии можно увидеть черты, которые до того неумышленно или умышленно скрывались, но которые могут быть внешним выражением неизменных качеств, определяющих сосуществование с другим человеком. Непривлекательные черты другого человека должны настораживать. Восточное учение, призывающее обращать внимание только на душу, было причиной многих несчастных браков. Но в признаках и движениях тела отражается душа — и ее убожество тоже, и человеческие инстинкты понимают это лучше, чем разум. И они обращают больше внимания на красоту.

Идеальный образ при выборе супружеской пары и красота

Значение евгеники никогда не поймет до конца тот, в ком нет художественного чутья. Евгеника не довольствуется тем, что считает идеалом для отбора здорового и способного человека, она добавляет, что человек должен быть еще и красивым. Немцы в прошлом слишком часто обращали внимание только на «дух», тогда как эллины и англичане в их творческую эпоху видели достоинство человека в сохранении баланса между устремленным ввысь духом и стремящимся к совершенству телом. В этой связи можно вспомнить о первых 17 сонетах Шекспира, в которых он советует своему другу, светловолло-

сому английскому аристократу, жениться, чтобы было много похожих на него детей.

Современник Шекспира, английский поэт Овербери, писал, что мужчина не может выбрать сам себя, но он может выбрать жену, чтобы благодаря этому выбору улучшить свое потомство.

Евгеника стремится к тому, чтобы будущий немецкий народ, средневековых предков которого соседние народы славяли как не только сильных, но и красивых людей, стал не только здоровым и порядочным, но и красивым и благородным народом. Даже простому здравому рассудку ясно, что среди благородных и красивых людей больше здоровых, умных и способных, чем среди честных, но неблагородных и некрасивых. Однако евгеника всегда проводит различие между оценкой человека как отдельной личности и как носителя наследственности. Многих людей можно высоко ценить, но не хотеть, чтобы они были отцами или матерями ваших детей или чтобы их выбрали себя в мужа или жены ваши дочери или сыновья. Евгеника никогда не ориентируется на отдельную личность как таковую, а всегда рассматривает эту личность только как носительницу определенных наследственных задатков.

Влияния, мешающие правильному выбору

Влюбленность

Есть влияния, которые мешают сделать правильный выбор ради будущего счастья в браке. К числу этих влияний относится, как ни странно, сама любовь, по крайней мере, некоторые разновидности влюбленности, безумного увлечения.

Не всегда любовь или страстная влюбленность гарантируют счастье в браке. Тогда было бы больше счастливых браков. Говорят, будто любовь инстинктивно ведет к правильному выбору. Но это верно лишь в том случае, если инстинкты не расстроены влияниями современной городской жизни. Горожанам редко удается их сохранить. У человека вообще меньше надежно действующих инстинктов по сравнению с животными. Обычно у живых существ инстинкты тем лучше развиты, чем меньше развита центральная нервная система. Многие горожане, притом как раз более умные, руководствуются больше рассудочными соображениями, чем наследственными инстинктами. Дарвин, наблюдая ослабление инстинктов у домашних животных, предположил, что вытеснение инстинктивных порывов рассудочными соображениями ведет к вырождению людей, воспитываемых в тех же условиях, что и домашние животные.

Поэт Петер Альтенберг пишет в книге «Проблема брака в зеркале нашего времени» (1931): «Кризиса брака, разумеется, нет. Есть только кризис идиотов и идиоток, которые под влиянием минутной сексуальной потребности или по чисто экономическим соображениям пытаются убедить себя и других, будто они созданы друг для друга». Таким образом, пресловутый кризис брака — результат неправильного выбора. Из двух причин, которые называет Альтенберг, брак по расчету таит в себе меньше угроз, чем брак вследствие слепой влюбленности, так как при браке по расчету не бывает такого разочарования, как во втором случае.

Я не хочу сказать, что любовь ничего не значит, но одна лишь любовь во многих случаях — недостаточная причина для брака. Каждый брак должен быть разумным, но отнюдь не в смысле брака по расчету. Брак по любви и разумный брак не следует рассматривать как исключаяющие друг друга противоположности. Если любовь дополняется рассудочными соображениями, вероятность счастливого брака больше. Слово «любовь» должно обозначать чувство, пронизывающее человека целиком, чувство, в котором страстное желание и разум не исключают друг друга.

Слепая влюбленность — недостаточно прочная основа для брака. Термин «слепая любовь» употреблялся еще в древней Греции. Кант писал: «Тот, кто любит, может при этом оставаться зрячим, но тот, кто влюблен, неизбежно слеп и не замечает недостатков предмета своей любви. Обычно он прозревает через неделю после свадьбы».

Характер влюбленности во многих случаях может служить предостережением. Любовная пара должна задуматься, если после любовных восторгов вдруг обнаруживается, что любовники не знают, что им делать вместе. Между двумя людьми, которые хотят пожениться, не должно быть пустых часов. В наш век многословия здесь необходимо оговорить, что «пустые часы» не означают «часы молчания». Наоборот, полнота чувств как раз проявляется в часы молчания. Благоприятное предзнаменование для будущего брака — именно такие моменты молчаливой влюбленности.

Есть, правда, пары, которые не замечают, как между ними образуется пустота. Такие люди — самые пустые. Пусть женятся — пустота их браку не повредит.

Опасность слепой влюбленности, за которой кроется душевная пустота, не раскрывают писатели. Большинство «любовных романов» заканчивается как раз там, где начинаются серьезные проблемы брака. Есть английская шуточная пьеса, в которой описывается брак между Ромео и Джульеттой. В этой пьесе брак, основанный на слепой влюбленности, кончается плохо. Брак предполагает ответственность, пишет

граф Кейзерлинг, но именно об этом страсть не хочет ничего знать. Поэтому признаком низкого, а не высокого уровня является брак, основанный на одной страсти. В браке, как бы сильна ни была страсть, сексуальная сторона быстро оттесняется на задний план другими проблемами повседневной жизни.

В столь же малой степени, как и слепая влюбленность, может служить гарантией счастья в браке одно лишь сексуальное влечение, и одним этим влечением нельзя объяснить ни происхождение брака, ни его суть и отдельные формы. Возможно взаимное сексуальное влечение двух людей, противоположных по своим духовным устремлениям. Если эти люди поженятся, они вскоре обнаружат, что то, что их разъединяет, сильнее того, что их объединяет. Браки на такой основе чаще оказываются несчастливymi, чем браки при не очень сильном взаимном влечении.

Романтическая любовь

Экзальтированная, «романтическая» любовь — частая причина несчастных браков. Вторжение повседневной действительности в такую любовь является мучительным. Романтическое слияние двух людей, подобно Тристану и Изольде в изображении Р. Вагнера, невозможно. Полноценный человек должен своевременно понять, что для возвышенной жизни необходимо одиночество. Люди нордического типа и в браке соблюдают взаимную дистанцию. В наше время добрачных связей на это не обращают внимания, но, чтобы брак был счастливым, это должно быть заложено в обоих супругах. Ненордических супружеских пар это не касается. Если в браке одному из супругов требуется дистанция, а другому нет, такой брак под угрозой.

Романтическая любовь, поскольку она отвергает одиночество индивидуальной души, легко приводит к разочарованию в браке. Каждый человек болезненно воспринимает, когда тот или та, кого она или он любит, не сопереживает того, что целиком переполняет его самого. Волновые колебания состояний и настроений двух людей никогда полностью не совпадают. У людей разного пола при всем взаимном влечении моменты гармонии всегда чередуются с моментами диссонанса чувств. Цикл таких колебаний настроения у женщины 28 дней, у мужчины — 23 дня (В. Флис). Романтическая любовь не хочет об этом ничего знать. Один человек никогда не может найти в другом все, в чем он нуждается, как в дополнении. В стихотворении Мёрике говорится:

Принадлежать другому целиком, как хочется, возможно ли? Искал ответ

Всю ночь я на вопрос и к утру понял: Нет.

Таков рок индивидуального бытия, с которым нужно либо смириться, либо как Тристан и Изольда у Вагнера поправить его своей смертью. Опасность романтической любви и романтического понимания сути любви в том, что романтическая любовь не хочет знать того, что граф Кейзерлинг называет «бременем повседневности».

Скоропалительные браки

Итак, для прочного брака недостаточно одной слепой влюбленности. Нужно узнать все основные черты характера своего избранника или избранницы, прежде всего, путем спокойного наблюдения за ним или за ней в минуты отлива любовной страсти. Такое спокойное, разумное наблюдение более возможно для влюбленных, чем полагают поэты. В романах и пьесах утверждается, что слепая, неодолимая страсть это правило, а сознательный выбор — исключение или признак безнадежного мещанства. Шекспир тоже повторил вслед за своим современником Марлоу: «Любил ли тот, кто не влюблялся с первого взгляда?» («Как вам это понравится»).

В действительности такая «любовь с первого взгляда» встречается отнюдь не так часто, как думают поэты, хотя им, понятно, интересней ее описывать. Но желательно, чтобы такие влюбленные лучше узнали себя в повседневной обстановке. Поэтому евгеника приветствует современную свободу нравов, когда молодые люди обоих полов могут ближе познакомиться друг с другом во время турпоходов, занятий физкультурой и т.п. Во время турпоходов они могут наблюдать друг друга в разных жизненных ситуациях и настроениях. Необходимо полгода близкого знакомства с совместным участием в разных мероприятиях. Предлагают даже установить законодательный срок во избежание скоропалительных браков. По американским данным, чаще разводятся такие пары, которые познакомились лишь незадолго до брака. Как известно, самые счастливые браки это браки между детьми соседей в деревнях и маленьких городах. Это браки людей, которые годами имели возможность наблюдать друг друга в повседневной жизни и оценить друг друга до того, как они стали смотреть друг на друга влюбленными глазами.

Однако осторожность при выборе не должна превращаться в боязливость. Врач Бьерре рассказывает о страхах своих пациентов перед свадьбой, того ли человека они выбрали и правильно ли вообще решение вступить в брак. Бьерре считает, что такие опасения обычно признак того, что решение и выбор правильны.

Попноу советует выбирать таких людей, которые никогда не надоедают. Имеются в виду не болтливые и суетливые люди — болтовня и суетливость могут очень сильно утомлять — а люди, которые постоянно заняты внутренней работой и которых хочется иметь рядом.

Городская жизнь

Городская жизнь расстраивает инстинкты выбора. То, что брак и семья в деревне прочней, объясняется рядом причин, одна из которых — сохранение этих инстинктов. Если горожанин в большинстве областей Центральной и Северо-Западной Европы умней крестьянина, то к действительности он в большинстве случаев меньше приспособлен. Крестьянин имеет дело с ограниченным кругом предметов и отношений и обдумывает их сам, горожанин — с более широким, который он не в силах охватить и оценивает под влиянием меняющихся мнений городских групп. Горожанин живет в искусственной, а не в естественной среде, он может быть умней крестьянина, но больше подвержен влиянию массовой души. Работа в городе, в удалении от природы, расстраивает инстинкты человека. Город заставляет человека быстро приспосабливаться к меняющимся условиям искусственной среды, деревня приучает к постоянству. Деревенская жизнь позволяет чувствовать себя в безопасности и принимать правильные решения. Поэтому крестьяне обычно правильно выбирают супружеские пары.

Расстройство инстинктов выражается в том, что человек часто стремится именно к тому, что ему противопоказано, и выбирает, в частности, мужа или жену, прочный брак с которыми невозможен. Это явление наблюдается чаще в городах, где выбор к тому же затруднен внешними условиями. Молодые люди обоих полов не имеют таких возможностей, как в деревне, познакомиться друг с другом в повседневной жизни, они наводят на себя блеск перед встречами, чтобы произвести впечатление. В деревне молодой крестьянин видит дочь соседа в работе, в хорошем и плохом настроении, в счастье и в беде. Такого всестороннего представления горожанин никогда не получит, поэтому в его выборе всегда больше риска.

Совместное обучение

По мнению Попноу, совместное обучение затрудняет впоследствии выбор супружеской пары. Оно тормозит развитие психических половых различий, тогда как именно в школьные годы мальчики должны стано-

виться как можно более мужественными, а девочки — как можно более женственными. В эти же годы должны постепенно формироваться представления о женственности у мальчиков и представления о мужественности у девочек. Это потом поможет правильно выбрать супружескую пару.

Родительский дом

Родительский дом может во многих случаях неблагоприятно влиять на выбор супружеской пары выросшими детьми. Девочки, брак родителей которых был неудачным, получают вследствие этого психическую травму и либо стараются избежать брака, либо ошибаются в выборе. Такое бывает и с особо чувствительными юношами. Подобные молодые люди обоих полов могут быть также от рождения слишком нежными и пугливыми.

В изданной графом Кейзерлингом «Книге о браке» (1925) еврейский «индивидуальный психолог» Альфред Адлер пишет, что властность отца может побудить его дочь с опаской следить за своим супругом, нет ли и у него таких наклонностей. Подобные дочери склонны, став женами, неправильно толковать поведение своих мужей и от этого страдает брак. Таким девушкам может быть также нужен настолько добрый человек, что они не смогут найти себе подходящего мужа. Сыновья жестоких отцов начинают избегать женщин, а потом и вообще человеческого общества.

Как видим, Адлер и ему подобные «индивидуальные психологи» переоценивают роль среды и недооценивают роль наследственности. Да, можно предположить, что есть люди, на которых определенная среда действует таким образом, что они неправильно выбирают супружескую пару. Но в таких случаях следует учитывать и наследование родительских черт, например, властности и чувствительности, что может впоследствии осложнить супружескую жизнь.

Когда речь идет о людях, которые по своим наследственным задаткам легче поддаются влияниям, на которых среда больше влияет, чем на других, родительский дом может определить и выбор супружеской пары. Швейцарский психолог Карл Густав Юнг пишет о степени духовной связи с отцом или матерью и об их влиянии на выбор супружеских пар и брак. Он считает, что дети часто делают выбор в таком направлении, в котором они надеются найти компенсацию того, что осталось неосуществленным в жизни или браке родителей. Но такие пожелания можно объяснить и наследственными психическими задатками, которые вызывают у детей те же потребности, что и у родителей.

Юнг писал также о значении отца для судьбы личности. Правильному выбору супружеской пары дочь может помешать ее духовная связь с отцом, а сыном — его духовная связь с матерью. Если отец оказывает сильное влияние на дочь, то она может считать своего отца за образец при выборе женихов и отвергнуть именно того, с которым у нее был бы счастливый брак. То же самое может произойти с сыном, на которого слишком сильно влияла мать. Родителям в таких случаях следует умерить свое влияние. Молодые люди могут и сами сознательно противостоять этим влияниям. Это предохранит их от ошибок при выборе супружеской пары.

Разлад в сексуальных чувствах

Мучительное расстройство, которое встречается довольно часто и может сделать брак несчастным или заставить отказаться от брака, это разлад в сексуальных чувствах человека. Часть любовных желаний такого человека стремится к высшему, благородному человеку другого пола, а часть — к низшему, грязному человеку другого пола. Герман Хофман дал в книге «Характер и среда» (1928) такое определение подобным людям: «Когда они любят, они не вожделеют; когда они вожделеют, они не могут любить». У таких людей часть, устремленная вверх, обычно слабей части, устремленной вниз. Такой разрыв характерен для многих второстепенных художников и художниц. У мужчин этому разрыву часто сопутствует комплекс неполноценности, такое чувство, что он не достоин благородной женщины (потому что имел грязные внебрачные связи). Такие мужчины ищут внебрачных или брачных связей с девушками, которые сознают их превосходство или по крайней мере делают вид, что сознают, даже если они сознают только, что этот мужчина занимает более высокое общественное положение. Каждый человек хочет, чтобы его где-то уважали; он будет искать отдельных людей или группы, которые его признают. Многие довольствуются тем, что восхищаются только их положением, кошельком или хотя бы складкой на брюках. Этими психическими причинами объясняются многие любовные связи высших с низшими. У мужчин такие отклонения часто приводят к унижительным и мучительным связям, внебрачным или брачным, или и к таким и к другим; женщины часто вообще отказываются от брака. Женщина, которая может уважать только равного ей мужчину, но испытывает сексуальное влечение к бродячим музыкантам, пользующимся дурной славой тенорам или бедным боксерам, будет тратить много денег на посещение подобных

зрелищ, может иметь мимолетные связи с этими людьми, но результатом будет отвращение и отказ от брака вообще. Средства против такого сексуального разлада нет. Если такие люди заключают браки с равными себе, то эти браки обычно распадаются, потому что более сильное влечение к низшим подавить не удастся.

Слишком мужественные мужчины

В человеке всегда должно быть хоть немного от противоположного пола, чтобы он вообще мог хоть в какой-то степени понимать духовную суть человека другого пола. Кое-что мужское в женщине и кое-что женское в мужчине необходимо для их взаимопонимания. Если мужчина обладает исключительно мужскими качествами, ему кое-чего не хватает для такого понимания. В отличие от мужчин с некоторыми женскими чертами, он не разбирается в женщинах, поэтому может сделать неправильный выбор или оскорбить выбранную им женщину своей мужицкой грубостью. Это может поставить под угрозу брак. Бьерре рекомендует таким мужчинам попытаться понять женщин хотя бы по книгам, хотя бы разумом, если у них атрофированы чувства. Я не согласен с Бьерре. Чтение книг, обучение и самообучение, как внешние влияния, эффективны лишь в таких крайних случаях, когда определенные задатки делают человека поддающимся обучению.

Слишком мужественные и добродушные мужчины могут сделать неправильный выбор и жениться на красивой, но глупой, даже слабоумной девице, приняв ее пустоту за женский веселый нрав. Даже ласкательные имена, которые такие мужчины дают своим любимым девушкам, часто свидетельствуют о допущенной ошибке. Бывает привлекательная женская глупость, которая может обольстить и мужчин другого типа и побудить их сделать неправильный выбор.

Самоотверженные женщины

Женский инстинкт помочь мужчине создать семью выражается во многих случаях в желании заботиться о другом человеке, чем-то жертвовать для него. Такие самоотверженные девушки и женщины могут связать свою жизнь с мужчиной, который их не достоин, достижения которого не стоят жертв. На такой женской самоотверженности основаны многие несчастные браки, когда достойная женщина связывает свою жизнь с пустым, бесплодным или опустившимся мужчиной, который выдавал себя за «художника», «философа» или «изобретателя»

и сумел убедить эту женщину, что, заботясь о нем и прощая ему его грешки, она выполнит свою «жизненную миссию». Стремление многих женщин к самопожертвованию столь велико, что они сами намечают себе такую «миссию», и мужчине даже не приходится их уговаривать. Среди таких женщин много наследственно ценных, несмотря на склонность поддаваться самообману, женщин, которые в браке с другими мужчинами были бы счастливы и родили прекрасных детей, а из-за своей женской самоотверженности они не только несчастны в браке, но и наносят вред генофонду нации.

Противоречие между двумя идеалами

Опасностью для многих юношей является ошибка в выборе между двумя идеалами женщины: один из них это обычно «подруга», «спутница», «возлюбленная», у поэтов и художников — «муза», другой — «супруга» или «невеста». Многие браки разрушились из-за того, что молодой человек выбрал «возлюбленную», а не «супругу». Многим мужчинам удается найти «супругу» лишь во втором или третьем браке. Пример такого раздвоения — любовь Шиллера к сестрам Ленгфельд, более глубокая к Лотте, более бурная — к Каролине. Шиллер, следуя верному инстинкту, выбрал Лотту, которая являла для него идеал «супруги». Брак Шиллера с «музой» Каролиной скорее всего был бы несчастным.

Многих молодых людей привлекают два женских образа: черты одного из них навеяны чертами сестры. Это «возлюбленная», которую желают со всепоглощающей страстью. Мужчине кажется, что связь с этой женщиной открывает перед ним широкие возможности. «Возлюбленная», «спутница» или «муза» кажется молодому человеку женщиной, в которой он найдет все, чего хочет. Он надеется на исполнение своих желаний, а не на взаимное дополнение. Образ «возлюбленной» может обретать и черты гетеры. Психологи полагают, что идеал возлюбленной для многих молодых людей определяется чертами первой женщины, которая оказала на них влияние, когда они были детьми. В этом толковании сказывается характерная для многих психологов вера во всевластие среды. Если на духовное развитие мальчика оказывает влияние женщина, то она должна быть такой, влиянию которой мальчик может поддаться по своим задаткам. Наследственные инстинкты играют в таких случаях гораздо большую роль, чем внешние влияния.

Обычно связь с «возлюбленной» для молодого человека, у которого есть второй идеал «супруги», быстро становится тягостной.

Нельзя описать общий тип «возлюбленной», поскольку у каждого молодого человека о нем свои представления. Одна и та же девушка может у одного юноши ассоциироваться с типом «возлюбленной», а у другого — с типом «супруги».

Психоаналитики полагают, что представление о «супруге» у многих мужчин навечно образом их собственной матери. Это участливая женщина, которая может успокоить, дать совет, ухаживать за больным. «Возлюбленная» для ухода за больным не годится. С «супругой» мужчина чувствует себя в покое и в безопасности.

Бьерре считает, что большинство трудностей в браке связано с конфликтом этих двух идеалов. Брак мужчины, который женился на женщине одного типа, может быть разрушен при его встрече с женщиной другого типа. Я не согласен с Бьерре, что таких случаев «большинство». Во-первых, очень многие мужчины вообще не знают такого конфликта идеалов, во-вторых, у многих эти идеалы не конфликтуют между собой, а как-то сбалансированы. Большинство браков разбивается о быт.

У женщин тоже бывает такой конфликт идеалов, только он не столь ярко выражен, как у мужчин. Но для многих молодых девушек тип «друга», «возлюбленного» или «спутника» имеет иные черты, нежели тип «супруга». Такие девушки могут попасть в ситуацию, опасность которой описал граф Кейзерлинг: «Вступая в брак с подругой или другом, всегда можно стать жертвой непонимания». Брак с «другом» может разрушиться при встрече с «супругом». Разводы между «друзьями» бывают чаще, чем разводы между «супругами». Но и брак подходящих друг другу людей может разрушиться при встрече с «подругой» или «другом». Особенно часто уходит от «супруги» к «подруге» мужчина, хотя связи с «подругами» дают меньше счастливых браков, чем с «супругами». Наиболее безболезненным является тот случай, когда молодой человек разрывает внебрачную связь с «подругой» и вступает в брак с «супругой». «Подруги», кстати, легче переносят разрыв, чем «супруги».

Запутаться в противоречии между двумя идеалами человеку помогает, если он предрасположен к этому, и неправильное воспитание. Слишком заботливая мать может помешать сыну сделать правильный выбор. Из чувства противоречия он может выбрать женщину типа «возлюбленной» и потом пожалеть об этом выборе. Монтень писал: «Мало мужчин, которые, женившись на своих возлюбленных, не пожалели потом об этом». Здесь под «возлюбленными» понимаются женщины, которые вступают во внебрачные связи, лишены инстинкта семейной жизни и не могут дать мужчине счастья в браке. Большинство «легализованных» связей, т.е. таких, которые начались без намерения вступить в брак, кончается плохо.

Бездушная мать может толкнуть своего великодушного сына в объятия «возлюбленной», даже если его больше привлекает женщина типа «супруги». Встреча с женщиной типа «возлюбленной» может быть воспринята таким мужчиной как освободительная гроза. Обычно женщины с материнскими наклонностями воспринимаются мужчинами как «супруги», а женщины без этих наклонностей — как «возлюбленные». Поэтому брак мужчины с отцовскими наклонностями с «возлюбленной» кончается разочарованием. Если женщина относится к своему мужу слишком по-матерински, его встреча с женщиной типа «возлюбленной» может поставить брак под угрозу. Женщину с материнскими наклонностями легко распознать по несколько пренебрежительному отношению к своей внешности и по безвкусному подбору цветов одежды. Спустя некоторое время после свадьбы такие женщины становятся нечистоплотными. Каждый человек до свадьбы больше держит себя в руках, чем после. Поэтому молодому человеку следует понаблюдать за матерью выбранной им девушки.

«Романтическая» любовь часто ориентируется на «друга» или «подругу». Такая любовь жаждет безграничного удовлетворения каждой душевной потребности. Как я уже сказал, в одном человеке этого не найти, тот, кто хочет жить, должен смириться с определенной долей одиночества. Если он нашел человека, который его, в основном, дополняет, то брак с таким человеком, по всей вероятности, будет более прочным, чем брак двух людей, которые ждут друг от друга постоянного удовлетворения любой своей душевной потребности. Молодой человек с «романтическими» наклонностями будет ждать удовлетворения своих желаний скорее от «возлюбленной», чем от «супруги». Но и он в браке с «возлюбленной» будет несчастлив с большей вероятностью, чем в браке с «супругой». Наилучшая рекомендация для выбора: ищите дополнение к основным чертам своего характера.

Принадлежность к разным вероисповеданиям, ханжество

Угроза для брака из-за принадлежности супругов к разным вероисповеданиям известна и говорить о ней особо не стоит. От вступления в такой брак следует предостерегать в тех случаях, когда речь идет не о чисто формальной принадлежности, а если оба супруга или один из них целиком живет этим.

Лабрюйер и Мантегацца не советовали жениться на ханжах. Это предупреждение распространяется и на мужчин-ханжей. По Люксембургеру, такие люди часто имеют предрасположенность к эпилепсии.

Как мужчина и женщина взаимно дополняют друг друга. Противоположные и сходные черты характеров

В изданной им «Книге о браке» (1925 г.) граф Кейзерлинг пишет: «Вступать в брак нужно только с тем, принимая кого в свою душу человек может преодолеть то, с чем он не в силах справиться в одиночку или то, что с его личной точки зрения кажется ему односторонним и несовершенно». Большинство прочных браков, по его мнению, заключается благодаря «осознанной потребности в дополнении».

Я думаю, что в большинстве случаев эта потребность неосознанная, но в целом я согласен с графом Кейзерлингом. Он поясняет, что под взаимным дополнением не имеются в виду «одинаковые интересы». Нельзя надеяться на счастливый брак на основе общности интересов. Взаимное дополнение лежит в более глубоких слоях души, чем «интересы».

Граф Кейзерлинг пишет, что хорошо дополнять друг друга могут только равные люди. И это верно, за исключением описанных случаев сексуальных расстройств с тягой к низам.

Недоумения начинаются с того момента, когда встает вопрос, как использовать рекомендации графа Кейзерлинга в конкретных случаях. Каковы в этих случаях предварительные условия взаимного дополнения? Этим вопросом занимался и психиатр Эрнст Кречмер. По его мнению, лучше дополняют друг друга «противоположности». Браки между сходными людьми бывают счастливыми только в тех случаях, если это люди т.н. «золотой середины», но и эти браки часто кажутся пустыми и скучными не только постороннему наблюдателю, но и самим супругам. Хотя многие такие браки протекают безмятежно, даже людям «золотой середины» нельзя рекомендовать всегда искать только себе подобных. Но точно так же нельзя опираться на одни лишь «противоположности», исходя из того, что «крайности сходятся». Против упора Кречмера на противоположности говорит тот факт, что супруги, особенно при счастливых браках, даже внешне больше похожи друг на друга, чем каждый из них на свою родню. Между супругами существует, как правило, более положительная корреляция, чем между ними и любыми людьми другого пола из их окружения. Б. Розинский отмечает ярко выраженную наклонность к «гомогамии», т.е. к браку между людьми, сходными друг с другом по некоторым физическим признакам. Люди, сходные друг с другом физически, имеют и сходные психические свойства. В том, что определенным физическим чертам соответствуют определенные душевные качества, сомневаться не приходится. «Человек таков, каким он выглядит», — сказал Шопенгауэр.

Сам по себе этот принцип неоспорим, трудности начинаются при его конкретном применении.

В любом случае неверно считать одну лишь противоположность залогом счастливого брака. Хорошо, если есть кое-что противоположное, но и кое-что сходное. Поппоу находит в счастливых браках чаще всего «несходство в сексуальных чертах и сходство в других». Хорошо подходят друг другу мужественный мужчина и женственная женщина. Хорошо, если в народе как можно больше таких мужчин и таких женщин, и плохо, если часто встречаются женственные мужчины и мужественные женщины, но, вопреки Поппоу, браки между такими мужчинами и женщинами тоже часто бывают счастливыми, так что «правило» Поппоу касается только определенного числа случаев, а значит, это вовсе не «правило» и руководствоваться им нельзя. Ни Кречмер, ни Поппоу не решились вопрос о взаимном дополнении.

Мы ближе подойдем к решению этого вопроса, следуя пути, по которому шли Гейнзе, Шопенгауэр, Вильгельм Флисс, Отто Вейнингер, Ганс Апфельбах и Бернард Шульце-Наумбург.

В счастливых браках больше противоположностей, чем сходств, но таких противоположностей, которые взаимно дополняют друг друга. Дополнение означает обретение цельности. Человек чувствует, что ему чего-то не хватает, испытывает потребность в дополнении. Платон в «Пире» высказывает мысль, что каждый человек это только половина первоначального цельного человека, он ищет свою недостающую половину и чувствует себя счастливым, когда находит ее. Романтический философ Франц фон Баадер писал в своих «Отрывках из эротической философии» (1828), что «лучшая любовь соединяет не созвучные души, а те, которые можно сделать созвучными». Таким образом, еще раз подчеркивается, что сходство имеет меньшее значение, чем гармония несходного. Этой гармонией и обусловлено чувство дополнения.

У каждого человека есть представление об определенном типе людей другого пола, который ему больше нравится. Если таких типов несколько, то они обычно имеют нечто общее между собой, даже при наличии двух идеалов — «возлюбленной» и «супруги». Зная человека лучше, можно примерно указать физические и психические черты двух его идеалов, даже если он сам об этом никогда не говорил. Каждый человек ищет человека другого пола, который, при определенной общности восприятия жизни обладает чем-то, чего ему самому недостает.

Счастливые браки возможны лишь тогда, когда выполнены эти условия схождения и взаимного дополнения противоположностей. Я говорил уже не раз, что цель евгеники — чтобы было как можно больше счастливых браков, особенно среди людей с ценной наследственностью.

Не все люди и не все люди с ценной наследственностью настолько уверены в своих инстинктах, что могут безошибочно найти человека другого пола, который будет для них дополнением и обладает столь же ценной наследственностью. Поскольку такая надежность избирательных инстинктов, к сожалению, встречается редко, евгеника должна открыть признаки хорошего взаимного дополнения или хотя бы такие, которые предостерегали бы от неверного выбора. Обоснованное и легко понятное учение о взаимном дополнении помогло бы избежать многих несчастных браков.

Различные учения о взаимном дополнении

Обдумывая предпосылки хорошего взаимного дополнения, лучше всего исходить из представления, которое сегодня признано и наукой, а именно из того, что нет мужчины, который обладал бы только мужскими качествами, и женщины, которая обладала бы только женскими качествами, что в каждом человеке смешаны физические и психические особенности обоих полов. Эту идею впервые высказал писатель эпохи «Бури и натиска» Вильгельм Гейнзе (1749-1803) в своем романе «Ардингелло» (1-е изд. 1787, 3-е изд. 1820). Потом мы снова встречаем эту идею у Шопенгауэра в его «Метафизике половой любви» (1844), где он попытался также сформулировать теорию дополнения. Наиболее полно эту идею развил О. Вейнингер. Его продолжатель Ганс Апфельбах приписывает решающее влияние на выбор супружеской пары впечатлениям детства и юности, т.е. сводит к влиянию среды то, что зависит, главным образом, от наследственности. Она решает, какие события детства и юности окажут определяющее влияние на взрослого человека, а какие нет. Тот же упрек можно бросить различным «индивидуальным психологам» и психоаналитикам.

Отто Вейнингер (1880-1903) был высокоодаренным евреем, который покончил с собой в 23 года, может быть, потому, что ему стало невыносимо быть евреем, после того как он дал самое отталкивающее описание еврейской духовной сути в книге «Пол и характер», которая вышла в год его смерти. Эта книга сразу же вызвала сенсацию и бурю негодования. Она вышла многими изданиями и была переведена на многие языки. Может быть, эта книга стала бы еще более знаменитой, если бы не содержала болезненного для большинства евреев описания еврейской сути. Эту книгу, которую мог написать только рано созревший, но высоко одаренный человек, читаешь со смешанными чувствами, потому что этот человек был и душевнобольным. Женская суть описана в этой книге искаженно, автор вообще не считал женщину за челове-

ка, что вызвало негодование в женских кругах. Но несмотря на все искажения и типично еврейские иллюзии автора, книга эта сохраняет свое значение. Евреи могли бы считать О. Вейнингера одним из своих великих людей, но они предпочли предать его забвению.

Вейнингер описывал явления женской духовной жизни, характерные для расово-смешанных больших городов с их вырождающимся населением. Но он ошибочно счел это сутью женщины вообще. Однако он предварил многие позднейшие выводы науки. Я остановлюсь только на его высказываниях по вопросу о взаимном дополнении. Вейнингер показал, что каждый человек состоит из мужских и женских элементов, М и W. Нет мужчин со 100 % М и женщин со 100 % W. В среднем мужчине примерно 85 % М и 15 % W, в средней женщине около 90 % W и 10 % М. В мужественной женщине 60 % W и 40 % М, в женственном мужчине 60 % М и 40 % W. Насколько это соответствует идеям Платона, мы здесь говорить не будем.

Вильгельм Флисс развил эти идеи, дополнив их наблюдениями над периодическими жизненными процессами, которые лежат также в основе болезней и духовного подъема. У мужчин этот период равен 23 дням, у женщин 28. В каждом человеке смешано как мужское, так и женское «вещество». Флисс проследил и признаки того, что в человеке количество вещества иного пола выше среднего. Так он полагает, что в мужчинах-левшах примешано больше женских черт, чем в правшах, а в женщинах-левшах соответственно больше мужских черт. Среди выдающихся людей, особенно художников, левши встречаются сравнительно часто. Флисс приводит такие примеры, как Микель-Анджело, Леонардо да Винчи, Гольбейн, Менцель, Ленбах. Б. Шульце-Наумбург считает, что примесь иного пола выше средней у тех мужчин, которые носят пробор справа, и у тех женщин, которые носят пробор слева. При оценке таких явлений нельзя позволять вводить себя в заблуждение мужественными поступками мужчины: этот мужчина может все равно иметь в себе много женского. Флисс ссылается на протокол вскрытия тела Наполеона I, который и в строении тела имел меньше мужского, чем большинство мужчин. Может быть, это характерно для многих выдающихся мужчин, что в них сравнительно больше женского, чем в средних мужчинах. При одностороннем развитии мужских черт, как уже говорилось, отсутствует способность проникнуть в психологию другого пола. У Расина и Гете было примешано больше женских черт, поэтому их женские образы более убедительны, чем у Корнеля и Шиллера.

Теорию бисексуальности применили к теории наследственности Э.Б. Вильсон, Карл Коренс и Рихард Гольдшмидт. На этом основана «качественная теория наследования половых признаков». Корренс в

1913 г. признал фактом, что каждый пол кроме собственных признаков может иметь и признаки другого пола.

Вейнингер высказал предположение, что идеальным был бы брак 100 % М и 100 % W. Мужчине с 80 % М и 20 % W для счастливого брака нужна женщина с 80 % W и 20 % М. Дополнение будет несовершенным, если у жены такого мужчины будет 90 % W и 10 % М или 70 % W и 30 % М. К этому должно добавляться равенство уровня и отсутствие слишком большой разницы в возрасте. Принадлежность к разным сословиям и религиям, разным народам и расам, разница в убеждениях и образе жизни могут испортить отношения между супругами или вообще сделать их брак невозможным. Есть люди, вообще не способные сосуществовать с другими людьми, их браки раньше или позже распадаются. Пример — Стриндберг. Если бы он лучше знал самого себя, он бы никогда не женился.

Несчастные браки, если они не распадаются под влиянием неблагоприятных внешних обстоятельств, как правило становятся несчастными из-за дисбаланса мужского и женского начал, в этом Вейнингер прав. Если бы можно было разложить двух людей, собирающихся пожениться, на доли М и W, можно было бы предсказать перспективы брака. Неизменная наследственность людей значит больше, чем меняющиеся внешние обстоятельства.

Б. Шульце-Наумбург исследовал возможность рассчитать степень взаимного дополнения двух людей разного пола, содержание М и W в каждом из них и суммарное соотношение, пригодность или непригодность их к браку и равенство или неравенство уровня. Он описал свой метод в книге «С кем вступать в брак?» (1935). Для определения взаимодополняющих качеств он пользуется графологическим методом Клагеса. Но при этом он указывает, какие качества человека нельзя определить по почерку.

Таблица. Взаимное дополнение (настоящее дополнение)

- + спокойствие
- 1) Медлительность
 - флегматичность
 - + внутренняя противоречивость
- 2) Внутренняя противоречивость
 - раздвоение желаний
 - + способность к различению
- 3) Абстрактность мышления
 - педантичность
 - + независимость

- 4) Плохое понимание
другого человека
 - безучастность
 - + упорство
- 5) Своенравие
 - упрямство
 - + твердость
- 6) Постоянство
 - неповоротливость
 - + созерцательность
- 7) Малая активность
 - инертность
 - + рассудительность
- 8) Слабость чувств
 - разочарованность
 - + уход в себя
- 9) Неспособность к выра-
жению чувств
 - стеснительность
- + бойкость
- Быстрота реакций
 - возбудимость
 - + цельность
- Целостность
 - отсутствие сомнений
 - + самобытность
- Непосредственность
 - неясность
 - + сочувствие
- Хорошее понимание
другого человека
 - подверженность влияниям
 - + приспособляемость
- Отсутствие своенравия
 - податливость
 - + подвижность
- Изменчивость
 - управляемость
 - + предприимчивость
- Жажда деятельности
 - беспокойство

+ импульсивность

Сила чувств

— необдуманность поступков

+ естественность

Способность к выра-
жению чувств

— открытость

Выделенные в таблице жирным шрифтом основные качества дополнены положительными и отрицательными вариантами. Но главное для дополнения это не — или +, а только сила основного качества.

Пример кривой дополнения

Перечислены те же 9 качеств, что и в основной таблице.

Для каждого человека можно нарисовать кривую дополнения. Она заходит то на сторону М, то на сторону W, у мужчин больше на сторону М, у женщин — на сторону W. Если сопоставить две такие кривые, одну для мужчины, другую для женщины, то при хорошем взаимном дополнении они будут зеркальными, а при плохом — параллельными. Таблицы воспроизводят счастливый брак Шиллера и несчастливый Фридриха Великого.

Б. Шульце-Наумбург рассчитал проценты взаимного дополнения: 80-100 % хорошее дополнение, 60-80 % достаточное, 50-60 % — сомнительное, менее 50 % — недостаточное. Браки при дополнении менее 50 % распадаются или несчастны.

Б. Шульце-Наумбург приводит и исключительные случаи, на которые не распространяются общие правила. Бывают и кажущиеся дополнения. Мне известны и прочные браки, при которых совпадение не обнаруживалось. Но в таких случаях обе кривые показывают, что оба человека терпеливы, созерцательны, самоотверженны и участливы, при этом их характеры отличаются цельностью. Оба они умеют приспосабливаться. Такие прочные браки основываются не на взаимном дополнении, а на способности обоих супругов приспосабливаться. Но только взаимное дополнение может вызвать ту напряженность направленных на другого человека чувств, которая называется «счастьем» в браке.

Б. Шульце-Наумбург проверил свою методику на известных из истории браках, счастливых и несчастных, и на разводах, а также на браках ныне живущих людей.

Как избежать браков между людьми, не дополняющими друг друга

Таким образом, нам предлагается метод оценки перспектив брака. Я сомневаюсь, что он увеличит число счастливых браков, потому что вряд ли найдется много людей, которые накануне свадьбы будут вычерчивать кривые. Но я думаю, что с помощью этого метода можно избежать многих несчастных браков. Число разводов можно уменьшить не с помощью законов, а предотвращая такие браки, в которых отсутствует взаимное дополнение. Тот, кто не доверяет своим чувствам, кто сомневается в своих инстинктах, может прибегнуть к методу Б. Шульце-Наумбурга. Сопоставление двух почерков при отсутствии взаимного дополнения позволяет выявить такие пары, брак которых связан с риском. По почерку можно также приблизительно определить непригодность человека к браку. Тогда влюбленным придется обратить внимание на такие черты друг друга, которые они раньше из-за своей влюбленности не замечали.

Действие среды усиливается при неполном взаимном дополнении. Ее благоприятное влияние может укрепить брак, неблагоприятное — разрушить.

Итак, взаимодополняющие противоположности важнее, чем сходства. Они тем более нужны для счастливого брака, чем больше своеобразны вступающие в брак люди. Поэтому людям альпийской расы, как правило, гораздо легче найти себе пару, чем людям нордической расы. Кривые взаимного дополнения у нордических людей имеют более прихотливые формы, чем менее определенные кривые альпийских людей, для которых легче найти зеркальные соответствия.

Взаимное дополнение и одинаковый уровень

В целом противоположные черты в счастливом браке выделяются на фоне общих черт. До знакомства с методом Б. Шульце-Наумбурга я в своих лекциях о выборе супружеских пар называл такие условия счастливого брака: одинаковые или сходные жизненные ориентиры и цели, одинаковые или сходные вкусы и привычки, но методы достижения названных целей должны быть разными и взаимно дополняющими друг друга. Для настоящего взаимного дополнения необходим и примерно одинаковый уровень духовного развития. Не следует вступать в брак с человеком ниже себя.

Дух дома в гораздо большей мере определяется женщиной, чем мужчиной. Поэтому важно пробудить в немецком народе сознание того значения, которое имеет хозяйка дома. Эту задачу решить не-

легко, потому что в жизнь немецкого народа с середины XIX века внедрилось много пролетарских ценностей. Пролетарское мышление всегда противилось признанию индивидуального идеала, а знало только общечеловеческий. Этот путь не ведет к признанию идеала хозяйки дома.

Идеал способного, благородного и красивого человека Задача преподавания, поэзии и изобразительного искусства

В деле воспитания немецкой молодежи нужно сделать еще многое, чтобы усилить здоровые избирательные инстинкты и сделать более острым взгляд. Подготовку к правильному выбору супружеской пары можно начинать уже в школе с целью пробуждения соответствующих инстинктов, только ни в коем случае не делать из этого «предмет», что скорее усыпляет, чем пробуждает. Эту подготовку нужно начинать еще в возрасте неопределенных желаний, задолго до того, как придет время делать выбор. Идеал сильного, благородного и красивого человека нужно внедрять своевременно, чтобы наследственно ценный человек не мог влюбиться в больного и некрасивого — можно сочувствовать такому человеку, уважать его как личность, но не вступать с ним в брак.

Для воспитания этого идеала многое могут сделать поэзия и изобразительное искусство — только не по заказу, даже при благих намерениях. Великое искусство всегда возникало из полноты внутренней жизни художника, а не по заказу.

Образы девушек и женщин в произведениях Шекспира

Идеалами, одновременно привлекательными и возвышающими и к тому же близкими народу германского происхождения, могут служить образы девушек и женщин в произведениях Шекспира. Создать такие же мужские идеалы могла бы женщина. На эту тему я прочел в 1937 г. доклад в Шекспировском обществе.

Созданные Шекспиром образы девушек и женщин привлекают не только умы, но и сердца юношей. Я имею в виду такие образы, как Розалинда в «Как вам это понравится», Порция в «Венецианском купце», Оливия в «Что вам угодно» и Корделия в «Короле Лире», от-

ражающие разные этапы душевного развития. Джульетта — образ, не типично шекспировский.

Особенно Порция из «Венецианского купца» со своим сочетанием застенчивости, силы чувства, ясного ума и уверенности госпожи может считаться идеалом в германском смысле. Такова же Оливия, настоящая леди по своим задаткам, еще не осознанным, но уже дающим себя знать даже в полуразвитом состоянии — сугубо германская черта. Себастьян удивляется, как Оливия управляется с грубыми парнями в своем доме, кузеном Тобиасом и его компанией, причем не корча из себя госпожу (корчить из себя господина или госпожу — совершенно не германская черта). У Корделии эти черты принимают форму суровой правдивости и непоколебимого великодушия.

Диапазон женских образов у Шекспира и их характерных черт очень широк, от простой веселости «Виндзорских проказниц» до спокойного величия Виргилии, жены Кориолана, и героической суровости Волумнии, матери Кориолана. И такие образы как жена короля в «Ричарде II» и Гермиона в «Зимней сказке» могут считаться идеальными, но прежде всего это Порция, жена Брута в «Юлии Цезаре», совершенное воплощение нордического возвышенного стоицизма.

Я понимаю, что эти образы для многих мужчин не являются наилучшим дополнением, но в целом женские образы Шекспира большей частью соответствуют тому идеалу, которым должны руководствоваться при выборе жен германские мужчины.

Идеальные образы можно, конечно, найти также в исландских сагах и в немецкой поэзии, но широким слоям немецкого народа более доступны сценические образы. К тому же ни у одного из поэтов нет таких ярких женских образов, как у Шекспира.

Здоровое отношение Шекспира к сексу

Шекспировед Херфорд так характеризует шекспировское отношение к любви: «Насколько мы можем судить, Шекспир, в отличие от многих современных авторов, не рассматривал секс как ключ к человеческой жизни или как нечто, на чем зиждется Вселенная. Но если мы зададим себе вопрос, кто из поэтов соединил в равной мере соответствующее действительности изображение любви с оценкой открываемых ею возможностей, то место Шекспира среди величайших поэтов любви бесспорно».

Поэзия Шекспира пронизана духом «великого здоровья» (Ницше). И это «великое здоровье» чувствуется и в его описаниях любви. Как

отмечает Херфорд, любовь героев Шекспира это не болезненная страсть, а здоровое и естественное всеобъемлющее чувство. Тема ссор и распада брака Шекспира не привлекала, в отличие от многих позднейших авторов.

Такими, как у Шекспира, мы и должны представлять себе любовные чувства в германском мире, еще не испорченном учением,рывающим душу от тела, тем противопоставлением «духа» и «плоти» в пуританском исполнении, которое как раз и убило «добрую, старую Англию» Шекспира.

Шекспир, как и любой великий германский художник, дает немецкой молодежи наглядные идеалы, которые говорят молодой душе больше, чем рассудочные правила. Однако следует помнить, что идеал, даже если он своевременно внушен, редко указывает человеку, кого ему любить, но чаще — кого исключить из круга своего выбора. Редко человек ясно осознает, кого ему любить, но кого ему не надо любить, он должен понимать лучше.

Люди, которые не должны вступать в брак

Те люди, которые не должны вступать в брак, это одновременно и те, с кем не следует вступать в брак. Но я сначала хочу рассказать о тех людях, которые сами должны придти к пониманию того, что им не следует вступать в брак. И в этом разделе речь пойдет о фенотипах, а не об идиотипах, т.е. больше о возможной или сомнительной удачности брака, чем о вероятных наследственных чертах потомства от этого брака.

Венерические больные

Венерические больные не должны вступать в брак, пока не излечатся. Такие браки запрещены сегодня законом в большинстве европейских стран.

Эти запреты соответствуют требованиям евгеники. Но из-за таких явлений, как передача сифилиса от матери будущему ребенку, нужно уточнять, произошло ли только заражение болезнью или она наследственная. Венерические болезни могут нанести ущерб наследственности. Они могут сделать человека бесплодным. Люди, собирающиеся вступить в брак, должны обмениваться свидетельствами о состоянии здоровья.

Люди с гомосексуальными наклонностями

Люди с такими наклонностями не должны вступать в брак, если речь не идет об отклонениях, которые встречаются у многих подростков, но потом исчезают. Иногда близкие люди убеждают таких людей вступить

в брак, ошибочно полагая, что брак их исцелит. Таким людям следует ограничиваться узким кругом себе подобных. Наказывать их нужно не за их извращения, а только за соvrащение молодежи, здоровых молодых людей в том возрасте, когда их сексуальные чувства еще не сформировались. Даже непродолжительные противоестественные связи в этом возрасте могут сделать молодого человека неизлечимым на всю жизнь. Это погубило многих наследственно ценных молодых людей, как юношей, так и девушек. Поэтому соvrащение несовершеннолетних должно рассматриваться как нанесение вреда генофонду народа и караться особенно строго.

Известный еврейский исследователь сексуальных проблем Магнус Хиршфельд, один из самых рьяных сторонников свободы гомосексуализма, утверждает, что 45 % взрослых мужчин-гомосексуалистов испытывают извращенное влечение к молодым людям в возрасте от 14 до 21 года. То же самое характерно и для лесбиянок. Таким образом, угроза здоровым молодым людям велика, и закон должен ее предотвратить. Но такие законы нелегко сформулировать и применить, потому что молодые плуты и плутовки могут использовать эти законы для шантажа людей, которые их якобы соблазнили. М. Хиршфельд называет «преследование» гомосексуалистов «позорным пятном нашей культуры». Преследовать их за сам их недуг, может, и не надо, но карать за соvrащение надо строго. И нужно закрыть доступ к официальным должностям.

Гомосексуалисты не должны вступать в браки, потому что браки с ними будут несчастными и потому что это извращение может передаваться по наследству. Его происхождение нелегко проследить, потому что в одних случаях оно вызывается одним, в других — другим сочетанием задатков. Люди с гомосексуальными наклонностями часто происходят из семей, в которых уже встречались такие люди или немужественные мужчины и неженственные женщины. Т. Ланг и И. Дейссен убеждены в наследственной обусловленности настоящего гомосексуализма. Я не уверен, что эту наследственность можно объяснить с помощью «качественной теории» Р. Гольдшмидта. М. Хиршфельд полагает, что в немецком народе около 2 % гомосексуалистов, среди рабочих — около 4 %, среди студентов — около 6 %. Х. Элмс насчитывает в Англии тоже 2 %, среди образованного среднего класса — 5 % гомосексуалистов и 10 % лесбиянок.

Те, кто ищет в браке средство исцеления

Не должны вступать в брак люди, которые воображают, будто брак исцелит тот или иной их недуг. Это относится не только к гомо-

сексуалистам, но и к тем, которые сами питают такие надежды или которым подобные рекомендации дают близкие. На это часто надеются родные молодых девушек с отягченной наследственностью. Они воображают, будто брак излечит такую девушку от ее плохих настроений, припадков или душевных болезней, от которых страдают и она сама, и ее окружение. Но брак в таких случаях обычно показывает, что эти надежды были иллюзиями. Такого мнения и швейцарский психолог П. Хеберлин, автор книги «О браке» (1929).

Люди с расстроеными или грубыми сексуальными чувствами

Одинокими должны оставаться и описанные мною люди, склонные к платоническому обожанию высших людей иного пола и к сексуальным связям с низшими. Это раздвоение скорее можно преодолеть в браке с тем, кто ниже, чем с тем, кто выше, но счастливым этот брак все равно не будет.

Холостыми должны оставаться мужчины, которые способны видеть в женщине только существо другого пола. Развитые женщины ощущают это и чувствуют себя униженными. Брак быстро распадается.

Женщины, лишённые материнских инстинктов

Таким женщинам лучше оставаться одинокими. Часто они имеют еще один недостаток: плохо умеют приспосабливаться. Они непригодны для семейной жизни, хотя могут быть способными и ценными как индивидуальности. Брак здорового и мужественного мужчины с такой женщиной обычно несчастен. Муж подобной женщины должен быть уступчив, равнодушен, бесцветен или туп. Эти женщины — плохие матери, их дети от этого душевно страдают. Ценности брака и семьи остаются для них скрытыми, их собственный выбор супружеской пары может быть неверным из-за плохого влияния.

Духовные бродяги

Одинокими должны оставаться люди, часто творческие личности, которых называют «духовными бродягами», люди беспокойные и склонные к авантюрам, начиная от людей типа лорда Байрона и кончая лишенными корней людьми обоих полов, которым «везде плохо», но которые обычно предъявляют завышенные претензии к среде, исходя из

своих действительных или мнимых талантов. Такие люди созданы для «свободной любви». Брак с ними можно сохранить только при необыкновенном терпении и уступчивости. Многие люди этого типа психопаты или близки к психопатии, так что их размножение нежелательно.

Кабинетные ученые, исправители мира, лутаники

Одинокими должны оставаться и покрытые книжной пылью кабинетные ученые, изобретатели «систем» мышления или технических и экономических методов, а также либо нелюдимиые, либо непрерывно воодушевлено болтающие исправители мира, которые при этом часто вносят хаос в свое ближайшее окружение. Среди них много упрямых одиночек, которых не излечить никаким браком. Одинокими должны оставаться люди, у которых ум зашел за разум, которые всюду выискивают «проблемы», причем ставят вопросы и ответы с ног на голову и поэтому все оценивают искаженно. От таких людей, большей частью мужчин, лучше держаться подальше — для брака они не годятся. Среди них встречаются ранее богатые, но потом обедневшие люди, истратившие свое состояние на «дело своей жизни». Таким мужчинам можно сочувствовать, но ни одна девушка не должна выходить за них замуж.

Истеричные и невыносимые люди

Понимать свою непригодность для брака должны также многие истерики и истерички. Есть разные определения термина «истерия». Я имею в виду, кроме расхожего представления о явлениях истерии, не приспособленных к жизни людей, которых сравнительно безобидные события выводят из равновесия, они теряются и требуют от окружающих «понимания» вместо того, чтобы самим решить свои проблемы.

Люди, которые сами знают, что они невыносимы (к ним относятся и многие «шизоиды»), которые со всеми конфликтуют и которым кажется, что к ним плохо относятся, не должны воображать, будто в браке они обретут мир и спокойствие. Они должны понять, что причина их бед не вовне, а в них самих.

Сверхутонченные и сверхчувствительные люди

Одинокими должны оставаться и многие сверхутонченные люди, «эстеты», которые все хотели бы растворить в «духе» и «красоте»,

которые чувствуют себя более одухотворенными, чем другие люди, и испытывают отвращение к повседневному быту. Обычно у таких людей отсутствует чувство юмора. Это слабые люди, убегающие от жизни. Обычно их легко убедить, что брак им противопоказан. Бьерре рекомендует таким людям, особенно женщинам, создавать нечто вроде мирских монастырей. Такая искусственная среда будет лучше всего соответствовать их характеру.

Если такие люди обладают творческим талантом, что бывает нередко, желательно, чтобы приспособленный к жизни и способный к самопожертвованию человек другого пола вступил в брак с таким человеком, чтобы сохранить для народа наследственный талант. Ради этого можно мириться и с рядом связанных с талантом наследственных недостатков. Но необходимо и соблюдать осторожность. Можно ли было ожидать полноценного потомства, например, от Гёльдерлина, который потом сошел с ума, даже если бы он нашел себе здоровую жену? Гёльдерлин еще был вежливым и спокойным человеком, а многие люди этого типа — расчетливые эгоисты, для которых «дух» — дымовая завеса их подлинных намерений.

Наследственно неполноценные люди

Такие люди должны либо оставаться одинокими, либо вступать в брак только с такими же, как они, и не иметь детей. Они могут усыновить или удочерить полноценного ребенка.

Я не буду здесь перечислять наследственные болезни, препятствующие вступлению в брак. Здесь проблема выбора рассматривается с точки зрения отдельного человека и перспектив счастливого брака.

Люди, у которых есть небольшие наследственные недостатки, не должны из-за этого считать себя наследственно неполноценными. А то может получиться так, что умные и совестливые люди, наиболее способные понять последствия нежелательного для народа размножения, откажутся от потомства, а менее умные и совестливые паразиты, рассчитывающие на помощь государства, беззаботно поженятся и заведут детей.

Люди, к которым нужно относиться
с осторожностью, и люди, с которыми
не следует вступать в брак

Теперь я хотел бы продолжить рассмотрение вопроса о желательных и нежелательных браках с другой стороны: с кем не следует вступать

в брак? Я начну со случаев, которые не совсем безнадежны, но при которых рекомендуется соблюдать осторожность.

Венерические заболевания, рахит, диабет, тяжелые нарушения обмена веществ

Вступать в брак с венериками можно только после их излечения, убедившись, не повлияла ли болезнь на наследственность и не повлекла ли за собой бесплодие. Осторожность следует проявлять и в отношении многих других больных, болезни которых можно считать признаком сомнительной наследственности, а также людей, которые в детстве болели рахитом, потому что 1) возможна наследственная предрасположенность к этой болезни и 2) у женщин в результате перенесенного рахита может быть очень узкий таз, что делает трудными или даже невозможными роды. Предрасположенность в диабету также передается по наследству. Диабет, как и ряд других тяжелых нарушений обмена веществ, вроде ожирения, часто вызывает бесплодие. Согласно оценкам, примерно 50 % диабетиков бесплодны.

Феминистки

Мужчины должны быть осторожны в отношении тех женщин, которые склонны делать упор на «женских правах». В таких случаях всегда надо проверять, что это: молодое упрямство, проходящее с возрастом, увлеченность идеями борьбы и соревнования между полами или постоянная черта характера. Подчеркнутый феминизм во многих случаях выражает неуживчивость и психические отклонения, качества, для выражения которых их обладательница может найти и иные обоснования кроме женского вопроса. Когда налицо такие качества, и женщина к тому же приводит причины, по которым она пренебрегает хозяйством и другими женскими делами, то жениться на ней может только спокойный, самоотверженный, покладистый и молчаливый мужчина, всем прочим следует держаться от нее подальше. В этих случаях важны не феминистские взгляды, а их психическая подоплека и способ их выражения.

Неженственные женщины

К таким женщинам мужчины тоже должны подходить с осторожностью. При этом следует помнить, что есть качества, которые

у мужчин незаметны, а у женщин неприятны. В. Риль пишет об этом: «Пренебрежение моралью, которое у мужчины может сойти за оригинальность, у женщины будет воспринято как неженская черта». Оригинальные женщины или женщины, сознательно бунтующие против морали, притом не только в молодости, могут быть интересными как личности, но в жены они, как правило, не годятся.

Эгоцентричные люди

Эгоцентризм у людей обоих полов должен настораживать, если он слишком сильно выражен. Люди, у которых он проявляется слабей, кажутся привлекательными неэгоцентричным людям, и такие браки обычно бывают счастливыми. Опасаться нужно только чрезмерного эгоцентризма. Эгоцентристы все соотносят с собственной персоной. Их следует отличать от эгоистов. Эгоцентризм не означает черствость по отношению к другим людям. Многие выдающиеся люди были эгоцентристами. У неэгоцентричного человека события его жизни не вызывают такой душевной напряженности. Но чрезмерный эгоцентризм может поставить брак под угрозу: он требует от другого человека участия, самоотверженности, хладнокровия и веселого нрава.

Многие эгоцентристы стремятся к браку, потому что надеются найти человека, который их поймет, с которым можно обсуждать свои переживания и планы и смотреться в него как в зеркало. Многие эгоцентристы ищут людей, которые почитали бы их, даже молились бы на них. Такие люди могут быть очень утонченными и тоже укрываться плащом «духа». Душевные потребности таких людей могут быть очень велики, но это может быть и пустая декламация. Перед тем, как вступать в брак с такими людьми, нужно проверить степень взаимного дополнения.

Некоторые художники и художницы

Многие из них бывают ярко выраженными эгоцентристами, но умеют маскировать свой эгоцентризм и «во имя искусства» становятся семейными тиранами. На публике они проявляют свои блестящие свойства, а в семье — свою раздражительность. Их тяготит «бремя повседневности».

С особым риском связан брак между двумя художниками. В таком браке скапливается слишком много искусства, слишком много своеволия и раздражительности, слишком много, мягко говоря, «темперамента».

Доходит до того, что супруги бросают друг другу в лицо кисточки, дерутся смычками или жена ругает романы, написанные мужем, а он — написанные ею. Несмотря на это «горячая страсть» может сохраняться долго после медового месяца.

Особенно опасны браки между двумя музыкантами. Музыка часто служит сводницей и соединяет в браке людей, не подходящих друг другу. В вызванных музыкой настроениях часто расплываются своеобразие и границы своей и чужой сути. Слова о том, что одинаковые интересы — недостаточная основа для брака, в особой мере относятся к музыке.

Художникам и художницам лучше всего вступать в брак с великодушными людьми, очень терпеливыми и с коммерческой жилкой, по крайней мере тем, которые сами не отличаются спокойствием и снисходительностью. Ансельм Фейербах сказал: «Для брака художника требуется много любви, много понимания, много терпения и очень много денег. Малкие заботы — смерть художественного творчества». При этом менее значительные художники и художницы обычно и менее пригодны для брака, они более претенциозны и раздражительны. Большие художники более пригодны для брака, но и браки с ними редко бывают счастливыми. Если они действительно великие творцы, то уместно вспомнить слова того же А. Фейербаха: «Искусство — строгая возлюбленная, всегда стоящая на пути земной любви, какая женщина сможет это понять и стерпеть?»

Сказанное о художниках относится и ко многим ученым, особенно тем, кто занимается философией. Есть ученые и философы, которые объясняют свою недостаточную любовь к ближним влиянием далеких звезд или «априорными» причинами.

Многие художники и художницы, особенно второстепенные, принадлежат к ранее описанному типу сексуально раздвоенных людей с духовным устремлением ввысь и сексуальным влечением к низшим. Женщина, которая не может этого понять и простить и не хочет пожертвовать собой ради «искусства», должна воздержаться от брака с таким человеком, тем более что во многих подобных случаях жертва себя не оправдывает. Как часто мы видим жен «художников», соблазненных блеском «великого имени» на трагический для них брак, женщин, которые в другом браке были бы счастливы и могли бы иметь лучших детей.

Многие художники, особенно второстепенные, более пригодны для свободной любви, чем для брака, в отличие от действительно великих художников.

В романе Бальзака «Кузина Бетт» одна женщина дает хороший совет, к которому молодым девушкам следовало бы прислушаться:

«Мы, женщины, должны почитать умных мужчин, но выходить за них замуж было бы ошибкой. Ими нужно восхищаться, как в театре, но жить с ними? — никогда, фу! Это все равно, что ползать в оперном театре по полу, вместо того, чтобы оставаться в ложе и наслаждаться оттуда прекрасной иллюзией». Сказано жестоко, если понимать под умными мужчинами действительно великих людей, но метко, если имеются в виду те многочисленные однодневки, которые часто заставляют больше говорить о себе, чем действительно великие люди. Но в состоянии влюбленности многие женщины и мужчины не могут отличить однодневку от великого человека.

Мужчины, которые быстро делают карьеру

Женщины должны опасаться мужчин, которые быстро богатеют и быстро достигают высоких постов, а также сыновей таких мужчин. Постепенное возвышение семьи обычно является признаком наследственных талантов и умения правильно выбирать супружескую пару. Быстрый взлет отдельной личности может быть следствием ее сомнительных качеств: карьеризма, умения спекулировать, интриганства, лицемерия, пронырливости, беспощадности к конкурентам и т.п. К нуворишам и прочим выскочкам, а также к их детям всегда следует относиться с недоверием, хотя случается, что быстро делают карьеру и достойные люди.

Неполноценные и антиобщественные элементы, люди с заразными болезнями

Я перехожу теперь к таким бракам, от которых в любом случае следует предостерегать.

Каждый умный человек понимает, что нельзя вступать в брак с лентяями, пьяницами, бродягами, преступниками и другими никчемными или асоциальными людьми, а также с грубиянами и слабовольными. Нельзя также вступать в брак с ярко выраженными эгоистами и зазнайками. Люди, которые на всех и на все смотрят свысока, особенно такие, которые презируют другой пол, это обычно духовные уроды, которым нужно чем-то выделиться на общем фоне.

Нельзя также вступать в брак с людьми, больными туберкулезом, и людьми, родители, братья или сестры которых болели туберкулезом, потому что эта болезнь заразна и передается по наследству. В неблаго-

приятных условиях туберкулезом может заболеть и человек из здоровой семьи. После того, как он вылечится, он может вступать в брак.

Чрезмерно замкнутые, чопорные и тяжелые люди

Нельзя вступать в брак с людьми, у которых сильно выражены черты, которые Э. Кречмер называет шизотимными или шизоидными: людьми, чрезмерно замкнутыми, чопорными, необщительными, людьми с тяжелым характером, которых раздражает все, что других не трогает, людьми, поведение которых кажется окружающим «неестественным», людьми слабодушными, бесцветными, скучными, вялыми, не радующимися жизни. Такие люди часто бывают импотентами. Вообще нужно относиться с подозрением ко всем чудакам и чудачкам.

При этом следует помнить, что у многих молодых людей описанные черты могут проявляться только в переходном возрасте. Наше предостережение относится к лицам обоих полов в возрасте 25-30 лет.

К шизотимной группе относятся и многие «прирожденные» холостяки и старые девы. В многих случаях они просто боятся брака. Характерным примером этого может служить биография Грильпарцера.

Гесиоду казались одинаково рискованными и вступление в брак, и холостая жизнь. Сократ ответил молодому человеку, который спросил, жениться ему или нет: «Делай, как хочешь, все равно потом будешь жалеть». Но даже те, кто смотрит на брак и семейную жизнь с таким подозрением, должны согласиться, что жалеют о своем браке, как правило, те, кто сделал неправильный выбор, те же, кто не вступил своевременно в брак, будут жалеть об этом еще больше. Граф Кейзерлинг тоже говорит, что даже несчастный брак лучше пустого самодовольства многих холостяков. Поэтому многие холостяки, которые не отказываются от внебрачных связей, это люди со скудной наследственностью. Но есть и в самом деле природные холостяки и старые девы. Их можно распознать уже к 25 годам. Среди них есть и разновидности шизотимного или шизоидного типов Кречмера. Для брака они не годятся.

Некоторые из этих природных холостяков терзаются опасениями, когда перед ними начинается маячить перспектива брака. Сама по себе осторожность в этих случаях полезна, но она не должна переходить в страх — это уже болезненное явление, признак эмоционального уродства. Такие люди тоже не годятся для брака.

Люди, которые считают себя непонятыми, духовно и душевно больные

Нельзя вступать в брак с такими людьми, которые вскоре после знакомства дают понять, что они «страдают». Особенно часто встречаются женщины, которые ходят с рассчитанным на внешний эффект выражением немого страдания на лице. К этому типу относятся и многие «непонятые» обоих полов. Но и в данном случае следует помнить, что это может быть явлением переходного возраста. С теми, кто сохраняет эти черты и в зрелом возрасте, вступать в брак могут только очень добродушные люди.

Многие из таких людей — больные или склоны к психическим заболеваниям, которые не только разрушают браки, но и передаются по наследству. Это либо шизоиды, близкие к психической болезни, либо истерики, негодные для брака. Напрасны надежды, что брак может исцелить таких людей. Знакомство с их генеалогией позволяет обнаружить наследственные заболевания вроде шизофрении.

Браки с подобными людьми тем более опасны, что, согласно Хюбнеру, среди людей с легкими формами слабоумия, гипомании (легкой формы мании с внезапными подъемами настроения и приступами деятельности), истерии и шизофрении есть много таких, которые строят брачные планы, охотятся за девицами с богатым приданным, часто руководствуясь холодным расчетом. Таких людей следует избегать. Брак с ними будет несчастлив, а их потомство — нездоровым.

Прожекторы и мошенники

Среди описанных Кречмером циклоидов, т.е. людей, склонных к маниакально-депрессивному психозу, нужно отметить таких, которые уже в годы развития проявляют склонность ко лжи, интригам и воровству. Со временем это может пройти. Но каждому, кто намерен вступить в брак, желательно знать о юношеских годах того, с кем он вступает в брак, и сделать свои выводы. Некоторые психические заболевания проявляются в годы развития в чертах, которые семья данного человека потом забывает или умышленно предает забвению, а вспоминает о них лишь потом, когда этот человек психически заболевает, а его брак развалится.

Среди тех, кому грозит маниакально-депрессивный психоз, есть нестойкие, неработоспособные люди, которые в приподнятом настроении строят планы, а потом энергично проводят их в жизнь, порой тратя на них больше денег, чем им позволяют средства. Часто такие люди спешат

вступить в брак, причем семья, в которую они хотят войти, во многих случаях принимает их за предприимчивых и перспективных людей. Их болезненные черты могут превратиться в авантюризм и мошенничество, но те, кому чужда их сфера деятельности, этого не чувствуют, наоборот, питают надежды на их коммерческие, научные или творческие успехи, надежды, которые рано или поздно оказываются иллюзиями.

Слабоумные девицы

Совет не жениться на слабоумных девицах может показаться само собой разумеющимся, но многие замкнутые и добродушные мужчины любят глуповатых девиц. Они принимают эту глуповатость за присущую, по их мнению, женщинам ограниченность. Если глуповатая девушка к тому же нежна и прелестна, она привлекает многих мужчин, а женский ум, особенно при отсутствии ярко выраженных женских черт, их, наоборот, отталкивает. Для части мужчин женская глупость привлекательна, ею объясняются и многие ласкательные имена, которые мужчины дают женщинам. Например, «куколка» это женщина, ограниченность которой мужчину не раздражает, по крайней мере, сначала и если она сочетается с веселой послушностью. Но ограниченность может быть и легкой формой слабоумия.

Девушек и женщин предупреждать от брака со слабоумными мужчинами не нужно, поскольку они, как уже говорилось, реже, чем мужчины, вступают в брак с людьми ниже себя. Слабоумные мужчины порой вступают в брак, если они из богатой семьи, в противном случае они остаются холостыми или женятся на таких же слабоумных девицах. Против таких браков нет возражений, если предварительно произведена стерилизация. Желательно только, чтобы ответственные за это врачи не боялись видеть в повышенной степени глупости признак слабоумия.

Часть 2

Выбор супружеской пары для получения здорового потомства

Применение учения о наследственности в целях отбора

До сих пор говорилось о том, на какие человеческие черты следует обращать особое внимание, чтобы брак был счастливым. Теперь я хотел бы рассказать о том, как ориентировать выбор супружеской пары на улучшение наследственности.

Сначала следует назвать изученные болезни и наследственные недостатки, дальнейшей передачи которых по наследству нужно по возможности избегать. Но это был бы очень длинный перечень, особенно если к нему добавить еще и описание способа передачи по наследству. Поэтому я сошлюсь лишь на основную литературу:

Гротьян. «Гигиена человеческого размножения». 1926.

Барон фон Фершюр. «Наследственная патология». 1934.

Баур-Фишер-Ленц. «Учение о человеческой наследственности и расовая гигиена».

Макс Фишер. «Наследственность психических заболеваний». 1931.

Эрнст Рюдин. «Учение о наследственности и расовая гигиена в национальном государстве. Сборник статей разных авторов». 1934.

Иоганнес Шоттки. «Брак и болезни». 1940.

Закон о здоровом браке от октября 1935 г. запрещает вступление в брак людям, страдающим каким-либо из перечисленных в этом законе тяжелых наследственных заболеваний. Но речь в нем идет лишь о явно больных людях, а не о внешне кажущихся здоровыми носителях наследственных заболеваний.

Как избежать брака с наследственно неполноценными людьми

При выборе супружеской пары следует избегать не только людей, о наследственной неполноценности которых говорит уже их внешность, но в определенных случаях также их братьев и сестер, которые внешне кажутся здоровыми. Это, например, братья и сестры слабоумных, братья, сестры и дети эпилептиков, шизофреников и лиц, страдающих

маниакально-депрессивным психозом. Избегать нужно также психопатов всех типов, истериков, кретинов, слепых и глухих от рождения (но не тех, кто стал слепым или глухим из-за заразной болезни или несчастного случая). Внешне здоровые братья, сестры и дети наследственно неполноценных людей могут вступать лишь в такие браки, которые будут бездетными. Какие наследственные болезни исключают брак, зависит от требований к будущему потомству.

Одним из таких требований как к мужскому, так и к женскому потомству непременно должен быть ум. Мы видим, что мужчины довольствуются низким умственным уровнем своих будущих жен, а женщины — своих будущих мужей, и требования к умственному уровню в западных странах все ниже. С конца XIX века в школах стали перетаскивать двоечников из класса в класс, облегчать задания, и все это подкреплялось мнением, что важен не ум — важна пригодность к той или иной работе, важна «добросовестность». Но уже раздаются протесты: «Мы должны, наконец, избавиться от непомерного восхваления добросовестности и недооценки воли и знания». Мало одаренных, глупых и духовно ограниченных людей следует в любом случае избегать при выборе супружеской пары. Целью отбора должен быть не просто «приличный», а компетентный и безупречный человек. Браков с мало одаренными и духовно ограниченными, хотя и «приличными» людьми следует избегать еще и потому, что такие люди могут быть носителями предрасположенности к слабоумию. А в западных странах и так уже очень много дураков. По оценке Гротьяна, среди немецкого народа треть физически и духовно неполноценных людей.

Оценка наследственности семьи и отдельной личности

Я хочу рассказать о ряде факторов, затрудняющих «прогноз наследственности».

Никогда не удастся получить полную картину наследственности семьи, с которой человек желает породниться. Доминантные признаки налицо, а рецессивные можно узнать только после обстоятельного знакомства с историей семьи, да и то не всегда. Процесс передачи по наследству физического недостатка или болезни часто бывает настолько запутанным, что нельзя сделать чистый (менделевский) прогноз наследственности, исходя из истории семьи и ее побочных ветвей. Соотношения, достаточно ясные в животном мире, у людей нельзя проследить, так как у них временной промежуток между поколениями гораздо больше.

И потомков у одной пары людей недостаточно для того, чтобы определить весь круг наследственных задатков. Его оценка возможна только начиная с четвертого ребенка. Кроме того, людей нельзя спаривать в экспериментальных целях. У людей всегда приходится принимать во внимание скрещивание с неизвестными или мало известными линиями.

Эрнст Рюдин надеется, что эти трудности будут преодолены. Его ход мыслей таков: Недостаточно знать, каким образом наследуется болезнь. Нужно также знать, какой «пробивной силой» обладает предрасположенность к этой болезни сравнительно с другими наследственными задатками и влияниями среды, которые могут оказывать как стимулирующее, так и тормозящее воздействие. Обычно родители с одинаковой доминантной предрасположенностью к болезни могут иметь только больных детей, но другие задатки и влияния среды могут изменить картину.

Но если только один из родителей является носителем предрасположенности к болезни, то расчет вероятности появления болезненных черт у детей затруднен или даже невозможен, даже если известна «пробивная сила» этой предрасположенности. Он возможен лишь в том случае, если внешне здоровый родитель сам происходит от таких же больных. В этом случае, «здоровый» родитель — только внешне здоровый, гетерозиготный человек, отсюда прогноз: j больных, S «здоровых» детей, часть которых снова будет носителями предрасположенности к болезни.

Если один из родителей болен, а другой внешне здоров, но о заболеваниях в его роду ничего не известно, нельзя сказать, идет ли речь о настоящем, гомозиготном здоровье или о гетерозиготном здоровье в кавычках. В таких случаях прогноз наследственности с менделевской точки зрения невозможен.

Возможности прогноза были бы лучше, если бы носителей гетерозиготно-рецессивных задатков можно было распознать по внешним признакам так же, как носителей гомозиготно-рецессивных задатков. Но это до сих пор было возможно лишь в случаях неполной рецессивности, а таких случаев мало. Распознавание гетерозиготности — до сих пор не решенная задача.

Из-за этих и других трудностей, которые постоянно возникают из-за того, что неизвестен в полной мере генофонд семьи и отдельного человека, наука пошла не по менделевскому пути, а по пути статистического анализа наследственности. Этот путь был предложен еще Гальтоном. Изучается частота заболевания в кругу родителей человека, его братьев и сестер и дальних родственников. Рассчитывается, сколько больных потомков было у больных и здоровых родителей, сколько у одного здорового и одного больного, как часто близкие или дальние

родственники болели одной и той же болезнью и т.д. При этом всегда нужно учитывать частоту предрасположенности к данной болезни в конкретном народе и частоту браков между родственниками в нем. Если оставить эти вещи без внимания, то при статистическом анализе можно прийти к неверным выводам. С его помощью всегда можно определить только вероятность заболевания в процентах. Этим путем нельзя определить законы наследования признаков, а только правила для определенного круга супружеских пар. В Англии изучение наследственности долго страдало оттого, что ученые вслед за Гальтоном шли статистическим путем, тогда как в США и Германии — по пути Менделя и Вейсмана. В будущем необходимо использовать оба метода.

Прогноз наследственности затруднен еще и тем, что болезненные задатки могут возникнуть снова в результате мутаций и идиовариаций.

Оценка средней наследственной ценности семьи

Для преодоления этих трудностей, которые не позволяют точно сказать, кто из членов семьи может быть носителем неполноценных задатков, а кто нет, рекомендуется при выборе супружеской пары обращать внимание на семьи, которые и в своих побочных ветвях не имеют дефектов. В любом случае нужно попытаться оценить среднюю наследственную ценность семьи, сначала родителей и детей вместе, потом родителей, детей и побочных родственников, причем последние не имеют такого значения, как родители и дети. Полноу рекомендует в таких случаях обращать внимание на здоровье и долголетие, на силу воли, энергичность, приспособляемость и самообладание. При этом не следует переоценивать значение одного знаменитого имени среди предков.

Обычно человек, который внешне выделяется из своей семьи, по своей наследственности ближе к ее среднему уровню. Арабская поговорка гласит: «Ты можешь жениться на некрасивой девушке, если она единственный некрасивый человек в своей семье», а норвежская: «Никогда не женись на девушке, если она единственный красивый человек в своей семье». Так что нужно всегда различать генотип и фенотип, поэтому так важна средняя наследственная ценность семьи. Могут различаться также фенотип и генотип двух внешне равноценных людей. Об этом писал Гальтон: из двух одинаково способных молодых людей, из которых один происходит из семьи здоровых долгожителей, а другой — из семьи менее здоровых и недолговечных людей, государство для замещения должности должно выбрать первого. Такой же совет

можно дать и при выборе супружеской пары. Гальтон приводит и такой пример: из двух равноценных людей один происходит из талантливой семьи, а другой в своей является исключением. Такие отклонения фенотипа от генотипа всегда возможны.

Рекомендуется также вступать в брак с человеком из многодетной семьи, потому что ценность только такой семьи можно оценить. Единственный ребенок или два ребенка могут быть как лучшими, так и худшими представителями своей семьи. Б. Франклин советовал искать себе жену среди кучи сестер.

Многодетность свидетельствует о жизнерадостности родителей. Среди британских чиновников в Индии лучше всего проявили себя выходцы из многодетных семей. В низших слоях многодетность свидетельствует о беззаботности родителей, о недостатке у них предусмотрительности и о паразитической надежде на помощь государства.

Как правило, наследственное сходство больше между матерями и дочерьми, чем между отцами и сыновьями, и больше между отцами и дочерьми, чем между отцами и сыновьями. Если взять сходство между отцами и сыновьями за 100, то сходство между матерями и дочерьми будет равно 170, между матерями и сыновьями 130, между отцами и дочерьми 112. Это связано с тем, что у матери и дочери всегда бывает общей одна из двух у-хромосом, которые у женщин всегда парны. Поэтому у них одинаковые задатки. У отцов же никогда не бывает общих с сыновьями х-хромосом и соответственно общих задатков. Зато матери с сыновьями и отцы с дочерьми могут иметь общие половые хромосомы. И по этой причине молодой человек должен обращать внимание на мать девушки, в которую влюблен.

Брак с наследницами

Гальтон предостерегает от брака с наследницами, единственными дочерьми или единственными оставшимися в живых после ранней смерти братьев и сестер дочерьми из богатых семей. Он насчитал в 17 случаях таких браков 16 бездетных. Возможно, это результат наследственно обусловленной неспособности к деторождению или наследственно обусловленного угасания семьи.

Браки между родственниками

О таких браках и связанных с ними опасностях говорилось в моей книге «Формы и происхождение брака» (1940). Браки между родствен-

никами не рекомендуются в тех случаях, когда предполагается, что оба желающих вступить в брак унаследовали от одних и тех же предков одни и те же рецессивные болезненные задатки. При этом следует помнить, что рецессивные задатки, как хорошие, так и плохие, действующие в одном направлении, могут сойтись и в браке двух людей, не состоящих в родстве друг с другом, и оказать положительное или отрицательное воздействие, просто по законам вероятности такое схождение одинаковых рецессивных задатков в браках между родственниками встречается чаще. Но, поскольку составить полное представление о генофонде семьи удается очень редко, к плану брака между родственниками обычно следует относиться с осторожностью, если только с обеих сторон не засвидетельствованы предки с безупречными свойствами.

Если мы узнаём, что в какой-то группе населения часты браки между родственниками, но никакого вреда от этого не наблюдается, то возможны два объяснения. 1) Предки семей, связанных такими браками, отличались необыкновенно здоровой наследственностью, 2) В группе таких семей вследствие браков такого рода на протяжении ряда поколений тоже проявлялись рецессивные болезненные признаки, но они потом устранились. У многих первобытных народов, у которых неполноценных детей уничтожают сразу после рождения или они, став взрослыми, не вступают в брак, и у которых нет «социальной помощи», способствующей сохранению и умножению неполноценных элементов, именно браки между родственниками, неизбежные в небольших племенах и изолированных местностях, способствуют улучшению наследственности.

Хорошие качества населения несмотря на частоту браков между родственниками показал Вуазен (1865) на примере общины, живущей на одном полуострове на р. Луара, Бюхнер (1892) — на примере общины Схокланд на Зейдерзее (Голландия), Хат (1875) — на примере семей шотландских рыбаков. Как умножение неполноценных задатков, так и улучшение наследственности в результате браков между родственниками объясняется законами наследственности. Все дело в качестве материала. Но отрицательный результат все же бывает чаще, поэтому народная поговорка предостерегает родственников, вступающим в брак, раннюю смерть без наследников. Лёнер против браков между родственниками при современном состоянии народов Европы, «потому что у людей, как у одомашненной формы с невероятно широко распространенными рецессивно-патологическими задатками, от таких браков скорее можно ожидать вреда, чем пользы. К тому же непереносимая предпосылка положительного результата — истребление неполноценных особей, на что человеческое общество пойти не может». И законы Германского Рейха

этого не предусматривают: стерилизация применяется лишь в самых безнадежных случаях.

Полноу допускает возможность браков между родственниками для благополучных семей. Я при современном состоянии народов Европы вообще бы их не рекомендовал, за исключением тех случаев, когда основательное изучение родословной не позволяет сомневаться в отменных наследственных качествах семьи.

В Германии число браков между кровными родственниками в последние десятилетия снижается. Это связано с урбанизацией. В Пруссии в 1910 г. на 1000 заключенных браков приходилось 4,2 брака между родственниками, в 1924 г. — всего 2,5. Из них 9/10 — браки между двоюродными братьями и сестрами.

Следует отметить, что мнение, которое распространяли в XIX веке либералы, марксисты и еврейские журналисты, будто браки между родственниками всегда ведут к вырождению, несостоятельно. В этом случае должны были бы уже выродиться почти все княжеские дома и почти вся аристократия. Евреи обычно добавляют к этому учению, что в той же мере, в какой вредны браки между родственниками, полезно скрещивание, особенно межрасовое. Поэтому благородным семьям рекомендуется родниться с еврейскими. Но, оказывается, талантливые люди рождаются именно от браков между родственниками. Даже браки между братьями и сестрами в семьях фараонов, отдельных родах персидской знати в эпоху Ахеменидов, македонских Птолемеев и правящего дома инков в древнем Перу не привели к вырождению.

Следует предостерегать от брака представителей двух семей с одинаковыми небольшими доминантными и рецессивными (которые трудней обнаружить) недостатками независимо от того, состоят эти семьи в родстве или нет. Если же речь идет о серьезных наследственных недостатках, то члены этих семей могут вступать в брак лишь при условии, что этот брак будет бездетным.

Наблюдения психоаналитиков за браками между родственниками показывают, что к таким бракам склоны слабые, трусливые мужчины, которые боятся приближаться к чужой девушке, а также мужчины с гомосексуальными наклонностями. Браков по таким причинам следует избегать. Говорят, от браков между родственниками рождается сравнительно много людей, остающихся холостыми. Я не знаю, но потомки вышеупомянутых трусливых мужчин могут унаследовать от отцов трусость и откажутся поэтому от брака.

Предотвращение брачного родства наследственно здоровых семей с наследственно больными людьми

Я уже сказал, что людям с небольшими наследственными недостатками не следует родниться с семьями, в которых встречаются те же недостатки. Они могут родниться со здоровыми семьями, но только если речь идет о незначительных, а не о серьезных наследственных недостатках. В общем наследственно здоровые должны заключать браки с наследственно здоровыми, а наследственно больные — с наследственно больными, потому что иначе может быть испорчен генофонд наследственно здоровых семей или могут родиться гетерозиготные, внешне «здоровые» дети, генетические недостатки которых будут скрыты. В результате браков наследственно здоровых с наследственно больными может сначала уменьшиться число внешне больных людей, но неполноценные задатки будут распространяться, потому что они будут проявляться позже (в результате браков между внешне «здоровыми» людьми с одинаковыми рецессивными задатками болезни), но их проявления в больном потомстве не избежать.

Обмен свидетельствами о здоровье перед обручением

Желателен обмен свидетельствами не только о здоровье обрученных, но и о наследственных качествах их семей. Было бы большим прогрессом, если бы до государственного постановления о таком обмене в уважающих себя и заботящихся о своем потомстве семьях распространился такой обычай. Попноу даже считает, что обычай был бы лучше, чем закон.

Уже древнеиндийские юристы требовали перед браком доказательств безупречных качеств и здоровья. Они требовали проверки мужчины на безупречность его физических признаков и способность к деторождению, а также на физическую силу, быстроту ходьбы и бега, четкость речи и т.п. Индийские законы наказывали родителей, которые скрывали недостатки своих дочерей. Непригодными к браку считались дочери из семей без мужских потомков, болезненные, чахоточные, прокаженные и эпилептические девушки, горбатые, рыжеволосые, лысые, карликового роста и чрезмерно волосатые и, наконец, болтливые.

Томас Мор в своей «Утопии» (1516) предлагал, чтобы юноша и девушка перед тем, как вступить в брак, показывались друг другу голыми, чтобы не скрывать своих физических недостатков. Кампанелла в

«Городе Солнца» (1636 г.) требовал, чтобы молодые люди доказывали свою пригодность для брака и размножения физическими упражнениями. Важные соображения о пригодности к браку, отборе и наследственности можно найти в произведениях давно забытого Иоганна-Петера Франка, особенно в его «Системе совершенной медицинской полиции» (1788). Франк требовал, чтобы обрученные заверяли под присягой, что у них нет наследственных болезней, и чтобы государства стимулировали браки между людьми с хорошей наследственностью и запрещали браки людям с плохой наследственностью.

Запреты браков вводились на основании того мнения, что брак и создание семьи нельзя отнести к «правам человека». Поэтому либерализм яростно боролся против таких запретов. Веку либерализма были чужды и ненавистны мысли о наследственности, неравенстве задатков и отборе. Идея об отборе среди желающих вступить в брак снова возникла в Германии лишь в 1908 г. когда «Союз монахов» внес в Рейхстаг законопроект о свидетельствах о пригодности к браку. Он обосновывался ссылками на успехи животноводства, но Рейхстаг отверг его, сочтя, что «человеководства» быть не может.

В 1911 г. Союз монахов организовал в Дрездене первую брачную консультацию. В США много таких консультаций было организовано в период с 1913 по 1929 г.

Международное Общество расовой гигиены с начала XX века постоянно напоминало о настоятельной необходимости введения свидетельств о пригодности к браку. В более узком кругу Немецкого общества расовой гигиены было решено, что такие медицинские свидетельства должны предоставляться до обручения. В 1914 г. это Общество потребовало ввести обязательный обмен свидетельствами о здоровье для пар, желающих вступить в брак. Официально эта мера была введена только в 1920 г., но она была половинчатой и запоздалой.

31 декабря 1931 г. был издан приказ по СС, согласно которому члены СС перед вступлением в брак проверялись на здоровую наследственность и принадлежность к нордической расе. Молодежный «Союз орлов и соколов» ввел у себя в 1932 г. взаимный обмен свидетельствами о здоровье для обрученных.

После 1933 г. был принят Закон о защите потомства с перечнем особо тяжелых наследственных заболеваний, носители которых подлежали стерилизации; Закон о безопасности, который лишал неполноценные и антиобщественные элементы возможности размножения, а также законы, запрещавшие браки и половые связи между немцами и евреями. Были введены также запреты на браки для людей с заразными болезнями, угрожающими другим людям или потомству, для лиц,

взятых под опеку, для умственно неполноценных и, наконец, для тех, кто подпадает под Закон о предотвращении появления наследственно больных детей.

Эти законы отвергают либеральную идею о предоставлении права на брак кому ни попадя, поскольку это «право человека». Брак перестает быть частным делом двух лиц, он касается всего народа, и предков, и потомков.

Введения свидетельств о пригодности к браку требовали с начала XX века во многих странах Европы и Северной Америки. К началу XX века только в штате Мичиган был закон, который запрещал браки душевнобольным, слабоумным и венерикам. Английский евгеник Леонард Дарвин в своей книге «Необходимость евгенической реформы» (1926) тоже предлагал ввести брачные свидетельства.

Методы медицинских обследований, которые необходимо пройти, чтобы доказать свою пригодность к браку, описал Анри Винь (1931). В английской Палате лордов за введение закона о брачных свидетельствах высказался в ноябре 1934 г. лорд Килмейн.

В Германии в октябре 1935 г. был принят Закон о защите наследственного здоровья немецкого народа. По этому закону обрученные после медицинской консультации предоставляют свидетельство о том, что у них нет наследственных болезней, опасных для потомства, а также психических нарушений и заразных болезней. В Законе о предотвращении появления наследственно больных детей перечислены следующие болезни: 1) врожденное слабоумие; 2) шизофрения; 3) маниакально-депрессивный психоз; 4) наследственная пляска св. Витта; 6) наследственная слепота; 7) наследственная глухота; 8) тяжелые физические уродства. Этот закон касается только самых тяжелых наследственных дефектов, притом лишь тех, которые внешне проявляются в форме тяжелых болезней. Носителей задатков этих болезней, которые внешне выглядят здоровыми, данный закон не касается, равно как и ряда наследственных болезней, перенос предрасположенности к которым в здоровые семьи в результате брака нежелателен, так что этот закон — только начало.

Официальное свидетельство о пригодности к браку дает лишь приблизительный обзор самых явных наследственных дефектов. Поэтому желательно, как советует Поппоу, дополнить его обычаем обмениваться более подробными свидетельствами о здоровье и наследственности.

* * *

XIX век попал в тиски ламаркистского мышления, которое делало упор на влиянии среды и предполагало, что приобретенные признаки

наследуются. Сегодня установлено, что этого не происходит, что возникновение и сохранение всех видов определяется наследственностью и отбором, а не средой. Человек тоже ничего не может добавить к своим наследственным задаткам. Овербери был прав: никто не может выбрать или изменить самого себя, но может путем выбора супружеской пары улучшить свое потомство. Изменения среды, от которых так много ждали «средовики» XIX века, могут быть благоприятными для отдельного человека, но они не могут вызвать улучшение вида. Подъем народа возможен только путем стимулирования размножения наследственно одаренных семей и воспрепятствования размножению наследственно бездарных людей, так что от выбора людьми супружеских пар будет зависеть, будут качества народа улучшаться или ухудшаться. Внешние условия могут быть благоприятными или нет для отдельного человека, могут возвысить одну семью на протяжении нескольких поколений, так что она будет казаться лучше, чем есть на самом деле, и наоборот. Но на протяжении двух-трех поколений выбор супружеских пар будет решающим для определения положения семьи. Внешние условия могут сделать народ на два-три поколения более здоровым, способным, честным и красивым, чем он есть по своим задаткам, но в дальней перспективе эти качества сохраняются только благодаря ориентированному на них выбору супружеских пар и многодетности здоровых, способных, честных и красивых семей. Таким образом, выбор супружеских пар и количество детей — решающие факторы для будущего семьи, а через нее — и для будущего народа. Мощь германского государства и величие немецкого духа, поставленные под угрозу начиная с XIX века в результате размножения неполноценных элементов, могут быть укреплены только в случае признания идеалом для отбора способного, благородного и красивого человека и многодетности семей, созданных и живущих в устремлении к этому идеалу.

Наследственность и воспитание

Из сборника статей «Воспитание
аристократических родов и формирование
правящей аристократии»

Ю. Ф. Леманс Ферлаг, Мюнхен-Берлин, 1941

Я не могу говорить о несомненных выводах, к которым пришли ученые, изучающие наследственность, во-первых, потому что я не полномочен говорить от имени этих ученых, а во-вторых, потому что таких выводов пока нет.

Несомненно одно: тема «Наследственность и воспитание» стала сегодня вопросом, которым занимаются многие серьезные люди. Главный вопрос в рамках всего этого круга вопросов: насколько люди и группы людей обусловлены их наследственными задатками и в какой мере эта обусловленность может противодействовать воспитанию? И какие выводы, важные для воспитания и обучения, могут быть сделаны на основе такого понимания наследственной обусловленности людей.

В такой форме этот вопрос должен быть поставлен сегодня, когда исследования на близнецах показали необыкновенно сильную наследственную обусловленность людей. Если взвесить влияние наследственности и влияние среды, то наследственность всегда перевесит.

В XIX — начале XX века вопрос о возможностях воспитания ставился иначе. Широкие круги были убеждены, что человека физически и духовно может формировать среда, и правильное воспитание может сделать людей не только умней, но также нравственней и счастливей.

XIX веку, хотя т.н. всеобщее образование не сделало людей ни справедливей, ни умней, ни счастливей, был присущ «бессовестный оптимизм» (Шопенгауэр). Хотя еще Гете подчеркивал неизменность врожденной физической и духовной сути человека, Шопенгауэр придерживался того же мнения, а Кант учил, что врожденное сильней благоприобретенного, начиная с последователей Канта стала усиливаться вера в неограниченные возможности воспитания всех людей. Против течения шли только Шопенгауэр и Ницше. Аристократически мыслящие люди, такие как Гете, Шопенгауэр, Ницше, всегда делают упор на наследственных качествах, а массовое мышление городской демократии — на благоприобретенных, т.е. на влиянии среды. Именно таким был образ мыслей, преобладавший в XIX веке (я умышленно отделяю городскую демократию от крестьянской, т.к. последняя мыслит аристократически).

Естественные науки в XIX веке шли на поводу у этого массового мышления, пока не столкнулись с фактами, которые, если продумать следующие из них выводы до конца, опровергают гипотезу о всевластии среды. Геккель, которого демократы и социалисты безосновательно причисляют к своим, ясно говорил, что из теории происхождения видов и учения о наследственности можно сделать только аристократические выводы. Но суть любого аристократического мышления это упор на врожденных качествах. Поэтому Ницше так издевался над идеей «аристократии духа». На эту тему любили рассуждать еврейские интеллектуалы и другие люди, которые старались что-то скрыть в своей наследственной сути. Ницше говорил, что дух облагораживается «кровью», т.е. наследственно благородной натурой, которая существует

раньше любых приобретенных качеств и утверждает свою ценность над ними.

Но такими же были убеждения лучших представителей всех народов, говорящих на индоевропейских языках, в эпохи их творческого расцвета. Это убеждение выразил Пиндар в третьей Немейской оде:

«Врожденная суть придает высшую ценность. Тот, кто обладает лишь тем, чему его научили, — темный человек... его шаги всегда неуверенны».

Люди таких убеждений не отрицают, конечно, ценность образования и духа. Убеждения Пиндара и Ницше не следует путать с враждебностью духу и образованию тех, кто ненавидит их, потому что не чувствует в своих наследственных задатках никакого духа и стремления к получению образования.

Как я уже сказал, естествознание XIX века пришло к результатам, из которых можно было сделать только аристократические выводы. Вследствие этого ламаркистское учение с его упором на влияние среды было вытеснено дарвинизмом с его упором на наследственность. Первыми сделали решающие выводы из теории происхождения видов путем естественного отбора англичанин Гальтон, двоюродный брат Дарвина, немцы Отто Аммон и Альфред Плётц и француз граф Лапуж.

Гальтон еще в 1876 году обратил внимание на метод исследований, который сегодня дал удивительные результаты: исследования на близнецах. Эти исследования показали, что наследственные задатки играют определяющую роль вплоть до мелочей. При этом особенно поучительны случаи, когда люди с одинаковой наследственностью десятилетиями живут в совершенно разных средах и тем не менее одновременно заболевают одинаковыми болезнями или совершают одинаковые преступления. Эти наблюдения подтверждают слова Горация: «Ты можешь пытаться хоть вилами выгнать природу — она все равно возвратится назад». «Тот, кто за море уедет, по сути останется прежним, климат один лишь сменив».

Обратный пример: люди с разной наследственностью оказались после войны в одинаковой среде. Исследования детей в сиротских приютах показали, что в ребенке почти всегда развиваются характерные черты его семьи и даже сословия.

Теперь я перейду к выводам из ставшего сегодня несомненным знания того, что в жизни людей, как и всех живых существ, влияние наследственности сильнее слияния среды, — к выводам, касающимся воспитания.

Воспитание, с точки зрения биологии, это процесс приспособления. Жизнь это всегда конфликт наследственных задатков со средой.

Историю народа я предлагаю рассматривать тоже как такой конфликт. Задача воспитания в этом свете — способствовать разрешению данного конфликта в интересах конкретной группы людей или отдельного человека. Воспитание это процесс приспособления, — сказал Ленц, а занимающийся изучением наследственности зоолог Юст выразил эту мысль следующим образом: воспитание это «планомерное создание стимулирующих и подавление вредных влияний среды».

Действие воспитания относится к области паратипического, а не генотипического, оно ничего не может изменить в генотипе народа, поскольку действует в области благоприобретенного, а не в области наследственности, а способность или неспособность к приобретению тех или иных признаков зависит опять-таки от наследственности.

Улучшить генофонд народа можно только путем отбора, а не воспитания. Для этого нужно, чтобы люди с лучшей наследственностью из всех сословий имели много детей, а неполноценные — мало или совсем не имели. Воспитание может всегда ориентироваться только на отдельного человека. Это ограничение связано с тем, что нам, людям, не дано передавать по наследству приобретенные знания и способности. Например, математик, если он хочет, чтобы его дети унаследовали его способности, должен жениться на девушке из математически одаренной семьи.

В XIX веке маниакально верили в прогресс, верили, будто улучшив среду, в частности, обучение, можно сделать «род человеческий» более совершенным. От этой веры нужно отказаться. Нужно отказаться и от довольно распространенного заблуждения педагогов, будто каждого человека можно научить чему угодно, даже внушить ему любой образ мыслей, надо только найти подходящий метод. У меня создалось впечатление, что 9/10 педагогической литературы написаны с этих позиций, а все неудачи в ней объясняются тем, что еще не найден верный метод. Орава этих фанатиков обучения долго ловила мелкими сетями мелкую и бездарную рыбешку, пока не поняла, что улов будет больше там, где больше талантов.

Немногие учителя задумываются над тем, что есть пределы обучаемости, зато многие мучаются и винят себя в том, что из их учеников не выходит ничего путного. Хорошим учителям свойственно питать иллюзии насчет своих способностей. И знание силы наследственности не должно их обескураживать. Тот же Гете, который указывал на силу наследственности, сказал: «Человек это не только наследственные, но и благоприобретенные качества».

Хотя эти приобретенные качества не наследуются, и «прогресс» человечества не может быть достигнут таким путем, ни один разумный человек не станет отрицать, что ценность каждого человека как лично-

сти определяется его окружением в зависимости от его наследственных и приобретенных качеств. Учение о наследственности и евгеника рассматривают человека как носителя наследственных качеств и определяют его ценность для потомства, а педагогика рассматривает человека как личность и определяет его ценность для окружения. Евгеника обращает внимание на генотипические черты, педагогика — на фенотипические.

Но педагогика тоже не должна упускать из вида наследственность. Сначала нужно составить представление о неизменных, врожденных чертах подлежащего воспитанию человека; только после этого возможно осмысленное воспитание.

Вопрос стоит так: если наследственность имеет решающее значение, то как сделать воспитание осмысленным и в перспективе успешным? Чего можно достичь несмотря на наличие у воспитанника неизменных черт?

Сначала нужно установить, какие черты относятся к неизменной наследственной сути, а какие возникли под влиянием среды и могут быть изменены с помощью других влияний. Шиллер верно говорил о конфликте «неизменной сути» человека с меняющимися внешними условиями.

Вопрос решается сравнительно просто, если речь идет о способностях к определенному предмету. Такие наследственные способности обычно проявляются быстро, и от учителя не требуется особых усилий.

Труднее обстоит дело с учениками-середнячками, у которых нелегко понять, какие их способности врожденные, а какие возникли под влиянием среды. Здесь должно проявиться искусство воспитателя. Он должен понять, в каких пределах можно повлиять на ученика.

Может ли воспитание улучшить человечество или народ? Нет. Народ может улучшиться только благодаря многодетности своих высокоодаренных представителей и малому количеству детей у неполноценных элементов.

Может ли воспитание улучшить отдельного человека? В его неизменной сути оно ничего не может изменить. «Ты это ты и от себя не убежишь». Но искусное воспитание в определенных пределах может способствовать проявлению отдельных ценных свойств из неизменной сути человека, а другие свойства подавить. Хотя наследственную суть человека изменить нельзя, способность или желание изменить себя также заложены в этой сути, но это скорее крайний случай, который можно себе представить. Обычно же приходится иметь дело с чертами, которые не изменяются на протяжении всей жизни. Но в какой-то мере повлиять на их проявление можно...

Неправильное воспитание может испортить человека, но тоже в определенных пределах, отнюдь не в такой мере, как думают многие

родители и учителя, часто испытывающие из-за этого ненужные угрызения совести.

Воспитание не может изменить суть человека, но оно может изменить в лучшую или худшую сторону воздействие этой сути на окружающих.

Опытный педагог может у каждого человека определить диапазон, в котором тот поддается влиянию. Графически этот диапазон можно изобразить в виде двух концентрических кругов, причем диаметр внутреннего круга относится к диаметру внешнего как 3:4. Внешний круг указывает диапазон, в пределах которого воспитание может изменить в ту или иную сторону проявление сути человека, очерченной внутренним кругом. В какую именно сторону, тоже зависит от наследственной сути. Изменение в какую угодно сторону невозможно.

Эта картина будет правильной, если мы предположим вместе с Поппоу, что в поведении человека 75-80 % зависит от наследственности и 20-25 % — от влияний среды. Исследования на близнецах, вероятно, сделают степень влияния среды еще меньше.

Возможно и другое графическое изображение этих соотношений. Воспитатель может придать определенное направление развитию наследственных задатков, тоже в определенных рамках. Возможности такой ориентации будет тогда изображать параллелограмм сил, сторона наследственности у которого будет в 4 раза больше стороны влияния среды.

Этот диапазон разнится от человека к человеку, у одного он больше, у другого меньше. Один человек по своим наследственным задаткам более управляем, чем другой. От этих же задатков зависят и педагогические способности воспитателя. Воспитателей часто сравнивают с садовниками. Это сравнение очень верно. Подведем итог. Искусство воспитателя состоит в том, чтобы:

- оценить процент наследственных задатков и влияний среды в поведении ученика
- оценить диапазон возможного воспитательского воздействия, какие качества следует развивать
- оценить, насколько, не искажая характер ученика, можно придать его задаткам определенное направление. В педагогике не должно быть места лицемерию и иллюзиям.

Так выглядит искусство воспитания с точки зрения теории наследственности применительно к отдельному человеку. Что же касается воспитания народа и государства, то я могу пока что высказать на этот счет лишь несколько предварительных замечаний.

Какие качества учеников следует развивать, а какие подавлять, зависит от национального идеала. Этот идеал должен быть таким, чтобы

он способствовал увеличению числа высококачественных задатков в народе, тогда как до сих пор образование, наоборот, способствовало вымиранию талантливых семей. Идеал и образование могут быть враждебными жизни. Многое в средневековом, да и в современном христианстве враждебно жизни. Идеал и образование могут стимулировать жизнь. Примеры этого можно найти в истории многих индоевропейских народов, особенно персов, эллинов, римлян и германцев.

В этом свете понятно, насколько ценно для народа определенное единообразие наследственных духовных сил, расово-психологических задатков. Слишком большое разнообразие этих задатков делает невозможным всеобщее признание одного национального идеала.

Необходимость признания национального идеала несовместима с «индивидуалистическими» методами воспитания, модными со второй половины XIX века. Нужен скорее баланс между ориентацией на национальный идеал и стимулированием развития личности в наиболее подходящем для нее направлении.

Индивидуальный подход к ученикам, если он становится самоцелью, не обеспечивает наилучшее приспособление учеников к среде. Такое приспособление достигается лишь в том случае, если при учете особых задатков своих учеников воспитатель учит их ставить выше всего общее благо нации.

Что касается вопроса о подготовке самих педагогов, то должна исчезнуть вера в ценность научного, прежде всего психологического обучения будущих учителей. Учителями рождаются, и педагогические академии не увеличивают число прирожденных педагогов. Я бы даже сказал, что академическое образование ни для одной профессии не опасно в такой степени, как для педагогов. Мы имеем уже во многих областях переизбыток специалистов, «образованных» выше своих умственных способностей. Переизбыток таких людей нигде так не опасен, как среди учителей. Именно здесь нужно найти способы выявить среди соискателей «прирожденных» учителей. Наследственное неравенство учащихся требует, чтобы к ним относились неодинаково, чтобы на всех этапах обучения одаренные и высоконравственные ученики были отделены от бездарных и безнравственных, чтобы последние своим балластом не мешали развитию первых. Наследственно лучшим желательно помочь и пораньше основать семью. И здесь из учения о наследственности и отборе можно сделать только аристократические выводы. Школа должна способствовать созданию руководящего слоя, слоя отборных семей, от браков между которыми можно ожидать появления высоко одаренных детей.

Инстинкты многих людей расстраиваются от «образования», они не могут получить образование, не став несносными и противными. Таких

не следует допускать в высшие школы. Число тех, кто может получить образование и избежать при этом усиления своих сомнительных задатков, гораздо меньше, чем думают.

К высшему образованию следует допускать лишь тех, чей ум и характер благодаря их наследственным задаткам позволяют надеяться, что такое образование им под силу.

Аристократическое понимание сути и значения образования необходимо, прежде всего, нам, немцам. Не только наша система образования, но и наше понимание жизни вообще могут быть облагорожены, если наследственное, врожденное будет снова признано в своем высоком, а благоприобретенное — в своем ограниченном значении. Тогда удастся избавиться не только от унаследованного от XIX века маниакального стремления к образованию, но и от многих других маний. Это либерализм надеялся улучшить народы путем распространения образования. Образование еще никогда не делало никого умней, и ни одна эпоха в истории древней Греции не уделяла столько внимания «образованию», как эпоха носителей разложения — софистов. Мы должны отделаться от идеала городской демократии, идеала «образования», который гордится объемом приобретенных знаний и множит число учебных заведений, не задавая себе вопроса, какие задатки учащихся усилят «образование» — лучшие или худшие, во что они обратят полученные знания под влиянием своих наследственных задатков. Всему этому должно быть противопоставлено аристократическое понимание образования, исходящее из ценности наследственных качеств. Цицерон следующим образом сформулировал такое понимание образования и связанные с ним требования: «В кандидате важны благородство, порядочность, честность, а не плавность речи, не ловкость и не ученость». Такому же пониманию образования обязана своей мощью Британская империя.

В нашем народе тип «грекулуса», образованного болтуна, стал слишком многочисленным среди двух последних поколений, а тип тех, кто убеждает и воспитывает одним своим существом — слишком редким. Отбор должен исправить это положение. Национальный идеал таких образованных людей, которые убеждают одним своим видом, окажет на народ более сильное воспитательное воздействие, чем образование XIX века с его верой во всемогущество среды.

Лучшее свидетельство воспитания и образования народа — воплощение ценностей образования этого народа во многих идеальных поколениях.

СОДЕРЖАНИЕ

Страсти по Гюнтеру.....	3
-------------------------	---

Родоведение

НАУКА О СЕМЬЕ.....	6
---------------------------	----------

I. Поводы для сватовства и заключения брака и отбор при выборе супружеской пары.....	6
II. Запреты на вступление в брак и формы вступления в брак.....	10
1. Запреты на вступление в брак.....	10
2. Формы вступления в брак.....	13
III. Обычаи бракосочетания.....	32
IV. Формы брака.....	38
VII. Промискуитет.....	44
V. Распространение форм брака у отдельных народов и причины возникновения или сохранения этих форм.....	54
1. Моногамия.....	54
2. Многоженство.....	56
3. Многомужество.....	64
4. Групповой брак.....	65
VI. Влияние форм брака на отбор.....	67
1. Многомужество.....	67
2. Групповой брак.....	68
3. Многоженство.....	69
4. Моногамия.....	76
VII. Формы семьи.....	80
1. Большая семья и малая семья.....	80
2. Патриархат и матриархат.....	80
VIII. Формы родства.....	102
IX. Эволюционная теория Бахофена-Моргана и ее опровержение.....	106
X. Вопрос о происхождении и первоначальных формах брака.....	136
1. Был ли промискуитет первоначальной формой половых отношений человеческого рода?.....	137
2. Был ли групповой брак первоначальной формой брака?.....	140
3. Была ли первоначальной классификационная система родства?.....	142
4. Был ли матриархат первоначальной и всеобщей стадией развития?.....	142
5. Был ли патриархат первоначальной стадией развития?.....	146
6. Был ли тотемизм первоначальной и всеобщей стадией развития и был ли он связан с первоначальной формой семьи и системой родства?.....	148
7. Была ли полигамия первоначальной и всеобщей стадией развития?.....	150
8. Была ли моногамия первоначальной формой брака?.....	151
9. Первоначальная форма брака в роде человеческом как результат отбора.....	154

Аристократия и раса.....	159
---------------------------------	------------

Платон как хранитель жизни

Мысли Платона об отборе и воспитании и их значение для современности..	194
Урбанизация и ее опасности для народа и государства	227

Выбор супружеской пары для счастья в браке

и улучшения наследственности.....	259
--	------------

Введение. Неправильный выбор супружеских пар как одна из главных причин распада браков в наше время.....	259
Разводы	261
Выбор супружеских пар как процесс отбора	262
Выбор супружеской пары по идеальным качествам	264
Часть 1. Выбор супружеской пары для счастья в браке.....	266
Брачный возраст	266
Разница в возрасте между мужем и женой.....	268
Прослойка и сословие	269
Биологический уровень и природное равенство	272
Значение физической красоты с точки зрения законов жизни.....	274
Пробуждение и воспитание чувства красоты.....	277
Идеальный образ при выборе супружеской пары и красота	278
Влияния, мешающие правильному выбору	279
Влюбленность.....	279
Романтическая любовь	281
Скоропалительные браки	282
Городская жизнь.....	283
Совместное обучение.....	283
Родительский дом	284
Разлад в сексуальных чувствах.....	285
Слишком мужественные мужчины	286
Самоотверженные женщины	286
Противоречие между двумя идеалами.....	287
Принадлежность к разным вероисповеданиям, ханжество.....	289
Как мужчина и женщина взаимно дополняют друг друга.	
Противоположные и сходные черты характеров.....	290
Различные учения о взаимном дополнении.....	292
Как избежать браков между людьми, не дополняющими друг друга	297
Взаимное дополнение и одинаковый уровень	297
Идеал способного, благородного и красивого человека	
Задача преподавания, поэзии и изобразительного искусства.....	298
Образы девушек и женщин в произведениях Шекспира	298
Здоровое отношение Шекспира к сексу.....	299

Люди, которые не должны вступать в брак.....	300
Люди с гомосексуальными наклонностями.....	300
Те, кто ищет в браке средство исцеления.....	301
Люди с расстроенными или грубыми сексуальными чувствами.....	302
Женщины, лишённые материнских инстинктов.....	302
Духовные бродяги.....	302
Кабинетные ученые, исправители мира, лутаники.....	303
Истеричные и невыносимые люди.....	303
Сверхуточенные и сверхчувствительные люди.....	303
Наследственно неполноценные люди.....	304
Люди, к которым нужно относиться с осторожностью, и люди, с которыми не следует вступать в брак.....	304
Венерические заболевания, рахит, диабет, тяжелые нарушения обмена веществ.....	305
Феминистки.....	305
Неженственные женщины.....	305
Эгоцентричные люди.....	306
Некоторые художники и художницы.....	306
Мужчины, которые быстро делают карьеру.....	308
Неполноценные и антиобщественные элементы, люди с заразными болезнями.....	308
Чрезмерно замкнутые, чопорные и тяжелые люди.....	309
Люди, которые считают себя непонятыми, духовно и душевно больные.....	310
Прожекторы и мошенники.....	310
Слабоумные девицы.....	311
Часть 2. Выбор супружеской пары для получения здорового потомства.....	312
Применение учения о наследственности в целях отбора.....	312
Как избежать брака с наследственно неполноценными людьми.....	312
Оценка наследственности семьи и отдельной личности.....	313
Оценка средней наследственной ценности семьи.....	315
Брак с наследниками.....	316
Браки между родственниками.....	316
Предотвращение брачного родства наследственно здоровых семей с наследственно больными людьми.....	319
Обмен свидетельствами о здоровье перед обручением.....	319
Из сборника статей «Воспитание аристократических родов и формирование правящей аристократии».....	322

В книжной серии «**БИБЛИОТЕКА РАСОВОЙ МЫСЛИ**»
в наличии имеются книги:

Эрих Крик. Преодоление идеализма. Основы расовой педагогики

Данное издание представляет собой сборник лучших работ Эрнста Крика (1882-1947), одного из крупнейших немецких философов XX века. Прямой продолжатель Фридриха Ницше, он развивал направление, получившее название «философия жизни».

Философия вождизма. Хрестоматия

По каким именно физическим кондициям следует распознавать вождя? Как правильно выстроить иерархию психологического общения с начальниками и подчиненными? Как достичь максимальной консолидации национального духа? Как поднять уровень эффективности управления сложной административно-политической системой? Как из трусливого и недисциплинированного сборища новобранцев создать совершенную, боеспособную армию нового типа?

Савельев А.Н. Образ врага. Расология и политическая антропология

Это синтези научных знаний в области физической антропологии, расологии, истории, политологии, философии, объёмный взгляд исследователя на ключевые проблемы современности.

Раса и мировоззрение. Сборник оригинальных философских работ под редакцией В.Б. Авдеева.

Ни в советской, ни в современной российской философии не существовало и не существует до сих пор единого стандартизированного определения понятия «мировоззрение» так, как это принято в других развитых философских традициях. Между тем, это одно из ключевых понятий, без которого не представляется возможным говорить о самостоятельной национальной школе мысли. В отечественной литературе вообще нет работ, освещающих проблему взаимоотношения расы и её мировоззрения. Именно эту лауну и призвана выполнить эта хрестоматия, составленная из лучших работ немецких учёных, так как в Германии этому направлению уделялось

большое внимание. Мировоззрение в концентрированной форме отражает систему ценностей, выработанных расой в процессе эволюционной борьбы за существование. Поэтому для национальной безопасности России очень важно строить собственное мировоззрение по академическим стандартам науки, чтобы не впадать в губительные заблуждения, которыми полна наша история.

Авдеев В. Б. История английской расологии. Критическое исследование.

Данное издание является первым в мире систематическим описанием на русском языке основ английской классической расовой теории. Исследование основано на уникальных первоисточниках, неизвестных даже узкому кругу специалистов как у нас в стране, так и за рубежом.

Традиционный европейский энциклопедический стиль подачи материала в сочетании с русской художественной образностью изложения способствует усвоению обширной информации. Обилие портретов учёных и редких иллюстраций призвано помочь составить максимально полное впечатление о мало известном культурно-историческом явлении. Книга помогает дать ответ на вопрос: как же так получилось, что на рубеже второго и третьего тысячелетий большей частью человечества именно английский используется в качестве международного языка общения.

Предназначена для всех интересующихся вопросами истории, культурологии, антропологии, психологии и смежных дисциплин, а также для широкого круга читателей.

«БЕЛЫЕ АЛБЫ»

Книги для просвещённых людей

- А. Тарунин** Сакральный символ. История свастики. Цветной альбом. Подарочное издание. — 2009. — 592 с.: ил.
- Марина Качаева.** Сокровища русского орнамента. Цветной альбом. — 2010. — 208 с.: ил.
- Марина Качаева.** Сокровища русского орнамента. Книга 2. Цветной альбом. — 2011. — 168 с.: ил.
- Платон Лукашевич** Чаромутие. Язык магов, волхвов и жрецов. Репринтное издание. (1846 г.) — 2008. — 144 с.: ил.
- Платон Лукашевич** Древняя Ассирия и Древняя Русь. Дешифровка праязыка. Репринтное издание. — 2009. — 280 с.
- Праязык.** Опыт реконструкции / Сборник. работ. — 2010. — 272 с.: ил.
- В.Н. Василев** Происхождение русского слова. — 2011. — 248 с.:
- Н.Р. Гусева** Арии и древнеарийские традиции. — 2010. 240 с.: ил.
- Мавро Орбини** Початие имене, славы и разширения на-рода славянского и ихъ Царей и Владетелей под многими именами и со многими Царствами, Королевствами и Привинциями. Репринтное издание 1722 г. — 2010. — 368 с.
- М.В. Ломоносов** Древняя история российского народа... Репринт. Издание третье. — 2011. 3-е изд. — 192 с.
- Егор Классен** Новые материалы для древнейшей история славян вообще и Славянов-Руссов до юриковского времени в особенности с легким очерком истории руссов до Рождест-ва Христова. Выпуски 1—3. 1854—1861. Изд. 4-е. — 2011. — 320 с.: ил.
- Н.А. Рубакин** Миллионы лет истории русской земли. — 2009. — 368 с.: ил.
- А.Ф. Черняев** Золотые сажени Древней Руси. 3-е изд. — 2011. — 140 с.: ил.
- А.Ф. Черняев** Русская механика. Популярное излож.. — 2011. — 148 с.: ил.
- В.В. Брунов** Дар руссов. — 2011. — 104 с.: ил.
- Праведы.** Древнее священное знание северных волхвов. Изд. 3-е. — 2007. — 624 с.: ил.
- ОБРАЗ.** Целое Знание от Господа Который Пришёл (Продолжение Правед). — 2008. — 312 с.
- Юрий Глазырин, Роман Волков** Пробуждение. Книга 1. Серия «Хранитель». — 2010. — 448 с.
- В.И. Симоненков** Мифы о языческой богине Софии (Цветная вклейка). — 2009. — 264 с.: ил.
- Виктор Воронов** Правда о первой лжи. Или семь спо-собов получения истины. — 2009. — 256 с.
- Радой Саян** Путь Лебеда. Родовое ведание. Практики-радения. — 2011. — 160 с.
- Архивариус.** Война миров. Том 1. — 2011. — 560 с.: ил.

Книги издательства «БЕЛЫЕ АЛЬВЫ»

можно приобрести:

В Москве — в книжных магазинах «Молодая Гвардия», «Библио-Глобус», «Москва», «Русское зарубежье», «Путь к себе», в редакции газеты «Русский Вестник», в книжном клубе в СК «Олимпийский» (1 этаж — места 109, 16, 2 этаж — место 259, 3 этаж — места 130, 131).
В С.-Петербурге — через редакцию газеты «За русское дело» (198103, С.-Петербург, а/я 170, e-mail: zrdspb@gmail.com);
В Екатеринбурге — тел. 8-922-132-69-94
В Вологде — тел. (8172) 75-4322, 75-2143.
В Архангельске — (8182) 65-38-02, в книжном магазине: Новгородский пр-т, 32.
В Краснодаре — 8-960-49-49-820
В Минске — 8-029-401-97-09.
В Украине — zubr01@yandex.ru, 8-099-602-78-77.

Ганс Ф.К. Гюнтер

РОДОВЕДЕНИЕ

НАУКА О СЕМЬЕ

Научно-популярное издание

Компьютерная верстка В. Санкин

Редактор С.Н. Удалова

Подписано в печать 07.08.2011 Формат 84 x 108 / 32

Печать офсетная Печ.л. 10,5 Заказ 1356 Тираж 2000

Издательство «Белые альвы» 109542, Москва а/я 44, С.Н. Удаловой

Тел. (499) 235-8797 lebedy@gmail.com

Интернет-магазин: shop.influx.ru

Отпечатано в соответствии с качеством

предоставленных диапозитивов

в ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие «Правда Севера»,
163002, г. Архангельск, пр. Новгородский, 32.

Тел./факс (8182) 64-14-54, тел.: (8182) 65-37-65, 65-38-78

www.ippps.ru, e-mail: zakaz@ippps.ru

БИБЛИОТЕКА
РАСОВОЙ
МЫСЛИ

ISBN 978-5-91464-049-8

